

ВЕСТНИК

МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO

Review of International
Relations

• 15(3) • 2022

Журнал индексируется в следующих
системах и каталогах Scopus, Web of Science, РИНЦ,
Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук, руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

<http://www.vestnik.mgimo.ru/>

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14.
Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Беленков В.Е., Гожина А.В.,
Захарова Е.А., Кузнецов Д.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО
МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 16,45 усл. п.л. Заказ № ____

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of
Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and
Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregistered ПИ № ФС77-
69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14.
Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.

ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Дифференциация мировой политики

- 7 Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. – International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey
- 39 Стрежнева М.В. – Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита
- 61 Хахалкина Е.В., Мунько А.В. – «Быстрее, выше, сильнее – вместе»: кризис мирового спортивного движения в контексте пандемии и проблемы расизма
- 77 Тимофеева Ю.А. – «Антидипломатия» Ж. Болсонару
- 98 Михайленко Е.Б., Порядина Е.С. – Роль Движения неприсоединения в рамках переговорного процесса ДНЯО

Турция в мировой политике

- 115 Графов Д.Б. – Стратегия балансирования во внешней политике Турции
- 143 Аватков В.А., Сбитнева А.И. – Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития
- 175 Mehmetcik H., Salihi E. – To Be or Not to Be: Twitter Presence among Turkish Diplomats

Экономическое измерение глобальных и национальных процессов

- 202 Борисов А.Н., Бородин А.И., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Сагатгареев Э.Р. – Управление инвестиционной привлекательностью субъектов Российской Федерации в контексте достижения целей устойчивого развития ООН
- 231 Семякин М.Н., Губарева А.В., Степкин С.П. – Проблемы правового регулирования экономических процессов на макроуровне

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

- 250 Алексеева Т.А. – Будущее России глазами политолога
- 262 Гудалов Н.Н. – До Вестфalia: история международных отношений ante litteram
- 279 Ксензенко О.А. – Политика постправды: евроскептицизм в политическом дискурсе итальянской и британской прессы

Table of Contents • 15(3) • 2022

RESEARCH ARTICLES

Differentiation of world politics

- 7 Nesmashnyi A.D., Zhornist V.M., Safranchuk I.A. – International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of An Expert Survey
- 39 Strezhneva M.V. – Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit
- 61 Khakhalkina E.V., Munko A.V. – “Faster, Higher, Stronger – Together”? the Crisis of the World Sports Movement in the Context of the Pandemic and the Problem of Racism
- 77 Timofeeva J.A. – Bolsonaro’s ‘Anti-Diplomacy’
- 98 Mikhaylenko E.B., Poriadina E.S. – The Non-Aligned Movement and the NPT Review Process

Turkey in world politics

- 115 Grafov D.B. – Strategy of Balancing in Turkish Foreign Policy
- 143 Avatkov V.A., Sbitneva A.I. – Transformation of Turkey’s Anti-Terrorism Policy under the AKP
- 175 Mehmetcik H., Salihi E. – To Be or Not to Be: Twitter Presence among Turkish Diplomats

Economic dimension of global and national processes

- 202 Borisov A.N., Borodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I., Sagatgareev E.R. – Managing the Investment Attractiveness of the Federal Subjects of Russia in the Context of the UN Sustainable Development Goals
- 231 Semyakin M.N., Gubareva A.V., Stepkin S.P. – Legal Regulation of Economic Processes at the Macro Level

BOOK REVIEWS

- 250 Alekseeva T.A. – The Future of Russia through the Eyes of Political Scientist
- 262 Gudalov N.N. – Before Westphalia: a History of International Relations ante litteram
- 279 Ksenzenko O.A. – Post-Truth politics: Euroscepticism in the Political Discourse of The Italian and British Press

International Hierarchy and Functional Differentiation of States: Results of an Expert Survey

A.D. Nesmashnyi, V.M. Zhornist, I.A. Safranchuk

MGIMO University

*"Power, like love, is easier to experience than to define or measure."
Joseph Nye (1990: 25)*

Abstract: This article investigates the existing international hierarchy employing expert survey as its primary method. 'Authority hierarchy' and 'power status hierarchy,' the two existing research traditions of hierarchy studies, are briefly introduced. We demonstrate a gap between basic research on power status, emphasizing its social nature, and applied case studies, primarily relying on purely material indicators of a country's capabilities, such as the GDP and CINC. In times of rapid hierarchical shifts, there is a need for a more nuanced and holistic approach. The article suggests placing hierarchy studies onto the ontological foundation of Niklas Luhmann's Differentiation Theory to overcome these problems. The article gives a brief account of the international society's segmentary differentiation, stratificatory differentiation (status hierarchy), and functional differentiation (specialization). The paper argues that the functional roles of states and their positions in the international hierarchy are interconnected. The hierarchy of states' roles, resulting from functional differentiation, is understood in terms of authority hierarchy. In order to lay the ground for further research, the article provides three valuable insights into the international hierarchy. Firstly, we categorize 26 countries as belonging to one of the power status categories (small power, middle power, great power, superpower) as of autumn 2021 based on the survey results. We calculate indices for the states in the survey operationalizing their power, roles, public goods provision, and revisionism. Secondly, the paper presents experts' evaluations of the importance of various valued attributes (such as the size of the economy, military might, international prestige, autonomy, etc.) for different power status categories. Thirdly, we suggest a novel approach linking a country's position in the international hierarchy to its functional roles. We use correlation analysis to test the hypothesis and compare the roles index to other popular power status indicators.

Keywords: Sociology, Luhmann, New Systems Theory, power status, valued attributes, Differentiation Theory, authority

Despite International Relations (IR) theory's long-standing focus on anarchy, many recent studies have brought forward the concept of. Following them, this paper deals with the origins of the *international hierarchy*. As the international order is undergoing a profound transformation, there is a growing need to understand shifts in international hierarchy. However, existing approaches to hierarchy lack consistency, and this study aims to improve them.

The article has two theoretical sections. The first one reviews the literature on theoretical approaches to hierarchy, emphasizing existing gaps, methodological and ontological problems. In order to bridge these gaps, the second section anchors the study of international hierarchy to New Systems Theory, which applies Niklas Luhmann's Differentiation Theory to IR. We hypothesize that the states' roles in functional domains of international society and their position in the current international hierarchy are interdependent. The third and fourth sections outline the methodology (expert survey) and present the results of this study. The hypothesis is tested and compared with several alternative hypotheses. The final section presents an 'impactful role' criterion and outlines a possible framework for integrating existing international hierarchy approaches.

Hierarchy in an Anarchic International System

Anarchy has long been treated as one of the main distinguishing features of IR (Waltz 1979: 88-89; Wendt 1992; Bull 1995: 57) and even its 'core constituent principle' (Walker 1993: 171). It was perceived as the main obstacle to international cooperation (Oye 1985; Axelrod Keohane 1985) and a source of conflict (Osgood, Tucker 1967: 13; Waltz 2001: 159-186) among nations. Unlike people, who 'signed' a social contract to break away from anarchy, sovereign states seemed to be bound to exist in their natural state (Wight, 1960). However, in the 1990s the Neorealist-Neoliberal debate led many to believe that cooperation was possible among states in an anarchical system and questioned the existence of anarchy as an IR assumption (Milner 1991; Powell 1994; Lake 1996). In the same decade, R.B.J.Walker (1993: 151-152, 164) proclaimed the normative inferiority of anarchy, in a way following the English School tradition (Bull, 1981).

The concept of anarchy was stripped of much of its meaning to deal with the criticism. Jack Donelly (Donelly 2015) pointed out that even the most prominent IR authors, including Kenneth Waltz, confused two distinct understandings of anarchy: 'absence of hierarchy' and 'absence of an international government.' While the latter has some practical use, albeit limited, as it can serve for demarcation purposes, the former is primarily false and can produce nothing but erroneous predictions. Although states are legally equal, they are intrinsically differentiated to a point where the differences in their characteristics, status, and power determine the structure of their relations within the international relations system, forming a hierarchy. Even Waltz (Waltz 1967) pointed out that 'inequality is inherent in the state system' and 'cannot be removed.'

This narrower interpretation of anarchy leaves space for the study of international hierarchy. Before, the long-standing emphasis on anarchy overshadowed the fact that inequality and hierarchy among states exist and determine much of the interstate relations. The contemporary study of hierarchy in IR stems from occasional publications on state inequality, classifying states into small, middle, great powers, and superpowers (Glazebrook 1947; Organski 1958: 326, 330; Vandenbosch 1964; Vital 1967; Kaiser 1968; Keohane 1969; Wallace 1971; Vayrynen 1971; Holbraad 1984). This literature lays the foundation for the power status and hierarchy research tradition, but until the 1990s, they were peripheral to the mainstream debates and did not form a full-fledged research program. At the time the study of hierarchy was hardly systemic. In an early attempt, David Lake (Lake 1996) suggested classifying security arrangements by the intrinsic hierarchy level (alliance/ protectorate/ informal empire/ empire), inaugurating a novel research program.

The road from oblivion to prominence took two decades: in 2016, Janice Bially Mattern and Ayse Zarakol (Zarakol 2016) proclaimed in an International Organization article that "hierarchies are a ubiquitous feature of international <...> politics". Zarakol (Zarakol 2017) identifies two contemporary strains of hierarchy studies, which could be labeled "authority hierarchy" and "power status hierarchy"¹ (see Table 1).

The first tradition adopts a definition of hierarchy as 'legitimate authority' (Zarakol 2017: 4), which brings it closer to hegemony studies². It focuses on relations of subordination and superordination between actors and deals with the origins of hierarchy. John Ikenberry and Daniel Nexon (Nexon 2019), representatives of this vein of thought, unhesitatingly put hierarchy research inside the hegemony research program. As in the case of hegemony, public goods provision is essential to understanding the origins of hierarchy.

Within this tradition, the Critical Theory, postcolonial and Neo-Marxist accounts of international hierarchy occupy a special place, as they depart from the narrow definition and consider hierarchy the main constituting principle of social relations, not just IR. For critical theories, the description of existing hierarchies is a way to dismantle them. Carlos Escudé (Escudé 1998), an Argentinian pioneer of hierarchy research, can also be regarded as an 'Authority hierarchy' theorist. According to Escudé the world was organized in a proto-hierarchy among states 1) setting the rules, 2) following them and 3) rebelling against them (Escudé 2012). Following in the same tradition, Donnelly (Donnelly 2006) identified multiple hierarchy systems in IR (Balance of Power, Protection, Concert, Collective Security, Hegemony, Dominion, Empire, Security Community).

¹ In this context, 'power' is mostly understood in a narrow sense as 'a person, organization, or country that has control over others, often because of wealth, importance, or great military strength,' see Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/power> (accessed 05.07.22).

² Compare it with the definition of hegemony in a recent edition: 'legitimated rule by dominant power' (Dutkiewicz et al. 2020: 1)

Table 1. Hierarchy research traditions

Hierarchy research tradition	Authority hierarchy	Power status hierarchy
Drivers of hierarchy	International ordering	Inequality between actors
School of thought	Neoliberalism / Critical theory, Neo-Marxism	Constructivism, Realism
Positions inside hierarchy	Subordination and superordination	Microstates, small powers, middle powers, great powers, superpowers
Predominant approach to power	Relational power	Power-as-resources
Rationale for hierarchy	Order for autonomy bargain / None	"The weak suffer what they must"
Source of hierarchy	Deliberate actions / deep structure (for critical theory and Neo-Marxism)	International socialization and capabilities inequality
Number of hierarchies	Multiple (possibly overlapping) hierarchies	One universal hierarchy, several regional hierarchies
Prominent scholars	D.Lake, J.Ikenberry, C.Escude, J.Donnelly, M.Bukovansky, D.C.Kang, E.Keene, I.Wallerstein, A.Cooley, K.Weber	T.V.Paul, D.W.Larson, A.Shevchenko, R.Adler-Nissen, A.Zarakol, T.J.Volgy, B.Buzan
Research questions	What is the nature of hierarchy? What is hierarchy made of? How is hierarchy made? Where does hierarchy come from?	How do actors exist in hierarchies? How do actors use/ navigate/ reproduce/ resist/ escape existing hierarchies? How do existing hierarchies function? How are existing hierarchies sustained or dismantled?

Composed by authors based on Zarakol (Zarakol 2017).

The second tradition builds upon the differentiation of states into traditional power categories under the assumption that those reflect the actual status of states. It focuses on the mechanisms of status adjustment and accommodation, interpreting status as 'collective beliefs about a given state's ranking on valued attributes (wealth, coercive capabilities, culture, demographic position, sociopolitical organization, and diplomatic clout)' (Paul et al. 2014: 5-7). The valued attributes are the power status criteria brought forward by academia and practitioners.

Although somehow related to capabilities, status is a social construct. As David J. Singer and Melvin Small (Singer, Small 1966) put it, "status may correlate with certain inherent and objective properties, capabilities, or skills of the actor in question, [but] it need not." For instance, as Baldev Raj Nayar and T.V. Paul (Nayar, Paul 2003: 8) argue, there is a built-in status quo bias in the international power hierarchy, impeding the ascension of new major powers.

Power status rests upon the recognition of others. Still, it is indirectly tied to material capacities, as most valued attributes are material and measurable. The problem with valued attributes is that they change over time and are historically dependent. There are multiple approaches to determining valued attributes. Assessing whether Russia is a great power, Barry Buzan (Buzan 2021) refers to such criteria as a military power (including nuclear weapons and delivery capabilities), territory, UN Security Council membership, foreign development assistance, GDP, demography, networks of friends and allies, contribution to climate adaptation. According to Tatyana A. Shakleina (Shakleina 2011), the set of great power criteria comprises territory, natural resources, demography, military capabilities, the size of the economy, access to advanced

technologies, level of scientific development, access to education, cultural development, the tradition of acting and thinking globally.

Today the international hierarchy is undergoing a major transformation: the US hegemonic decline³ destabilizes the international order, the rise of middle powers brings forward new key actors (Montgomery 2016) with new assertive strategies (Sucu et al. 2021). Power status debates are also of some interest to practitioners since there is a general understanding that states are interested in elevating their power status (Bratersky 2018; Wohlforth et al. 2018; Volynchuk A.B., Volynchuk Y.A. 2018; Bratersky et al. 2021). Consequently, there is a growing need to operationalize and investigate current changes in the power status hierarchy. Still, despite many attempts, there are no universal criteria for hierarchy. While in a case study, several valued attributes can be used, in large-N research, scholars generally have to rely on⁴ capability measures including the widely criticized but still widely used GDP, a GDP * GDP per capita measure (Beckley 2018), the Composite Index of National Capability – CINC (Singer et al. 1972), the Aggregated potential index (Melville, Mironyuk 2020) and others.

The multifactorial analysis demonstrates constant fluctuations among tier-two powers (Artyushkin et al. 2021), which are counterintuitive since the power status change is usually gradual and does not occur too often. Theoretical insights on the importance of recognition and the social nature of status are hardly transformed into applied research, especially papers relying on quantitative large-N analysis. Even some papers that deliberately develop constructivist notions of power status rely on material parameters (Gorelskiy, Mironyuk 2019). There are a few exceptions, all connected to the study of diplomatic relations. Among those an early work by Singer and Small (Singer, Small 1966), a ground-breaking book on security implications of the status deficit by Jonathan Renshon (Renshon 2017) pursuing a network approach, a paper which uses the centrality of a state in the network of embassies as a measure of status by Marina G. Duque (Duque 2018) and a work by Denis A. Degterev, Aleksei S. Butorov (Degterev, Butorov 2018). However, *diplomatic embeddedness* is not a direct measure of status but rather a consequence of high status. Hence, although it sometimes seems to perform better than capability-based approaches, it can misguide the researcher as other variables interfere. For instance, one of the papers mentioned above ranks contemporary Belgium second in the status comparison right behind the US.

There is no universal guide on which parameters to use so as to determine whether a state is a great power, a middle power, or belongs to some other category. This has led to the emergence of multiple theoretical rather than merely methodological approaches, which sometimes provide conflicting assessments (Sucu 2021). For instance, there are at least four influential approaches to identifying middle powers: functional,

³ While some authors still contend with the erosion of American hegemony (Schweller, Pu 2011) or its scale (Germain 2020; Schmidt 2020), most treat it as a fact (Cooley, Nexon 2020; Wohlforth 2021). At least, a complex hegemony is no longer possible today (Safranchuk et al. 2021).

⁴ For some examples of such analysis, see: (Bijan 2005; Xuetong 2006; Komleva 2010; Thompson 2011).

behavioral, hierarchical (or positional) (Chapnick 1999), and, more recently, ideational (Gecelovsky 2009; Carr 2014).

The functional approach measures middle powers' capabilities at exerting their influence and assuming responsibility in international relations (Chapnik 1999). The behavioral approach, labeling middle powers by their policies, was best described by Robert Cox: "the middle power is a role in search of an actor" (Cox 1989). In other words, to comply with the status of a middle power, states have to meet certain expectations, conduct a multilateral foreign policy, seek conflict resolution via compromise, and employ 'good international citizen' diplomacy (Cooper et al., 1993: 19). The hierarchical approach measures a state's position in the international hierarchy based on its material capabilities⁵. The ideational approach as proposed by Andrew Carr (Carr 2014), postulates that middlepowermanship rests on a state's self-identity as a middle power.

Furthermore, A.F. Cooper, R.A. Higgott, and K.R. Nossal (Cooper, Higgott, Nossal 1993) described a geographic approach tying middlepowermanship to the national geography, and a normative approach giving ethical evaluations of middle powers and placing them above great and small powers, since they are perceived as states pursuing predominantly benevolent behavior for the sake of others (Carr 2014). Despite relatively low popularity among scholars, the normative approach was partly incorporated into the behavioral approach, manifesting in idealism in analyzing middle power behavior (Carr, 2014).

Nevertheless, some scholars have attempted to reduce the discrepancies between those approaches. Setting aside the numerous traditional approaches, A. Carr (Carr 2014) proposed to break down the analysis of states into investigating their position (material capabilities, e.g., GDP), behavior (diplomacy and activities in conflict resolution), and identity. Still, there is no consensus on middle power definition and criteria, although there is some progress. Today's middle power research agenda indicates deep ontological lacunas within the power status hierarchy (between rationalism and reflectivism), which impede the integration of approaches based on qualitatively different premises.

Another problem with power status hierarchy is the lack of objective thresholds for different power categories. No precise GDP figure alone would classify a state as a great power or a country in transition from one status to another. Working with relative indicators and rankings facilitates the task but does not provide clear thresholds. There is no way to unequivocally deduce such a figure from expert judgments since they will reveal no clear threshold between a great and a middle power in terms of GDP and more complex composite indices.

Besides, the existing approaches to hierarchy fail to explain how functional roles in the international system influence hierarchy of states (if they do at all). Contrary to Waltz's arguments, specialization in international relations is becoming more and

⁵ Wood B., 1987. Middle powers in the international system: a preliminary assessment of potential. – Helsinki, Finland: WIDER, 49 p.

more vivid. These traditions might be making a mistake of not considering the implications of such specialization for hierarchy. Thus, as we intend to prove, the existing approaches are reducing the validity of the evaluations and predictions scholars make.

As there are significant problems in both approaches to measuring power status and explaining the modern international relations system, the hierarchy studies seem ripe for some theoretical synthesis. Combining the two approaches to hierarchy can help refine the measurements and open up new avenues for predictions of changes.

This paper builds on the power status tradition in the choice of the dependent variable but posits a research question that is more suitable to 'authority hierarchy': what determines a state's power status? In addition, the article aims to find out which criteria are more relevant to the applied research on status in international relations. Also, this study will provide a current assessment of some states' positions in the international hierarchy.

The article will bring closer the two existing traditions of hierarchy research. To do so, we should anchor the study of international hierarchy to a systemic approach that would accommodate both traditions into a single framework. Luhmann's Differentiation Theory (Buzan, Albert 2010) is apt for the task, especially given its focus on stratification and functional differentiation, reflecting hierarchy and specialization in IR. Luhmann's theory has recently been used to reconfigure the study of middle powers by Sarah Teo (Teo 2021) and produced promising results. This study aims at creating a single approach, applying Differentiation Theory to the study of International Hierarchy, which would not be limited to one power status category.

Social Differentiation as a Theoretical Framework for the Study of International Hierarchy

According to one of the Sociological schools of thought, the development of any social system is the result of its differentiation, meaning "reduplication of the difference between a system and the environment within a system" (Luhmann 1967). As a result of such differentiation, "facts, events and problems obtain a multiplicity of meanings in different perspectives" (Luhmann 1982: 231). Niklas Luhmann identified three possible forms of differentiation: segmentation, stratification, and functional differentiation (Luhmann 1982: 232).

Segmentation produces the division of a social system into equal subsystems. Inequalities of potentials and 'communication chances,' as Luhmann would put it, might exist but do not yet fulfill any systemic function. As the system develops, these inequalities produce qualitative changes, the system becomes stratified, and symbolic practices reflect the emerging hierarchy. This inequality fosters communication among the upper-class subsystems. Still, equality persists as the 'principle defining the identity of subsystems' (Luhmann 1982: 234).

Functional differentiation or specialization is the most advanced form of differentiation, which occurs when the communication processes are organized 'around spe-

cial functions to be fulfilled at the level of society' (Luhmann 1982: 236). No functional sphere would have absolute primacy over the others since 'all necessary functions must be fulfilled and are interdependent.' According to Luhmann, three consecutive stages of functional differentiation exist: a) multiple roles appear, b) complementary service-receiving roles appear (e.g., pupil for teacher, a parishioner for a cleric)⁶, c) functionally specialized communications become subsystems (e.g., education, religion). Subsystems in a functionally differentiated society obtain specific characteristics. The communications inside them are organized around certain core notions (i.e., 'public' and 'power' for politics, 'wealth' for economy, 'faith' for religion, etc.). As Luhmann argues: "roles organize their complementary expectations around a specific function."

Functional differentiation alters both segmentation and stratification. As Barry Buzan and Mathias Albert (Buzan, Albert 2011) explain, "'Functional specification' means basically that in modernity, politics, the economy, law, art, science, etc., emerge as relatively autonomous realms of society. This specification over time becomes more important than specifications according to status (as in stratified societies) or place (as in segmented ones)". Luhmann argued that functional differentiation shifts "the distribution of equality and inequality," i.e., alters the system's stratification (Luhmann 1982: 236). Strikingly relevant to IR, he also stressed that "a functionally differentiated society ... will become or will have to pretend to be *a society of equals*" (Luhmann 1982: 237).

There is no single history of international society, but rather multiple histories of international societies, which emerged, transformed, and then disappeared. Instead of giving accounts of ancient civilizations, this section will focus on the traditional Europe-centered history of modern society to demonstrate how different forms of differentiation transform the society based on well-known examples. Also, as Mathias Albert noticed, "neither historically nor in the contemporary world, should we see forms of differentiation as mutually exclusive. Most forms of differentiation can be found in most forms of society most of the time" (Albert 2016: 62).

As for segmentation, the subsystems comprising the international society, are national/territorial states, which have emerged as the main social, organizational structure in Europe in the 17th century, with sovereign equality becoming the system's organizing principle (Buzan, Albert 2010; Albert 2016: 124-125). Historical sociology provides extensive literature on segmentation of international relations⁷. For the Differentiation Theory, the nature of the 17th-century state is not as important. What matters, though, is its universal character, since Trade Republics, Monastic Orders or

⁶ It should be noted that such dual roles usually establish relations of subordination and superordination as studied by the authority hierarchy.

⁷ Max Weber tied modernization with Protestant ethics. Charles Tilly showed how violence and tax-collection produced the modern state. Michael Mann emphasized political, economic, military, and ideological power. Richard Lachman put the elite struggle at the forefront of modern state formation. Benno Teshke analyzed the slow process (16-17th cc.) of transforming a feudal state into an absolutist state, although he disputed that a 17th-century state could be characterized as modern.

the Catholic Church⁸ and other segmentary subsystems have ceased to play an essential role in international relations. Using an English School term, they were mostly excluded from the international society (Clark 2005: 38).

If there were a single event marking the transition of the international society towards stratification, it would be the 1814-1815 Vienna Congress. The great powers embodied by their monarchs decided the fate of Europe in a series of communicative acts (mostly during parties, using the modern language). From then on, it is possible to observe an international hierarchy, although quite simple⁹. It had arguably only two or three levels: great power, civilized state, and uncivilized state¹⁰. The Congress also established discriminatory practices of diplomatic communications via the Vienna Protocol of 1815 and Aachen Protocol of 1818: only the Great Powers exchanged ambassadors, while other states assigned lower-rank diplomats¹¹. As a League of Nations Committee characterized that system, 'the real desire of the signatory parties at Vienna was ... to ensure an exclusive rank for the representatives of the great powers' (Jayne 1927). These symbolic practices are something Luhmann would expect from a stratified system. Incipient functional differences appear in the form of special responsibilities of great powers (something Waltz (Waltz 1979: 198) would endorse), although they do not yet perform any systemic function.

As the basis for communications between great powers, the congress system persisted for most of the century (1814-1815 Vienna Congress, 1856 Paris Congress, 1878 Berlin Congress). Also, in the 19th century, universal valued attributes for international status emerged (naval capabilities, possession of colonies). Once the congress system became obsolete, the systemic function of enhancing communications between subsystems with higher status was replicated with permanent members of the Council of the League of Nations (1920-1946) and the permanent members of the UN Security Council (from 1945). Thus, multilateral communication between great powers became permanent.

Also, in the 19th century, the 'world power' (German '*Weltmacht*') category emerged as a higher-strata alternative to the category of 'great power'¹². After WWII, the 'world power' category was partially replaced with the 'superpower' moniker. Although not enshrined in any official documents (since sovereign equality impedes formal declaration of hierarchy), the concept is not infrequent in political

⁸ However, the Holy See and the Sovereign Military Hospitaller Order of Saint John of Jerusalem, Rhodes, and Malta have continued to exist. Despite playing a marginal role in international politics, the Holy See enjoys a unique status that does not fit the interstate hierarchy. For instance, main international agreements on diplomatic representation (Vienna Protocol of 1815 and Vienna Convention of 1961) stipulate special status for Holy See's diplomatic representatives (apostolic nuncio). Their status can be even higher than that of ambassador, since in some countries, nuncio, rather the longest-serving diplomat, is the head of diplomatic corps.

⁹ Notably, the European Mediaeval society enjoyed a very formal status hierarchy between, for instance, Dutchies, Kingdoms, and Empires. However, with the collapse of the Feudal society, that stratification also became obsolete.

¹⁰ For an extensive analysis of the 19th century 'Standard of civilization' see Linklater (Linklater 2016, 2021).

¹¹ Zonova T.V. 2014 *Diplomatija: Modeli, Formy, Metody* [Diplomacy: Models, Forms and Methods]. P. 53. (In Russian).

¹² Müller T. The structure of status hierarchies: High Imperialism and great power status, the 1860s to 1930s. EISA 2021, Panel "Status, Competition, Rise and Decline in the Empire-System 1856-1955". September 2021. Also see Zonova T.V. 2014 *Diplomatija: Modeli, Formy, Metody* [Diplomacy: Models, Forms and Methods]. P. 53. (In Russian).

discourse¹³. Nuclear weapons and an alliance network (the Soviet and the Western blocs) became new valued attributes. Enhanced communications between the superpowers were established in 1963 with Washington–Moscow Direct Communications Link¹⁴. It was in the post-war era that the middle power category also emerged to serve as an identity of several states¹⁵. Thus, the international hierarchy became more complex.

Waltz famously discarded any possibility of functional differences among states (Waltz 1979: 96-97). The differentiation-inspired strand of IR argues that there is a functional differentiation of international society, albeit not among states. There is a strong opinion for a need to "move away from state-centric models of international system/ society towards ones where non-state actors, whether firms or civil society associations and even individuals have standing as units" (Buzan, Albert 2010) in order to find functionally differentiated subsystems. This notion is reinforced with the overall anti-rationalist impulse in IR and International Political Economy literature, which permeates the hierarchy studies (Cooley 2003). The arguments concerning the functional differentiation of international society revolve around international institutions and bureaucracy becoming somewhere in the 19th century the 'nodal points' establishing communication around certain key notions and expanding, especially after the Second World War and the Cold War (Koenig-Archibugi 2013).

According to this theory, international society has military, political, economic, societal, legal, health, environmental, and other functionally differentiated spheres (or first-order subsystems). These are also replicated inside the political subsystem in the form of spheres of global governance (governance of health, international security, global economy, etc.). Every one of these is a second-order subsystem of international society, which appears as the result of the interaction between the political subsystem and other first-order subsystems. The political subsystem is organized around the core notion of 'power' (Albert 2016: 5) and the 'strong/weak' binary opposition. Similarly, its second-order subsystems are also based on 'power,' but combine this communicative code with other codes significant to a specific function¹⁶. The first-order security

¹³ See Gorbachev's Perestroika and New Thinking: A Retrospective. *Russia in Global Affairs*. 09.08.2021. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/perestroika-and-new-thinking/> (accessed: 05.07.2022), Bush's Bush Sr. Say US. Should Be Humble. *AP News*. 22.03.2001. URL: <https://apnews.com/article/940fd106d40147230fcdcdccde97c35> (accessed: 05.07.2022), and also Mao's Against the Revisionist Yellow Journalism of the "Guardian" (Part 1). *The Workers' Advocate*. 6(6), September 1, 1976. / Encyclopedia of Anti-Revisionism On-Line URL: <https://www.marxists.org/history/erol/ncm-3/cousml-mao/article2.htm> (accessed: 05.07.2022).

¹⁴ Notably, there are still no similar communication channels between China and the US. It can be interpreted as a non-recognition of China's superpower status by Washington.

¹⁵ We can find an early mention of the middle power concept in the first volume of the International Organization (Glazebrook 1947). However, the idea can be traced back to the 16th century. For the extensive genealogy of the middle power concept, see Carsten Holbraad (Holbraad 1984).

¹⁶ It should not be seen as a straightforward transformation. While international security is indeed centered around military might, the global economy is not simply communications about economic power, as it primarily deals with development, while the nascent subsystem of global climate governance is centered around climate ambitions. On establishing the environmental subsystem of international politics, see (Zhornist et al. 2022). Beyond that, this article does not engage the debates on power in IR. We do not think the taxonomy of power presented in Michael Barnett and Raymond Duvall (Barnett, Duvall 2005) can significantly improve this analysis since functional subsystems are not necessarily linked to a specific type of power. For instance, institutional power is essential for all four functional subsystems included in the survey.

subsystem of the international society is deeply intertwined with the political one, to the point when it can be argued that the two are not fully separated. Moreover, similarly, different sectors of securitization (second-order subsystems) along the division lines of other first-order subsystems exist in the security first-order subsystem (Albert, Buzan 2011).

We argue that there is no reason to discard state-centric analysis in theorizing on functional differentiation. One should not disregard certain communications in a communication-centric paradigm just because bureaucrats produced them. More importantly, with the international society divided into nation-state segments, which acquire different status as the system is stratified, the next logical step is to see how states assume different functions. The need to look for non-state nodal points (we did not focus on nodal points for segmentary differentiation, why start now?) might obscure the interplay between different types of differentiation. Thus, we assume that states can also fulfill functional roles in international relations.

The international society might not have embraced functional differentiation as the primary organizing principle yet. However, it does not imply that there were no functional roles of separate states or that those roles had zero effect on the segmentary and stratificatory differentiation. The functional differentiation of sedentary and nomadic peoples in the Middle Ages altered the course of the world's history long before territorial states came to the forefront, continuing to perpetuate underdevelopment and conflict in certain regions even today (Shettima, Tar 2008). If applied to states, there are certainly some functional roles in the international society (world's factory, raw-material appendage, global policeman, norm entrepreneur, buffer state, tax haven, petrostate, etc.), some of which form dyads (foreign assistance donor/recipient, asylum country/exodus country).

Unlike an ordinary individual, a state can easily assume multiple roles at once. For instance, a state can fulfill the role of a security provider (e.g., the role of the US for Western Europe), a norm entrepreneur in the environmental sphere, and a vaccine donor in the humanitarian sphere. These roles relate to specific functional subsystems, including the world economy, international security, international humanitarian agenda, and global climate agenda. The enumerated roles suggest that in most functional subsystems, relations of subordination and superordination among actors (states included) abound, effectively producing an authority hierarchy¹⁷. Some actors play a more critical role, while others do not. There might be a specific fluid hierarchy between different functional subsystems (Nye (Nye 1990) argued that economic power became more important than military power). However, Luhmann emphasized that no function is subordinate to another since all functions need to be fulfilled for a society to continue existing. This article will assume that the four functional domains

¹⁷ Although theoretically egalitarian functional subsystems where all the states assume the same role or roles which do not automatically produce asymmetrical power relations are possible.

listed above are equally important, and we will return to this assumption in the discussion section.

The hypothesis to be tested is that a state's roles in functional domains of the international society and its position in international hierarchy are interdependent. If confirmed, it would also mean that power status hierarchy and authority hierarchy are linked via the functional subsystems. There has been little research¹⁸ on the interplay of functional and stratificatory differentiation in IR, and this paper aims to fill this gap. We will test a series of alternative hypotheses based on the long-standing assumption that states' capabilities determine the status and another alternative hypothesis related to public goods provision and compare their predictive power to that of the working hypothesis.

Methodology

Given the complex nature of power status and functional roles, expert survey has been chosen as the primary method of analysis¹⁹. Arguably, the subjective nature of power status (Paul et al. 2014) makes survey the best way to measure it. In our analysis, we assume that subjects whose opinion determines the status and specialization are members of the epistemic community of international relations scholars and practitioners. Since these are the networks that first conceptualized and began to use the valued attributes and most power categories, we find this method optimal.

Survey design

The questionnaire for the survey (see an abridged version in table 2, the complete questionnaire is available in an online appendix²⁰) was composed by the research group during a series of workshops based on the literature review outlined in the previous sections. Some questions aimed to quantify states' positions in the international hierarchy (power status, Q9) and their specializations (functional roles, Q11). Since the provision of public goods is closely associated with the international hegemony and participation in global governance, a question concerning public goods provision was added as well (Q12) to test an alternative hypothesis. The authors added another question on revisionism to deepen the analysis and enable further research (Q13).

26 states were included in the survey, including 19 members of the G20 (Argentina, Australia, Brazil, Canada, China, France, Germany, India, Indonesia, Italy, Japan, South Korea, Mexico, Russia, Saudi Arabia, South Africa, Turkey, United Kingdom, United States, but without the EU) and seven countries important for their respective regions (Egypt, Iran, Israel, Nigeria, North Korea, Pakistan, Poland). The purpose of such a list was to include all possible superpowers, great powers, and most middle powers.

¹⁸ Apart from the article about middle powers (Teo, 2021), another research should be mentioned as an exception (Fehl, Freistein, 2020).

¹⁹ On the applicability of expert surveys to study complex political phenomena, see (Steenbergen, Marks 2017).

²⁰ See the online supplementary materials, doi: 10.24833/2071-8160-2022-olf2-supl

Q1 was designed to separate IR experts from the public and differentiate between levels of expertise; Q2-Q4 allowed control for age, paradigm, and the country of origin. Apart from Q1-Q4, other questions were optional to let respondents omit some questions if they were having doubts. Q5, Q6, Q10 were added to check whether power status is the best concept to study stratificatory differentiation of states. Q7 and Q8 were meant to reveal which criteria were behind an expert's decision to categorize a state. The questionnaire was designed and shared using Google Forms web service (a .pdf version is available in the online appendix).

Table 2.

The questionnaire (abridged)
Q1. How do you describe your professional level in International Relations (IR)? [This was followed by the following excludable options: IR Scholar / Non-IR scholar / IR student/ Non-IR student / Foreign policy practitioner / No expertise]
Q2. Which International Relations theory paradigm(s) is (are) most relevant to your research and/or practice? [This was followed by the following non-excludable options: Realism, Liberalism, Constructivism, Marxism, None (Non-Paradigmatic), Other. The researcher could fill out the last option.]
Q3. What country are you from?
Q4. What is your age?
Q5. Is the categorization of states into superpowers, great/major powers, middle powers, small powers, and micro-states relevant today? [Yes, No]
Q6. If no, specify why?
Q7. What criteria would you say are essential to determine whether or not a state can be considered a superpower/ great power/ middle power (multiple choice) [This was followed by a list of 16 possible criteria and 3 "Other" criteria to be added by the respondent. Each criterion could be connected to any of three power categories or to none at all: Superpower, Great Power, Middle Power. The list of criteria is available in the online appendix.]
Q8. If you chose "other," please specify. Separate with commas.
Q9. Categorize as many countries as you can [This was followed by a list of the 26 countries and four excludable options for each: Superpower, Great Power, Middle Power, Small Power]
Q10. Which other ways of differentiating states do you consider relevant today, if any? (multiple choice) [This was followed by a list of 8 other categorizations and "other" category to be filled out by the respondent, if necessary]
Q11. Choose key states for the following spheres [This was followed by a list of 26 countries and four excludable options for each: Global climate agenda, International Security, Global economy, International humanitarian agenda]
Q12. Choose mainly revisionist (as opposed to status quo) states for the following Spheres [This was followed by a list of 26 countries and four excludable options for each: Global climate agenda, International Security, Global economy, International humanitarian agenda]
Q13. Choose mainly providers (as opposed to takers or free-riders) for the following Spheres [This was followed by a list of 26 countries and four excludable options for each: Global climate agenda, International Security, Global economy, International humanitarian agenda]

The questionnaire was peer-reviewed by two internal and one external reviewers to ensure validity and reliability. In addition, the questionnaire was piloted on five graduate students who completed the survey and gave their feedback (their answers were not included in the final sample).

Survey population

We determine the target population broadly as experts in International Relations, including scholars, practitioners, and students (especially postgraduate). Experts' e-mails were collected from university websites, open-access journals, and personal con-

tacts. Moreover, a link to the survey was published on the Twitter account of MGIMO Institute for International Studies (we have reasons to believe that no more than a few respondents used that link). The survey was conducted in September 2021. Out of 1941 e-mails sent, 101 were either auto replied or not delivered. We received a total of 77 answers, which produced a response rate of <4.2%. We cannot estimate the exact rate since a small number of respondents might have accessed the survey via Twitter. Also, respondents could share the link to the survey, although they were not asked to do so. One answer was discarded as non-expert based on Q1. Although expert surveys are famous for having low response rates, this one is significantly below average. Such a low response rate is explained by a lengthy questionnaire, impersonal e-mails, and no incentives provided for the respondents.

Among the 76 experts surveyed, the median age was 49.5 years (with a minimum of 23 and a maximum of 95). Experts from 25 countries participated in the survey (see Fig.1); 41 of them identified themselves as realists, 17 – constructivists, 12 – non-paradigmatic, 15 – liberal, eight – marxist, and eight chose other paradigms²¹.

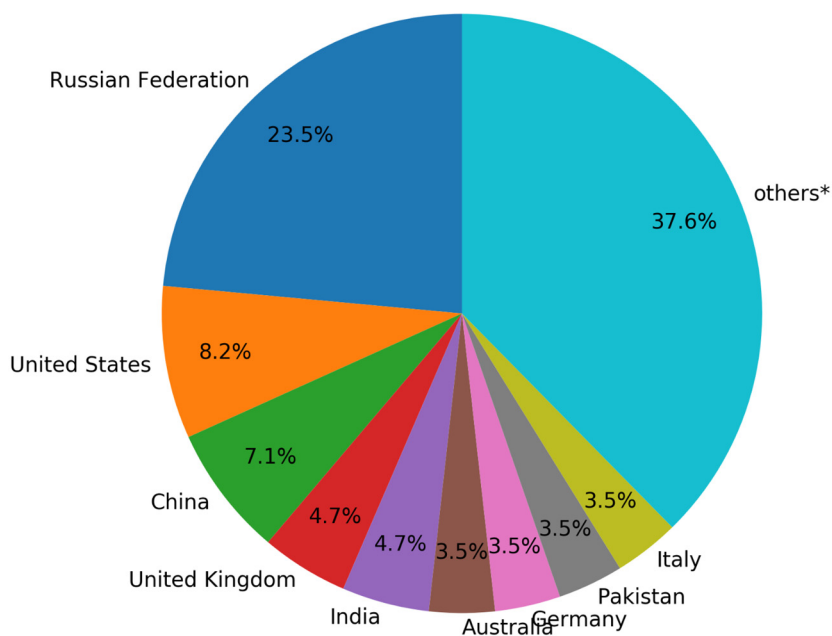

Figure 1. Respondents' countries of origin

**Others include Croatia, France, Kazakhstan, Uzbekistan, Netherlands, Turkey, Kyrgyz Republic, Iran, Poland, Hungary, Spain, Sweden, Tajikistan, Canada, Bhutan.*

²¹ The sum is more than 76 due to the possibility of choosing multiple paradigms.

Post-stratification weighting

Post-stratification weighting is an advanced technique to improve the representativeness of the survey sample (Royal 2019). Apart from weighting by expertise, conductors of an expert survey usually do not have an opportunity to introduce post-stratification weighting to their samples because the target audience is not researched enough. As a result, conducting a representative expert survey poses certain challenges.. Luckily enough, there is some data on international relations researchers. Hence, it was possible to weigh both expertise (although on a limited scale) and sample bias in this research. Expertise weights were introduced following Q1 answers and were elaborated collectively during a workshop. Foreign policy practitioners and IR Scholars were weighted with $w_e=1.0$, non-IR Scholars and IR students received weights $w_e=0.75$, non-IR students received weights $w_e=0.5$. Weights were added to paradigms to which the respondents pertain (the control data was extracted from TRIP 2017 Faculty Survey²²).

Finally, country weights were introduced according to experts' countries of origin. Scimago Country Ranking in Political Science and International Relations (documents published in 2020)²³ served as a reference point. Weights were added to the top-10 countries in Scimago Country Ranking, and the rest were accumulated as "others" in both data from Scimago and the sample. Foreign policy practitioners (11 respondents, 14.5% of the sample) were excluded from country and paradigm weighting. The post-stratification weighting was not applied to data from Q5 and Q10.

Limitations

Although post-stratification weighting is supposed to reduce sampling bias, it should be noted that people disinterested in the categorization of states in small, middle, and great powers were less likely to complete the survey than those who were interested. It might have benefited the reliability of Q7 and Q9 but reduced the validity of Q5 and Q10.

Post-stratification weighting allows to minimize sampling bias. Still, the research sample reflects the biases of the target audience. International relations is a predominantly Western-centric academic discipline (Acharya, Buzan 2010), especially when analyzing journals indexed by Scopus. This research assumes that the bias of the target audience is consistent with that of the international society. Foreign policy practitioners were included in the sample to ensure there were no radical differences between academia and communities of praxis.

It is challenging to identify the population size for an expert survey, and hence it is not possible to calculate the margin of error. Thus, we cannot claim that our survey is representative, although the techniques that we used were aimed at improving this metric.

²² Maliniak D., Peterson S., Powers R., Tierney. 2017 M.J. *TRIP 2017 Faculty Survey. Teaching, Research, and International Policy Project*. Williamsburg, VA: Global Research Institute. URL: <https://trip.wm.edu/>.

²³ Scimago Country Rank / Scimago. 2021. URL: <https://www.scimagojr.com/countryrank.php> (accessed: 05.07.2022).

We asked the same experts about the functional roles of the same group of states' and status positions, which might have influenced their judgment. The status and the role questions were asked on separate pages of the survey and were separated by another question to mitigate possible consistency bias.

When testing alternative hypotheses, data availability on alternative predictors is limited. Some indicators are only available for 2015-2016, while the power status index is only available as of 2021. Consequently, further tests are required as newer data becomes available.

Results analysis

Post-stratification weighting and results analysis (data pre-processing, data aggregation, correlation analysis, means calculation, variance analysis, and data visualization) were conducted using Python 3.7 with Pandas 0.24.1, Numpy 1.16.1, Matplotlib 3.1.3, Scipy 1.4.1. and krippendorff 0.5.1.

The data from Q9 was turned into a power status index in a range from 1 to 4 with "Small Power" corresponding to 1, "Middle Power" to 2, "Great (Major) Power" to 3, and "Superpower" to 4. This index was calculated for each country in the survey as a weighted average of experts' evaluations. The data from Q11 was calculated as the share of experts,²⁴ who decided that a particular country plays a crucial role in one of the four spheres. Then the rates for each sphere were aggregated to get an overall evaluation of each country's roles (an index between 0 and 4). The same procedure was applied to providers (Q12) and revisionists (Q13).

To test both the working hypothesis and alternative hypotheses, the authors calculated Spearman correlation coefficients²⁵ of power status index and 1) roles index, 2) public goods provision index, 3) GDP (PPP) (2019), 4) CINC (2016), 5) Melville's international potential index (Melville, Mironyuk, 2020), 6) Beckley's GDP (PPP) * GDP (PPP) per capita measure (2019) were calculated. The first correlation coefficient was compared with the other five using *cocor* (Diedenhofen, Musch 2015).

We switched parameters and options to check robustness, and the results remained both consistent and statistically significant (as parameters changed, the correlation between the Power status index and Roles index ranged from 0.89 to 0.95). After the tests, the parameters agreed upon during a workshop were reintroduced.

Survey Results

According to the survey, 91.9% of respondents answered that the differentiation of states into superpowers, great powers, middle powers, and small powers is relevant today, while only 8.1% answered that it is irrelevant (see Fig. 2). When asked about

²³ Experts who did not mark any country were excluded from calculations.

²⁴ The null hypothesis is that the two variables are not interdependent.

alternative categorizations (see Fig. 3), respondents preferred categorizing states into global and regional powers, based on states' development (developed, developing, with transition economy) and on their nuclear status.

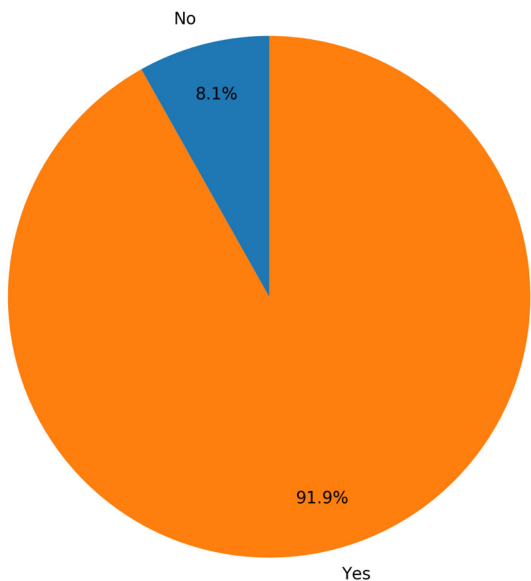

Figure 2. The relevance of the differentiation of states into superpowers, great powers, middle powers, and small powers

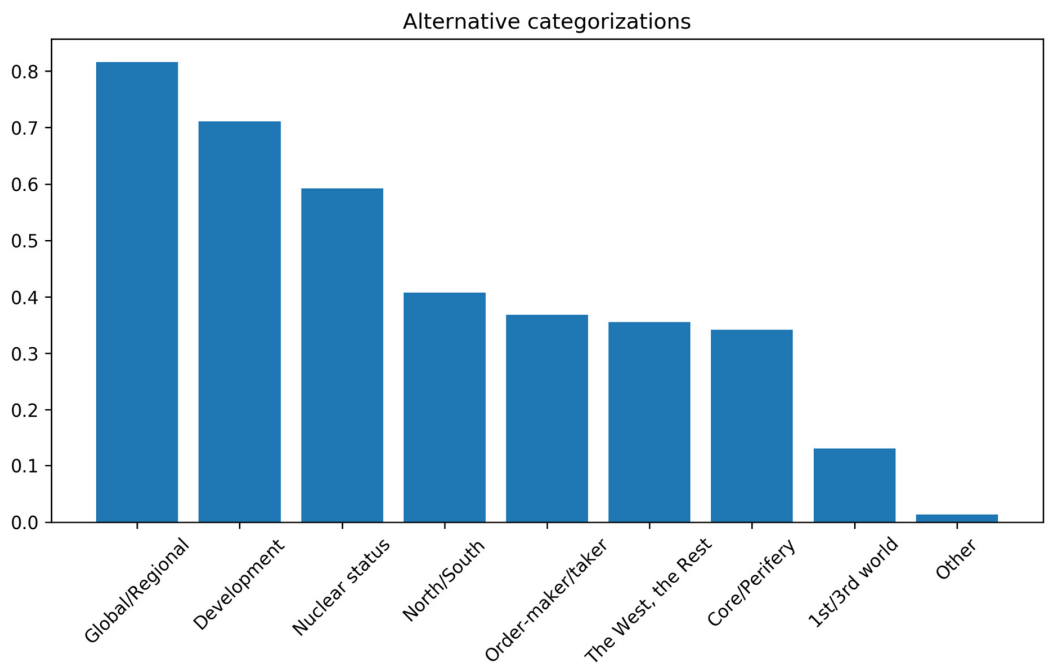

Figure 3. Alternative categorizations of states

As for the importance of the criteria for the categorization of states into superpowers, great, middle or small powers (see Fig. 4), the researchers opted for a strong military, big economy, and self-sufficiency in critical technologies and strategic resources as the main criteria of classifying as a superpower, with military might being at the top of the list. The respondents chose green policy, advantageous geographical location, and efficient domestic institutions as the least essential criteria, defining a superpower.

The top three criteria for classifying as a great power in the survey were high international prestige, ability to influence the international agenda, and engagement with international organizations. Respondents chose active green policy, advantageous geographical location, and self-declaration of its power status as less essential criteria for classifying as a great power. Military might, crucial for classifying as a superpower, only ranks 6th in the great power criteria list.

On average, respondents chose fewer criteria for middle powers. Respondents chose engagement in international organizations, active humanitarian agenda, and a network of friends and allies as the most influential criteria for classifying as middle powers. Nuclear capabilities, self-sufficiency, and military might were ranked the least important in classifying as such.

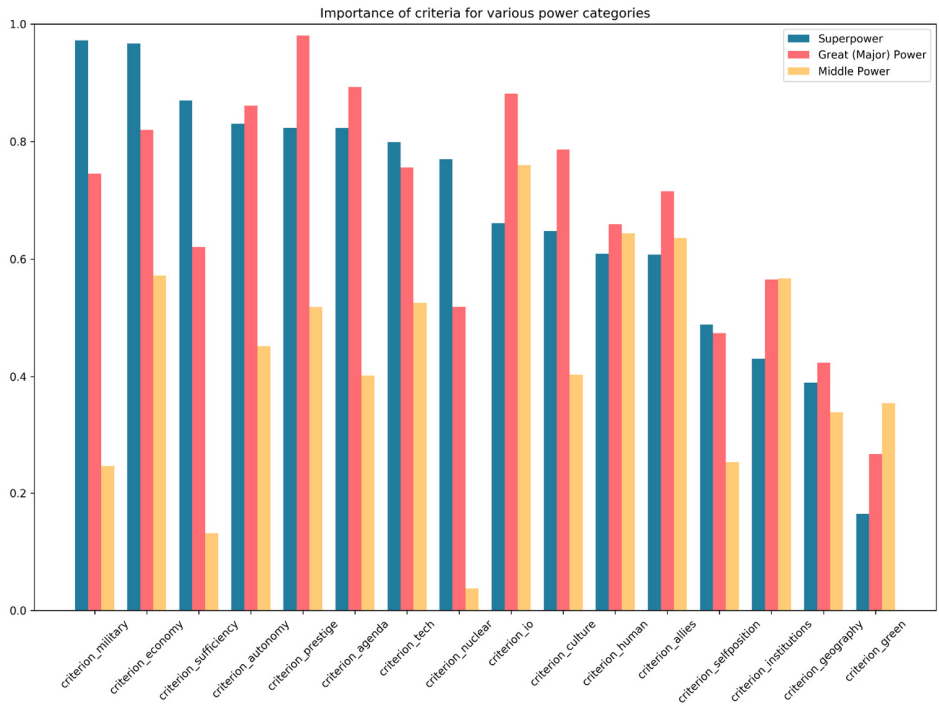

Figure 4. Importance of criteria for various power categories

The green policy criterion and the institutions' efficiency criterion are different from other criteria, as they were ranked more critical for middle powers, less critical for great powers, and least crucial for superpowers. In contrast, all other criteria

were deemed more important either for superpowers or great powers with declining importance for middle powers. Twelve experts chose to add other criteria to the list (available in the online appendix).

In reply to the question concerning power status hierarchy, respondents ranked the US and China as superpowers (their power index being 3.88 and 3.73 accordingly), Russia, Germany, India, France, and the UK as great powers, with Russia being far ahead of other states with a power index of 3.18 and other great powers being closer to middle powers in their power status (without Russia great powers' status index is between 2.63 to 2.76). North Korea and Poland were categorized as small powers (power index ranging from 1.19 to 1.31), with other countries ranking as middle powers (see Fig. 5). Less than 50% of respondents ranked Japan and Nigeria as middle powers. The middle power stratum was the most diverse, with the power status index ranging from 1.53 to 2.38.

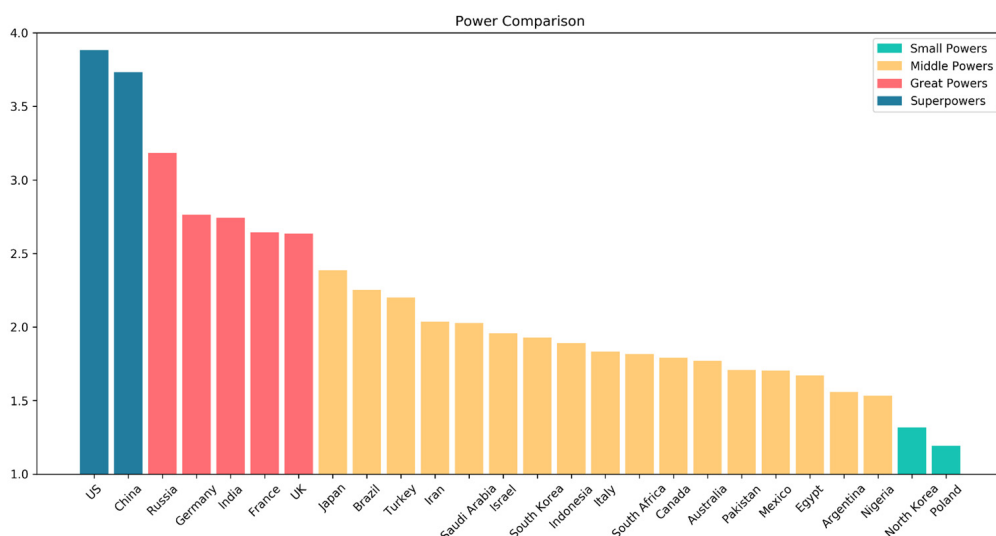

Figure 5. Power status index of states

According to the survey results, superpowers (the US and China) aggregate the biggest number of roles among the surveyed states (roles' index being 3.42 and 3.23, respectively). There is a significant divide between superpowers and great powers in aggregated roles and small fluctuation in the great powers' group (their roles' index ranging from 2.45 to 2.75). In contrast, the roles' distribution among middle powers is drastically uneven: Japan aggregates the number of roles nearing that of India, Argentina's roles number is exceeded by Poland's (middle powers' power index ranging from 0.48 to 2.15 and Poland's and North Korea's are 0.49 and 0.83 respectively). Still, the interstrata gap is larger than the intrastrata.

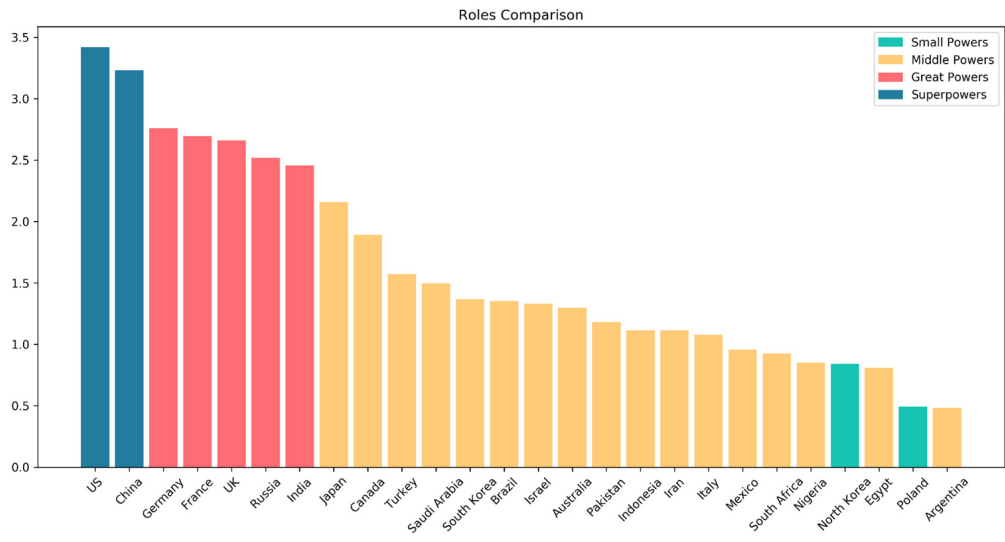

Figure 6. Roles index of states

There is a smaller overlapping of states' public goods provision (see Fig. 7) and power status hierarchy, but still there is a persisting pattern of superpowers being at the top of ranking (though following Germany, a leader in public goods provision), followed by great powers, and small powers being at the bottom of the ranking.

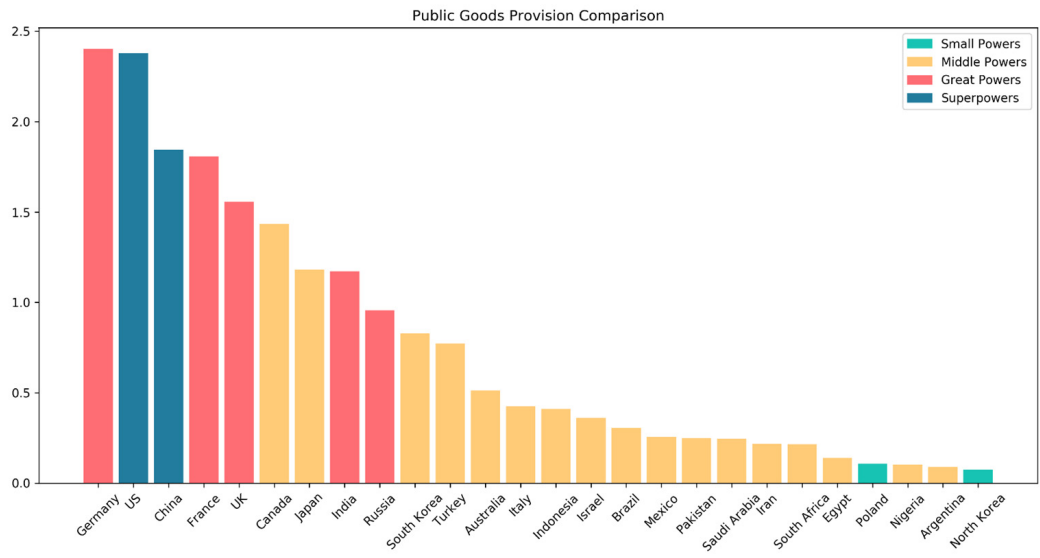

Figure 7. Comparison of states' public goods provision

The overlapping of states' revisionism ranking with power stature hierarchy is even less than with states' public goods provision. Still, both superpowers are ranked among

the highest (see Fig. 8). Great powers are more dispersed in the ranking, though generally tending to be closer to the top than middle powers. An average revisionism index is significantly below 50% of the theoretical high (4.0).

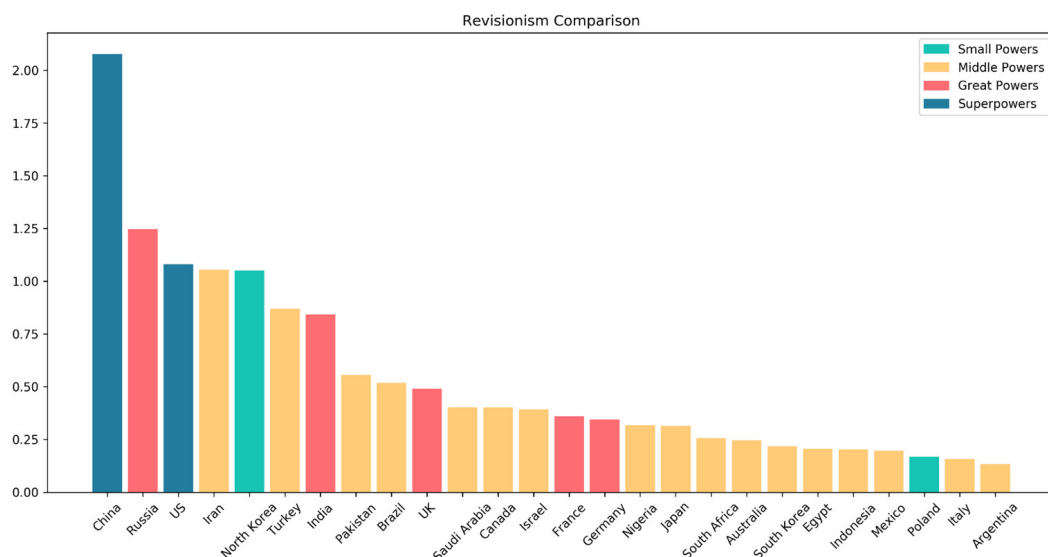

Figure 8. Comparison of states' revisionism

Full aggregated results, including comparing countries' roles in separate functional subsystems, are available in the online appendix.

Variance analysis

The variance analysis was only applied to the power status index. Two metrics were used: Krippendorff's alpha coefficient for an overall evaluation and the share of experts who agree with the power status deriving from the Power status index for case-by-case assessment. Krippendorff's alpha was calculated at 0.613, putting it slightly above the margin to be considered 'substantial' (Landis, Koch, 1977). Two out of 26 cases have less than 50% (40% for Nigeria and 49% for Japan) of experts supporting the evaluation. The US status of a superpower is supported by 91% of experts, while the rest have cohesion between 54% and 75%. Specific figures are available for each country in the online appendix.

Hypothesis testing

The hypothesis of the interdependence of power status and functional roles has been confirmed with Spearman correlation of the Roles index, and Power status index equal to 0.91 and null hypothesis rejected at 99.9% certainty (also see Fig. 9). All alternative hypotheses have been confirmed (see Table 3), but the correlation between the power status index and every alternative predictor is less strong. Cocor analysis shows that the correlation between the Roles and Power status indices is significantly strong-

er than that of other alternative indicators. Still, in the case of Melville's aggregated potential, the number of cases is not enough to prove the statistical significance of the value difference, and some p-value counting methods drop the statistical significance for the GDP and CINC indicators being less strong than the Roles index below 95% (it is still above 90%, and other methods show around 97% confidence).

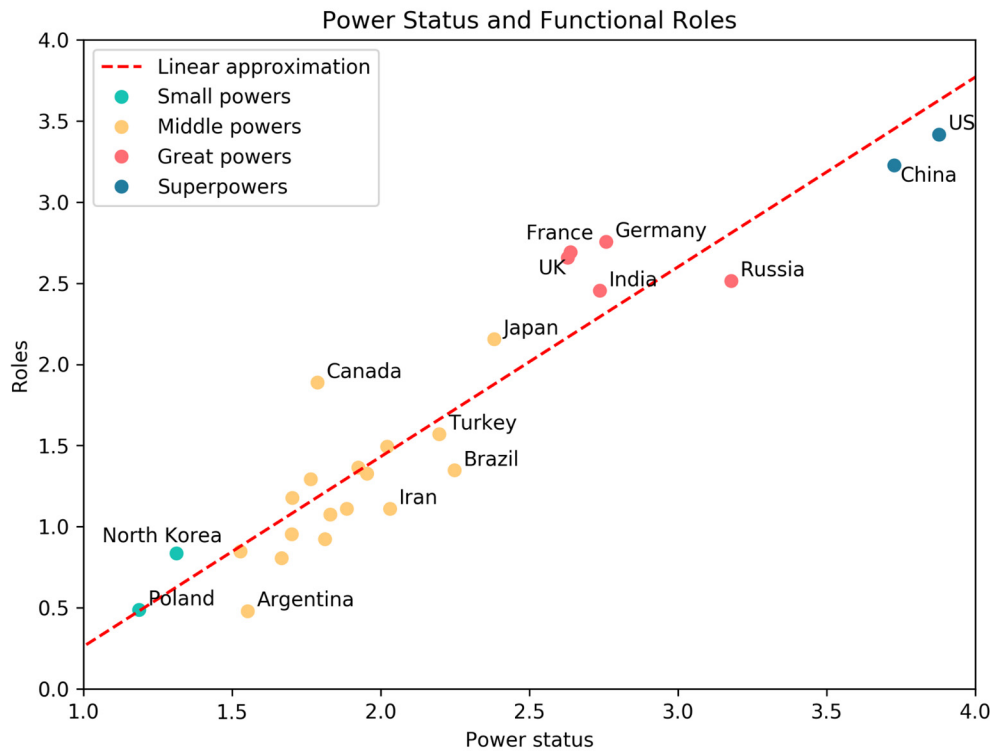

Figure 9. Linear approximation of power status and functional roles

Table 3. Alternative hypothesis testing (correlation with Power Status index)

	GDP (PPP)	GDP * GDP per capita	Aggregated potential	CINC	Public goods provision index	Roles index
Year	2019	2019	2015	2016	2021	2021
Spearman correlation coefficient with power status index	0.79***	0.77***	0.81*	0.71***	0.82***	0.91***
N (cases)	25	25	8	26	26	26
Cocor's p-value ²⁶ of roles index correlation being stronger ²⁷	0.033 - 0.067	0,001 - 0,016	0.313 - 0.427	0.025 - 0.068	0.010 - 0.038	N/A

²⁶ The corresponding null hypothesis is that the correlation between the power status index and roles index is weaker or equal to that between the power status index and an alternative predictor.

²⁷ Different p-values calculated using different cocor algorithms. The smallest and the largest p-values are indicated in the table.

Discussion

Given the results of the survey, power status hierarchy is probably the most relevant stratificatory differentiation of states today²⁸. The second-scoring categorization into global, regional, and local actors seems to be interrelated with power status hierarchy (superpowers and great powers define global agenda, middle powers influence regional agenda, small powers influence local agenda) in what appears to be another dimension of the interplay between functionally and stratificatory differentiated subsystems of international society.

As was the case for middle power research, there is no consensus on criteria for a great power or a superpower. The fact that there is no reliable way to compare and aggregate such different phenomena as nuclear capabilities and autonomous decision-making suggests the limited analytical value of the 'valued attributes.' Traditional approaches do not inspire too much hope in this respect. On the contrary, a Differentiation Theory-based approach, which was already used to reconfigure the study of middle powers (Teo 2021), is quite promising.

Interestingly, experts have chosen different valued attributes essential for superpowers, great powers and middle powers. In accord with most papers on middle powers, weaker states need not mimic stronger ones but instead have other options to improve their positions in the international hierarchy. However, a state's engagement with international organizations and its influence on the global agenda being the main middle power criteria is quite counterfactual, given that Erdogan's Turkey, Bolsonaro's Brazil, Israel, and especially Iran are among the stronger middle powers. Experts chose the characteristics traditionally associated with middle powers, though they do not represent the only possible way to qualify as a middle power. Relying only on valued attributes creates a situation when a state can slightly lag on specific characteristics to be considered a great power but simultaneously fail to be classified as a middle power. It possibly indicated severe flaws in the existing hierarchy research.

Under the Differentiation-theory ontological premises and according to the hypothesis confirmed in this paper, it can be suggested to turn away from valued attributes to an *impactful role* criterion.

To be recognized as a middle power, a state needs to achieve significant or critical roles in 1-2 functional subsystems of international society. For instance, Saudi Arabia plays a vital role in the international economy, as it can regulate global oil prices and a significant role (although comparatively less critical) in international security since it wages war in Yemen and has some leverage over belligerent non-state actors across North Africa and the Middle East. However, it is neither an essential humanitarian aid

²⁸ Apart from specific questions (Q5, Q6, Q10), there is also indirect evidence. There are large gaps in the power status index between great powers and superpowers, great powers and middle powers, while the difference is less between states belonging to the same category. This suggests that the power status categories actually exist as analytically distinct concepts that are not epiphenomenal.

donor nor a leader of human rights promotion and also has a minimal impact on the global climate agenda (and has to adapt to it instead). Hence, Saudi Arabia plays significant roles in two of the four subsystems²⁹ and can only qualify as a middle power, but not a great power. The importance and impact of a role are determined in relative terms, as we expect different roles in a specific functional domain to form a functional hierarchy of subordination and superordination.

A possible interpretation of the survey results is that a country needs to play key or significant roles in roughly three functional subsystems to become a great power. For example, France historically plays a vital role in the humanitarian subsystem, takes responsibility for security in many African countries, and actively participates in the green agenda, including via the European Union. Even though its economic influence is mediocre, France can currently be considered a great power. However, if this approach is true, as France has been losing its grip on African security for several years, its status becomes less stable, and it faces the prospects of decline.

The novel approach can help explain certain anomalies that arise from traditional indicators. For example, despite being the world's third or fourth-largest economy (depending on whether to use nominal GDP or GDP PPP) and having significant military spending, Japan is not recognized as a great power. The impactful role approach suggests that it is due to its constitutional limits on military use and a weak role in maintaining international security which are not compensated by proactive participation in the global environmental (Japanese role has diminished since the signing of the Kyoto Protocol) and humanitarian efforts.

This approach does not discard traditional material indicators such as GDP, army size, or military expenditures but perceives those as enablers for an impactful role rather than as something important in itself. In a sense, valued are those attributes that either enable a country to play key roles in the most important functional spheres or demonstrate that it plays such a role. Nevertheless, it should be noted that there are some independent dynamics related to valued attributes. Firstly, there is a possibility that specific valued attributes attain symbolic significance and become directly linked to stratification (e.g., exchanging ambassadors in the 19th century). Secondly, agents depend on valued attributes as tokens of information in a situation of information asymmetry and bounded rationality. Although the impactful role seems to be more important in the long run, a single agent's perception of others' status might depend on certain valued attributes observed by this actor.

A step further would be to integrate relevant actors' capabilities and policies, roles, status, and communication opportunities (diplomatic embeddedness) into a single framework, while also adding non-state actors to the analysis. This paper suggests that the research of capability indicators as enablers should be broken down into functional subsystems, namely the second-order security, the economic, the humanitarian, and

²⁹ If more functional subsystems are taken into account, the thresholds would have to be different.

the environmental subsystems. Each functional realm is expected to have multiple roles forming a hierarchy. Specific capabilities might enable actors to pursue certain policies and assume those roles.

Finally, a superpower must play critical roles in all functional subsystems to maintain its status. Lagging in the humanitarian subsystem, China is one of the world's largest foreign aid donors, allowing it to play an essential role despite its controversial human rights record. Unlike individuals struggling to fulfill many roles at once, states have the advantage of bureaucracy, allowing them to take on several roles at once, which makes a society of states different from a society of individuals.

Although this research has focused on states, this approach can be used to study other actor types as well. From the point of view of non-state actors' emergence, they will need to play a more critical role in international society than states. It also means that comparing a country's GDP to companies' annual revenue will not allow us to compare their status because those capabilities are transformed into playing roles differently for different kinds of actors³⁰.

The cause and effect in relations between roles and power status have been left undetermined. It is not a matter of utilizing more advanced mathematical methods to identify the dependent and independent variables because they can and do work both ways. Either (which is perhaps less common) a state acquires higher/lower status first, and then obtains a more/less critical role in functional subsystems (as others let it assume more important roles or push it to abandon them) or the opposite: it manages to increase its role in functional subsystems and then its status improves.

Thus, the emergence of a new functional subsystem can potentially shift the international hierarchy. It is especially relevant for studying the environmental subsystem, where states become increasingly stratified as new differentiation criteria and new roles emerge.

It still leaves us with the next piece of the puzzle unsolved, namely, what are the most critical functional domains in a given time, and it requires further research. Perhaps, a helpful starting point would be intersectionality, emphasizing the intersection of various roles in the international society. It seems that Luhmann's argument on all functions being equally important needs to be reevaluated. In methodological terms, it requires scholars to develop and test a more sophisticated model for the Roles Index calculation³¹, which cannot be done on this paper's data alone.

Probably there are at least three layers of hierarchies—first, a status hierarchy stretching through the whole international society with each segment having a certain status. Second, a hierarchy of functionally differentiated subsystems of yet unknown character. Third, there is a hierarchy of roles inside every functionally differentiated

³⁰ For instance, a multinational company operating in a state that is not considered failed might have trouble converting its financial resources into an essential role in local, not just international, security.

³¹ Perhaps, weighted mean-square metrics could produce some results if the weights are not selected arbitrarily.

subsystem based upon the asymmetrical distribution of power and communication opportunities among different roles.

Another possible avenue for future research is the study of comparative advantages that certain domestic institutions provide for international specialization. Such a theoretical development could bring new economic models to IR.

* * *

The article confirms the existence of the interdependence between a country's roles and its position in hierarchy. The article introduces an 'impactful role' and 'three-layer hierarchy' concepts, based upon the theoretical synthesis of several traditions of Hierarchy Theory and a broader N. Luhmann's Differentiation Theory framework. Moreover, the evidence favoring the 'impactful role' model is stronger than that of previously existing models of power status based on specific combinations of valued attributes (GDP, GDP*GDP per capita, CINC, National potential index).

The novel conceptualization allows for a deeper understanding of the international power status, which would make it possible for more nuanced applied research. This approach can integrate different states' attributes and study the impact of new nationwide and systemwide developments on a state's position in the international hierarchy.

This research advances both Hierarchy Theory and new Systems Theory, inaugurated in IR by M. Albert and B. Buzan. As the latter can accommodate the former, the new Luhmann-inspired Systems Theory is one step closer to becoming a full-fledged IR paradigm.

The expert survey results have also shown that categorizing states into superpowers, great powers, middle powers, and small powers is most relevant in current conditions.

Based on the survey, we provided simplified guidelines for applied analysis based on the interconnectedness between international hierarchy and specialization: 1) in order to be recognized as a middle power, a state needs to achieve significant or critical roles in one or two functional subsystems of international society (out of four), 2) to become a great power a country needs to play key or significant roles in roughly three functional subsystems, 3) a superpower has to play critical roles in all functional subsystems in order to maintain its status (or at most play a significant role in one of them).

About the authors:

Alexander D. Nesmashnyi – Analyst, Center of Eurasian Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia 119454, Moscow, 76, Prospect Vernadskogo. E-mail: alexnesmash@yandex.ru

Vera M. Zhornist – Analyst, Center of Eurasian Studies, Institute for International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia 119454, Moscow, 76, Prospect Vernadskogo. E-mail: verazharn@gmail.com

Ivan A. Safranchuk – Director, Center of Eurasian Studies, Institute for International Studies, PhD in Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia 119454, Moscow, 76, Prospect Vernadskogo. E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interest.

Acknowledgements

We thank Yulia Nikitina who participated in the discussion of the questions and structure of the expert survey, contributing valuable comments which helped to prepare the study. We are grateful to Olga Olikier from Crisis Group for the extensive review of the questionnaire, which helped to significantly improve its clarity. We extend our gratitude to Artem Kvartalnov, Yevgeny Uchaev, German Ostapenko and two anonymous reviewers for valuable critique which helped improve this paper. We deeply appreciate the time and efforts of experts who completed the questionnaire, both in the pilot group and in the final survey. Some of the results of this study were first presented at the 2021 RISA Convention.

The reported study was funded by RFBR and EISR, project number 21-011-31530.

УДК 327.82

Поступила в редакцию: 15.10.2021

Принята к публикации: 20.12.2021

Международная иерархия и функциональная дифференциация государств: результаты экспертного опроса

А.Д. Несмашный, В.М. Жорнист, И.А. Сафранчук

DOI: [10.24833/2071-8160-2022-olf2](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf2), [10.24833/2071-8160-2022-olf2-supl](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-olf2-supl)

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Статья фокусируется на изучении международной иерархии с применением метода экспертного опроса. Представлен краткий обзор литературы по двум основным подходам к изучению иерархии в международных отношениях: «иерархии авторитета» и «иерархии державного (властного) статуса». Демонстрируется, что существует разрыв между фундаментальными и прикладными исследованиями статуса. В то время как фундаментальные работы постоянно подчёркивают социальный характер международного статуса, исследования отдельных случаев зачастую опираются на исключительно материальные показатели национального потенциала. В связи со стремительными изменениями положения государств в международной иерархии возникает необходимость сформулировать более детальный и целостный подход. Авторы предлагают пересмотреть теорию международной иерархии на основе онтологии Никласа Лумана и его теории дифференциации. В статье описаны процессы сегментационной, стратификационной и функциональной дифференциации международного общества. Стратификационной дифференциации соответствует возникновение международной иерархии государств, а функциональной — появление международной специализации. Авторы

утверждают, что функциональные роли государств и их положение в международной иерархии взаимосвязаны. Для подтверждения данного тезиса используется корреляционный анализ. Иерархия функциональных ролей понимается в терминах «иерархии авторитета». В статье представлены три важных для последующих исследований выводы. Во-первых, 26 государств охарактеризованы экспертами с точки зрения их принадлежности к одной из категорий державности (сверхдержава, великая держава, средняя держава, малая держава), для них рассчитан индекс державности. Во-вторых, представлены мнения экспертов о том, какие критерии державности важны для прикладных исследований (включая размер экономики, военную мощь, международный престиж, уровень автономии и т.д.). В-третьих, сформулирован новый теоретический подход, который связывает положение государства в международной иерархии и его функциональные роли. Кроме того, также рассчитаны на основе ответов экспертов индексы ролей, предоставления общественных благ и ревизионизма для 26 стран мира.

Ключевые слова: социология, Луман, новая системная теория, властный статус, критерии державности, теория дифференциации, авторитет

Об авторах:

Александр Дмитриевич Несмашный – аналитик Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО, Россия 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: alexnesmash@yandex.ru

Вера Михайловна Жорнист – аналитик Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО, Россия 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: verazharn@gmail.com

Иван Алексеевич Сафранчук – директор Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО, кандидат политических наук, Россия 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.
E-mail: i.safranchuk@inno.mgimo.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31530

References:

- Acharya A., Buzan B. 2010. *Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and beyond Asia*. London and New York: Routledge. 242 p.
- Albert M. 2016. *A Theory of World Politics*. Cambridge University Press. 254 p.
- Albert M., Buzan B. 2011. Securitization, sectors and functional differentiation. *Security dialogue*. 42(4-5). P. 413-425. DOI: 10.1177/0967010611418710
- Axelrod R., Keohane R.O. 1985. Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *World Politics*. 38(1). P. 226-254. DOI: 10.2307/2010357
- Barnett M., Duvall R. 2005. Power in International Politics. *International Organization*. 59(1). P. 39-75. DOI: 0.1017/S0020818305050010
- Beckley M. 2018. The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security*. 43(2). DOI: 10.1162/isec_a_00328
- Bially-Mattern J., Zarakol A. 2016. Hierarchies in World Politics. *International Organization*. 70(3). DOI: 10.1017/S0020818316000126
- Bijan Z. 2005. China's Peaceful Rise to Great-power Status. *Foreign Affairs*. 84(5). P. 18-24. DOI: 10.2307/20031702

- Bull H. 1981. Hobbes and the International Anarchy. *Social Research*. P. 717-738.
- Bull H. 1995. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. 2nd ed. London: Macmillan Press Ltd. 329 p.
- Buzan B. 2021. Russia in the Post-Cold War International Order. *Russia in Global Affairs*. 19(4). P. 22-35. DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-4-22-35
- Buzan B., Albert M. 2010. Differentiation: a Sociological Approach to International Relations Theory. *European Journal of International Relations*. 16(3). P. 315-337. DOI: 10.1177/1354066109350064
- Carr A. 2014. Is Australia a Middle Power? A Systemic Impact Approach. *Australian Journal of International Affairs*. 68(1). P. 70-84. DOI: 10.1080/10357718.2013.840264
- Chapnick A. 1999. The Middle Power. *Canadian Foreign Policy Journal*. 7(2). P. 73-82, DOI: 10.1080/11926422.1999.9673212
- Clark I. 2005. *Legitimacy in International Society*. Oxford: Oxford University Press.
- Cooley A. 2003. Thinking Rtionally about Hierarchy and Global Governance. *Review of International Political Economy*. 10(4). P. 672-684. DOI: 10.1080/09692290310001601939
- Cooley A., Nexon D. 2020. *Exit from Hegemony: the Unraveling of the American Global Order*. New York: Oxford University Press. 281 p.
- Cooper A.F., Higgott R.A., Nossal K.R. 1993. *Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Vancouver: Ubc Press. 1993. 248 p.
- Cox R.W. 1989. Middlepowermanship, Japan, and future world order. *International Journal*. 44(4). P. 823-862.
- Diedenhofen B., Musch J. 2015. cocor: A Comprehensive Solution for the Statistical Comparison of Correlations. *PLOS ONE*. 10(4). DOI: 10.1371/journal.pone.0121945
- Donnelly J. 2006. Sovereign Inequalities and Hierarchy in Anarchy: American Power and International Society. *European Journal of International Relations*. 12(2). P. 139-170. DOI: 10.1177/1354066106064505
- Donnelly J. 2015. The Discourse of Anarchy in IR. *International Theory*. 7(3). P. 393-425. DOI: 10.1017/S1752971915000111
- Duque M.G. 2018. Recognizing International Status: A Relational Approach. *International Studies Quarterly*. 62(3). P. 577-592. DOI: 10.1093/isq/sqy001
- Dutkiewicz P., Casier T., Scholte J.A. 2020. *Hegemony and World Order*. New York: Routledge. 276 p. DOI: 10.4324/9781003037231
- Escudé C. 1998. An Introduction to Peripheral Realism and its Implications for the Interstate System. Neuman S. (ed.) *International Relations Theory and the Third World*. Basingstoke: Macmillan. P. 55-75.
- Escudé C. 2012. El realismo periférico (RP) y su relevancia teórica ante el ascenso de China. *Desarrollo Económico: Revista de Ciencias Sociales*. 51(204). P. 529-542.
- Fehl C., Freistein K. 2020. Organising Global Stratification: How International Organisations (Re)Produce Inequalities in International Society. *Global Society*. 34(3). P. 285-303. DOI: 10.1080/13600826.2020.1739627
- Gecelovsky P. 2009. Constructing a Middle Power: Ideas and Canadian Foreign Policy. *Canadian Foreign Policy Journal*. 15(1). P. 77-93. DOI: 10.1080/11926422.2009.9673483
- Germain R. 2020. Global Hegemony from a Longue Durée Perspective: The Dollar and the World Economy. P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds.) *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics*. London: Routledge. P. 118-133. DOI: 10.4324/9781003037231.
- Glazebrook G.D. 1947. The Middle Powers in the United Nations System. *International Organization*. 1(2). P. 307-318.

- Holbraad C. 1984. *Middle Powers in International Politics*. London: Macmillan Press. 233 p.
- Ikenberry J., Nexon D.H. 2019. Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders. *Security Studies*. 28(3). P. 395-421. DOI: 10.1080/09636412.2019.1604981
- Jayne D. 1927. The Classification of Diplomatic Agents *The American Journal of International Law*. 21(4). P. 737-742
- Kaiser K. 1968. The Interaction of Regional Subsystems: Some Preliminary Notes on Recurrent Patterns and the Role of Superpowers. *World politics*. 21(1). P. 84-107. DOI: 10.2307/2009747
- Keohane R.O. 1969. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. *International Organization*. 23(2). P. 291-310. DOI: 10.1017/S002081830003160X
- Koenig-Archibugi M. 2013. International Institutions in a Functionally Differentiated World Society. M. Albert, B. Buzan, M. Zürn (eds). *Bringing Sociology to International Relations: World Politics as Differentiation Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 182-204.
- Lake DA 1996. Anarchy, Hierarchy, and the Variety of International Relations. *International Organization*. 50(1). P. 1-33. DOI: 10.1017/S002081830000165X
- Landis J.R., Koch, G.G. 1977. The Measurement of Observer Agreement for Categorical Data. *Biometrics* 33(1). P. 159-174. DOI: 10.2307/2529310
- Linklater A. 2016. The 'Standard of Civilization' in World Politics. *Human Figurations*. 5(2).
- Linklater A. 2021. *The Idea of Civilization and the Making of the Global Order*. Bristol: Bristol University Press. 323 p.
- Luhmann N. 1977. Differentiation of Society. *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. 2(1). P. 29-53.
- Luhmann N. 1982. *The Differentiation of Society*. New York: Columbia University Press. 482 p.
- Milner H. 1991. The Assumption of Anarchy in International Relations Theory: a Critique. *Review of International Studies*. 17(1). P. 67-85. DOI: 10.1017/S026021050011232X
- Montgomery E. 2016. *In the Hegemon's Shadow*. Ithaca and London: Cornell University Press. 216 p.
- Nayar B.R., Paul T.V. 2003. *India in the World Order: Seeking for a Major Power Status*. Cambridge: Cambridge University Press. 270 p.
- Nye J. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 307 p.
- Organski A.F.K. 1958. *World Politics*. New York: Brooklyn College. 461 p.
- Osgood R., Tucker R. 1967. *Force, Order, and Justice*. Baltimore, Maryland and London: The John Hopkins Press. 387 p.
- Oye K. A. 1985. Explaining Cooperation under Anarchy: Hypotheses and Strategies. *World politics*. 38(1). P. 1-24. DOI: 10.2307/2010349
- Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. 2014. *Status in World Politics*. New York: Cambridge University Press. 320 p.
- Powell R. 1994. Anarchy in International Relations Theory: the Neorealist-Neoliberal Debate. *International Organization*. 48(2). P. 313-344. DOI: 10.1017/S0020818300028204
- Renshon J. 2017. *Fighting for Status Hierarchy and Conflict in World Politics*. Princeton University Press. 328 p. DOI: 10.1515/9781400885343
- Royal K. D. 2019. Survey Research Methods: A Guide for Creating Post-stratification Weights to Correct for Sample Bias. *Education in the Health Professions*. 2(1). P. 48-50. DOI: 10.4103/EHP.EHP_8_19

Schmidt B. 2020. Hegemony: A Conceptual and Theoretical Analysis and Its Application to the Debate on American Hegemony. P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte (eds.) *Hegemony and World Order: Reimagining Power in Global Politics*. London: Routledge. P. 32-47. DOI: 10.4324/9781003037231

Schweller R.L., Pu X. 2011. After Unipolarity: China's Visions of International Order in an era of US Decline. *International security*. 36(1). P. 41-72. DOI: 10.1162/ISEC_a_00044

Shettima A.G., Tar U.A. 2008. Farmer-pastoralist conflict in West Africa: Exploring the causes and consequences. *Information, society and justice journal*. 1(2). P. 163-184.

Singer J.D., Bremer S., Stuckey J. 1972. Capability Distribution, Uncertainty, and Major Power War, 1820-1965. Bruce Russett (ed.) *Peace, War, and Numbers*. Beverly Hills: Sage. P. 19-48.

Singer J.D., Small M. 1966. The Composition and Status Ordering of the International System: 1815-1940. *World Politics*. 18(2). P. 236-282. DOI: 10.2307/2009697

Sucu A., Safranchuk I., Nesmashnyi A., Iskandarov Q. 2021. Transformation of Middle Powers with the Decline of World Hegemony: The Case of Turkey. *Strategic Analysis*. 45(4). P. 307-320. DOI: 10.1080/09700161.2021.1950409

Teo S. 2021. Toward a Differentiation-Based Framework for Middle Power Behavior. *International Theory*. DOI: 10.1017/S1752971920000688

Thompson W.R. 2011. The United States as Global Leader, Global Power, and Status-Consistent Power? T.J. Volgy, R. Corbetta, K.A. Grant, R.G. Baird (eds.) *Major Powers and the Quest for Status in International Politics*. P. 27-53. DOI: 10.1057/9780230119314_2

Vandenbosch A. 1964. The Small States in International Politics and Organization. *The Journal of Politics*. 26(2). 293-312. DOI: 10.2307/2127598

Vayrynen R. 1971. On the Definition and Measurement of Small Power Status. *Cooperation and Conflict*. 6(1). P. 91-102. DOI: 10.1177/001083677100600109

Vital D. 1967. *The Inequality of States: A Study of the Small Power in International Relations*. Oxford: Oxford University Press. 198 p.

Volynchuk A.B., Volynchuk Ya.A. 2018. The Geopolitical Status of the State: the Theoretical Basis of the Scientific Category, The Territory of New Opportunities. *The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*. 10(1). P. 57-67. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2018-1/57-67 (In Russian)

Walker R.B.J. 1993. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press. 233 p.

Wallace M.D. 1971. Power, Status, and International War. *Journal of Peace Research*. 8(1). P. 23-35.

Waltz K.N. 1967. International Structure, National Force, and the Balance of World Power. *Journal of International Affairs*. 21(2). P. 215-231.

Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. 251 p.

Waltz K.N. 2001. *Man State and War*. New York: Columbia University Press. 263 p.

Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics. *International organization*. 46(2). P. 391-425. DOI: 10.1017/S0020818300027764

Wight M. 1960. Why is There no International Theory? *International relations*. 2(1). P. 35-48.

Wohlforth W.C. 2021. How (Not) to Evaluate US Decline and the Emerging Great Power Rivalry. *Journal of International Analytics*. 12(3). P. 12-18. DOI: 10.46272/2587-8476-2021-12-

3-12-18

Wohlforth W.C., De Carvalho B., Leira H., Neumann I.B. 2018. Moral Authority and Status In International Relations: Good States and the Social Dimension of Status Seeking. *Review of International Studies*. 44(3). P. 526-546. DOI: 10.1017/S0260210517000560

Xuetong Y. 2006. The Rise of China and its Power Status. *The Chinese Journal of International Politics*. 1(1). P. 5–33. DOI: 10.1093/cjip/pol00

Zarakol A. 2017. *Hierarchies in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 320 p.

Zhornist V.M., Nesmashnyi A.D., Kharkevich M.V., Safranchuk I.A. 2022. State Differentiation by Climate Ambition: Implications for World Politics. *International Organisations Research Journal*. In print.

Artyushkin V.F., Kazantzev A.A., Sergeev VM 2021. Balance of Power between the G-20 States: Analysis with Multidimensional Scaling Method. *Polis. Political Studies*. №2. P. 125-138. DOI: 10.17976/jpps/2021.02.09 (In Russian)

Bratersky M., Skriba A., Sapogova A. 2021. The Struggle for Recognition or Enhancement of Status: Conditions for the Stability and Development of Unrecognized States Using the Example of Eurasia. *International Organisations Research Journal*. 16(3). DOI: 10.17323/1996-7845-2021-03-09 (In Russian)

Degtarev D.A., Butorov A.S. 2018. International Status of Post-Soviet Countries: Traditional and Relational Approaches to Hierarchy Assessment. *International Relations*. №4. P. 95-103. DOI: 10.7256/2454-0641.2018.4.28233 (In Russian)

Gorelskiy I.E., Mironyuk M.G. 2019. Climbing up the Status Ladder: an Experiment in Empirical Research of Relation Between Status of a State in the System of International Relations and State Capacity. *Political science (RU)*. №3. P. 140–174. DOI: 10.31249/poln/2019.03.06 (In Russian)

Komleva N.A. 2010. Geopolitical Status of the State: Essence & Classification. *Geopolitika y bezopasnost' [Geopolitics and Security]*. №1. P. 23-28. (In Russian)

Melville A.Yu., Mironyuk M.G. 2020. “Political Atlas of the Modern World” Revisited. *Polis. Political Studies*. №6. P. 41-61. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04 (In Russian)

Safranchuk I., Zhornist V., Nesmashnyi A. 2021. Hegemony and World Order: An Overview of the Concept “Hegemony as Complexity”. *International Organisations Research Journal*. 16(1). P. 172–183. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-09 (In Russian).

Shakleina T.A. 2011. Great Powers in Global and Regional Politics. *International trends*. 9(2). P. 29-39. (In Russian)

Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита

М.В. Стрежнева

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Выход Британии из Европейского союза оживил академическую дискуссию по вопросу о вероятности разворачивания дезинтеграционных тенденций в объединённой Европе. Тем не менее общее представление о том, как Брексит способен повлиять на организационные перспективы и выживаемость европейского интеграционного объединения, не складывается. В большинстве случаев авторам, разрабатывающим эту тему, не удаётся избежать в концептуальных схемах бинарного противопоставления интеграции и дезинтеграции как двух крайних состояний в межгосударственных отношениях. В реальности же речь идёт о двух процессах, находящихся в более сложной взаимосвязи. Каждый из них способен включать широкий спектр структурных решений, некую динамику дифференциации, разные уровни централизации в различных областях и определённое (меняющееся) количество участников отдельных договорённостей. В данной работе значение Брексита как фактора дальнейшей европейской (дез)интеграции предложено рассмотреть, опираясь на концептуализацию дифференциации в теории организации Александра Богданова. Соответствующим образом переосмыслены укоренившиеся трактовки таких ключевых понятий, как «интеграция», «дезинтеграция», «дифференциация».

Отмечены некоторые устойчивые последствия европеизации британской политической системы. Отдельно выделены кейсы Экономического и валютного союза и экономического регулирования в Северной Ирландии на основании Североирландского протокола. Последнее выступает как инновационный образец дифференцированной интеграции с участием субнационального региона, для реализации позитивного потенциала которой необходима политическая воля и со стороны Лондона, и со стороны Брюсселя.

На самом базовом уровне, ввиду произошедшего выхода этой мощной страны из ЕС, теперь вряд ли представимо, чтобы какое-либо из оставшихся 27 государств-членов смогло помешать дальнейшему продвижению региональной интеграции вперёд. В то же время следует уточнить, что система ЕС нуждается не столько в унификации и централизации, сколько именно в усилении дифференциации. Между тем наднациональные институты, прежде всего Европейская комиссия, по-прежнему больше ориентированы на единообразную интеграцию в качестве приоритета, что может привести к снижению эффективности интеграционной политики регионального объединения.

УДК: 327.7

Поступила в редакцию: 11.04.2022 г.

Принята к публикации: 06.06.2022 г.

Ключевые слова: Брексит, Европейский союз, интеграция, дифференциация, дифференцированная интеграция, дезинтеграция, Северная Ирландия, европеизация

Движение к обретению «европейского единства» было запущено в Западной Европе с принятием в 1950 г. плана Шумана по созданию группировки шести стран, объединяющей их угольную и металлургическую промышленность. «Отцы-основатели» региональной интеграции ожидали, что государства-участники возьмут на себя ряд заранее оговорённых обязательств, которые в перспективе приведут к оформлению наднациональной общности. Эта, вначале эффективная, формула забуксовала в 1970-е и 1980-е гг., после присоединения к интеграционному объединению стран, куда сдержаннее настроенных в отношении европейской унификации, нежели первоначальная «шестёрка». Бельгийский премьер-министр Лео Тиндеманс уже в 1975 г. предупреждал¹, что не все государства-члены в объединении расширенного состава достигнут ранее предусмотренных руководством объединения промежуточных целей европейской экономической интеграции в едином темпе, но современниками его мнение было проигнорировано. Однако по мере расширения Европейского сообщества развитие получила политика правовой дифференциации или гибкости (Бабынина 2012), учитывающая и фиксирующая интеграцию на разных скоростях. Особенно широко дифференциация стала применяться на основании Маастрихтского договора 1992 г.: были введены исключения для ряда государств-членов в таких областях, как денежно-кредитная, социальная и оборонная политика, а также правосудие и внутренние дела. Самой важной областью применения гибкой интеграции оказалась зона евро, на чём мы подробнее остановимся ниже.

Брексит внятно напомнил Брюсселю об испытываемых системой Евросоюза перегрузках, способных, несмотря на предпринятую дифференциацию, спровоцировать дезинтеграционный тренд (Jones 2018). Подобный прецедент потребовал от экспертов и практиков решительного переосмысления прежних концептуальных подходов. В фокусе данной работы – оценка политико-организационных трансформаций, происходящих во взаимоотношениях Евросоюза с его теперь уже бывшим участником (Британией), с теоретической точки зрения, которая должна поспособствовать такому переосмыслению.

Процесс выхода Британии из ЕС вызвал всплеск публикаций, посвящённых дезинтеграции и дифференцированной интеграции (Vollaard 2018; Bickerton 2019; Rosamond 2019; Schimmelfennig, Winzen 2020; Gänzle, Leruth, Trondal 2021;

¹ Tindemans L. 1976. *European Union. Report by Mr. Leo Tindemans, Prime Minister of Belgium, to the European Council. Bulletin of the European Communities, Supplement 1/76. (commonly called the Tindemans Report).* (EU Other). P. 20-21. URL: <http://aei.pitt.edu/942/> (accessed 18.06.2022).

Brunazzo 2022). Тем не менее отношение к гипотетической перспективе дезинтеграции ЕС остаётся недостаточно отрефлексированным, особенно в европейских академических кругах. Ведь до британского референдума 2016 г. за редкими исключениями² концепту дезинтеграции вообще не уделялось достаточного места в учёных дискуссиях и уж тем более среди европейских функционеров, заинтересованных в сохранении сложившегося порядка вещей. Классические теории региональной интеграции (неофункционализм и либеральный межправительственный подход в особенности) оказались неспособны в полной мере объяснить обнаружившиеся дезинтеграционные моменты (Webber 2019: 22, 39), а в университетах, в том числе за пределами ЕС, европейскую интеграцию в основном преподают по прежним лекалам.

Таким образом, в этой статье речь идёт не о выходе Британии из Евросоюза как таковом. В ней с теоретико-институциональной точки зрения рассматриваются процессы и организационные варианты дифференцированной (дез)интеграции на базе Европейского союза, тогда как случай Брексита выступает в качестве полезного конкретного случая для анализа (case study), позволяющего наглядно представить преимущества максимально широкого концептуального взгляда на развивающуюся в системе Евросоюза (дез)интегративную динамику. Как представляется, внимание к проявлениям дифференциации в ЕС способно углубить наше понимание как политико-организационных сторон интеграционного процесса, так и его функциональных аспектов.

Политическая система Евросоюза находится в постоянном развитии, и дебаты о его институциональной структуре не прекращаются. Скажем, на европейский долговой кризис 2010–2012 гг. в Брюсселе отреагировали вполне определённым и довольно предсказуемым образом: созданием новых институтов, финансовых инструментов, а также мерами жёсткой экономии (Schwarzer 2013). На первый взгляд, это выглядело как новый успех региональной интеграции (понимаемой в традиционном ключе), подтверждающий, что выход Великобритании сообщает новый динамизм интеграционному процессу (Буторина 2020). Но в направленности принятых решений трудно не усмотреть и привычную ориентацию Брюсселя на бюрократическую «зарегулированность», всегда вызывавшую раздражение Лондона. Более того: упомянутые решения не только глубоко затронули суверенитет государств-членов, но и породили серьёзные социально-экономические и политические последствия, в том числе для стран ЕС, остающихся вне зоны евро.

Теоретическую основу настоящего исследования составила организационная наука (тектология) Александра Богданова. Она позволяет нам рассматри-

² Филипп Шмиттер неоднократно замечал, что всякая всеобъемлющая теория интеграции должна в потенциале служить и теорией дезинтеграции. В его статье, написанной в соавторстве с Зои Лефкофриди, была сделана попытка применить неофункционализм в качестве аналитической рамки для выявления условий, благоприятствующих или, напротив, препятствующих дезинтеграционному процессу (Schmitter, Lefkofridi 2016).

вать происходящие политико-институциональные трансформации в Европе с системной точки зрения. Тектологический организационный анализ берёт в расчёт принцип эмерджентности, т.е. актуализирует и развивает мысль Аристотеля об организованном целом, способном обладать качествами или особенностями поведения (сущностью), которые у его частей по отдельности отсутствуют. Эмерджентность определяется как возникновение новых структур и свойств в сложных системах в ходе их самоорганизации.

В третьей главе «Тектологии», посвящённой основным организационным механизмам, Богданов оперирует терминами «ингрессия» (соединение, интеграция) и «дезингрессия» (расхождение, частичное или полное). Во втором случае мы имеем дело с явлением, аналогичным дезинтеграции, обеспечивающим переход системного комплекса в новое состояние (Никонова 2019: 33). Иначе говоря, дезингрессия подразумевает организационный кризис: разрыв связи порождает тектологическую границу там, где было одно целое, производя или облегчая произведение «отдельностей».

Шестая глава «Тектологии» рассматривает централистические (эгрессия) и децентрализованные, распределённые скелетные (дегрессия) организационные формы, первая из которых сосредоточивает организуемое содержание, а вторая фиксирует его, будучи, следовательно, не менее нужной и полезной. Эгрессия (от лат. «выхождение из ряда») есть система, в которой выделяется высокоорганизованный комплекс (ядро), по отношению к которому все прочие комплексы рассматриваются как периферия. Дегрессия (от лат. «схождение вниз») – образование организационно низших комплексов, которые выделяются сложноорганизованными пластичными комплексами. Как указывает Богданов, «и эгрессия, и дегрессия – частные случаи асимметричной связи, т.е. всецело лежат в пределах принципа системной дифференциации» (Богданов 2019: 429). Наконец, образование целого из разрозненных частей он, подобно Никласу Луману, трактует в функциональном ключе: как (дез)организованность или продвижение к подобному состоянию (то есть отражение реальной способности сложного системного комплекса лучше или хуже противостоять внешним и внутренним вызовам, чем это доступно его элементам, взятым по отдельности, и проявлять резилиентность³ по отношению к ним).

При таком теоретическом подходе допустимы жизнеспособная децентрализованная интеграция или, напротив, дезинтеграция вследствие (чрезмерной) централизации. Необходимо оговориться, что при всех предпринимаемых мерах к дальнейшей политической централизации Евросоюз пока на самом деле больше соответствовал дегрессивному типу организации: политические системы его государств-членов устроены куда сложнее, нежели система самого ЕС.

³ Динамическое свойство организации, позволяющее преодолевать стрессы и трудности конструктивным образом.

Если же понимать под полной дезинтеграцией определённый результат, то применительно к Евросоюзу он мог бы означать гипотетически завершение в юридическом или фактическом плане существования ЕС как наделённого интеграционным смыслом объединения, возвращение международной политики в Европе к доинтеграционной стадии либо замещение Евросоюза неким альтернативным порядком (институционализированным или неформальным). Впрочем, даже если Брексит и поспособствовал высвобождению дезинтеграционной динамики, до сих пор есть много причин ожидать, что её удастся перехватить, переформатировать и модифицировать в сложных многоуровневых лабиринтах институциональной архитектуры Евросоюза.

Понятие и практика дифференцированной (дез)интеграции

Термины «интеграция» (образование целого из разрозненных частей) и «дифференциация» (деление целого на части) – это универсальные научные категории, применяемые в системном анализе, на который и ориентирует нас теория организации Богданова, но при этом «границы между интеграцией и дифференциацией размыты и подвижны, их единство не исключает того, что в различные моменты в системе преобладает то один, то другой процесс. В какой-то период времени некоторые элементы системы разъединяются, чтобы впоследствии объединиться с другими и образовать качественно новое её состояние» (Игнатова 2013: 6). В Евросоюзе преобладает определение региональной интеграции как процесса углубления кооперации между государствами-членами, готовыми подчиняться общим правилам и управлению, осуществляемому европейскими институтами. Соответственно такому определению к дезинтеграции там относят всякое гипотетически допустимое отступление от уже достигнутой степени подобной интеграции, которая, как считается, в принципе должна развиваться только в одном направлении – в сторону большей централизации, ко всё более широкому охвату разнообразных направлений государственной политики и присоединению к ЕС новых участников.

Со времени вступления в силу Римского договора о Европейском экономическом сообществе в качестве одного из фундаментальных принципов процесса европейской интеграции было зафиксировано строительство «всё более тесного союза». Тем не менее впоследствии некоторым государствам-членам было позволено (по крайней мере временно) от этого принципа отступить, и они не участвуют наравне с остальными в определённых сферах политики ЕС. Данное явление принято именовать дифференцированной интеграцией. Таким образом, при дифференцированной интеграции в европейской трактовке у регионального объединения намечается организационное ядро, а уровни централизации и территориальное распространение действия соответствующих европейских норм начинают варьироваться. При этом в западной литературе в качестве антонима дифференциации, дифференцированной интеграции или

гибкой интеграции в большинстве случаев используется опять-таки термин «интеграция», что буквально не оставляет места для рассмотрения собственно дезинтеграционной динамики.

Теоретической школой, настаивающей на своеобразном понимании причин вероятной дезинтеграции, выступает структурный реализм Кеннета Уолтца (Waltz 1979). В рамках предложенной им объяснительной схемы межгосударственное сотрудничество (тем более столь интенсивное, как в ЕС) считается практически обречённым на периодические провалы и кризисы ввиду действия принципа относительной выгоды: даже если выбор в пользу коллаборации для нескольких государств выглядит рациональным на определённом отрезке времени, и все они от неё выигрывают, их выигрыши неравны. По Уолтцу, кластеры государств способны держаться вместе только под влиянием структурирующих правил геополитики (таких, как холодная война) либо при наличии общего противника. Теория Александра Богданова позволяет получить более нюансированную динамическую картину организационных изменений в таком высокодифференцированном интеграционном комплексе, как Евросоюз, опираясь на введённые им понятия «ингрессия», «дезингрессия» и «тектологическая граница».

Как записано в «Тектологии» (Богданов 2019: 203): «В зависимости от новых ингрессии и дезингрессии происходят изменения структуры находящихся во взаимодействии комплексов: частичные или коренные, в виде деформаций или кризисов, развития, деградации, разрушения». Ингрессия обеспечивает связку между двумя или несколькими комплексами. Полная дезингрессия означает распад прежней системы, образование между её частями (тектологических) границ, которые и создают из ранее данной системы новые отдельности. Но возможен и разрыв тектологической границы между двумя или несколькими комплексами, в силу которой они образуют некую новую систему. Богданов особо отмечает, что с разрывом тектологической границы между ними два комплекса перестают быть отдельностями и образуют новую систему с дальнейшими преобразованиями, возникновением ингрессивных связей, дезингрессий частичных или полных, внешних или внутренних. Уточним также, что, по Богданову, трансформация организационной формы системы может сопровождаться как уничтожением имеющихся связей между элементами или возникновением новых связей, так и исчезновением одних связей при одновременном появлении других, что мы и наблюдали в случае Брексита.

Обращаясь к определению дифференциации, укажем, что она может быть территориальной, функциональной, социальной, экономической или политической. Так, Луман трактовал дифференциацию в функциональном ключе: благодаря ей обеспечивается поддержание идентичности системы в противостоянии внешним вызовам (Луман 2006). Между тем в терминологии, до сих пор используемой при изучении европейской интеграции, дифференциация чаще истолковывается в узком ключе, как возможность, по соглашению предостав-

ляемая отдельным участвующим в региональном интеграционном комплексе либо ассоциированным с ним государствам, иметь или получить по определённым направлением политики ЕС сокращённый объём прав и/или обязанностей. При таком взгляде на предмет различие между интеграцией территориальной либо функциональной не совсем корректным образом затушёвывается.

Рассуждая о дифференцированной интеграции, мы поневоле обращаем приоритетное внимание на те стратегии, прибегая к которым европейский правящий класс старается примирить разнообразие запросов государств-членов с реализацией общих планов по дальнейшему развитию ЕС. Выходит, в таком случае, что это не сомнительное вынужденное решение, а, скорее, естественное проявление региональной интеграции, в целом вполне предсказуемый результат расширения сферы компетенций Союза, а также гетерогенности интегрирующегося пространства (Svendsen, Adler-Nissen 2019). В социологической системной теории в принципе и у Богданова в том числе дифференциация ведёт к умножению подсистем в современном обществе, отражающему его усложнение. Происходит нарастание вариативности в системе, что позволяет ей гибко реагировать на вызовы, но одновременно предъявляет повышенные требования к субъективным факторам политического управления. Поэтому политически актуальными и аналитически адекватными представляются размышления и о возможной (дез)интеграции как о процессе с заранее не определённым для его участников и инициаторов результатом.

Обычно выделяют два магистральных направления дифференциации (Schimmelfennig et al. 2015: 765): с точки зрения централизации/децентрализации (вертикальная дифференциация) и с точки зрения различий в территориальном распространении (горизонтальная дифференциация, которая, как чаще всего уточняется, может считаться внутренней или внешней относительно ЕС). При вертикальной дифференциации отдельные области политики интегрируются в Евросоюзе с разной скоростью и со временем достигают различающихся уровней централизации, что позволяет судить о сохраняющейся глубокой структурной асимметрии в системе европейского управления. Горизонтальная дифференциация (пространственная асимметрия) имеет место, поскольку, как было упомянуто выше, многие государства-члены не участвуют во всех без исключения европейских политиках, тогда как некоторые из не участвующих в ЕС государств, напротив, в отдельных европейских политиках принимают формальное участие.

Оговоримся, что с точки зрения теории организации в последнем случае наблюдается тектологический разрыв, в силу которого пространство, где действуют нормы Евросоюза, распространяется за пределы территории собственно Евросоюза. Таким образом, подобную ситуацию логичнее рассматривать не изнутри ЕС, а каждый раз имея в виду точные контуры вновь образуемого системного комплекса: в конечном счёте речь идёт о Едином внутреннем рынке (ЕВР) в расширенных за пределы ЕС территориальных границах с его системой

управления, которая демонстрирует асимметрию в том смысле, что в выработке и принятии соответствующих правовых норм участвуют только полноправные члены ЕС, но все участники ЕВР, включая преференциальным образом допущенные на него третьи страны, обязаны эти нормы соблюдать.

Уточним, что соглашения ЕС с третьими странами демонстрируют два подхода в плане восприятия ими европейского законодательства: статичный и динамичный. В первом случае ограниченный объём европейского законодательства принимается третьей страной при вступлении соглашения в силу и по договорённости с ЕС (например, Соглашение об ассоциации между Турцией и ЕЭС, вступившее в силу в конце 1964 г.). Во втором случае рецепция новых либо изменённых европейских правовых норм происходит автоматически, но зато вводятся институциональные механизмы, обеспечивающие небольшую степень влияния третьих стран в процессе их принятия (Gstöhl, Phinnemore 2019).

Примеры динамического решения нам дают не только условия торгового соглашения Лондона с Брюсселем 2020 г., но и Европейское экономическое пространство (ЕЭП), на основании соглашения 1994 г. связавшее в единый системный комплекс ЕС и три страны Европейской ассоциации свободной торговли – Исландию, Лихтенштейн и Норвегию. Указанные страны воспринимают правила ЕВР через их постоянную инкорпорацию в данное соглашение. В него включены также положения, которые требуют, чтобы Евросоюз проводил консультации с «внешними» странами ЕЭП при выработке своего рыночного законодательства.

Экономический и валютный союз

С организационной точки зрения Экономический и валютный союз (ЭВС) включает три тесно взаимосвязанные компонента (экономических блока). Они различаются по степени обеспечиваемой вертикальной дифференциации: (1) макроэкономическая политика формально остаётся в руках национальных правительств, но подчинена набору общих европейских правил; (2) бюджетная политика как европейского, так и национального уровня (курсы национальной бюджетной политики в ЕС связаны между собой общими целевыми показателями, стандартами и контрольными проверками в рамках многоуровневого надзора); и (3) денежно-кредитная политика в зоне евро, которая отдана на откуп наднациональному Европейскому центральному банку. Вертикальная дифференциация усугубляется тем, что Маастрихтский договор предусмотрел строительство ЭВС в три этапа, к которым государства-члены присоединялись не единообразно. Ключевое значение обрёл третий (завершающий) этап – собственно переход на единую наднациональную валюту. К настоящему времени его совершили 19 стран, и только для них была создана Еврогруппа, т.е. формация Совета министров ЕС ограниченного состава, политическое влияние которой далеко превосходит её невысокий правовой статус.

Переход к третьему этапу ЭВС выявил, кроме того, возможность разницы между «объективной» (по экономическим показаниям) и «субъективной» (по политическому желанию отдельных стран без экономических противопоказаний) горизонтальной дифференциацией, то есть между странами, ещё не достигшими экономических критериев зрелости и стабильности, необходимых для перехода на единую валюту, и теми (Великобритания и Дания, озабоченные сохранением автономии и вопросами национальной идентичности, чем и была в первую очередь предопределена их неготовность расставаться с национальной валютой⁴, а впоследствии также Швеция), которые получили возможность сделать это в будущем, тогда как соответствующая обязанность с оговорёнными сроками на них возложена не была⁵. В дополнение к отмеченному организационному разнообразию некоторые из не вошедших в Еврозону стран решили впоследствии присоединиться к Фискальному пакту⁶, тогда как другие, включая Великобританию, этого не сделали.

Отказ перейти на евро благоприятно сказывался на темпах роста британской экономики в период её членства в ЕС (Burk, Leuffen 2019: 1399,1402; Mazumder, Pahl 2013). Однако институциональное обособление Еврозоны в обстановке европейского долгового кризиса, который начался в 2010 г., получило неприятное для Лондона политическое продолжение. В ноябре 2011 г. президент Франции Николя Саркози заявил, как именно, по его представлениям, дифференцированная интеграция способна впредь укреплять Евросоюз: «Ясно, что у нас сложится Европа двух скоростей: скорости в связи с продвижением углублённой интеграции в Еврозоне и скорости скорее конфедеративной»⁷. В намерениях произвести, наконец, федерализацию в интеграционном объединении хотя бы ограниченным кругом государств-членов французского президента поддержала германский канцлер Ангела Меркель, ранее сомневавшаяся в целесообразности применения такого средства для форсирования углублённой интеграции. У Лондона появились основания заключить, что крупнейшие континентальные страны, отказываясь приступить к очередной межправительственной конференции для ревизии основополагающих договоров, в формате которой, как и

⁴ Эти страны, в которых всегда сохранялся достаточно высокий уровень общественного евроскептицизма, присоединились к интеграционному объединению в основном по экономическим соображениям, привлечённые мощью его регионального рынка. Похожим образом такие страны, как Чехия, Венгрия и Польша, которых с начала их членства в Евросоюзе к евро не допустили, сейчас не торопятся с переходом на наднациональную валюту.

⁵ Ввиду действия правила единогласия в ходе межправительственных конференций такая уступка давала единственную возможность получить согласие этих двух стран на ревизию основополагающих договоров. В частности, все остальные страны ЕС согласились, что Великобритания не обязана переходить на третью стадию ЭВС до тех пор, пока соответствующее решение не будет принято её национальными представительными институтами.

⁶ Межправительственный договор 2013 года о стабильности, координации и управлении (*Treaty on Stability, Coordination and Governance*).

⁷ Nicolas Sarkozy défend l'idée d'une Europe à deux vitesses [Николя Саркози отстаивает идею Европы двух скоростей]. 2011. Reuters. 8 November. URL: <https://www.reuters.com/article/union-francesarkozy-idFRL6E7M83K920111108> (accessed 18.06.2022).

ранее, можно было бы задействовать британское вето для блокировки нежелательных институциональных реформ, готовы практически в чрезвычайном режиме переориентировать институциональную систему Евросоюза на преимущественную защиту и обеспечение жизнедеятельности Еврозоны.

Для Лондона в приоритете на европейском направлении со времён премьерства Маргарет Тэтчер оставался ЕВР, единый внутренний рынок (Кавешников 2018: 26). Новый поворот открывал перед Великобританией перспективу потянуть прежние позиции в системе экономического управления в интеграционном объединении, которые страна занимала ранее по праву одной из крупнейших экономик Евросоюза. Достаточных ресурсов, чтобы оперативно предложить собственный (альтернативный) проект децентрализованного интеграционного развития на путях дифференциации, у британского правительства не нашлось.

В своей Блумбергской речи⁸ тогдашний британский премьер-министр Дэвид Кэмерон выступил против очередной передачи полномочий на наднациональный уровень (т.е. против дальнейшей вертикальной интеграции), практически анонсировав будущий национальный референдум о членстве страны в ЕС. В его словах внятно прозвучали опасения, что инициатива континентального ядра Еврозоны негативно отразится на государствах-членах, которые в неё не вошли: «Тем из нас, кто остаётся вне Еврозоны, тоже нужны определённые гарантии того, например, что доступ для нас на Единый рынок не будет никоим образом скомпрометирован». Хотя правительство Великобритании на тот момент вовсе не собиралось отказываться от членства в ЕС, неучастие страны в зоне евро само по себе повлекло за собой со временем важные институциональные последствия, в результате поспособствовавшие тренду на понижение её статуса одного из ведущих государств Союза.

Понятно, что целый ряд положений базового договора в том, что касалось ЭВС, изначально не касался Британии, по экономическим и политическим соображениям не пожелавшей перейти на евро. В вопросах, непосредственно затрагивающих Еврозону, голос Лондона не имел большого значения. Участвуя в европейской координации национальных курсов экономической и фискальной политики, Великобритания в принципе могла подвергаться процедуре чрезмерного дефицита (Туркина 2017), хотя европейские институты и не вправе были бы, даже пока страна оставалась в Евросоюзе, налагать на неё санкции, принуждая последовать определённым рекомендациям. К управлению ЕЦБ Лондон, естественно, тоже оказался изначально не причастен. Управляющий Банком Англии участвовал только в заседаниях Общего совета ЕЦБ – органа с ограниченными полномочиями, не имевшего касательства к решениям ЕЦБ по кредитным ставкам или по выкупу государственных облигаций.

⁸ Cameron D. EU Speech at Bloomberg. Gov.uk 23 January 2013. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg> (accessed 18.06.2022).

Великобритания, как уже было упомянуто, не подписала Фискальный пакт, дополняющий национальные правила по национальной бюджетной политике, не приняла участия в Европейском механизме стабильности и не вошла в Банковский союз, в котором собраны механизмы по банковскому надзору и финансовому оздоровлению кредитных институтов зоны евро. Лондон не подписывал соглашение об обобщении национальных вкладов в Единый фонд рекапитализации и ликвидации банков. Вспомним попутно, что в своё время страна не присоединилась к Шенгенскому режиму и получила послабления по линии Хартии фундаментальных прав ЕС и по некоторым разделам правил, касающихся внутренних дел и юстиции. Всеми этими решениями Великобритания самоустранилась от участия в широкой практике европейского управления, завязанной отныне на спасение и обеспечение жизнедеятельности Еврозоны, что в итоге привело к относительной маргинализации её европейских позиций.

Несмотря на обилие исключений и послаблений, которых Лондону удалось добиться ранее, в период с ноября 2015 по февраль 2016 гг. Д. Кэмерон вёл с ЕС переговоры об изменении порядка взаимоотношений страны с Евросоюзом, которые предполагали (по его представлениям) достижение Лондоном дополнительного уровня дифференцированной (дез)интеграции в интеграционной системе: Британия стремилась добиться для себя новых особых условий, не выходя из Союза и одновременно полагая предел развитию в нём централистских тенденций без собственного участия. По итогу этих переговоров сторонам удалось достичь определённых, не слишком вразумительных, договорённостей, впоследствии не реализованных, поскольку они решительно не удовлетворили британских евроскептиков и не могли послужить убедительным аргументом, склоняющим британский электорат к поддержке перспективы дальнейшего членства в ЕС на референдуме 2016 г.

В сфере экономического управления британское правительство во главе с Кэмероном предложило на переговорах с ЕС ввести договорные гарантии против негативных последствий политики в зоне евро для государств, не входящих в неё. Однако Брюссель отверг возможность применения британского вето против решений по банковскому союзу и Еврозоне, не устранившись уже формально объявленного будущего референдума. Таким образом, Лондон хотел «всего лишь» дистанцироваться от экономических проблем Еврозоны, спровоцированных глобальным экономическим кризисом 2008–2009 гг. Его целью было достичь внутри Евросоюза некоего нового состояния внутренней дифференцированной (дез)интеграции, чего не удалось добиться.

Роль Европейской комиссии

Наднациональные институты (Европейская комиссия, ЕЦБ, да и Европарламент) в качестве собственного политического приоритета нацелены на единообразную интеграцию через централизацию. Ввиду их структуры и специфики

функционирования им довольно трудно приспособляться к системной дифференциации. В частности, ЕК не заинтересована в усилении дифференциации в политической организации ЕС, поскольку дифференциация благоприятствует более активному вовлечению национальных правительств в управление, тем самым укрепляя межправительственные тенденции в Евросоюзе дополнительно (после вступления в силу Маастрихтского договора и особенно после мирового финансового кризиса 2008 г. главным методом принятия политико-организационных решений в Евросоюзе стала межправительственная координация, оттеснившая наднациональные институты на второй план).

Лишённая положений первой скрипки в институциональном строительстве, Комиссия до сих пор сохраняет важную роль в экономическом управлении Еврозоны и Евросоюза в целом, добиваясь реализации общих целей и вынужденно (под влиянием общих неблагоприятных для централистского тренда обстоятельств) поддерживая планы углубления интеграции через дифференциацию, за которые выступили, прежде всего, Франция и Германия.

К примеру, в Белой книге Европейской комиссии 2017 г. «О будущем Европы»⁹ упомянуты на выбор несколько возможных сценариев дифференцированной (дез)интеграции. Особую поддержку президента Франции Эммануэля Макрона и Меркель, а также позитивные отклики тогдашнего главы ЕК Жан-Клода Юнкера получил сценарий, опиравшийся на идеи наращивания интеграции на разных скоростях (под рубрикой «те, кто хочет большего, делают больше»). «Отстающие» лишались бы возможности помешать авангарду двигаться вперёд. После самостранения Лондона этому варианту особенно настойчиво сопротивляются Вишеградские страны (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия), которые в формировании авангарда заведомо без их собственного участия не заинтересованы. Поскольку для принятия решений по институциональной реформе в Европейском совете вне экстремальных ситуаций по-прежнему требуется консенсус, испытав тот вызов, которым стал для ЕС Брексит, реформа вновь завязла в тупике.

(Де)европеизация

Великобритания вышла из Евросоюза 31 января 2020 г. За десятилетия членства из-за передачи законодательных полномочий от национальных к наднациональным институтам сложилась тесная взаимозависимость тех и других в процедурных и регуляторных вопросах. Национальный парламент (Вестминстер) уступил европейскому «центру» долю своего суверенитета в области законодательства. Процедурная, политическая и правовая европеизация Вестминстера тем самым закрепились на практике, получив признание в конституции Соединённого Королевства и в национальных судебных решениях.

⁹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU by 2025. 2017. *European Commission*. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/white_paper_on_the_future_of_europe_en.pdf (accessed 18.06.2022).

Приступая теперь к рассуждениям о европеизации, автор ориентируется на определение данного явления как совокупности процессов формулирования, распространения и институционализации формальных и неформальных правил, процедур, парадигм политики, стилей, приёмов, а также общих убеждений и норм, которые сначала определяются и закрепляются в ходе реализации публичной политики ЕС, а затем инкорпорируются в логику внутривнутриполитического дискурса отдельных стран, отражаясь на идентичностях, политических структурах и их государственной политике (Radaelli 2001: 108). Так не следует ли нам в актуальных условиях ожидать «обратного хода» вещей, имея в виду скорую деевропеизацию британского права и политики? Множащаяся сегодня специальная литература по проблеме деевропеизации старается ухватить суть поменявшейся динамики на внутривнутриполитической британской сцене, усматривая за ней стремление национального правящего класса избавиться от элементов прежней европеизации.

Главная примета понятия «деевропеизация», таким образом, состоит в том, что учёные, использующие его, считают деевропеизацию намеренной и сознательно преследующей цель повернуть процессы европеизации вспять (Copeland 2016; Бабынина 2020). Но даже настойчиво проводимый евроскептическим правительством в Лондоне курс на деевропеизацию национальной политической системы и её институтов не мог бы не занять длительное время, если произойдёт вовсе, тем более что ему будет всячески сопротивляться парламент, отстаивая интересы той части общества, которая «развода» с ЕС не желала. В такой связи важно обратить внимание на два решения Верховного суда Великобритании¹⁰. Суд подтвердил, что парламент несёт конституционную ответственность за надзор над исполнительной властью в стране, которую правительство не вправе подавлять (Strezhneva, Moiseeva 2021: 362-364).

К тому же в принципе организационный результат Брексита не обрубаёт связи Великобритании и ЕС полностью¹¹, и попятную европеизацию в какой-то форме нельзя полностью исключать. Высокая степень экономической взаимозависимости между ними, а также масштаб и влияние интегрированных рынков Евросоюза продолжают оказывать существенное давление (демонстрируют силу нормативного притяжения) в пользу того, чтобы Лондон, в том числе забо-

¹⁰ В январе 2017 г. в Верховном суде Соединённого Королевства были успешно оспорены полномочия Терезы Мэй как премьер-министра, в деле уведомления Брюсселя о намерении Лондона вывести страну из ЕС на основании статьи 50 Договора о Европейском союзе без соответствующего парламентского акта. См.: UK Supreme Court ([2017] UKSC 5) (24 Jan.). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2016-0196-judgment.pdf> (accessed 18.06.2022). Затем в сентябре 2019 г. Суд однозначно выступил против попытки премьер-министра Бориса Джонсона урезать роль Палаты Общин в определении условий «развода» с Евросоюзом. См.: UK Supreme Court ([2019] UKSC 41) (24 Sept.). URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/docs/uksc-2019-0192-judgment.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹¹ Соглашение о торговле и сотрудничестве между ЕС и Великобританией было подписано 30 декабря 2020 г. Оно выходит за рамки традиционного торгового соглашения, обеспечивая преференциальную взаимную торговлю в широком круге областей и содержит положения, заточенные на обеспечение «единого игрового поля» в экономическом сотрудничестве.

тятся о поддержании собственных глобальных экономических позиций на перспективу, сохраняя долговременную ориентацию на европейские регуляторные стандарты.

Северная Ирландия

В 1985 г. Европейские сообщества покинула Гренландия, входящая в состав Датского королевства. За такой исход проголосовали на референдуме, проведённом на острове тремя годами ранее, 53% его жителей, озабоченных главным образом защитой прав рыболовства. Если Гренландия, территория в рамках одного из государств-членов, вышла из объединения, присоединившись к числу специальных территорий стран в ЕС, то в случае Брексита развернулся противоположный сценарий: государство вышло из Союза, тогда как его провинция продолжает подчиняться европейскому праву в согласии с Североирландским протоколом, который в качестве приложения входит в соглашение о «разводе» (Вилкова 2018). С 2009 г. Гренландия, оставаясь частью Дании, имеет режим самоуправления. Британский политический класс вряд ли стремится к тому, чтобы нечто подобное произошло в Северной Ирландии, но надеяться на обратное в целом позволяют её тесные связи с остальными частями Соединённого Королевства.

Противники Протокола в рядах британской консервативной партии, а также юнионисты Северной Ирландии считают, что условия Протокола порождают опасные риски, вплоть до подрыва политической и конституционной целостности Соединённого Королевства. Демократическая юнионистская партия (ДЮП) отказалась войти в кабинет министров Северной Ирландии, обновляемый по результатам выборов 5 мая 2022 г. в Стормонт (Североирландскую ассамблею), если Протокол не будет отменён или, по крайней мере, пересмотрен. Партия ирландских националистов «Шинн фейн» (набравшая наибольшее количество голосов на этих выборах), а также североирландские социал-демократы, лейбористы и Партия «Альянс» Северной Ирландии Протокол, напротив, поддерживают.

Граница между Республикой Ирландия (РИ) и Северной Ирландией протяжённостью 499 километров – единственная сухопутная граница, разделяющая Европейский союз и Соединённое Королевство. Введение на ней ввиду Брексита жёсткого контроля имело бы тяжёлые последствия для мирного процесса в Северной Ирландии, угрожая устойчивости Соглашения Страстной пятницы 1998 г., которое обеспечивает политическое урегулирование многолетнего ожесточённого вооружённого конфликта. Данное соглашение было подписано в условиях членства в Европейских сообществах как РИ, так и Великобритании, что гарантировало растущую степень открытости и сотрудничества сторон. Если бы Северная Ирландия, покинув Евросоюз в составе Соединённого Королевства, вышла из ЕВР, ирландские националисты утвердились бы в той точке зре-

ния, что достижение единства Ирландии остаётся единственным средством для восстановления разорванной Брекситом связи региона с Европой, содействия росту ирландской экономики и консолидации мирного процесса.

Договорённости Лондона и Брюсселя предотвратили необходимость оформления подобной жёсткой границы. По Североирландскому протоколу Северная Ирландия должна следовать таможенным правилам ЕС и правилам ЕВР, в том числе касающимся производственных стандартов, мер обеспечения продовольственной безопасности и допустимых государственных субсидий. Между тем по варианту соглашения, о котором ранее договорилась с Брюсселем бывший премьер Тереза Мэй, предусматривалось иное, а именно «ограничитель заднего хода» (*backstop*), по которому вся Великобритания, лишившись прав членства, оставалась бы на неопределённое время в таможенном союзе с ЕС. Сменивший Мэй Борис Джонсон расценил такой вариант, который трижды заблокировала Палата общин, как не обеспечивающий цели выхода страны из ЕС в соответствии с результатами народного волеизъявления. Поскольку Соединённое Королевство за вычетом Северной Ирландии вольно устанавливать собственные таможенные и регуляторные правила, создаётся необходимость проверки и контроля товаров, пересекающих возникшую тектологическую «границу» между Великобританией и Северной Ирландией, породившую материальную торговую преграду в Ирландском море. Устойчивость такой конструкции по условиям Протокола поставлена в зависимость от готовности Стормонта её подержать.

Таким образом, Северная Ирландия, оставаясь частью таможенной территории Соединённого Королевства, одновременно находится под властью европейских правил регулирования. Если у товара из Британии при пересечении им «границы» в Ирландском море отсутствуют документы, подтверждающие, что он предназначен для Северной Ирландии, то он подлежит таможенному обложению. Северная Ирландия поставлена, следовательно, в положение ингрессивной связи между Британией, вышедшей из ЕС, и самим Евросоюзом.

Стормонт должен будет, начиная с декабря 2024 г., периодически подтверждать своё согласие на продление существования в таком виде торговой границы в Ирландском море. Детали процесса принятия Стормонтом соответствующего решения были установлены британским правительством¹². По результатам уже упомянутых выборов в Стормонт в мае 2022 г. большинство среди 90 его депутатов составляют сторонники Протокола (54 против 36).

Налицо весьма оригинальный в организационном отношении компромисс между возникшей вследствие решения Британии выйти из ЕВР и таможенного

¹² Declaration by Her Majesty's Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland concerning the operation of the 'Democratic consent in Northern Ireland' provision of the Protocol on Ireland/Northern Ireland. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840232/Unilateral_Declaration_on_Consent.pdf (accessed 18.06.2022).

союза ЕС необходимостью пограничных проверок потоков из третьей страны и соблюдением Соглашения Страстной пятницы 1998 г. Данное решение, как и все прочие гипотетически возможные исходы Брексита, с точки зрения интересов Северной Ирландии остаётся субоптимальным. Его сторонники подчёркивают, что это не только хорошая альтернатива возведению жёсткой границы на острове Ирландия, но и шанс для североирландских фирм, из-за двойного статуса Северной Ирландии, одновременно получить доступ и к европейскому, и к британскому рынкам, привлекая инвестиции в регион, давно испытывающий их нехватку. Между тем в протестантской общине могут усматривать в «границе» в Ирландском море не только препону к сохранению территориальной целостности Соединённого Королевства, но даже угрозу собственной идентичности.

Впрочем, Североирландский протокол смотрится необычно и с точки зрения Европейского союза. Его внешняя торговая граница здесь оказалась размещена внутри территории страны, которая более не является государством-членом ЕС, – ведь таможенные и фитосанитарные проверки в Ирландском море служат средством проконтролировать поступление товаров на европейский внутренний рынок, а самому Лондону, по большому счёту, они не нужны. У ЕС нет убедительных полномочий, чтобы обеспечить соблюдение своих правил и проведение проверок в собственных интересах на британской территории. За их имплементацию всецело отвечает британская сторона. При этом, вопреки боевитой риторике и даже радикальным действиям премьера Бориса Джонсона и министра иностранных дел Великобритании Элизабет Трасс¹³, Великобритания вряд ли реально пойдёт на разрыв Североирландского протокола, от которого в сильной степени зависят будущие отношения Лондона с Брюсселем в целом. Поскольку Великобритания оказалась бы в положении нарушителя международного права, против чего настроены группа умеренных консерваторов в Палате общин и Палата лордов, маловероятно, чтобы анонсированный Трасс билль по Североирландскому протоколу обрёл в итоге законную силу. В любом случае его рассмотрение в Парламенте может занять до полутора лет, в течение которых внутривластная ситуация будет неоднократно меняться. Для быстро теряющего популярность, в том числе в рядах собственных однопартийцев, консервативного правительства, это, скорее, блеф, попытка одновременно угодить консерваторам-евроскептикам и ДЮП и добиться от Брюсселя уступок по имплементации Протокола, которые можно было бы представить внутри страны как дипломатическую победу. Вместе с тем неоднократные угрозы Лон-

¹³ 13 июня 2022 г. Трасс представила законопроект (The Northern Ireland Protocol Bill, URL: <https://bills.parliament.uk/bills/3182> (accessed 18.06.2022)), рискуя спровоцировать тем самым торговую войну Великобритании с Европейским союзом. Этот билль односторонним порядком вносит изменения в Североирландский протокол, который является частью международного договора между Великобританией и Евросоюзом, при чётко выраженном несогласии на это ЕС.

дона пойти на действия, разрывающие подписанные договорённости о «разводе», демонстрируют сохраняющуюся неустойчивость отношений Великобритании и Евросоюза, «скованных» Североирландским протоколом.

По Протоколу Брюссель обязан информировать Лондон о планируемых Союзом правовых актах в пределах действия Протокола. Но там, где подобные акты вносят изменения в регламенты и директивы ЕС, перечисленные в Протоколе, они подлежат автоматическому обновлению и применению на территории Северной Ирландии, причём Лондон не может заблокировать процесс принятия решений, но несёт ответственность за их исполнение. Со своей стороны, Брюссель обязан информировать Лондон о новых европейских актах заблаговременно, до того, как они будут приняты, и в Совместном комитете ЕС – Великобритания между сторонами должен проходить осмысленный, а не сугубо «протокольный», как то нередко бывает, обмен мнениями по поводу их последствий для функционирования Протокола.

Североирландским протоколом порождена уникальная (в подлинном смысле слова эмерджентная) ситуация, не сводимая к свойствам или возможностям британской или европейской систем управления по отдельности. Так, у Евросоюза есть сильно раздражающее британцев юридическое право потребовать, чтобы Североирландский протокол должным образом соблюдался, но нет права самому обеспечить все необходимые проверки на месте. Со своей стороны, Лондон вправе принимать любые национальные нормы регулирования, не оглядываясь на недовольство Брюсселя, но расхождение национальных норм с европейскими не выгодно самому Лондону, поскольку оно подрывало бы единство внутреннего рынка страны, коль скоро в Северной Ирландии продолжают действовать европейские нормы. Чтобы удерживать Северную Ирландию в составе Соединённого Королевства, этого не стоит допускать.

В конечном счёте, характер и масштаб проверок и контроля на «границе» в Ирландском море будет находиться в сильной зависимости от того, насколько Лондон решит отклониться от Брюсселя в том, что касается правил регулирования. Если содержание Протокола отразило способность сторон к проявлению гибкости и воображения, но те же качества постоянно требуются теперь от обеих сторон и для его успешного выполнения, чего в настоящее время решительно не наблюдается.

* * *

В статье был проведён анализ, позволяющий дать взвешенную оценку перспективам институциональной дифференциации на пространстве европейской интеграции ввиду выхода Британии из ЕС. На основании тектологии Александра Богданова была уточнена концептуализация институциональных аспектов региональной (дез)интеграции и дифференциации. Было установлено, что системный подход, представленный в его теории организации, при анализе (дез)интеграционных процессов требует, прежде всего, определить, о (дез)интегра-

ции какого системного комплекса мы ведём речь в каждом отдельном случае. В зависимости от ответа на этот необходимый предварительный вопрос в связи с Брекситом мы можем сегодня наблюдать: (1) дифференцированную интеграцию в системных комплексах, которые объединяют Евросоюз и третьи страны, имеющие с ним договорные отношения, определяющие для них конкретные условия привилегированного доступа на европейский Единый внутренний рынок; (2) частичную (внутреннюю) дезинтеграцию Соединённого Королевства в Ирландском море, обеспечивающую особые условия доступа на ЕВР для Северной Ирландии; (3) интессивную связку Великобритании с Евросоюзом, работающую на укрепление их относительно слабой формы интеграции в условиях взаимного недоверия, усугубляющегося после Брексита; (3) дифференцированную дезинтеграцию Евросоюза как отдельного системного комплекса, который покинуло одно из его государств-членов.

Брексит явил собою уникальный на сегодняшний день случай горизонтальной дезинтеграции Евросоюза. При этом по отношению к Лондону в ходе состоявшихся торговых переговоров и по их завершении Брюссель занял очень жёсткую политическую позицию, настойчиво сигнализируя тем самым, что преимущества дифференцированной интеграции с Евросоюзом должны доставаться только тем странам, которые готовы подчиняться его ключевым правилам, а за отклонения от них придётся дорого платить.

Если говорить о будущем европейской интеграции, то, как уже хорошо известно, давно отрабатываются различные организационные формы и варианты дифференцированной интеграции (от возможности для отдельных государств-членов не участвовать в определённых направлениях политики ЕС до ассоциации с некоторыми направлениями его политики отдельных государств, членами ЕС не являющихся). В силу этого и возврат к воплощению идеи Европы наций, и продвижение к оформлению на базе ЕС в полном составе федерации, ключевыми полномочиями в которой обладали бы институты европейского уровня, в обозримой перспективе выглядят в равной мере маловероятными. Вопрос для Брюсселя скорее в том, чтобы впредь избегать таких вариантов (субъективной) дифференциации в ЭВС, которые, как в британском случае, станут провоцировать появление патологических дезинтеграций с непредсказуемыми последствиями.

Следует признать, что в принципе дифференцированная интеграция бросает серьёзный вызов идее всё более тесного союза, по-прежнему прописанной в договорной основе европейской интеграции. Эта идея требует существенной меры институциональной изобретательности и нетрадиционных подходов для своего воплощения и провоцирует попутно сомнения по поводу пределов легитимности европейских наднациональных институтов.

Об авторе:

Марина Вадимовна Стрежнева – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья публикуется в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

UDC: 327.7
Received: April 11, 2022
Accepted: 06/06/2022

Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit

M.V. Strezhneva
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60)

IMEMO RAN

Abstract: Exit of Britain from the European Union resuscitated academic discussions on the topic of the certainty value for the unfolding of disintegrative trends in the united Europe. Nevertheless, no general perception has emerged yet of how Brexit is likely to influence the organizational prospects and viability of the European integration grouping. In most cases the conceptualizations do not escape the presentation of dichotomy between integration and disintegration as two ultimo states in international relations. In fact, these are two processes, more complexly co-related. Each of them can include a wide array of structural arrangements, some differentiation dynamism, different levels of centralization in separate domains, as well as certain (variable) numbers of participants in distinct arrangements. In this article the meaning of Brexit as a condition of further European (dis)integration is treated, as based on Alexander Bogdanov's theory of organization. This theory serves to reconsider the established renderings of such key notions, as integration, disintegration and differentiation.

The new sight is gained of immune after-effects of prior Europeanization for the political system of the UK. Cases of the Economic and Monetary Union and the Northern Ireland Protocol receive separate treatment. The latter one presents a path-breaking design for differentiated integration with subnational region participation. Yet to realize the potential of the Protocol in full, political will is needed from both London and Brussels.

On the most basic level, once this large country left the EU, one could hardly imagine any of its remaining 27 members to head off further progressive development of European integration. At the same time, it has to be acknowledged that, in order to make headway in terms of integration, the EU system, rather than unification and centralization, is in need of intensified differentiation. Meanwhile, the supranational institutions, and the European Commission most notably, remain oriented towards uniform integration as their priority. This can result in lower efficacy of the EU integration policy.

Keywords: Brexit, European Union, integration, differentiation, differentiated integration, disingression, Northern Ireland, Europeanization

About the author:

Marina V. Strezhneva – Dr. of Science (Political Science), Professor, Principal Researcher in International Relations. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation. E-mail: m.strezhneva@imemo.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

Acknowledgements:

This work was supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No 075-15-2020-783), project title «Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation».

References:

- Bickerton C. 2019. The Limits of Differentiation: Capitalist Diversity and Labour Mobility as Drivers of Brexit. *Comparative European Politics*. 17(2). P. 231-245. DOI: 10.1057/s41295-019-00160-x
- Brunazzo M. 2022. The Politics of EU Differentiated Integration: Between Crises and Dilemmas. *The International Spectator*. 57(1). P. 18-34. DOI: 10.1080/03932729.2022.2014103
- Burk M., Leuffen D. 2019. On the Methodology of Studying Differentiated (Dis)integration: Or How the Potential Outcome Framework Can Contribute to Evaluating the Costs and Benefits of Opting In or Out. *Journal of Common Market Studies*. 57(6). P. 1395-1406. DOI: 10.1111/jcms.12958
- Copeland P. 2016. Europeanization and de-Europeanization in UK Employment Policy: Changing Governments and Shifting Agendas. *Public Administration*. 94(4). P. 1124-1139. DOI: 10.1111/padm.2016.94.issue-4
- Gänzle S., Leruth B., Trondal J., eds. 2021. *Differentiated Integration and Disintegration in a Post-Brexit Era*. London and New York: Routledge. 276 p.
- Gstöhl S., Phinnemore D., eds. 2019. *The Proliferation of Privileged Partnerships between the European Union and its Neighbours*. London: Routledge. 224 p.
- Jones E. 2018. Towards a Theory of Disintegration. *Journal of European Public Policy*. 25(3). P. 440-451. DOI: 10.1080/13501763.2017.1411381
- Mazumder S., Pahl R.M. 2013. What if the UK Had Joined the Euro in 1999? *Open Economies Review*. 24(3). P. 447-470. DOI: 10.1007/s11079-012-9245-5
- Radaelli C. 2001. The Domestic Impact of European Public Policy: Notes on Concepts, Methods and the Challenge of Empirical Research. *Politique Européenne*. №5. P. 107-142.
- Rosamond B. 2019. Theorising the EU in Crisis: de-Europeanisation as Disintegration. *Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs*. 9(1). P. 31-44. DOI: 10.1332/204378918X1545393450591
- Schimmelfennig F., Leuffen D., Rittberger B. 2015. The European Union as a system of differentiated integration: interdependence, politicization and differentiation. *Journal of European Public Policy*. 22(6). P. 764-782. DOI: 10.1080/13501763.2015.1020835. URL: <https://samuelbhfauredotcom.files.wordpress.com/2019/09/schimmelfennig-and-alii-2015.pdf> (accessed 18.06.2022)

Schimmelfennig F., Winzen T. 2020. *Ever Looser Union? Differentiated European Integration*. Oxford: Oxford University Press. 256 p.

Schmitter P., Lefkofridi Z. 2016. Neo-Functionalism as a Theory of Disintegration. *Chinese Political Science Review*. 1(1). P. 1-29. DOI: 10.1007/S41111-016-0012-4

Schwarzer D. 2013. The Euro Area Crises, Shifting Power Relations and Institutional Change in the European Union. *Global Policy*. Vol. 3. Supplement 1. P. 28-41. DOI: 10.1111/1758-5899.12013. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1758-5899.12013> (accessed 18.06.2022).

Strezhneva M., Moiseeva D. 2021. Parliamentaryisation of Brexit: Legitimation Games in the Process of Regional Disintegration. *Parliaments, Estates and Representation*. 41(3). P. 353-370. DOI: 10.1080/02606755.2021.1955569

Svendsen Ø., Adler-Nissen R. 2019. Differentiated (Dis)integration in Practice: The Diplomacy of Brexit and the Low Politics of High Politics. *Journal of Common Market Studies*. 57(6). P. 1419-1430. DOI: 10.1111/jcms.12960

Vollaard H. 2018 *European Disintegration – A Search for Explanations*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 278 p.

Waltz K. *Theory of International Politics*. 1979. Reading (MA), Addison-Wesley Publishing Company. 249 p.

Wachowiak J., Zleeg F. 2022. Brexit and the Trade and Cooperation Agreement: Implications for Internal and External EU Differentiation. *The International Spectator*. 57(1). P. 142-159. DOI: 10.1080/03932729.2022.2030604

Webber D. 2019. *European Disintegration? The Politics of Crisis in the European Union* London: Red Globe Press. 278 p.

Babynina L.O. 2012. *Gibkaya integraciya v Evropejskom Soyuze: teoriya i praktika primeneniya* [Flexible Integration in the European Union: Theory and Implementation Practice]. Moscow: URSS. 302 p. (In Russian)

Babynina L.O. 2020. Deevropeizaciya ili demontazh: kak budut stroit'sya otnosheniya ES i Velikobritanii [De-Europeanization or Dismantling: Prospects of the EU-UK Relations]. *Sovremennaya Evropa*. №3. P. 5-15. DOI: 10.15211/soveurope320200515 (In Russian)

Bogdanov A.A. 2019. *Tektologiya: Vseobshchaya organizacionnaya nauka* [Tektology: The General Science of Organization]. Moscow: LENAND. 680 p. (In Russian)

Butorina O.V. 2020. Suzhenie Evropejskogo soyuza i potencial integracii [Contraction of the European Union and Integration Potential]. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*. 90(11). P. 1058-1066. DOI: 10.31857/S0869587320110043 (In Russian)

Ivanova I.K. 2019. Constitutional Rationales for the United Kingdom's Exit from the European Union. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 14(3). P. 167-186. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ivanova (In Russian)

Ignatova V.A. 2012. Integraciya i differenciaciya kak universal'nye kategorii nauki i ih otryazhenie v teorii i praktike estestvenno-nauchnogo obrazovaniya [Integration and Differentiation as Universal Scientific Categories and Their Reflection in Theory and Practice of Education in Natural Sciences]. *Obrazovanie i nauka*. 2(101). P. 3-17 (In Russian).

Kaveshnikov N.Yu. 2018. Velikobritaniya i Evropejskij soyuz: dolgaya istoriya razvoda. Stat'ya 2. Slozhnyj partnyor [United Kingdom and European Union: A Long History of Divorce Part 2. Awkward partner]. *Sovremennaya Evropa*. №6. P. 18-29. DOI: 10.15211/soveurope620181829 (In Russian)

Luhman N. 2006. *Differenciaciya* [Differentiation]. Moscow: "Logos". 320 p. (In Russian).

Nikonova A. 2019. On the Ingression Principle in the System World of A.A. Bogdanov, or no Prophet in his Own Country. *HronoEconomics*. 7(20). P. 32-40 (In Russian). URL: http://hronoeconomics.ru/07_2019.pdf (accessed 18.06.2022).

Turkina A.V. 2017. Novye stadii procedury chrezmernogo deficita byudzheta gosudarstv – chlenov Evropejskogo soyuza i ocenka ih effektivnosti [New Steps in the Excessive Deficit Procedure for the Member-States Budgets and Estimation of Their Efficiency]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. № 4. P. 11-17 (In Russian).

Vilkova M.Yu. 2018. Pravo secessii v evropejskoj integracii: opyt Grenlandii i Velikobritanii [Right of Secession in European Integration]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*. №5. P. 78-83. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.078-083 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Бабынина Л.О. 2012. *Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения*. Москва: URSS. 302 с.

Бабынина Л.О. 2020. Деевропеизация или демонтаж: как будут строиться отношения ЕС и Великобритании. *Современная Европа*. №3. С. 5-15. DOI: 10.15211/soveurope320200515

Богданов А.А. 2019. *Тектология: Всеобщая организационная наука*. Москва: ЛЕНАНД. 680 с.

Буторина О.В. 2020. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции. *Вестник Российской академии наук*. 90(11). С. 1058-1066. DOI: 10.31857/S0869587320110043

Вилкова М.Ю. 2018. Право сецессии в европейской интеграции: опыт Гренландии и Великобритании. *Вестник Университета им. О.Е. Кутафина*. №5. С. 78-83. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.45.5.078-083

Иванова И.К. 2019 Конституционные основания выхода Соединённого Королевства из Европейского союза. *Труды Института государства и права РАН*. 14(3). С. 167-186. DOI: 10.35427/2073-4522-2019-14-3-ivanova

Игнатова В.А. 2012. Интеграция и дифференциация как универсальные категории науки и их отражение в теории и практике естественно-научного образования. *Образование и наука*. 2(101). С. 3-17.

Кавешников Н.Ю. 2018. Великобритания и Европейский союз: долгая история развода. Статья 2. Сложный партнёр. *Современная Европа*. №6. С. 18-29. DOI: 10.15211/soveurope620181829

Луман Н. 2006. *Дифференциация*. Москва: Логос. 320 с.

Никонова А. 2019. О принципе ингрессии в системном мире А.А. Богданова, или нет пророка в своём отечестве. *Хроноэкономика*. 7(20). С. 32-40.

Туркина А.В. 2017. Новые стадии процедуры чрезмерного дефицита бюджета государств – членов Европейского союза и оценка их эффективности. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Серия: Гуманитарные и общественные науки. №4. С. 11-17.

«Быстрее, выше, сильнее – вместе»?: кризис мирового спортивного движения в контексте пандемии и проблемы расизма

Е.В. Хахалкина, А.В. Мунько

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В последние годы спорт отражает наиболее болезненные тенденции в общественном развитии, в международно-политических, экономических и культурно-исторических процессах.

На примере крупных спортивных событий лета 2021 г. авторы показывают кризис олимпизма и идейно-философской основы спорта высших достижений как важного элемента международных отношений, переживающих заметную трансформацию под влиянием пандемии коронавируса и обострения расистских травм прошлого.

Исследование базируется на социальном конструктивизме, в нём использованы элементы критического дискурс-анализа, сравнительного анализа. Последовательно, от кейса к кейсу (Чемпионат Европы по футболу и Олимпийские игры в Токио 2021 г., отборочные матчи ФИФА 2022 г.) показаны примеры политически мотивированного судейства на ключевых спортивных мероприятиях международного масштаба, а также всплески расизма со стороны отдельных участников. Распространённый на западе принцип «политкорректности» затрудняет объективное обсуждение и осмысление исторических и колониальных травм, а также кризиса ценностей «честной игры» в спорте высших достижений, вызванного его коммерциализацией и политизацией.

Сделаны выводы о том, что рассмотренные факты порождены в том числе активизацией весной 2020 г. движения Black Lives Matter, вышедшего за пределы США, формированием и расширением «культуры отмены», а также возрастанием влияния социальных сетей и медиа на формирование мирового общественного мнения. Объявленная весной 2020 г. пандемия коронавируса стала фактором, обострившим старые национальные проблемы и вынесшим на передний план новые явления в мировом спорте как важной составляющей межгосударственного взаимодействия и внешней политики государств.

Ключевые слова: спорт, расизм, Чемпионат Европы по футболу 2021 г., Олимпийские игры в Токио, «культура отмены», политкорректность, олимпизм

В мае 2020 г. после гибели афроамериканца Дж. Флойда при задержании в Миннеаполисе (штат Миннесота, США) произошла активизация созданного ещё в 2013 г. антирасистского движения Black Lives Matter (BLM). Как позднее было доказано¹, в крови арестованного за покупку сигарет фальшивыми купюрами Флойда содержались наркотические вещества, хотя причиной смерти послужила асфиксия из-за прижатого к его шее колена полицейского. Сам задержанный оружия не имел, уже был в наручниках и вряд ли мог оказать сопротивление; несколько раз, будучи прижатым к асфальту, он повторял «я не могу дышать» и через восемь минут скончался.

Это событие всколыхнуло общественное мнение внутри США и за их пределами, обострив старые расистские травмы (Ponomareva 2021). В ответ на эти действия полицейских (это был не первый эпизод подобного рода²) начались акции протеста, сначала проходившие мирно, но вскоре переросшие в насильственные акты, сопровождавшиеся вандализмом: протестующие поджигали машины, громили и грабили магазины.

В некоторых других странах состоялись аналогичные митинги протеста против произвола полицейских и проявлений расизма с их стороны и других групп населения (Lang, Kahn-Lang Spitzer 2020). В Великобритании, Бельгии и других государствах такие акции сопровождались «мемориальными войнами»³, обозначившими возобновление дискуссий о колониальном наследии европейских стран. Подобные антиимперские выступления выразились в разрушении памятников бывшим рабовладельцам и колониалистам, вне зависимости от их вклада в мировую историю.

С июня 2020 г. и до сих пор движение BLM находится на подъёме и принимает всё новые формы. Однако вследствие развития пандемии коронавируса большая часть демонстраций и публичных митингов оказались под запретом. В этой связи разрешение Международного олимпийского комитета на проведение крупнейших спортивных мероприятий летом 2021 г., а также включение особой поправки⁴, позволяющей спортсмену различными символическими жёстами демонстрировать поддержку социальных движений, стали факторами, предопределившими политизацию спортивного движения. Стоит отметить, что попытки спортсменов во время соревнований заявить о своём несогласии с политикой властей имели место ранее, однако они не встречали широкого общественного резонанса (Boykoff, Carrington 2020). Обострение же весной-летом

¹ Убийство или передозировка? Как проходил процесс по делу Джорджа Флойда. 2021. ТАСС. 14 апреля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11135621> (дата обращения: 25.06.2022)

² Например, убийство Трейвона Мартина в 2012 г. (Alvarez L., Buckley C. Zimmerman is Acquitted in Trayvon Martin Killing. 2013. *The New York Times*. July 13. URL: <https://www.nytimes.com/2013/07/14/us/george-zimmerman-verdict-trayvon-martin.html> (дата обращения: 25.06.2022))

³ Подробнее см. например: (Аникин, Линченко 2021; Головашина 2021).

⁴ Вечное олимпийское «правило 50» дрогнуло: США и Германия продавили политические протесты на Играх, Россия против. 2021. *Sports.ru*. 25 июля. URL: <https://www.sports.ru/tribuna/blogs/streamofconsciousness/2839416.html> (дата обращения: 25.06.2022)

2021 г. старых расистских травм отдельных стран мира приобрело наиболее выраженный характер на крупных спортивных мероприятиях европейского и мирового масштаба, в очередной раз продемонстрировав не только тесную связь спорта, политики и международных отношений (Аксянов 2015; Бердникова Игнатьева, 2018; Steinbach 2016; Allison, Monnington 2002; Wamsley 2002; Torres 2011), но и обрамление политически мотивированных решений расистскими или антирасистскими лозунгами и соображениями.

Чемпионат Европы по футболу в контексте активности движения BLM

11 июля 2021 г. на лондонском стадионе «Уэмбли» состоялся финальный матч кубка УЕФА между командами Италии и Англии, определивший нового чемпиона Европы по футболу. Когда определились полуфиналисты, всё внимание мирового футбольного сообщества оказалось приковано к решающему поединку между сборными Италии и Англии. Особое значение этому матчу придавало несколько факторов. Прежде всего, команда Англии впервые за 55 лет прошла в финал мероприятия такого уровня, обозначив новую веху в развитии британского футбола. Кроме этого, поддержать национальную сборную в решающем матче пришли не только местные звёзды шоу-бизнеса Э. Ширан, Э. Джон, но и королевская чета – герцоги Кембриджские со старшим сыном Джорджем. Появление статусных гостей подчёркивало значимость этой игры для укрепления национального духа и общей идентичности страны. Также финал кубка УЕФА стал одним из первых массовых мероприятий после объявленной ВОЗ в марте 2020 г. пандемии коронавируса. Наконец, для британской сборной особое значение имело место проведения заключительного матча – она играла на одном из самых знаменитых и старейших стадионов страны.

Что касается сборной Италии, то будучи практически с самого начала состязания одним из фаворитов чемпионата, к финалу команда существенно укрепила свои позиции среди болельщиков других стран, завоевав симпатии со стороны практически всего футбольного сообщества. Дело в том, что агрессивная манера игры британцев, а также спорные решения судей в пользу команды Туманного Альбиона способствовали росту числа сторонников их оппонентов – итальянской команды. Помимо этого, на протяжении всего чемпионата английские болельщики запомнились некорректным поведением в отношении других национальных команд. В частности, они освистали гимн Дании, сломали заграждения у стадиона «Уэмбли» и устроили потасовки с итальянскими болельщиками перед финальной игрой турнира⁵.

⁵ Опубликовано видео нападения фанатов Англии на итальянцев после финала Евро. *Известия*. 12.07.2021. URL: <https://iz.ru/1191920/2021-07-12/opublikovano-video-napadeniia-fanotov-anglii-na-italiantcev-posle-finala-evro> (дата обращения: 25.06.2022); Ласнов А. Английские фанаты нападали на зрителей финала Евро в коридорах «Уэмбли». *Чемпионат*. 11.07.2021. URL: https://www.championat.com/football/news-4400137-anglijskie-fanaty-napadali-na-zritelej-finala-evro-v-koridorah-uembli.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 25.06.2022).

Неудивительно, что матч такого высокого уровня происходил в напряжённой атмосфере, а итог 1:1 по истечению всех таймов и дополнительного времени только усугубил ситуацию. Определить победителя среди команд должна была серия пенальти, закончившаяся со счётом 3:2 в пользу итальянской сборной. Соответственно, надежды британцев на победу в финале Чемпионата Европы по футболу и своеобразном триумфе нации не оправдались.

Практически сразу после окончания матча среди болельщиков распространились слухи о том, что выбор английского тренера Г. Саутгейта был обусловлен не профессиональными качествами спортсменов, а их цветом кожи. Дело в том, что британская команда активно поддерживала движение Black Lives Matter, вставая каждый матч на одно колено в знак общего равенства между всеми людьми⁶. Гражданская позиция сборной вызывала множество споров как внутри страны, так и за её пределами. Так, первый такой перформанс спортсменов в начале 2021 г. был подвергнут осуждению со стороны ряда болельщиков, встретивших данный шаг громким свистом и улюлюканьем. В частности, показателен комментарий британского премьер-министра Б. Джонсона, который заявил, что «следует сосредоточиться больше на действиях, чем на жестах»⁷. Слова премьера вызвали критику со стороны афробританских граждан, интерпретировавших цитату политика как поддержку расистских настроений. Также высказывание премьера встретило осуждение со стороны либеральной части общественности, в связи с чем, спустя три дня после этого поста официальный представитель премьер-министра был вынужден заявить, что Б. Джонсон хотел поддержать и без лишнего шума приободрить команду⁸.

Определённую роль в эскалации конфликта сыграл и тот фактор, что все три спортсмена, не забившие пенальти в ворота противника, принадлежали к молодёжной сборной Англии, известной не столько спортивными достижениями её участников, сколько этническим и культурным разнообразием. Позиция футбольных фанатов стала причиной для начавшейся травли трёх афробританских спортсменов на стадионе «Уэмбли» и на улицах города, и в социальных сетях. В частности, множество пользователей Twitter и Instagram обвинило М. Рашфорда, Дж. Санчо и Б. Сака в проигрыше страны и поставило вопросы о переосмыслении миграционной стратегии Великобритании (футболисты являлись мигрантами во втором и третьем поколениях).

Таким образом, проявившиеся вспышки ксенофобии активизировали в британском обществе проблемы межкультурного взаимодействия между бри-

⁶ Русский и американец не преклонились! Кто игнорирует акцию против расизма. *Чемпионат*. 20.03.2020. URL: https://www.championat.com/football/article-4299401-kto-iz-mira-futbola-ignoriruet-akciyu-protiv-rasizma-uilfrid-zaha-sergej-karasyov-valerij-saramutin.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 25.06.2022).

⁷ Police investigate racist abuse of three England soccer players after Euro Cup loss. *Los Angeles Times*. 12.07.2021. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-07-12/euro-cup-loss-racist-abuse-three-england-soccer-players> (accessed 25.06.2022).

⁸ Ibid.

танцами и приехавшими из «третьих стран» мигрантами. Несмотря на существующие в Великобритании с 1965 г. законы, ограничивающие проявления расизма в публичной сфере⁹, спортивные события лета 2021 г. продемонстрировали наличие глубокого раскола в британском обществе по линии «мы и они».

После окончания матча внимание большинства британских болельщиков было сосредоточено на фигуре М. Рашфорда, который обладал наибольшей аудиторией в социальных сетях (11,9 млн подписчиков). В ответ на расистские высказывания М. Рашфорд в сети Instagram опубликовал пост-рефлексию о результатах матча и последующих событиях. С одной стороны, футболист отметил, что, не реализовав пенальти, он подвёл команду и футбольное сообщество, с другой же – подчеркнул, что «никогда не будет извиняться за то, кто и откуда он есть»¹⁰. В последующих постах спортсмен выразил благодарность своим болельщикам за стихийный мемориал, образованный вокруг фрески с его изображением на юге Манчестера. Так, на протяжении первой недели после финального матча поклонники несли к изображению футболиста флаги национальной сборной и различные плакаты, поддерживающие молодёжную сборную страны¹¹. Отметим, что впоследствии этот своеобразный мемориал стал одним из центров движения Black Lives Matter, вновь активизировавшегося в Манчестере во второй половине лета 2021 г.

Поддержали М. Рашфорда его коллеги – Дж. Санчо и Б. Сака. Оба спортсмена принесли извинения болельщикам, команде и тренерам за нереализованные пенальти¹². Несмотря на волну критики в свой адрес, футболисты получили множество сочувственных комментариев и увеличили количество своих подписчиков в социальных сетях. Помимо этого, для поддержки общегражданских позиций сборной крупнейшая спортивная компания Nike заключила рекламные договоры с афробританскими игроками команды¹³.

Позиции футболистов поддерживали крупнейшие политические деятели Соединённого Королевства, представители СМИ и администраторы социальных сетей. Со стороны последних были предприняты шаги по удалению расистских публикаций и комментариев в адрес британских футболистов. В частности, Twitter осудил расистские заявления, добавив, что администрация сайта удалила более 1000 твиттов и навсегда заблокировала ряд учётных записей за на-

⁹ Race Relation Act, 1965. *legislation.Gov*. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1965/73/pdfs/ukpga_19650073_en.pdf (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁰ Marcusrashford. I don't even know. *Instagram*. 13.07.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CRPWb3Ysf-2/?utm_medium=copy_link (accessed 25.06.2022).

¹¹ Marcusrashford. Overwhelmed. *Instagram*. 14.07.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CRR0B2mM5m5/> (accessed 25.06.2022).

¹² Bukayosaka87. I have stayed away from social media for a few days to spend time with my family. *Instagram*. 15.07.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CRWkU6mLLIJ/?utm_medium=copy_link (accessed 25.06.2022).

¹³ Marcusrashford. Excited to announce that 'You are a Champion' will be made available. *Instagram*. 21.09.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CUDTk22snWu/> (accessed 25.06.2022).

рушение правил¹⁴. Руководство канала подчеркнуло, что впредь подобная политика станет регулярной и позволит сделать социальные сети более безопасным инструментом коммуникации. Помимо этого, в поддержку британской сборной был сформирован особый хэштег, призывающий всех сторонников к трёхдневному бойкоту интернет-пространства.

Премьер-министр Б. Джонсон в Twitter отметил, что британская сборная «заслуживает того, чтобы её состав восхваляли как героев, а не оскорбляли по расовому признаку»¹⁵. Однако промедление с опубликованием этого комментария было использовано оппозицией: лидер лейбористской партии К. Стармер обвинил Б. Джонсона в том, что тот не сумел оперативно защитить британскую сборную, что, по его мнению, свидетельствовало о слабости тори¹⁶.

Мэр Лондона С. Хан осудил дискриминацию британских футболистов и подчеркнул необходимость привлечения ответственных за произошедшие беспорядки¹⁷, а главный тренер британской сборной Г. Саутгейт выступил за сохранение мультирасовой сборной: «Мы были источником света, объединяющим людей, поскольку национальная сборная символизирует всю страну, то подобное единство рас и национальностей должно продолжаться»¹⁸.

Обрушившаяся на футболистов волна расистских высказываний вновь подняла в массмедиа вопрос о введении цензуры в социальных сетях. Однако более глубокий подтекст происходивших в мире спорта событий был связан с ослаблением духовно-нравственной основы спорта, всё большем проникновении в эту сферу коммерциализации и её превращении в элемент массовой культуры. Исследователи уже обращали на это внимание (Столяров, Орешкин, Баринов 2012; Винокуров 2018; Иглин 2019), однако фактор расизма, ярко проявившийся в спортивных событиях 2021 г., стал новым элементом в прежде наметившихся тенденциях.

¹⁴ ФИФА накажет Венгрию за расизм. *Euronews*. 3.09.2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/09/03/web-racist-football-match> (дата обращения: 25.06.2022).

¹⁵ Johnson B. This England team deserve to be lauded as heroes. *Twitter*. 12.07.2021. URL: <https://twitter.com/BorisJohnson/status/1414465103374729220> (accessed 25.06.2022 10.10.2021); Johnson B. That was a heartbreaking result. *Twitter*. 12.07.2021. URL: <https://twitter.com/BorisJohnson/status/1414351463057330176> (accessed 25.06.2022).

¹⁶ Keirstarme. Even now, Boris Johnson refuses to condemn those who boo England players for standing up against racism. *Instagram*. 14.07.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CRT3WslIH0y/> (accessed 25.06.2022); Keirstarmer Heartbreaking. *Instagram*. 12.07.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CRNAdro0zf/> (accessed 25.06.2022); Keirstarmer Boris Johnson's Conservatives would rather condemn Marcus Rashford for feeding hungry children. *Instagram*. 14.07.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CRTxjO2osp6/> (accessed 25.06.2022).

¹⁷ Sadiq. To @england: thank you. *Instagram*. URL: <https://www.instagram.com/p/CRNDrT2NluH/> (accessed 25.06.2022); Sadiq. England: You did us proud. *Instagram*. 13.07.2021. URL: <https://www.instagram.com/p/CRRhAsutF7F/> (accessed 25.06.2022).

¹⁸ Police investigate racist abuse of three England soccer players after Euro Cup loss. *Los Angeles Times*. 12.07.2021. URL: <https://www.latimes.com/world-nation/story/2021-07-12/euro-cup-loss-racist-abuse-three-england-soccer-players> (accessed 25.06.2022).

Олимпийские игры 2020 г. и другие спортивные события в контексте «культуры отмены» и политкорректности

Показательно повторение схожей с Чемпионатом Европы по футболу ситуации на летних Олимпийских играх 2021 г. в Токио и отборочных матчах ФИФА 2022 г.

Заметим, что в 2021 г. Международный олимпийский комитет добавил в традиционный олимпийский девиз «Быстрее, выше, сильнее» окончание «вместе». Однако именно единства на прошедших играх в Токио не произошло ввиду разобщённости спортсменов и стран, усугубляющейся на фоне пандемии. Показательным является резонанс приведённых в настоящей статье инцидентов и получение неравнодушного отклика со стороны политиков, СМИ и рядовых граждан.

Например, олимпийская федерация Германии (DOSB) под давлением общественности и СМИ была вынуждена уволить директора по велоспорту П. Мостера из-за его расистских комментариев во время одной из гонок¹⁹. В частности, СМИ, освещавшие основные этапы велосипедных соревнований, обратили внимание на фразу, которую немецкий тренер сказал перед финальным заездом своему подопечному Н. Арндту в адрес двух африканских спортсменов: «убери погонщиков верблюдов». Несмотря на последующие извинения П. Мостера и немецкого Олимпийского комитета, подобное обращение к представителям алжирской и эритрейской сборных спровоцировало волну критики в отношении всей немецкой команды.

Сложившаяся ситуация стала причиной для раскола общества на сторонников и противников главы Немецкой федерации велоспорта (BDR). С одной стороны, его оппоненты подчёркивали недопустимость таких комментариев в отношении спортсменов других стран. Как отмечал президент Немецкой олимпийской спортивной конфедерации (DOSB) А. Хёрманн: «организация выступает за уважение, честную игру и терпимость»²⁰. С другой стороны, обрушившаяся на П. Мостера критика полностью игнорировала факт его извинений и отставки с занимаемых постов. Последующая дискуссия продемонстрировала активные попытки обеих сторон использовать механизмы так называемой «культуры отмены» (направленной на публичное осуждение деятельности отдельных лиц или организаций) в отношении данной ситуации (Сальников, Сальникова 2021; Филиппович, Стрекалов 2021). Если его противники предлагали «отменить», лишить П. Мостера всех постов и навсегда заблокировать доступ к личным аккаунтам тренера, то сторонники делали упор на принесённые

¹⁹ Tokyo Olympics: German cycling official sent home after racist remarks. *Deutsche Welle*. 29.07.2021. URL: <https://www.dw.com/en/tokyo-olympics-german-cycling-official-sent-home-after-racist-remarks/a-58672383> (accessed 25.06.2022).

²⁰ German cycling chief sent home from Olympics after racist remarks. *Aljazeera*. 29.07.2021. URL: <https://www.aljazeera.com/sports/2021/7/29/cycling-chief-sent-home-from-olympics-after-racial-insult> (accessed 25.06.2022).

извинения Мостера и необходимость проявления и укрепления толерантности в обществе. Считая, что инцидент исчерпан, они предлагали прекратить травлю тренера.

С проявлениями расизма в спорте и феноменом «культурой отмены» пришлось столкнуться гимнасткам С. Байлз из США и Л. Ашрам из Израиля. Так, афроамериканка С. Байлз после известия о смерти близкого человека отказалась от продолжения соревнования, вызвав критику со стороны болельщиков сборной, обративших внимание на афроамериканские корни спортсменки²¹.

Иначе обстоит ситуация у израильской художественной гимнастки Л. Ашрам, завоевавшей золото в соревнованиях по художественной гимнастике. Дело в том, что в отличие от своих соперниц – российских участниц сестёр Авериных, Л. Ашрам допустила ошибку во время исполнения номера (потеряла гимнастическую ленту), что дало основание для последующих апелляций со стороны Российского олимпийского комитета. Судейство в этом виде спорта в целом (не только гимнастки Л. Ашрам) вызвало множество споров как среди участников Олимпиады, так и в СМИ. В частности, российские издания педалировали политизированный характер судейства, а иностранные – подчёркивали первый за двадцать лет проигрыш российской сборной. В результате, несмотря на то, что программа Л. Ашрам была признана технически более сложной, не все болельщики поддержали позицию судей, что выразилось в социальных сетях – на пост спортсменки о победе обрушилась критика и расистские обвинения.

Таким образом, на фоне непрекращающихся политизированных скандалов отходит на второй план основная суть мирового спортивного движения. Симптоматично, что в условиях, когда спорт стал одной из площадок «выяснения отношений», наблюдается потеря изначально заложенных смыслов и приоритетов, направленных на демонстрацию силы человеческого духа и воли. В данном случае, наиболее показателен кризис идентичности Олимпийского движения, зародившегося как особое спортивное братство, направленного на поддержку «спортивной дипломатии» и выстраивание культурных связей, и представляющего сейчас политизированное спортивное шоу. Так, допинговые разбирательства, отстранения сборных по решению WADA, спорные решения судей, а также всё учащающиеся случаи расизма на спортивных мероприятиях самого высокого уровня, – всё это подтверждает тезис об упадке Олимпийского игр в частности и всего спортивного движения в целом. Соревнования последнего десятилетия со всё большим постоянством демонстрируют глубокий кризис олимпизма как скрепляющей, а не разъединяющей нации и страны спортивной философии, акцентируя внимание на неотрефлексированных общественных проблемах (Волков 2019).

²¹ Simonebiles. I can't believe it's already been a month. *Instagram*. 4.09.2021. URL: https://www.instagram.com/p/CTZ_ph6HV_u/ (accessed 25.06.2022).

Осмыслению и принятию неоднозначных страниц истории мешает принявшая необратимый характер в западном обществе «мода» на «политкорректность», фактически запрещающая публичное проговаривание мнений и оценок, которые могут двойственно трактоваться и быть использованы против озвучивающих их людей. Спорт высших достижений стал инструментом в информационных войнах и войнах памяти, в данном случае, вокруг спорных и расистски окрашенных исторических травм ряда государств.

Если подойти к рассматриваемым сюжетам с точки зрения конструктивизма (Wendt 1999), наблюдается тенденция к эрозии основных смысловых и идейных посылов мирового спортивного движения как социально сконструированной структуры. В данном случае расизм, допинговые скандалы, отстранения национальных сборных являются акторами, отображающими потерю изначальных целевых установок международных спортивных объединений и постепенное разрушение интересубъективности данного феномена. С утратой основного идейного посыла – объединения спортсменов всех стран и народностей, возникает вопрос о перспективах дальнейшего развития мирового спортивного движения.

Большое влияние на затронутые эпизоды оказала и, возможно, ещё окажет пандемия коронавируса, усложнившая нормы социального взаимодействия и обострившая многие хронические проблемы и исторические травмы. В условиях самоизоляции и других ограничений общение людей качественно изменилось, перейдя почти полностью в цифровую плоскость, как следствие, новым трендом в обозначенных сюжетах стало усиление влияния социальных сетей на формирование общественного мнения и принятие решений, в том числе и в международно-политической сфере. Хотя это продолжение процессов, обозначившихся ещё в период холодной войны, когда противоборствующие стороны формировали образ врага из стран-оппонентов посредством использования широкой линейки информационных и политических технологий (Пономарева, Макарова 2020: 33).

В условиях ускорения научно-технического прогресса происходит совершенствование технологий, методик борьбы с государством-противником на поле спорта высших достижений. Меняются способы воздействия на массовое сознание, визуальный ряд во время спортивных трансляций, методы «информационных вбросов или компрометирующей информации, позволяющей управлять отношением целевой аудитории к отдельным политическим деятелям или государству в целом» (Пономарева, Макарова 2020: 34). Новой чертой последних лет стало использование фактора расизма разными участниками в своих политических целях.

Показательно, что обозначенные тенденции только усиливаются. Так, несмотря на все попытки Международного Олимпийского комитета и национальных сборных урегулировать расовый вопрос, отборочный матч между командами Венгрии и Англии в рамках турнира ФИФА вновь прошёл в условиях, когда

внимание было обращено на межрасовые отношения спортсменов. Встреча состоялась 2 сентября 2021 г. на стадионе в Будапеште и завершилась победой англичан со счётом 4:0. Однако венгерские болельщики болезненно отреагировали на проигрыш национальной сборной. Как сообщалось в СМИ, британские футболисты подверглись расистским оскорблениям со стороны местных жителей. В частности, на протяжении всего матча английская сборная столкнулась с острой реакцией на преклонения колена членами сборной в знак солидарности с движением BLM и громким улюлюканием все три тайма игры. Помимо этого, в адрес афробританских игроков Р. Стерлинга и Дж. Беллингема раздавались расистские комментарии²².

Подобное поведение принимающей стороны не осталось без внимания мирового сообщества. Прежде всего, поведение венгерских болельщиков осудил британский премьер-министр Б. Джонсон, назвав недопустимым такие выпады в адрес спортсменов. Он призвал ФИФА к решительным действиям, чтобы впредь на матчах не допустить подобных ситуаций²³. Практически сразу после окончания игры тренер национальной сборной Г. Сайтгейт дал комментарий, в котором обратил внимание на необходимость защиты спортсменов от подобных провокаций²⁴.

Распространение в социальных сетях различных видеосюжетов, связанных с проявлением дискриминации по отношению к афробританским спортсменам, вынудило Венгерскую футбольную ассоциацию (MLSZ) прокомментировать произошедшие события. Так, официальный представитель ведомства заявил, что большинство венгерских болельщиков поддерживали национальную сборную Венгрии и не провоцировали британских спортсменов. Официальную вину за расистские комментарии национальная ассоциация возложила на «немногочисленную группу футбольных фанатов», которых необходимо привлечь к административной и уголовной ответственности за такие действия²⁵.

Несмотря на обещания ФИФА о принятии особых мер, направленных против борьбы с расизмом, аналогичная ситуация повторилась на следующем отборочном матче между командами Англии и Польши, состоявшемся в сентябре 2021 г. В начале матча произошло освистывание британских игроков за их жест в знак солидарности с движением BLM. Польские болельщики, ранее призывавшие к толерантности и терпимости в футболе, в резких тонах высказались о

²² ФИФА накажет Венгрию за расизм. *Euronews*. 3.09.2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/09/03/web-racist-football-match> (дата обращения: 25.06.2022).

²³ Johnson B. It is completely unacceptable. *Twitter*. 3.09.2021. URL: <https://twitter.com/BorisJohnson/status/1433695025913901056> (accessed 25.06.2022).

²⁴ England players targeted with racist abuse in Hungary during World Cup qualifying win. *Skysports*. 3.09.2021. URL: <https://www.skysports.com/football/news/12040/12397579/england-players-targeted-with-racist-abuse-in-hungary-during-world-cup-qualifying-win> (accessed 25.06.2022).

²⁵ FIFA probes racist abuse of England players in Hungary. *Marca*. 3.09.2021. URL: <https://www.marca.com/en/world-cup/2021/09/03/61321b9eca474142278b4570.html> (дата обращения: 25.06.2022).

«политическом шаге» английских спортсменов. В конце первого тайма на поле возник конфликт между сборными, впоследствии переросший в потасовку. В результате столкновения британский футболист К. Уолкер подвергся расистским оскорблениям со стороны представителей польской команды²⁶. Однако после окончания матча менеджер польской сборной Я. Квятковски заявил, что присутствовавшие на поле игроки отрицают факт проявления расизма. Поддержали национальных игроков местные СМИ, высказавшиеся в поддержку польской команды²⁷. Впоследствии ФИФА с подачи английской сборной начала расследование этого инцидента, однако с тех пор агентство не публиковало никаких заявлений.

* * *

Таким образом, можно констатировать углубление кризиса мирового спортивного движения. Спорт высших достижений как явление на разных уровнях и во всех странах всё больше превращается в коммерческое предприятие, в котором почти не остаётся места олимпизму как мировоззрению, нацеленному на укрепление человеческого духа и благородное соперничество в духе «честной игры». Учащение скандалов на мировых спортивных состязаниях летом 2021 г., связанных как с проявлениями расизма, так и с политической ангажированностью судей, является симптомом размывания грани между политической конъюнктурой и спортивными мероприятиями. Симптоматично, что попытки использования спортивной дипломатии в рамках международного сотрудничества и взаимодействия региональных лидеров в контексте Олимпийского движения последних десятилетий не увенчались успехом (Кортунов 2021). В частности, показателен отказ европейских лидеров от приглашения на XXII Зимние Олимпийские игры в Сочи, а также решение Вашингтона об отсутствии дипломатических представительств со стороны США на олимпиаде в Пекине зимой 2022 г.

Фактор движения ВЛМ как одной из тенденций развития современных международных отношений, охватившего не только спорт, но и кинематограф, музыку и другие сферы жизни, дополнительно подчёркивает запрос обществ в разных странах на выработку механизмов справедливых состязаний, свободных от расистских или антирасистских взглядов отдельных участников и зрителей, но нацеленных на поддержание ценностей диалога и сотрудничества.

Высокая степень медийности описанных событий и активное использование социальных медиа и технологий способствовали росту феномена «культуры отмены» – пользователи социальных сетей стали играть всё большую роль в каче-

²⁶ Poland say England lodged 'untrue' complaint Kyle Walker was racially abused. *The Guardian*. 9.09.2021. URL: <https://www.theguardian.com/football/2021/sep/09/poland-say-england-lodged-untrue-complaint-kyle-walker-was-racially-abused-kamil-glik> (accessed 25.06.2022).

²⁷ Ibid.

стве особых игроков, способных влиять на общественно значимую ситуацию и публично «отменять» достижения спортсменов за их якобы или действительно расистские проступки. Суммарные действия нескольких тысяч таких акторов впоследствии могут привести к изменению норм социального взаимодействия и пересмотру принятых в обществе правил. В связи с этим, спортивные события лета 2021 г. и реакция на них международного сообщества подтверждают тезис о постепенной трансформации системы международных отношений от блоковой к акторно-сетевой модели (Петров 2021). Спортивные мероприятия в таком фокусе становятся одним из индикаторов изменений как общественно-политических отношений, так и межгосударственных взаимодействий в XXI в.

События лета 2021 г. являются также одним из наиболее показательных кейсов, подтверждающих процесс усиления политизации общественной жизни западных стран, проникновения политкорректности во все сферы социального взаимодействия людей. С началом российской спецоперации на Украине в феврале 2022 г. рассмотренные тенденции достигли практически кульминации. Уже через несколько дней после ее начала ВАДА и Международный олимпийский комитет запретили участие российской команды в зимней Паралимпиаде 2022 г.²⁸. Вслед за решениями ВАДА и МОК последовали запреты на любые выступления отечественных спортсменов на международных соревнованиях по биатлону, баскетболу, футболу и другим²⁹. Помимо этого, отказ национальных сборных Польши и Чехии играть с российской командой отборочные матчи в рамках Чемпионата мира по футболу демонстрирует политизацию спорта не только в отношении ключевых институтов, но и отдельных сборных и их участников. Таким образом, политизация спорта и «культура отмены» в нём вышли на новый уровень – если раньше пытались «отменить» отдельных спортсменов в зависимости от их действий, то сейчас происходит глобальная попытка полностью удалить российский спорт из международных соревнований. Это, в свою очередь, ведёт к трансформации роли спортивной дипломатии в международных отношениях.

Об авторах:

Елена Владимировна Хахалкина – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений, Факультет исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

²⁸ IPC to decline athlete entries from RPC and NPC Belarus for Beijing 2022. *Paralympic*. 3.03.2022. URL: <https://www.paralympic.org/news/ipc-decline-athlete-entries-rpc-and-npc-belarus-beijing-2022> (дата обращения: 25.06.2022).

²⁹ FIFA/UEFA suspend Russian clubs and national teams from all competitions. *FIFA*. 1.03.2022. URL: <https://www.fifa.com/tournaments/mens/worldcup/qatar2022/media-releases/fifa-uefa-suspend-russian-clubs-and-national-teams-from-all-competitions> (дата обращения: 25.06.2022).

Анастасия Васильевна Мунько – аспирант, ассистент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Факультета исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, 634050, пр. Ленина, 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC 327.8

Received: January 09, 2022

Accepted: June 26, 2022

“Faster, Higher, Stronger – Together”?: the Crisis of the World Sports Movement in the Context of the Pandemic and the Problem of Racism

E.V. Khakhalkina, A.V. Munko

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-61-76](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-61-76)

National Research Tomsk State University

Abstract: In recent years, sport reflects the most painful trends in social development, economics, culture, and international politics.

Major international sporting events of the summer 2021 reveal, according to authors, the crisis of Olympism and degradation of the ideological and philosophical basis of professional sport, which is an important element of international relations undergoing a noticeable transformation under the influence of the coronavirus pandemic and the exacerbation of racist traumas of the past.

The study is based on social constructivism, it uses elements of critical discourse analysis and comparative analysis. European Football Championship and Olympic Games in Tokyo 2021, FIFA 2022 qualifiers show some politically motivated refereeing, as well as bursts of racism on the part of individual participants. The principle of “political correctness” widespread in the West makes it difficult to discuss and deal with historical and colonial traumas, as well as with the crisis in the values of “fair play” in professional sports, caused by its commercialization and politicization.

The article concludes that the observed facts stem, among other things, from the revival of the Black Lives Matter movement in the spring of 2020, which spread beyond the borders of the United States, the formation and expansion of the “cancel culture”, as well as the growing influence of social networks and media on world public opinion. The coronavirus pandemic, announced in the spring of 2020, has exacerbated old national problems, and brought to the fore new phenomena in world sports.

Keywords: sports, racism, European Football Championship 2021, Olympic Games in Tokyo, “cancel culture”, political correctness, Olympism

About the authors:

Elena V. Khakhalkina - Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University. Tomsk, 634050, Lenina Pr., 36. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Anastasia V. Munko - postgraduate student, assistant of the Department of Modern, Contemporary History and International Relations of the Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University. Tomsk, 634050, Lenina Pr., 36. E-mail: nastyamun@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interest.

References:

- Allison L., Monnington T. 2002. Sport, Prestige and International Relations. *Government and Opposition*. 37(1). P. 106–134.
- Boykoff J., Carrington B. 2020. Sporting Dissent: Colin Kaepernick, NFL Activism, and Media Framing Contests. *International Review for the Sociology of Sport*. 55(7). P. 829–849.
- Lang K., Kahn-Lang Spitzer A. 2020. Race Discrimination. *The Journal of Economic Perspectives*. 34(2). P. 68–89.
- Steinbach A. 2016. Competition, Cooperation, and Cultural Entertainment: The Olympics in International Relations. *Harvard International Review*. 37(2). P. 35–39.
- Torres C.R. 2011. Morally Incompatible? An Analysis of the Relationship Between Competitive Sport and International Relations at the Olympic Games. *The SAIS Review of International Affairs*. 31(1). P. 3–16.
- Wamsley K.B. 2002. The Global Sport Monopoly: A Synopsis of 20th Century Olympic Politics. *International Journal*. 57(3). P. 395–410.
- Wendt A.E. 1999. *Social Theory of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.
- Aksyanov A.S. 2015. *Sport v sisteme sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij. Novye tendencii razvitiya obshchestvennyh nauk*. [Sports in the System of Modern International Relations. New Tendencies in Social Sciences]. Sb. nauch. trudov po itogam nauchno-prakticheskoy konferencii. P. 29–31. (In Russian)
- Berdnikova V. V., Ignat'eva I. V. 2018. Sport v sisteme sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij: proyavlenie politicheskogo komponenta. [Sports in the system of modern international relations: political angle]. *Nauka. Obshchestvo. Obrazovanie: Materialy Vserossijskoj NPK*, Irkutsk, 25 aprelya 2018 goda / Pod obshch. red. E.V. Barashevoj. Irkutsk: OOO «Setevoy institut dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya». P. 26–29. (In Russian)
- Filippovich Yu. S., Strekalov G. S. 2021. O nekotoryh osobennostyah fenomena «kul'tura otmeny». [Some Features of Cancel Culture]. *The Collection of Humanitarian Studies*. 1(26). P. 36–41. (In Russian)
- Iglin A. V. 2019. Upravlenie sportom (mezhdunarodnyj aspekt). [Sports Management (International Angle)]. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*. № 4. P. 160–175. (In Russian)
- Kortunov A. 2021. Diplomaticheskij bojkot Olimpijskih igr kak upushchennaya vozmozhnost'. [8 Years Have Passed, Western Leaders' Lack of Vision Continues from Sochi to Beijing]. *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomaticheskij->

boykot-olimpiyskikh-igr-kak-upushchennaya-vozmozhnost/ (accessed: 25.06.2022). (In Russian)

Petrov A. 2021. Sammit za «amerikanokratuyu»: SSHA vybrali, s kem budut druzhit' protiv Rossii i Kitaya [Summit for "Americanocracy": the USA has chosen who they will be friends with against Russia and China]. *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-za-amerikanokratuyu-ssha-vybrali-s-kem-budut-druzhit-protiv-rossii-i-kitaya/> (accessed: 25.06.2022). (In Russian)

Ponomareva E.G. 2021. The Present and the Past of American Liberalism In Light of Slavery and Racial Injustice. *MGIMO Review of International Relations*. 14(3). P. 97-103. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-97-103

Sal'nikov E., Sal'nikova I. 2021. Bor'ba s diskriminatsiej ili repolitizatsiya sporta? spetsifika vospriyatiya dvizheniya Black Lives Matter v onlajn-soobshchestvah sportivnyh bolev'shchikov. [Combating Discrimination or Repoliticizing Sports? The Specifics of the Perception of Black Lives Matter in Sports-fans Online Communities]. *Sociological Review*. 20(2). DOI: 10.17323/1728-129X-2021-2-250-272. P. 250-272. (In Russian)

Stolyarov V. I., Oreshkin M. M., Barinov S. Yu. 2012. *Sovremennyy sport i olimpijskoe dvizhenie v sisteme mezhdunarodnyh otnoshenij*. [Modern Sports and Olympic Movement in the System of International Relations]. 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. Moscow, ID Universitetskaya kniga. 348 p.

Vinokurov V. I., Voroncevich A. K. 2018. Sportivnaya diplomatiya kak novoe effektivnoe sredstvo vneshnej politiki. [Sports Diplomacy as Means of International Politics]. *Diplomatsicheskaya sluzhba*. №1. P. 49-60. (In Russian)

Volkov A.V. 2019. Olimpijskoe dvizhenie i ego rol' v sovremennom mire. [The Olympic Movement and its Role in the Modern World] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika*. 2. P. 40-50. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Аксанов А.С. 2015. Спорт в системе современных международных отношений. *Новые тенденции развития общественных наук*. Сб. науч. трудов по итогам научно-практической конференции. С. 29–31.

Аникин Д.А., Линченко А.А. 2021. Мемориальные войны в условиях восточноевропейского фронта: в поисках методологии исследования. *Вестник Томского государственного университета*. №466. С. 55–63. DOI: 10.17223/15617793/466/6

Бердникова В.В., Игнатьева И.В. 2018. Спорт в системе современных международных отношений: проявление политического компонента. *Наука. Общество. Образование: Материалы Всероссийской НПК*, Иркутск, 25 апреля 2018 года. Под общ. ред. Е.В. Барашевой. Иркутск: ООО «Сетевой институт дополнительного профессионального образования». С. 26–29.

Винокуров В.И., Воронцевич А.К. 2018. Спортивная дипломатия как новое эффективное средство внешней политики. *Дипломатическая служба*. №1. С. 49–60.

Волков А.В. 2019. Олимпийское движение и его роль в современном мире. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*. №2. С. 40–50.

Головашина О.В. 2021. «Мемориальные войны»: между метафорой и концептом. *Tempus et Memoria*. 2(1). С. 43-52.

Иглин А.В. 2019. Управление спортом (международный аспект). *Вестник Московского финансово-юридического университета*. №4. С. 160–175.

Кортунов А. 2021. Дипломатический бойкот Олимпийских игр как упущенная возможность. *РСМД*. 14.12.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/diplomaticheskij-boykot-olimpiyskikh-igr-kak-upushchennaya-vozmozhnost/> (дата обращения: 25.06.2022).

Петров А. 2021. Саммит за «американоκραтию»: США выбрали, с кем будут дружить против России и Китая. *РСМД*. 14.02.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-za-amerikanokratiyu-ssha-vybrali-s-kem-budut-druzhit-protiv-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 25.06.2022).

Пономарева Е.Г., Макарова Л.В. 2020. Политические технологии спортивной дипломатии. *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer*. № 8(367). С. 30–44.

Сальников Е., Сальникова И. 2021. Борьба с дискриминацией или реполитизация спорта? специфика восприятия движения Black Lives Matter в онлайн-сообществах спортивных болельщиков. *Социологическое обозрение*. 20(2). DOI: 10.17323/1728-192X-2021-2-250-272. С. 250–272.

Столяров В.И., Орешкин М.М., Баринов С.Ю. 2012. *Современный спорт и олимпийское движение в системе международных отношений*. – 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва. ИД Университетская книга. 348 с.

Филиппович Ю.С., Стрекалов Г.С. 2021. О некоторых особенностях феномена «культура отмены». *Коллекция гуманитарных исследований*. 1(26). С. 36–41.

«Антидипломатия» Ж. Болсонару

Ю.А. Тимофеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье сделан обзор внешней политики президента Бразилии Жаира Болсонару, проведено сравнение дипломатии его команды с традиционной с объяснением того, как и почему его внешнеполитический подход отличается от классического. Дипломатии Бразилии до его прихода к власти были присущи такие принципы как мирное сосуществование с соседями, стремление к достижению национального величия, мирное разрешение споров и самостоятельность в принятии решений. Сегодня бразильский внешнеполитический курс характеризуется непредсказуемостью, непоследовательностью, потенциально конфликтным поведением и отходом от традиционного миролюбия.

До произошедшей в 2021 г. смены президентской администрации в США Ж. Болсонару, как и многие его предшественники, делал ставку на северного соседа в попытке решить национальные проблемы. Односторонние уступки предсказуемо не принесли Бразилии плодов и снизили степень самостоятельности при принятии решений. США не были заинтересованы в укреплении позиций расположенного на латиноамериканском континенте конкурента, какими бы дружественными ни были взаимоотношения лидеров этих стран.

Политика Ж. Болсонару приобрела новые черты из-за влияния различных групп в органах власти с противоположными интересами, среди которых важную роль играют военные и последователи идеолога Олаву ди Карвальу. Прислушиваясь поочередно к каждой из них, президент проводит непоследовательную внешнюю политику и рискует не реализовать важные политические проекты, а также оказаться в международной изоляции.

Изменение характера внешней политики происходит на фоне внутривнутриполитического и экономического кризиса в Бразилии. Пандемия коронавируса обострила конфликт ветвей власти. Чтобы укрепить свои позиции, президент пытается апеллировать к народу, ищет поддержку в парламенте и продвигает проект административной реформы, которая бы сделала президента более автономным в управлении структурой исполнительной власти.

Выход на авансцену «правого» президента и сильное влияние консервативных военных – продукт экономического и политического кризиса в Бразилии, а его «особый» стиль руководства страной вписывается в общемировую тенденцию развития популизма и активного освещения политики в социальных сетях.

Ключевые слова: дипломатия Бразилии, традиции внешней политики, миролюбие, олависты, военные, внутривнутриполитический кризис

УДК: 327.82

Поступила в редакцию: 10.11.2021 г.

Принята к публикации: 12.03.2022 г.

В статье автор анализирует внешнюю политику президента Бразилии Жаира Болсонару и пытается выявить факторы, которые позволяют назвать её далёкой от традиционной и даже «антидипломатичной». Традиции бразильской дипломатии уходят корнями в конец XIX – начало XX в., к личности барона Рио Бранко – «покровителя» бразильской дипломатии. В годы его нахождения на посту министра иностранных дел Бразилии сформировались основные принципы внешней политики страны – мирное сосуществование с соседями, достижение национального величия, мирное разрешение споров и самостоятельность в принятии решений. Барон ставил задачу укрепления мощи Бразилии и латиноамериканских союзов, руководствовался принципом «дипломатия выше политики», чего нельзя сказать о нынешнем президенте Бразилии Жаире Болсонару (2019 – наст.) и его бывшем министре иностранных дел Эрнесто Араужу (2019 – апрель 2021) (Pereira 2012).

Сегодня дипломатия Бразилии подвергается критике со стороны бразильского экспертного сообщества (Безерра 2020; Milani 2019), политиков внутри страны и на международной арене: в сентябре 2020 г. Родриго Майа, занимавший тогда пост председателя нижней палаты парламента, заявил, что «барон Рио Бранко оставил в наследство [Бразилии] стабильность на границах и мирное сосуществование с южноамериканскими соседями»¹, добавив, что нужно приложить максимум усилий, чтобы сохранить это наследие, являющееся одним из столпов национального суверенитета.

Ж. Болсонару коллективно обвиняют в отступлении от принципов внешней политики бывший президент Бразилии Фернанду Энрике Кардозу (1995–2003), учёный и дипломат Рубенс Рикуперо и бывшие министры иностранных дел в документе «Реконструкция внешней политики Бразилии» (*Reconstrução da política externa brasileira* на порт.)². В качестве одного из таких принципов авторы называют национальную независимость, которая не может сочетаться с подчинением другому правительству, недвусмысленно намекая на США. Авторы предупреждают, что Бразилия рискует быть втянутой в конфликты с дружественными ей странами и констатируют отступление от призвания бразильской дипломатии – наведения мостов с развитыми и развивающимися странами. По их мнению, Бразилия нарушает принцип невмешательства в дела других государств. Речь идёт о ситуации в Венесуэле, откуда был выведен весь дипломатический состав в знак несогласия с происходящим в стране, против которой Бразилия была готова применить военные методы.

¹ Maia diz que visita de secretário de Trump a RR 'afronta' tradição da política externa brasileira. 2020. *Globo*. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2020/09/18/maia-diz-que-visita-de-secretario-americano-a-roraima-nao-condiz-com-a-boua-pratica-diplomatica.ghtml> (accessed 11.06.2022).

² Reconstrução da política externa brasileira. *Estadão*. URL: <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,a-reconstrucao-da-politica-externa-brasileira,70003296122> (accessed 11.06.2022).

Президент Франции Эммануэль Макрон не меняет риторику на протяжении нескольких последних лет, критикуя климатическую политику Болсонару в связи с пожарами в Амазонии³. Э. Макрон и другие европейские лидеры увязывают ратификацию соглашения о зоне свободной торговли между МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) и ЕС с выполнением условий Парижского соглашения об изменении климата бразильским правительством⁴. Та же критика была слышна от них летом – осенью 2019 г. после заключения договора⁵. Из-за краха политики Ж. Болсонару по данному направлению процесс ратификации так и не был начат.

15 сентября 2020 г. восемь европейских стран, среди которых была Германия (стратегический партнёр Бразилиа), написали коллективное письмо на имя вице-президента Бразилии Амилтона Моурау, призывая принять срочные меры по защите Амазонии⁶. Страны Европы, закупаящие 10% товаров, которые экспортирует Бразилиа, пригрозили прекращением сотрудничества с ней, если рекордные вырубки лесов не прекратятся.

Вся критика сводится к недовольству внешней политикой Бразилии в силу её новых черт – импульсивности, непредсказуемости, непоследовательности, потенциально конфликтного поведения во внешней политике и отхода от традиционного миролюбия, известного в международном праве как воздержание от угрозы силой или её применения в разрешении международных споров. Миротребие как принцип закреплён в основных документах государства: невмешательство и мирное разрешение конфликтов прописаны как главные принципы страны в международных отношениях в Конституции⁷ (1988), Стратегии национальной обороны⁸ (2008), где Бразилиа позиционируется как миролюбивая страна, которая имеет дружественные отношения со странами региона и впредь будет проводить миролюбивую политику. Белая книга национальной обороны⁹ (2012) гласит, что руководство страны должно действовать с целью укрепления сотрудничества с соседними странами и снижения вероятности возникновения вооружённого конфликта.

³ Não é atitude de presidente", diz Macron sobre Bolsonaro. 2019. *Deutsche Welle*. URL: <https://www.dw.com/pt-br/não-é-atitude-de-presidente-diz-macron-sobre-bolsonaro/a-50359370> (accessed 11.06.2022).

⁴ O acordo com o Mercosul pode falhar se o Brasil não se comprometer contra o desmatamento da Amazônia", 2020. *El Pais*. URL: <https://brasil.elpais.com/internacional/2020-10-22/o-acordo-com-o-mercossul-pode-falhar-se-o-brasil-nao-se-comprometer-contra-o-desmatamento-da-amazonia.html> (accessed 11.06.2022).

⁵ Os incêndios na Amazônia desatam críticas mundiais ao Governo Bolsonaro. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2019/08/22/politica/1566501636_486466.html (accessed 11.06.2022).

⁶ Países europeus pressionam Mourão a conter destruição ambiental. 2020. *Carta Capital*. URL: <https://www.cartacapital.com.br/sustentabilidade/paises-europeus-pressionam-mourao-a-conter-destruicao-ambiental/> (accessed 11.06.2022).

⁷ Constituição da República Federativa do Brasil. 1988. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/constituicao/constituicao.htm (accessed 11.06.2022).

⁸ Estratégia Nacional da Defesa (2008). URL: http://apps.unesp.br/renee/documento/imagens/m11_u12_23042014-22-08-06.pdf (accessed 11.06.2022).

⁹ Livro Branco de Defesa Nacional (2012). URL: https://www.gov.br/defesa/pt-br/arquivos/estado_e_defesa/livro_branco/livrobranco.pdf (accessed 11.06.2022).

Дипломатическая традиция Бразилии неразрывно связана с двумя факторами – национальным развитием и отношениями с США. Вашингтон выступает в роли модератора на континенте и по мере усиления Бразилии «гасит» её импульсы встречными инициативами. Вторая половина XX в. пронизана сменой политических взглядов сторонников «теории зависимости» – американистов, и «теории независимости» – антиамериканистов. Первые считали, что недостаточное развитие некоторых стран связано с доминированием одних народов над другими, допускали общность интересов центра и периферии – США и Латинской Америки (Santos 2000). Вторые понимали, что из зависимости нужно выбираться, выступали за отступление от приоритетных отношений с США, диверсификацию внешних связей и опору на собственные силы (Cervo 2008).

Сдерживающая роль Вашингтона в отношении Бразилии подтверждается несколькими историческими примерами. Послевоенные ожидания, что США будут консультироваться с Бразилией для строительства нового мирового порядка, не оправдались (Cervo 2008). План Маршалла распространился на Европу, а не на Латинскую Америку. В 1958 г. президент Бразилии Жуселино Кубичек (1956–1961) выдвинул план «Панамериканская операция». Развитие и экономическая независимость были ключевыми идеями плана во внутренней политике, а повышение роли Бразилии, перестройка межамериканских отношений и мирное сосуществование капиталистического и коммунистического режимов – во внешней (Souo Maior 2001).

Аргентина поддержала идею «Панамериканская операция», появились очертания Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (ЛАСТ, 1960), и вновь пошла речь о латиноамериканском единстве. Это вызвало обеспокоенность администрации президента США Д. Эйзенхауэра, поэтому было решено перенести переговоры по программе Ж. Кубичека в рамки Организации американских государств (ОАГ) для сохранения американского контроля над ситуацией.

Администрация президента США Дж. Кеннеди пошла дальше и выработала масштабную стратегию «Союз ради прогресса» (1961). Вновь ведущая роль на континенте принадлежала США, которые «тестировали» на Латинской Америке свои инициативы (Пивоварова 2015).

Недолго господствовала идея антиамериканистов в форме Независимой внешней политики (НВП) начала 60-х гг. Президенты Жаниу Куадрос (январь – август 1961) и Жуау Гуларт (1961–1964) выдвинули идею автономии перед блоками в условиях биполярного мира. Приоритетами были национальное развитие и безопасность (Manzur 2014). Но уже в середине 60-х гг. с приходом к власти военных наблюдалось отступление от НВП. Этот период характеризовался выстраиванием тесных отношений с США. Кастелу Бранку (1964–1967) возродил идею антикоммунистической борьбы, выступал в ОАГ за введение санкций против режима Фиделя Кастро и разрывал дипломатические отношения с Кубой (Мартынов, Борзова 2021).

Пока США были втянуты в войну во Вьетнаме на протяжении почти десяти лет, а Р. Никсон придерживался политики «малозаметного присутствия», в Латинской Америке шли интеграционные процессы, (ЛАСТ 1960, Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР) 1960, Андская группа (АГ) 1969, Ла-Платская группа 1969), расцветала политика импортозамещения, а в Бразилии постепенно возвращались к НВП. Правительство Эрнесту Гейзела (1974–1979) стремилось к экономической и технологической независимости от США и проводило политику сближения с бывшими колониями. На этом фоне госсекретарь США Г. Киссинджер выдвинул инициативу «Нового диалога» – обновленный вариант доктрины панамериканизма, цель которой – подчеркнуть общность интересов США и стран ЛА в условиях диверсификации их внешнеполитических связей.

Смена этих двух парадигм – развитие с опорой на собственные силы с разнораз направленностью во внешней политике и развитие с опорой на США в политике и экономике – продолжает характеризовать политическую жизнь Бразилии.

Окружение Ж. Болсонару

Для лучшего понимания противоречивости некоторых внешнеполитических решений Ж. Болсонару обратимся к анализу его окружения. Сегодня бразильская дипломатия имеет иной характер ввиду сильной идеологизации внешнеполитического курса и давления различных политических сил. На президента влияют три группы: 1) так называемые идеологические, или «олависты»; 2) военные и 3) либералы, или предприниматели. К первой группе относятся идеолог Олаву ди Карвальу, экс-министр иностранных дел Эрнесто Араужу и дети президента: Эдуарду и Флавиу Болсонару. Они считают приоритетными отношения с США, враждебно относятся к Китаю, выступают за политическое и военное вмешательство в Венесуэлу. Также им принадлежит идея переноса бразильского посольства в Иерусалим. Во вторую группу входят вице-президент А. Моурау, бывший глава администрации президента и министр обороны с апреля 2021 г. Брага Нетту и секретарь правительства Эдуарду Рамос. В отличие от «олавистов», военные более прагматичны и в международных отношениях придерживаются принципов многосторонности и диверсификации экономических связей. К либералам относится министр экономики Пауло Гедес и предприниматели в целом. В политике представители этой группы ведут себя сдержанно, так как для них приоритетны экономические интересы. Они похожи на военных своей прагматичностью и выступают за прекращение конфликта Бразилии с арабскими странами и Китаем – крупнейшим торговым партнером и инвестором Бразилии¹⁰.

¹⁰ Коста Шавьер Ф.К., Корольков А., Русакова Т. 2020. Ошибка президента. Гид по сильнейшему с 2016 г. политическому кризису в Бразилии. *РСМД*. 27.04.2020. (accessed 11.06.2022).

Влияние военных особенно сказывается по причине того, что их количество на государственных должностях увеличилось более чем вдвое по сравнению с предыдущим правительством Мишела Темера (2016–2019)¹¹. Военные возглавляют подразделения в Администрации президента, Министерство обороны, Министерство науки и технологий, Министерство здравоохранения и энергетики¹². Тем не менее, несмотря на «перекос» в ущерб представителям гражданского общества, военные играют положительную роль для защиты суверенитета страны.

Во время предвыборной кампании Ж. Болсонару отличался резкой риторикой в адрес Китая, экономическая роль которого в стране и в Латинской Америке всё возрастает. Китай активно закупает у Бразилии соевые бобы, железо, инвестирует в бразильскую энергетику. Болсонару видел угрозу в растущем влиянии Пекина и обвинял его в попытке «купить Бразилию»¹³, обещая создать более жёсткие условия для китайских инвестиций. Помимо экономических причин, президенту Бразилии как правому консервативному политику отнюдь не близка идеология властей Китая.

Таким образом, в начале президентского срока Болсонару идеология преобладала над экономическими интересами. Ситуацию изменили военные, которые периодически корректируют поведение Ж. Болсонару во внешней политике. В мае 2019 г. вице-президент А. Моурау прибыл в Пекин, где председатель КНР Си Цзиньпин принял его на государственном уровне. Ранее Китай рассматривал Бразилию исключительно как сырьевую базу, а теперь – ещё и как платформу для инфраструктурных проектов. В нынешнем правительстве Бразилии А. Моурау является одним из сторонников развития отношений с Китаем и считает американское присутствие на бразильском рынке «гегемонией»^{14, 15}.

Военные во главе с вице-президентом не поддержали план размещения на территории Бразилии военной базы США¹⁶. Ж. Болсонару не исключал такой возможности, поскольку это вписывается в планы укрепления отношений с Вашингтоном по всем направлениям. В истории Бразилии был случай, когда на её территории располагалась база США – во время Второй мировой войны.

¹¹ Número de militares em cargos civis cresce e passa de 6 mil no governo Bolsonaro. *CNN Brasil*. URL: <https://www.cnn-brasil.com.br/politica/numero-de-militares-em-cargos-civis-cresce-e-passa-de-6-mil-no-governo-bolsonaro/> (accessed 11.06.2022).

¹² Com Milton Ribeiro no MEC, governo Bolsonaro já tem 11 ministros militares. 2020. *RBA*. URL: <https://www.redebrasilatual.com.br/politica/2020/07/com-milton-ribeiro-no-mec-governo-bolsonaro-ja-tem-11-ministros-militares/> (accessed 11.06.2022).

¹³ Bolsonaro está certo? A China quer comprar o Brasil? *Coin Times*. URL: <https://cointimes.com.br/bolsonaro-esta-certo-a-china-quer-comprar-o-brasil/> (accessed 11.06.2022).

¹⁴ Mourão diz que não teme retaliação dos EUA se Brasil escolher empresa chinesa na disputa pelo 5G. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RsNyM1Azwes&feature=youtu.be> (accessed 11.06.2022).

¹⁵ Заявление о «гегемонии» было сделано в связи конкуренцией китайской компании Huawei и американской Ericsson за создание сетей 5G в Бразилии.

¹⁶ Mourão entra em campo contra os antiglobalistas. 2019. *El País*. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2019/02/11/opinion/1549903120_135007.html (accessed 11.06.2022).

В 1942 г. в годы правления Жетулиу Варгаса (1930–1945, 1950–1954) американским военным были предоставлены территории недалеко от города Натал на северо-востоке страны для проведения военно-морских операций в обмен на экономические и политические выгоды (Мартынов, Борзова 2021). Сегодня, по мнению военных, расположение военной базы США на бразильской территории ставит под угрозу суверенитет страны и противоречит положениям Стратегии национальной обороны (Сударев 2019).

Вопрос размещения американской военной базы на бразильской территории представляется логичным рассматривать в связке с ситуацией в Венесуэле. Размещение военного объекта США могло бы иметь целью усилить давление на президента Николаса Мадуро. Бывший президент США Дональд Трамп, как и Жаир Болсонару, признаёт законным президентом Венесуэлы Хуана Гуайдо. Бразильский лидер известен своей антикоммунистической идеологией и считает Мадуро коммунистом. Помимо этого, «олавистское» крыло заговорило о криминализации политики Бразильского банка развития BNDES, который выдает кредиты бразильским предприятиям за рубежом. В их представлении эти кредиты означают перенос ресурсов бразильских налогоплательщиков в «коммунистические» страны – Венесуэлу и Кубу (Schutte, Fonseca, Carneiro 2019). На этом фоне Ж. Болсонару не исключал военной агрессии против Венесуэлы в знак поддержки политики США. Вновь его импульс сдержал вице-президент: А. Моурау исключил возможность какого-либо вмешательства в дела соседней страны (Сударев 2019).

Во время протестных акций в Чили осенью 2019 г. Ж. Болсонару находился с визитом в Китае. Когда до него дошла информация о демонстрациях, он приказал вооруженным силам «быть наготове для немедленного силового подавления акций и восстановления закона и порядка» (Окунева 2020). По мнению президента, народ, для которого последней каплей стало повышение цен на проезд, идёт на баррикады из-за «происков левых»¹⁷. Сын Ж. Болсонару Эдуарду даже обмолвился о возможном принятии «нового Институционального акта №5», делая отсылку к военной диктатуре (1964–1985)¹⁸. В те годы правление осуществлялось посредством институциональных актов. Пятый из семнадцати актов был самым суровым и допускал применение пыток как инструмента государства. Каким бы случайным ни было это высказывание, населению стали понятны возможные меры государства в случае подобных протестов в Бразилии.

Упомянутые выше примеры потенциальной агрессии и готовность предоставить часть территории под базу США – результат влияния «олавистов». Дело

¹⁷ Окунева Л.С. 2019. Повторить историю. Чем вызвана волна протестов в Латинской Америке. *Международный дискуссионный клуб «Валдай»*. 7.11.2019. (дата обращения 11.06.2022).

¹⁸ Eduardo Bolsonaro sugere 'novo AI-5' para conter esquerda no País. *Jornal do Comercio*. URL: https://www.jornaldocomercio.com/_conteudo/politica/2019/10/710187-eduardo-bolsonaro-sugere-novo-ai-5-para-conter-esquerda-no-pais.html (accessed 11.06.2022).

в том, что идеолог Олаву ди Карвальу ратует за равнение на северного соседа, видя в нём пример истинной демократии. Его политический проект состоит в борьбе с глобализмом, и одну из главных угроз он видит в коммунизме и диктате одной партии, подразумевая Китай (Schutte, Fonseca, Carneiro 2019).

По мнению этого идеолога, задача Ж. Болсонару – править не для большинства населения, а для достаточного количества электората, чтобы остаться у власти, то есть для 30–40% (Schutte, Fonseca, Carneiro 2019). Известно, что немалую поддержку президент получает от евангеликов¹⁹. Это объясняет идею о переносе бразильского посольства в Иерусалим. Для евангеликов Иерусалим – земля божьего народа, а существование Израиля – одно из основных условий возвращения Христа²⁰. Помимо религиозных причин, особое внимание бразильского руководства к Израилю имеет прагматичный интерес: с 2017 по 2019 гг. число туристов в Израиль выросло на 22%, что обусловило появление прямого рейса «Тель-Авив – Сан-Паулу»²¹.

Нельзя сказать однозначно, кто оказывает большее влияние на президента при принятии внешнеполитических решений. Более правильным было бы говорить о периодических победах каждой из групп. Смягчению риторики в отношении Китая Пекин обязан не только военному крылу, но и либералам, для которых экономический интерес превыше всего. Отмена переноса посольства в Иерусалим и последующий визит Ж. Болсонару осенью 2019 г. в арабские страны – крупных импортеров бразильского мяса – также победа либералов.

Президент Ж. Болсонару пытается уравновесить свою внешнюю политику, о чём он сказал во время выступления на сессии Генеральной Ассамблеи в сентябре 2020 г. «Новая политика» Бразилии включает в себя, в том числе, одновременное сближение с арабскими странами и Израилем²².

Отступление от традиционных принципов внешней политики

Помимо того, что сегодня внешняя политика Болсонару приобрела новые черты, она представляет собой отход от традиционных принципов дипломатии. Наиболее яркий пример – голосование в Генеральной Ассамблее ООН в ноябре 2019 г., когда Бразилия не поддержала резолюцию, осуждавшую экономическое

¹⁹ Bolsonaro perde apoio entre evangélicos, sua base mais fiel. *Exame*. URL: <https://exame.com/brasil/exame-ideia-bolsonaro-perde-apoio-entre-evangelicos-sua-base-mais-fiel/> (accessed 11.06.2022).

²⁰ Bolsonaro em Israel: Por que evangélicos pressionam pela mudança da embaixada de Tel Aviv para Jerusalém. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-47776408> (accessed 11.06.2022).

²¹ Brasil envia número recorde turistas a Israel; veja dados. *Panrotas*. URL: https://www.panrotas.com.br/mercado/pesquisas-e-estatisticas/2019/01/brasil-envia-numero-de-recorde-turistas-a-israel-veja-dados_161468.html (accessed 11.06.2022).

²² Discurso do Presidente da República, Jair Bolsonaro, na abertura da 75ª Assembleia Geral da Organização das Nações Unidas (ONU). *Gov.br*. URL: <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/discursos/2020/discurso-do-presidente-da-republica-jair-bolsonaro-na-abertura-da-75a-assembleia-geral-da-organizacao-das-nacoes-unidas-onu> (accessed 11.06.2022).

эмбарго против Кубы. Аналогично проголосовали Соединённые Штаты и Израиль. Бразилия колебалась при принятии решения, но аргумент США состоял в том, что осуждать эмбарго тождественно позволению Кубе вмешиваться в дела Венесуэлы и допускать нарушение прав человека со стороны «кубинской диктатуры»²³. Хотя представитель Бразилии в ООН Мариу Виейра был против, МИД в лице Эрнесто Араужу поддался уговорам США.

Традиционно бразильская дипломатия выступает против введения односторонних экономических санкций, на которые накладывают вето международные институты, равно как и против любой агрессии. Например, в 1999 г. Бразилия выступала за то, чтобы Группа Рио осудила действия НАТО в Косово (Безерра 2016), в 2003 г. она была против вторжения США в Ирак (Мартынов 2010). В телеграммах на родину М. Виейра писал, что поддержка резолюции, осуждавшей экономическое эмбарго против Кубы²⁴, не означает одобрение политики прав человека «кубинской диктатуры», а, напротив, выражает традиционную позицию Бразилии. Также он писал, что отсутствие поддержки резолюции причинило бы ущерб национальным интересам Бразилии в случае возможных экономических санкций из-за пожаров в Амазонии. По этой причине Виейра предлагал воздержаться, а не голосовать против резолюции, чтобы избежать международной изоляции²⁵.

При президенте Ж. Болсонару Бразилия нарушает принцип нейтралитета. В январе 2020 г. обострились отношения между США и Ираном после убийства американскими военными одного из главных иранских начальников генерала Касема Сулеймани во время атаки на аэропорт в Багдаде. На следующий день после нападения МИД Бразилии выпустил манифест в пользу США, который гласил: «Бразильское правительство выражает свою поддержку борьбе с терроризмом»²⁶. МИД Бразилии отошёл от традиционного принципа нейтралитета несмотря на то, что Иран – главный торговый партнер Бразилии на Ближнем Востоке. В период с января по ноябрь 2019 г. Бразилия экспортировала в Иран товаров на 2,1 млрд долл. Иран – один из главных импортеров кукурузы Бразилии, крупных закупщиков сои и мяса крупного рогатого скота²⁷. Генералы

²³ Brasil cede aos EUA, rompe tradição de 27 anos e não condena embargo a Cuba. 2019. *Folha de S.Paulo*. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/mundo/2019/11/brasil-cede-aos-eua-rompe-tradicao-de-27-anos-e-nao-condena-embargo-a-cuba.shtml> (accessed 11.06.2022).

²⁴ Необходимость прекращения экономической, торговой и финансовой блокады, введённой Соединёнными Штатами Америки против Кубы. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/356/74/PDF/N1935674.pdf?OpenElement> (accessed 11.06.2022).

²⁵ País deve votar contra resolução da ONU que condena embargo a Cuba. 2019. *R7*. URL: <https://noticias.r7.com/brasil/pais-deve-votar-contra-resolucao-da-onu-que-condena-embargo-a-cuba-06112019> (accessed 11.06.2022).

²⁶ Itamaraty endossa ataque dos EUA e diz que enfrenta "flagelo do terrorismo". 2020. *UOL*. URL: <https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2020/01/03/brasil-esta-pronto-para-evitar-escalada-de-conflitos-diz-itamaraty.htm> (accessed 11.06.2022).

²⁷ Oriente Médio: exportações e importações. 2021. *FazComex*. URL: <https://www.fazcomex.com.br/blog/oriente-medio-exportacoes-e-importacoes/> (accessed 11.06.2022).

и экономисты напрасно предупреждали Болсонару о геополитических рисках и экономическом ущербе²⁸. Ж. Болсонару и ранее поддерживал санкционную политику США в отношении Ирана, когда летом 2019 г. он запретил нефтяной компании «Петробраз» заправлять суда под иранским флагом, которые везли кукурузу из Бразилии в Иран, в очередной раз поставив политику выше экономических интересов страны²⁹.

Ж. Болсонару может перечеркнуть наследие бывшего президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы (2003–2011) в том, что касается дифференцированного подхода для развивающихся стран в ВТО. США предлагают изменить этот механизм для получения преимуществ в торговой войне с Китаем. Надеясь на поддержку со стороны Вашингтона для вступления в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Болсонару готов отказаться от особого статуса Бразилии в ВТО. Как заявили в МИД Бразилии, соответствуя статусу мирового лидера, президент Болсонару готов по просьбе США отказаться от особого статуса и дифференцированного подхода в ВТО³⁰. Такой подход обеспечивает более гибкие условия для развивающихся стран, например, позволяет продлевать сроки торговых соглашений.

Помимо того, что сам президент Бразилии является поклонником Д. Трампа, его бывший министр иностранных дел Э. Араужу, ранее возглавлявший департамент США и Канады, также имел дружеские отношения с 45-м президентом США. Во время президентской предвыборной кампании в Бразилии он создал блог, в котором высказывался как ярый «олавист». Существует мнение, что президент мало знал о кандидате на пост министра иностранных дел, который, возможно, был назначен на пост узким кругом лиц: Олаву ди Карвальу, его сторонниками и сыновьями Болсонару (Almeida 2019). Политические взгляды Э. Араужу схожи с взглядами Ж. Болсонару: он выступает против «маоистского» Китая, занимает произраильскую позицию и негативно относится к левым правительствам в регионе. Журналисты пишут о нём, что он как «командир дивизии, которого назначили командующим армией»³¹, намекая на некомпетентность министра. Сам Э. Араужу полагает, что в течение последних 25 лет бразильская внешняя политика была консенсусом на базе политической системы, которая угрожала задушить нацию коррупцией, экономической стагнацией, моральным кризисом и военным ослаблением, уменьшением международной

²⁸ Crise entre EUA e Irã: posição do Brasil opõe militares e ala ideológica. 2020. *Jornal Estado de Minas*. URL: https://www.em.com.br/app/noticia/politica/2020/01/04/interna_politica,1112176/crise-entre-eua-e-ira-posicao-do-brasil-opoe-militares-e-ala-ideologi.shtml (accessed 11.06.2022).

²⁹ Barcos do Irã ficam parados no Brasil após Petrobras vetar venda de combustível. 2019. *El Pais*. URL: https://brasil.elpais.com/brasil/2019/07/22/actualidad/1563825609_129162.amp.html (accessed 11.06.2022).

³⁰ Bolsonaro atende Trump e vai 'abrir mão' de tratamento especial do Brasil na OMC, diz Itamaraty. *Globo*. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2019/03/19/bolsonaro-atende-trump-e-vai-comecar-a-abrir-mao-de-tratamento-especial-do-brasil-na-omc-diz-itamaraty.gh.html> (accessed 11.06.2022).

³¹ Leitão M. 2018. 'Nova' diplomacia é velha e ruim. *O Globo*. URL: <https://blogs.oglobo.globo.com/miriam-leitao/post/nova-diplomacia-e-velha-e-ruim.html> (accessed 11.06.2022).

роли, несоответствием чаяниям народа. «Президент Болсонару и я восстанавливаем настоящую дипломатическую традицию свободной страны, суверенной, гордой собой, осознающей свои возможности и свою ответственность по улучшению блага всего человечества», – говорил министр (Almeida 2019).

Э. Араужу – антиглобалист. По его мнению, глобализация принесла людям только несчастье – бедность, социальное неравенство, разрушение биоразнообразия, расовую и половую дискриминацию. Он выступает против Договора о зоне свободной торговли³² между МЕРКОСУР и ЕС и против МЕРКОСУРа как такового (Almeida 2019). Это особенно идёт в разрез с традиционной внешнеполитической линией страны, которая была инициатором создания объединения. Бразилия перестаёт активно участвовать в интеграционных процессах. В январе 2019 г. Э. Араужу объявил о приостановлении членства Бразилии в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) – объединении, создававшемся как противовес господству США в Америке³³. Причиной было названо участие в нём «недемократических» государств – Венесуэлы, Кубы, Никарагуа³⁴. В апреле 2019 г. Ж. Болсонару объявил о выходе Бразилии из организации Союза южноамериканских наций (УНАСУР), наибольшую активность в создании которой проявляли представители левых сил, в частности Лула да Силва³⁵. Взамен Бразилия стала членом Форума для развития Южной Америки (ПРОСУР), куда не входит Венесуэла и который ориентирован на США.

Несмотря на все уступки со стороны бразильского руководства, США не готовы делать ответные шаги в сторону Бразилии. В 2019 г. Бразилия расширила безналоговые квоты для импорта этанола для США³⁶, но Соединённые Штаты не убрали санитарные барьеры, препятствующие импорту крупного рогатого скота из Бразилии. Единственной подвижкой в данном вопросе стал снятый Трампом в мае 2020 г. запрет на импорт свежей говядины, действовавший с 2017 г.³⁷. А на фоне кризиса американской металлургической промышленности в августе 2020 г. США ввели квоты на импорт бразильской стали³⁸. Эта мера

³² New EU-Mercosur trade agreement. URL: https://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2019/june/tradoc_157964.pdf (accessed 11.06.2022).

³³ Ministro anuncia saída do Brasil de bloco de países da América Latina. 2020. *Valor Investe*. URL: <https://valorinveste.globo.com/mercados/internacional-e-commodities/noticia/2020/01/16/ministro-anuncia-saido-do-brasil-de-bloco-de-paises-da-america-latina.ghtml> (accessed 11.06.2022).

³⁴ Brasil anuncia saída da Celac por "dar palco a regimes não-democráticos". 2020. *Correio do Povo*. URL: <https://www.correiodopovo.com.br/not%C3%ADcias/mundo/brasil-anuncia-sa%C3%ADda-da-celac-por-dar-palco-a-regimes-n%C3%A3o-democr%C3%A1ticos-1.393682> (accessed 11.06.2022).

³⁵ Bolsonaro anuncia saída do Brasil da Unasul após crise entre países. 2019. *Metropoles*. URL: <https://www.metropoles.com/brasil/bolsonaro-anuncia-saída-do-brasil-da-unasul-apos-crise-entre-paises> (accessed 11.06.2022).

³⁶ Produtores do Nordeste temem medida de Bolsonaro que amplia importação de etanol sem tarifa. 2019. *BBC*. URL: <https://www.bbc.com/portuguese/brasil-49583625> (accessed 11.06.2022).

³⁷ US Lifts Ban on Brazil Beef Imports After More Than Two Years. 2020. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-02-21/u-s-lifts-ban-on-brazil-beef-imports-after-more-than-two-years> (accessed 11.06.2022).

³⁸ Trump Announces Cut to 2020 Steel Import Quota from Brazil. 2020. *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-29/trump-announces-cut-to-2020-quota-on-steel-imports-from-brazil> (accessed 11.06.2022).

была связана с необходимостью Д. Трампа усилить свои позиции в преддверии выборов, тем более что он делал ставку на развитие металлургической отрасли как локомотива промышленности США.

Болезненным для Бразилии является вопрос о вступлении в ОЭСР. На этом Ж. Болсонару мог бы заработать политические очки, равно как и на ратификации соглашения о ЗСТ между МЕРКОСУР и ЕС. Госсекретарь США М. Помпео заявлял³⁹, что нет смысла «раздувать» организацию и вместо того, чтобы поддержать своего латиноамериканского «друга» Ж. Болсонару, в письме, адресованном ОЭСР, США выразили в первую очередь поддержку конкуренту Бразилии в Южной Америке – Аргентине⁴⁰.

По мере приближения президентских выборов в США всё чаще раздавались голоса о том, что в случае победы демократа Джо Байдена отношения Бразилии и США станут сложнее. Во время предвыборных дебатов кандидатами была затронута тема пожаров и уничтожения лесов в бразильской Амазонии. Глобалист Джо Байден назвал ситуацию природной катастрофой мирового масштаба, обвинив Д. Трампа в попустительстве. Он пообещал дать Бразилии 20 млрд долл., чтобы прекратить вырубку лесов, в противном случае ей придется столкнуться с «серьёзными экономическими последствиями»⁴¹. В сети «Твиттер» президент Ж. Болсонару ответил Дж. Байдену следующее: «Некоторые ещё не поняли, что Бразилия изменилась. Сегодня её президент, в отличие от левых предшественников, не берёт взятку. <...> Наш суверенитет не обсуждается. <...> Мне как президенту, который полностью восстановил отношения с США после десятилетий враждебно настроенных правительств, сложно понять такое катастрофичное и необоснованное заявление»⁴².

Действительно, после вступления Дж. Байдена на пост президента США возникли трения в бразильско-американских отношениях. Причин этой напряжённости несколько. Во-первых, в феврале 2021 г. бразильские власти дали зелёный свет китайской компании Huawei на создание национальной сети 5G, отказавшись от соответствующих соглашений с США⁴³. Во-вторых, американские СМИ подозревают сына бразильского президента Эдуарду Болсонару в участии в подготовке штурма Капитолия, ссылаясь на его визит в Вашингтон в конце президентского срока Трампа⁴⁴. Наконец, обычно активная в социальных сетях

³⁹ US, in reversal, does not support Brazil's entry to OECD. 2019. The Hill. URL: <https://thehill.com/policy/international/americas/465189-us-in-reversal-does-not-support-brazils-entry-to-oecd-rich> (accessed 11.06.2022).

⁴⁰ U.S. backs Brazil for OECD membership, but Argentina first. 2019. Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-brazil-oecd-usa-idUSKBN1WP2MD> (accessed 11.06.2022).

⁴¹ Biden mentions Brazil's role in deforestation of the Amazon in presidential debate. 2020. Twitter. URL: https://twitter.com/Bel_Lyon/status/1311191271055261697?s=20 (accessed 11.06.2022).

⁴² Официальный аккаунт Болсонару в Twitter. 2020. Twitter. URL: <https://twitter.com/jairbolsonaro/status/1311326089537556480?s=21> (accessed 11.06.2022).

⁴³ Бразильские власти отказались от соглашений с США и будут работать с Huawei. 2021. ФАН. URL: <https://riafan.ru/1395299-brazilskie-vlasti-otkazalis-ot-soglashenii-s-ssha-i-budut-rabotat-s-huawei> (дата обращения 11.06.2022).

⁴⁴ Eduardo Bolsonaro "War Council" Visit Triggers Investigation. 2021. Brasilwire. URL: <https://www.brasilwire.com/eduardo-bolsonaro-war-council-visit-triggers-investigation/> (accessed 11.06.2022).

семья Ж. Болсонару долго отталчивалась по поводу протестов в американской столице в поддержку 45-го президента США, до последнего надеясь, что итоги выборов будут пересмотрены. Неудивительно, что Ж. Болсонару одним из последних поздравил новоизбранного главу американского государства с победой.

На деле не важно, кто стоит у руля в Вашингтоне. США неохотно шли, идут и будут идти навстречу Бразилии по той причине, что им не нужен конкурент в южном полушарии, независимо от того, на какие уступки этот конкурент идёт. Как говорил кубинский политолог Федерику Жил, США преследовали всегда две цели в отношении Латинской Америки: «исключить из западного полушария внеконтинентального соперника или враждебные силы и обеспечить политико-экономическое присутствие США в регионе» (Federico 1989).

Внутриполитический кризис

Для того чтобы понять, почему внешняя политика Бразилии далека от традиционного русла, необходимо проанализировать соотношение сил в рамках внутриполитической системы. Поскольку на данный момент в Итамарати, как называют бразильский МИД, много «олавистов», для защиты института от необдуманных шагов был создан Совет для помощи Ж. Болсонару в чувствительных областях внешней политики. Возглавляют его военный Аугусто Элено, глава Кабинета по институциональной безопасности, и вице-президент А. Моурау. Также туда входят Э. Араужу, П. Гедес и др. Хотя А. Моурау и отрицает, что Совет – это противовес решениям президента во внешней политике, налицо создание дополнительного фильтра от опрометчивых шагов (Almeida 2019).

Ещё одно решение ослабило позиции Итамарати на международной арене: задача ведения переговоров по вопросам внешней торговли отошла к Министерству экономики (победа либерального крыла?), а МИДу было отведено простое участие в переговорах. По этой причине заключение соглашения о ЗСТ между МЕРКОСУР и ЕС – скорее плод трудов либералов-экономистов, чем министра иностранных дел Э. Араужу.

Политическую ситуацию усугубляет конфликт Ж. Болсонару с другими ветвями власти, который наиболее чётко стал проследиваться с весны 2020 г. в связи с ухудшением эпидемиологической ситуации. Президент выступает против карантинных мер, публично не носит маску и полагает, что салоны красоты и парикмахерские относятся к предприятиям первостепенной важности, с которых в первую очередь нужно снимать ограничения⁴⁵.

⁴⁵ Coronavírus: Bolsonaro inclui salão, barbearia e academia como 'atividades essenciais'. 2020. *Globo*. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2020/05/11/coronavirus-bolsonaro-inclui-salao-barbearia-e-academia-como-atividades-essenciais.ghtml> (accessed 11.06.2022).

Отправной точкой внутривластного кризиса можно считать уход с поста министра юстиции Сержио Мору, который раньше возглавлял антикоррупционную операцию «Автомойка» (Lava Jato на порт.). Министр обвинил президента во вмешательстве в федеральное полицейское расследование по делу сыновей Ж. Болсонару⁴⁶. Карлоса Болсонару (главу Совета муниципальных депутатов в Рио) обвиняют в использовании ботов против оппозиции и распространении фейковых новостей, а сенатора Флавиу – в финансировании «милиции» – сил, борющихся с «криминалом»⁴⁷. Ж. Болсонару хотел снять с должности главу федеральной полиции Маурисиу Вaleyшу – старого знакомого С. Мору, и назначить на его место Алешандре Рамаженя – бывшего директора Бразильского агентства разведки (ABIN на порт.)⁴⁸. Одним из условий назначения С. Мору на должность министра была автономия в подобных назначениях – условие, которое Ж. Болсонару нарушил.

Обвинения Мору сводились к следующему: президент вмешивался в дела федеральной полиции и деятельность Верховного суда, который открыл против Ж. Болсонару расследование по просьбе Генеральной прокуратуры. В ответ на обвинения президент заявил, что автономия в принятии решений не означает независимость⁴⁹. Федеральной полиции президент упрекал в бездействии при поиске заказчика его собственного убийства во время предвыборной кампании⁵⁰.

Показания по делу Ж. Болсонару давал не только С. Мору, но и другие министры – Луис Эдуарду Рамос, Аугусто Элено, Брага Нетту – военные министры из администрации президента, Алешандре Рамажень, Рикардо Саади – бывший начальник Федеральной полиции Рио-де-Жанейро, Вaleyшу⁵¹. Кто-то отрицал наличие близких связей с президентом (А. Рамажень), кто-то заявлял, что не понимает, по каким причинам был отстранён от должности (Р. Саади)⁵².

На фоне сложившейся ситуации Ж. Болсонару пытался апеллировать к народу, противопоставляя себя силам, с которыми он находится в конфликте. Од-

⁴⁶ Sergio Moro acusa Bolsonaro de interferência política na PF e deixa Governo. 2020. *El Pais*. URL: <https://brasil.elpais.com/brasil/2020-04-24/sergio-moro-acusa-bolsonaro-de-interferencia-politica-na-pf-e-deixa-governo.html> (accessed 11.06.2022).

⁴⁷ De rachadinha a inquérito no STF: as acusações contra Bolsonaro e os filhos. 2021. *A Gazeta*. URL: <https://www.agazeta.com.br/es/politica/de-rachadinha-a-inquerito-no-stf-as-acusacoes-contrabolsonaro-e-os-filhos-0721> (accessed 11.06.2022).

⁴⁸ Bolsonaro quer diretor da Abin no comando da PF, e ala militar avalia que Moro deixará o governo. 2020. *Globo*. URL: <https://g1.globo.com/politica/blog/andreia-sadi/post/2020/04/24/bolsonaro-que-diretor-da-abin-para-a-pf-e-ala-militar-avalia-que-moro-saira.ghtml> (accessed 11.06.2022).

⁴⁹ Коста Шавьер Ф.К., Корольков А., Русакова Т. 2020. Ошибка президента. Гид по сильнейшему с 2016 г. политическому кризису в Бразилии. *ПСМД*. 27.04.2020. (дата обращения 11.06.2022).

⁵⁰ Em entrevista à rádio, Bolsonaro critica PF por investigação de atentado. 2018. *O Globo*. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/em-entrevista-radio-bolsonaro-critica-pf-por-investigacao-de-atentado-23098699> (accessed 11.06.2022).

⁵¹ Ministros de Bolsonaro prestam depoimento à PF no caso Moro. 2020. *R7*. URL: <https://noticias.r7.com/brasil/ministros-de-bolsonaro-prestam-depoimento-a-pf-no-caso-moro-12052020> (accessed 11.06.2022).

⁵² Delegados depõem em inquérito sobre suposta interferência de Bolsonaro na Polícia Federal. 2020. *O Globo*. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2020/05/11/delegados-depoem-em-inquerito-sobre-suposta-interferencia-de-bolsonaro-na-policia-federal.ghtml> (accessed 11.06.2022).

ним из элементов этой политики стало предоставление населению финансовой помощи – в начале июля 2020 г. было анонсировано продление ежемесячных кризисных пособий в размере 600 реалов на человека⁵³.

Конгресс также оказался втянутым в конфликт ветвей власти. Ж. Болсонару настаивал, чтобы и Конгресс, и Верховный суд продолжали работу во время пандемии, подчёркивая, что функционирование этих институтов крайне важно и должно быть прозрачно для народа, вновь делая акцент на единстве с бразильцами⁵⁴.

Президент пытался заручиться поддержкой в парламенте, чтобы избежать процедуры импичмента. Зная, что «правые» могли негативно отреагировать на новость об отставке С. Мору, который боролся с коррупцией «левых», президент пошёл на диалог с «центром». Ожидать союз Болсонару с левыми силами не представляется возможным с учётом политических взглядов президента. Тем более что Партия трудящихся (РТ) внесла в Палату депутатов запрос о начале процедуры импичмента. «Сегодня он меняет министра здравоохранения, но нужно менять президента. Он не защищает бразильский народ», – высказала своё недовольство лидер партии Глейси Хоффман⁵⁵. Центристские партии под названием «большой центр» (*centrão* на порт.) – это союз незначительных партий, который в обмен на возможные посты в правительстве может оказать поддержку. Чтобы избежать импичмента, президенту нужна поддержка 172 депутатов и 54 сенаторов.

К осени 2020 г. угроза импичмента миновала, но президенту пришлось приложить для этого немало усилий. Ж. Болсонару согласился продлить на два месяца антикризисные ежемесячные выплаты под давлением Родриго Майя – на тот момент спикера нижней палаты, что далось ему тяжело как неолибералу. Было объявлено об увеличении выплат в рамках программы «Семейный кошелек» (*Bolsa Família* на порт.) с 230 до 300 реалов⁵⁶. Ещё одна попытка Болсонару помириться с остальными ветвями власти заключалась в назначении на возрождённую должность министра связей и телекоммуникаций Фабио Фариа, депутата от правоцентристской Социал-демократической партии (PSD на порт.). Ф. Фариа имеет дружеские отношения с семьёй президента, Р. Майей и бывшим председателем Верховного суда Диасом Тоффоли (2018 – сентябрь 2020)⁵⁷.

⁵³ Bolsonaro prorroga Auxílio Emergencial por dois meses. 2020. *O Globo*. URL: <https://g1.globo.com/economia/noticia/2020/07/01/bolsonaro-prorroga-auxilio-emergencial-por-dois-meses.ghtml> (accessed 11.06.2022).

⁵⁴ Bolsonaro repreende apoiador que pede intervenção: 'Não tem que fechar nada: Supremo e Congresso abertos e transparentes'. 2020. *Jornal Estado de Minas*. URL: https://www.em.com.br/app/noticia/politica/2020/04/20/interna_politica,1140317/bolsonaro-repreende-apoiador-que-pede-intervencao.shtml (accessed 11.06.2022).

⁵⁵ Речь председателя партии РТ Глейси Хоффман. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y5LsU1K6OvQ&feature=youtu.be> (accessed 11.06.2022).

⁵⁶ Valor do novo Bolsa Família deve ir a R\$ 300. 2021. *O Globo*. URL: <https://oglobo.globo.com/economia/valor-do-novo-bolsa-familia-deve-ir-r-300-proposta-entregue-ao-congresso-por-bolsonaro-25147406> (accessed 11.06.2022).

⁵⁷ Posse de Fábio Faria reúne adversários no campo político e futebolístico. 2020. *Estadão*. URL: <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,posse-de-fabio-faria-reune-adversarios-no-campo-politico-e-futebolistico,70003336369> (accessed 11.06.2022).

Вице-президент А. Моурау высказался⁵⁸ о политическом кризисе в стране в следующем ключе: «ни одна страна не нанесла себе столько вреда из-за пандемии, сколько Бразилия», что противоречило точке зрения президента. А. Моурау добавил, что борьба между государственными институтами портит имидж Бразилии на международной арене. К Бразилии проявляют недоверие европейские страны. Помимо отказа ратифицировать соглашение между МЕРКОСУР и ЕС, они не пригласили Бразилию в инициативу Германии и Франции «Альянс за многосторонность», но позвали Аргентину.

Ж. Болсонару пытался укрепить свои позиции в государственной системе путём расширения своих полномочий. В сентябре 2020 г. он внёс на рассмотрение парламента проект административной реформы в качестве поправок к Конституции⁵⁹. Согласно документу, президент сможет вмешиваться в работу ведомств, в одностороннем порядке создавать или упразднять должности, перераспределять бюджет без одобрения судебной и законодательной власти. Однако законопроект ещё находится на рассмотрении парламента⁶⁰.

В апреле 2021 г. Ж. Болсонару сделал ещё одну попытку урегулирования конфликта между ветвями власти и пошёл навстречу новым главам верхней и нижней палат парламента – Родригу Пашеко и Артуру Лире, требовавших отставки Эрнесто Араужу⁶¹. Председатель Сената и спикер Палаты депутатов недовольны вакцинной политикой министра и считают, что торговать нужно со всеми странами, которые могут поставлять в Бразилию препарат. Ж. Болсонару, также попавший под шквал критики в связи с плачевной эпидемиологической ситуацией, назначил новым министром иностранных дел Карлоса Алберту Франса. А. Франса считается аналитиками более уравновешенным и прагматичным политиком⁶², чем Э. Араужу, поэтому имеет все шансы выстроить рабочие отношения с США, нормализовать связи с ЕС и Китаем. Помимо прочего, он импонирует парламентариям, так как выступает за более тесное сотрудничество Итамарати и Конгресса.

Поддавшись давлению дуэта, Лира–Пашеку, Ж. Болсонару решил отыграть-ся и произвёл «чистки» в армии. С должности был уволен министр обороны Фернанду Азеведу; в знак протеста за ним последовали три руководителя Во-

⁵⁸ Mourão H. 2020. Limites e responsabilidades. 2020. *Estadão*. URL: <https://opinioao.estadao.com.br/noticias/espaco-aberto,limites-e-responsabilidades,70003302275> (accessed 11.06.2022).

⁵⁹ Reforma administrativa poupa elite do funcionalismo e pode dar “cheque em branco” a Bolsonaro. 2020. *El País*. URL: <https://brasil.elpais.com/brasil/2020-09-04/reforma-administrativa-poupa-elite-do-funcionalismo-e-pode-dar-cheque-em-branco-a-bolsonaro.html> (accessed 11.06.2022).

⁶⁰ Reforma administrativa é aprovada em comissão especial da Câmara. 2021. *Jota*. URL: <https://www.jota.info/legislativo/pec-32-aprovado-comissao-especial-23092021> (accessed 11.06.2022).

⁶¹ Em crítica a Ernesto Araújo, Pacheco diz que política externa é falha e cobra mudanças. *O Globo*. URL: <https://oglobo.globo.com/brasil/em-critica-ernesto-araujo-pacheco-diz-que-politica-externa-falha-cobra-mudancas-24941194> (accessed 11.06.2022).

⁶² Bolsonaro aposta em perfil oposto a Ernesto Araújo ao nomear novo chanceler. 2021. *CNN Brasil*. URL: <https://www.cnnbrasil.com.br/politica/bolsonaro-aposta-em-perfil-oposto-a-ernesto-araujo-ao-nomear-novo-chanceler/> (accessed 11.06.2022).

оружённых сил. Причина перестановок кроется в том, что военные не поддержали предложение президента о вводе чрезвычайного положения, чтобы не предоставлять главе государства дополнительные полномочия, выступили против политизации армии и не подвергли критике решение Верховного суда о возвращении Лулу да Силве политических прав^{63, 64}. Чтобы не провоцировать дальнейший кризис в отношениях с военными, Ж. Болсонару назначил новым министром обороны своего друга – генерала Брагу Нетту. Теперь ему, по мнению автора, обеспечена поддержка военных в случае дальнейших конфликтов с Конгрессом и Верховным судом.

Импичмент миновал, что дальше?

Несмотря на непоследовательность во внешней политике, с конца августа – начала сентября 2020 г. рейтинг одобрения правления президента Бразилии начал расти, достигая 40%⁶⁵. Вероятно, сыграла свою роль финансовая поддержка во время пандемии. Как бы то ни было, на данный момент президенту удаётся получать поддержку народа.

Журнал *Exame* провёл исследование, согласно которому в 2022 г. на президентских выборах Ж. Болсонару победил бы при различных сценариях, даже если бы его соперниками были некогда популярный Лула да Силва или Сержио Мору⁶⁶. В свете последних событий выборы «Лула против Болсонару» становятся реальностью.

Ж. Болсонару – заложник двух систем: международной и внутривнутриполитической, каждая из которых задаёт свои правила игры. Бразильское руководство порой пытается решать проблемы в надежде на внешнюю помощь в ущерб национальным интересам и в обход традиционных принципов дипломатии. Ранее Бразилия стремилась урегулировать конфликты преимущественно мирным путём. Так, она была посредником в решении споров соседних государств: конфликте с Боливией из-за Акри (1899–1903), Чакской войне между Боливией и Парагваем (1932–1935). Сегодня президент рассматривает использование силовых методов для подавления народных волнений по примеру чилийского опыта на территории своей страны или для стабилизации ситуации в соседних странах (например, Венесуэле) (Сударев 2019).

⁶³ Amid Brazil's tragedy, our hope is the prospect of Bolsonaro's defeat next year. 2021. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/apr/02/brazil-tragedy-bolsonaro-defeat-covid-deaths-president> (accessed 11.06.2022).

⁶⁴ В марте 2021 г. Верховный суд Бразилии отменил обвинения в коррупции Лулу да Силвы, и теперь он имеет право баллотироваться на выборах в 2022 г.

⁶⁵ Ibope: aprovação do governo Bolsonaro atinge maior nível e chega a 40%. 2020. *UOL*. URL: <https://noticias.uol.com.br/politica/ultimas-noticias/2020/09/24/aprovacao-ibope-governo-bolsonaro-setembro.htm> (accessed 11.06.2022).

⁶⁶ Aranha C. 2020. Bolsonaro é reeleito em 2022 em todos os cenários eleitorais. 2020. *Exame*. URL: <https://exame.com/brasil/exame-ideia-bolsonaro-e-reeleito-em-2022-em-todos-os-cenarios-eleitorais/> (accessed 11.06.2022).

Сегодня внутривластные обстоятельства вынуждают Ж. Болсонару балансировать в конфликте с другими ветвями власти в условиях прессинга со стороны различных лобби-групп, что негативно сказывается на внешней политике. Исторически дипломатия Бразилии стояла выше внутривластных распрей. Яркий пример связан с эпохой министра иностранных дел барона Рио-Бранко и сенатором от штата Баия Руем Барбозу. Вопреки разногласиям между ними по поводу спора с Боливией из-за Акри, Р. Бранко отправил Р. Барбозу на вторую Гаагскую конференцию, после успеха на которой сенатор получил прозвище «Орел Гааги», отстояв интересы Бразилии и других латиноамериканских стран в противоборстве с «великими державами» (Мартынов 2004).

Смена министра иностранных дел может стабилизировать внешнеполитический курс, который, по мнению многих экспертов и политиков, нуждается в деидеологизации. Уступки Болсонару законодательной власти и перестановки в кабинете министров призваны урегулировать конфликт внутри системы и сохранить ему президентское кресло. Не случайно бразильский институт президентства называется коалиционным (*presidencialismo de coalizão* на порт.), в котором Конгресс – ключевой актор в политике, на которого ориентируется и исполнительная власть. Президент зависит от партий, представленных в Конгрессе, поэтому Болсонару активно ищет в парламенте поддержку «большого центра», глав верхней и нижней палат.

Глава бразильского государства – одиозная фигура, оценку которой целесообразно проводить с учётом мировых тенденций. Сегодня политические лидеры нередко стремятся «зарабатывать очки» посредством популизма, «игры на публику», активного использования социальных сетей, радикальной фразеологии. Достаточно вспомнить стиль Д. Трампа в США, Н. Мадуро в Венесуэле, Р. Эрдогана в Турции, Б. Нетаньяху в Израиле и т. д. Помимо того, что Ж. Болсонару – типичный представитель этих актуальных тенденций, он и его «олавиистское» и военное окружение – продукт экономического и политического кризиса и долгой традиции Бразилии быть управляемой консервативными военными. Со времен монарха Педру II (1831–1889) члены вооружённых сил занимали важные посты в бизнесе и политике, формируя элиту. Если Болсонару не справится с внутривластным кризисом и впредь будет пытаться решить проблемы страны за счёт США, он рискует повторить ошибки прошлого и оказаться «за бортом» системы, как это случалось с теми президентами, которые ущемляли интересы страны и были отрешены от должности парламентариями.

Об авторе:

Тимофеева Юлия Андреевна – сотрудник ИНИОИ РАН, преподаватель кафедры романских языков МГИМО МИД России. Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: timofeeva.yu.a@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.82

Received: November 10, 2021

Accepted: March 12, 2022

Bolsonaro's 'Anti-Diplomacy'

Julia A. Timofeeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-77-97](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-77-97)

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article compares Brazil's president Jair Bolsonaro diplomacy with the traditional one and explains in what terms and why his foreign policy is different from a classical approach.

Before he came to power, such principles as peaceful coexistence with neighbors, aspiration for national grandeur, peaceful conflict settlement and independent decision making were inherent in Brazilian diplomacy. Today the country's foreign policy is unpredictable, inconsistent, and far from traditional peacefulness. Before changes in the US administration in 2021, Bolsonaro, as well as many of his predecessors, bet on the USA to solve national problems. Unilateral concessions to Washington predictably gave no results and lowered Brazilian independence in decision making. The USA was not interested in strengthening its rival in Latin America, no matter how friendly the relations between the two countries were. Bolsonaro's policy is influenced by different lobby groups with opposing interests in government agencies. An important role is played by the military and followers of the theoretician Olavo de Carvalho. Paying attention to each of these groups, Bolsonaro implements an inconsistent foreign policy and runs a risk of not putting important political projects into practice and of finding himself in an international isolation.

The changes in foreign policy take place amidst political and economic crisis in Brazil. Coronavirus pandemic aggravated the conflict of the branches of power. To strengthen his positions, the president appeals to the population, looks for support in the Parliament and pushes through an administrative bill aimed at making the president more autonomous in managing the executive branch structures.

The appearance of the "right-wing" president and powerful influence of the conservative military stem from the economic and political crisis in Brazil, and Bolsonaro's "special" governance style fits a worldwide trend of populism and active politics coverage in social networks.

Keywords: Brazil's diplomacy, foreign policy traditions, peacefulness, the Olavists, the military, internal crisis

About the author:

Julia A. Timofeeva – lecturer at the Department of Roman Languages at Moscow State University of International Relations (MGIMO), Institute of Scientific Information for Special Sciences of the Russian Academy of Science. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia. E-mail, timofeeva.yu.a@gmail.com.

Conflict of interest:

The author declares absence of conflicts of interest.

References:

- Federico G. 1989. The Kennedy-Johnson Years. John D Martz (eds) *United States Policy in Latin America*. University of Nebraska Press.
- Milani C. 2019. Brazil's Foreign Policy on the Couch. *Folha de São Paulo*. Aug. 8. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/internacional/en/brazil/2019/08/brazils-foreign-policy-on-the-couch.shtml> (accessed 11.06.2022).
- Almeida PR. 2019. *Miséria da diplomacia. A destruição da inteligência no Itamaraty* [Misery of Diplomacy. Intellect Destruction in Itamaraty]. Boa Vista: Editora da UFRR. 163 p. (In Portuguese).
- Cervo AL. 2008. *Inserção Internacional: formação dos conceitos brasileiros* [International Insertion: Formation of Brazilian Concepts]. São Paulo: Editora Saraiva. 298 p. (In Portuguese).
- Manzur T.M. 2014. A política externa independente (PEI): antecedentes, apogeu e declínio [Independent Foreign Policy (IEP): Background, Heyday and Decline]. *Lua nova*. №93. P. 169–199. (In Portuguese).
- Pereira M.G. 2012. *Barão do Rio Branco 100 anos de memória* [Baron Rio Branco: 100 years of memory]. Brasília: Fundação Alexandre de Gusmão. 748 p. (In Portuguese).
- Santos T. 2000. O debate sobre a dependência [Debate on Dependency]. Santos T., Livros I. *Teoria da dependência: balanço e perspectivas*. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira. (In Portuguese).
- Schutte R.G., Fonseca B.C., Carneiro G.S. 2019. Jogo de dois níveis voltado ao eleitorado: uma análise da política externa bolsonarista [Two-Level Game Targeted at the Electorate: an Analysis of the Pocket Foreign Policy]. *Revista Conjuntura Global*. 8(2). P.97-116. (In Portuguese).
- Souto Maior L. 2001. Brasil-Estados Unidos: desafios de um relacionamento assimétrico [Brazil – the United States: Challenges of an Asymmetric Relationship]. *Revista Brasileira de Política Internacional*. 44(1). P. 55-68. (In Portuguese).
- Bezerra M. 2016. Kak daleko namerena prodvinutsa NATO? [How far Does NATO Intend to Move?] *The International Affairs*. №3. P. 71–87. (In Russian).
- Bezerra M. 2020. *Diplomatiya Zhaira Bolsonaro: demontazh traditsionnoy brazil'skoy vneshney politiki* [Jair Bolsonaro's Diplomacy: Dismantling Traditional Foreign Policy of Brazil]. *Cuadernos Iberoamericanos*. 8(3). P. 35-42. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42 (In Russian).
- Martynov B.F. 2004. "Zolotoy kantsler". *Baron de Rio-Branko – velikiy diplomat Latinskoy Ameriki*. ["Golden Chancellor". Baron de Rio Branco is a Great Latin American Diplomat] Moscow: ILA RAS. 160 p. (In Russian).
- Martynov B.F. 2010. Braziliya: Prioritety i fobii voskhodyashey derzhavy [Brazil: Priorities and Fobias of an Emerging Power]. *Security Index*. 16(4,95). P. 43-57. (In Russian).
- Martynov B.F., Borzova A.Yu. 2021. *Istoriya vneshney politiki i diplomatii Brazili* [History of Brazilian Foreign Policy and Diplomacy]. Moscow: Aspekt press. 288 p. (In Russian).
- Okuneva L.S. 2020. Latinskaya Amerika prishla v dvizheniye: v chem smysl sotsial'nykh protestov oktyabrya 2019 goda? [Latin America Has Set in Motion: What is the Meaning of Social Protests in October 2019?] *Latin America*. 1. P. 8-21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9 (In Russian).
- Pivovarova N.S. 2015. Istoki programmy "Soyuz radi progressa v ideye "Panamerikanskoy operatsii" Zh.Kubicheka. [The Origins of the "Alliance For Progress" in The Idea of J. Ku-

bitschek's "Pan-American Operation"]. *Tomsk State University Journal of History*. 2(34). P. 95-96. DOI 10.17223/19988613/34/15 (In Russian).

Sudarev V.P. 2019. Vozmozhnosti i predely gegemonii SSHA v Latinskoy Amerike [Possibilities and Limits of the US Hegemony in Latin America]. *Latin America*. №11. P. 6-14. DOI: 10.31857/S0044748X0006894-2 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Безерра М. 2016. Как далеко намерена продвинуться НАТО? *Международная жизнь*. №3. С. 71–87.

Безерра М. 2020. Дипломатия Жаира Болсонару: демонтаж традиционной бразильской внешней политики. *Иberoамериканские тетради*. 8(3). С. 35-42. DOI: 10.46272/2409-3416-2020-8-3-35-42

Мартынов Б.Ф., Борзова А.Ю. 2021. *История внешней политики и дипломатии Бразилии*. Москва: Аспект Пресс. 288 с.

Мартынов Б.Ф. 2004. «Золотой канцлер». Барон де Рио-Бранко – великий дипломат Латинской Америки. Москва: ИЛА РАН. 160 с.

Мартынов Б.Ф. 2010. Приоритеты и фобии восходящей державы. *Индекс безопасности*. 16(4,95). С. 43–57.

Окунева Л.С. 2020. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? *Латинская Америка*. №1. С. 8-21. DOI: 10.31857/S0044748X0007755-9

Пивоварова Н.С. 2015. Истоки программы «Союз ради прогресса» в идее «Панаме-риканской операции» Ж. Кубичека. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2(34). С. 95–96. DOI 10.17223/19988613/34/15

Сударев В.П. 2019. Возможности и пределы гегемонии США в Латинской Америке. *Латинская Америка*. №11. С. 6-14. DOI: 10.31857/S0044748X0006894-2

Роль Движения неприсоединения в рамках переговорного процесса ДНЯО

Е.Б. Михайленко, Е.С. Порядина

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Движение неприсоединения (ДН) является одной из самых крупных и активных групп в рамках переговорного процесса по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Последние десять лет ДН выдвигает радикальную разоруженческую повестку в ходе Конференций по рассмотрению действия ДНЯО, хотя группе не всегда удаётся эффективно использовать свой коллективный голос в продвижении поставленных целей.

Цель статьи – выявить приоритетные направления действий ДН, а также определить его роль в формировании новой повестки дня в переговорном процессе ДНЯО. Показан переход от декларативных форм в области ядерного разоружения к конкретным предложениям и планам ликвидации ядерного оружия. Основным методом исследования стал критический анализ документов, подготовленных государствами ДН к Конференциям по рассмотрению действия ДНЯО, а также неформальных интервью, собранных в ходе работы в подготовительных комитетах ДНЯО в 2018-2019 гг. Особое внимание уделено внутренним проблемам Движения, которые влияют на формирование общей позиции в переговорном процессе. Проведённое исследование позволяет заключить, что, несмотря на большое число стран-участниц ДН и их активную позицию, в последние годы роль ДН в переговорном процессе ДНЯО нельзя назвать успешной. На консолидацию позиций внутри ДН влияют внутренние противоречия, разнородность акторов и дальнейшая диверсификация их позиций. С одной стороны, это приводит к столкновениям интересов внутри ДН, с другой, к формированию максимально широкой повестки дня ДН в переговорном процессе. Открытым остаётся вопрос, насколько ДН сможет сохранять консолидированную позицию, а также противостоять позиции государств, обладающих ядерным оружием.

Ключевые слова: Движение неприсоединения, ядерное оружие, ДНЯО, ДВЗЯИ, ДЗЯО, статья 6 ДНЯО, разоружение, нераспространение, ликвидация ядерного оружия

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) является основополагающим документом режима ядерного нераспространения. В соответствии со ст. 8 ДНЯО каждые пять лет созывается конференция

УДК: 94, 327.3

Поступила в редакцию: 03.12.2021 г.

Принята к публикации: 03.04.2022 г.

его участников по рассмотрению действия Договора (далее ОК ДНЯО) в целях мониторинга осуществления целей, изложенных в преамбуле, и основных положений. Переговорный процесс в рамках ОК ДНЯО объединяет множество акторов мировой политики: государства, неправительственные организации, группы интересов и коалиции.

Движение неприсоединения (ДН) – крупнейшая группа государств, действующая в ООН и активно участвующая в переговорном процессе в рамках ДНЯО. На сегодняшний день в ДН входит 120 государств, 18 государств-наблюдателей и 10 организаций-наблюдателей. ДН является крупным международно-политическим объединением, при этом обладая свободной и неформальной организационной структурой. У ДН нет устава, постоянного секретариата, штаб-квартиры, аппарата казначейства, аппарата принятия решений, а также постоянного веб-сайта. Вопрос о том, является ли ДН международной организацией или каким-либо другим видом международного института остаётся предметом дискуссий. Встречаются различные наименования, такие как «группа», «группировка», «международная организация», «международное объединение» и т.д. ООН в своих документах называет ДН «группой неприсоединившихся государств», в связи с чем и мы будем придерживаться данного названия. В настоящее время ДН представляет собой мощный коллективный голос в переговорном процессе ДНЯО. Активная позиция ДН в вопросах нераспространения ядерного оружия может свидетельствовать о его возрастающей роли в новом мировом порядке.

Большинство работ российских авторов посвящены истории ДН или роли отдельных государств в истории международных отношений (Ермаков 2005; Костюк 2011; Крылов 2012, 2018; Астахов 2012; Павлов 2013; Поленова 2020). Существует также немало работ, сфокусированных на режиме ядерного нераспространения (Fahmy 2011; Müller 2011; Dhanapala, Rauf 2017; Onderco, Nuti 2020), однако исследований роли ДН в режиме ДНЯО значительно меньше. Например, это монография «Ядерная политика и Движение неприсоединения» (Potter, Mukhatzhanova 2012), а также работы дипломата Шри-Ланки Дж. Данапала (Dhanapala 2016) и директора ПИР-Центра В.А. Орлова (Орлов 1999). Важно подчеркнуть, что на современном этапе исследования роли ДН в области разоружения и нераспространения ядерного оружия слабо представлены в научном дискурсе, и особенно в его российском сегменте.

Цель настоящей статьи – выявить приоритетные направления деятельности ДН, а также определить роль ДН в формировании новой повестки дня в переговорном процессе ДНЯО. Показан переход от декларативных форм в области ядерного разоружения к конкретным предложениям и планам ликвидации ядерного оружия. Основным методом исследования стал критический анализ документов ДН, а также анализ неформальных интервью. Особое внимание уделено внутренним проблемам ДН, которые влияют на формирование общей позиции в переговорном процессе.

Трансформация режима ядерного нераспространения, его нормативного поля остаётся важной исследовательской проблемой в современной науке. Крайне важна в этом контексте и роль ДН. Причины формирования активной позиции Движения можно объяснить с точки зрения современных теоретических подходов. Вопросы формирования незападных теорий международных отношений и адаптации классических западных теорий незападными странами и их лидерами активно дискутируются в научной среде (Лебедева 2017; Дегтерев 2021; Acharya, Buzan 2013, 2019). Трансформация нормативного поля режима ядерного нераспространения происходит из-за различного понимания таких понятий как «стратегическая стабильность» и «безопасность» (Müller 2013). Формируется новая повестка дня, включающая такие вопросы как неприменение ядерного оружия, правомерность обладания ядерным оружием и ликвидация ядерного оружия (Ruble, Cohen 2018). Поскольку термины «глобальный Юг», «Север» или «Третий мир» достаточно спорные, в данной работе мы рассматриваем позицию лидеров стран ДН как позиции растущих держав, имеющих амбиции к реформированию современного экономического порядка и продвижению собственных интересов (Gray, Gills 2016). Это страны, которые активно участвуют в формировании диалога по линии «Юг–Юг» (Weiss, Abdenur 2014), а также продвигают новые инициативы и проекты в разных областях, например, «постпартейдная» инициатива ЮАР по формированию режима запрещения ядерного оружия (Onderco, Van Wyk 2019). При проведении исследования авторы опирались на документы ДН, опубликованные на сайте ООН в разделах, посвящённых ОК ДНЯО, а также на неформальные интервью, собранные в ходе работы Подготовительных комитетов ОК ДНЯО в 2018–2019 гг.

В первой части статьи авторы рассматривают основные интересы ДН в переговорном процессе ДНЯО. Второй раздел посвящён анализу позиции ДН в рамках Десятого цикла ОК ДНЯО. В третьей части определяется роль ДН в переговорном процессе ДНЯО.

Интересы ДН в переговорном процессе ДНЯО

ДНЯО, подписанный в 1968 г., является одним из ключевых элементов международного режима нераспространения ядерного оружия. Созыв ОК ДНЯО проводится каждые пять лет, начиная с 1975 г. В рамках ОК решаются разнообразные вопросы: от технического контроля и содействия мирному атому до вопросов международной безопасности, связанных с ракетно-ядерной программой КНДР, ядерной программой Ирана и др. Не все ОК ДНЯО завершались принятием итогового документа: именно так закончились пять из девяти конференций (в 1980 г., 1990 г., 1995 г., 2005 г. и 2015 г.)¹.

¹ Берденников Г.В. 2021. Перспективы и вызовы нового обзорного цикла Договора о нераспространении ядерного оружия (2016–2020 гг.). CENESS. URL: http://ceness-russia.org/conf2017/Discussion_Paper_by_Amb._Berdennikov_RUS.pdf (дата обращения: 20.06.2022).

Каждый цикл переговорного процесса в рамках ДНЯО состоит из нескольких этапов: созыв ОК ДНЯО; спустя год в Вене проходит работа первого подготовительного комитета, затем спустя год – второго подготовительного комитета в Женеве и затем третий в Нью-Йорке. Каждый подготовительный комитет начинает свою работу в апреле и работает на протяжении двух недель. За это время проходят встречи, представляются доклады по различным вопросам и тематикам как от стран-участниц ДНЯО, так и международных организаций, коалиций или групп. Направления работы подготовительных комитетов можно разделить на три кластера: ядерное разоружение и гарантии безопасности (кластер 1); региональные вопросы (кластер 2); использование атомной энергии в мирных целях и иные положения ДНЯО, и, помимо этого, укрепление Обзорного процесса (кластер 3). В последний день заседания рассматривается и принимается проект итогового документа. Цикл завершается проведением ОК ДНЯО.

На данный момент ДН является одной из самых активных и массовых групп стран в переговорном процессе ДНЯО. Представителем ДН на обзорных циклах обычно выступает Индонезия, которая возглавляет Рабочую группу по разоружению внутри самого Движения; однако иногда эту роль может выполнять государство, которое председательствует в ДН в соответствующем году.

Стоит отметить, что роль и активность ДН со временем менялась, однако ДН никогда не отступало от своих принципов. За весь период созыва ОК начиная с 1975 г. существовал ряд вопросов, которые неизменно оставались в приоритете для группы и которые они считают критически важными для решения проблемы полного разоружения и уничтожения ЯО.

Статья 6 ДНЯО. Вопрос по толкованию ст. 6 ДНЯО являлся и является камнем преткновения для государств, обладающих ядерным оружием (ЯОГ) и государств, не обладающих ядерным оружием (НЯОГ). ДН считает данную статью фундаментальным элементом ДНЯО и гарантом функционирования всего режима. Как и во времена холодной войны, так и сегодня любая модернизация и увеличение ядерных арсеналов, а также выход из договоров по сокращению ядерных вооружений рассматривается ДН как грубое нарушение положений данной статьи со стороны ядерных держав.

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). ДН рассматривает ДВЗЯИ в качестве одного из практических шагов по достижению полного разоружения и уничтожению ядерного оружия. Именно ДН стало одним из инициаторов начала обсуждения условий договора в 1985 г.² На ОК 1990 г. ДН призывало участников конференции к срочному началу переговоров по ДВЗЯИ, который, по их мнению, мог стать эффективной мерой по скорейшему сокращению гонки ядерных вооружений³. В 1995 г. ДН выступала уже с

² Statement by Senegal on behalf of the Non-Aligned States. 1985. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Summary_Record/NPT-CONF.III-SR.16-para24-26-Senegal.pdf (accessed 20.06.2022).

³ Group of Non-Aligned and Neutral States Working Paper on Article VI of NPT. 1990. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/NPFCOIII.32.pdf (accessed 20.06.2022).

призывом к ЯОГ прекратить любые ядерные испытания, а также отмечало, что для международного сообщества создание такого договора должно являться наивысшим приоритетом⁴. В 1998 г. в связи с принятием ДВЗЯИ Генеральной Ассамблеей ООН и открытием его к подписанию в 1996 г. ДН высказывалось о необходимости транспарентности и принятия других мер, которые способствовали бы укреплению доверительных отношений между ЯОГ и НЯОГ⁵. Очевидно, что данный вопрос оставался на повестке дня ДН в связи с тем, что ряд государств – Пакистан, Индия и КНДР – так и не подписали договор, а США не ратифицировали. Характер заявлений ДН по данному вопросу с каждым годом становился всё более радикальным, особенно в отношении США, так как именно из-за отказа ратифицировать данный договор «завис», и соответствующего прогресса не наблюдается.

Создание конвенции, запрещающей ядерное оружие, стало одной из приоритетных задач для ДН. Смысл создания такой конвенции на протяжении долгого времени виделся, во-первых, как способ осуществления статьи 6 ДНЯО, а, во-вторых, как гарантия против применения или угрозы применения ядерного оружия против НЯОГ. Одна из наиболее активных участниц ДН, Индонезия, участвовала в переговорах по ДЗЯО в ООН в 2017 г.⁶, а 93 участника ДН выступили за его принятие⁷. На этапе подписания и ратификации ДЗЯО активность ДН, однако, резко снизилась. Подписали данный договор 64 государства из 120, а ратифицировали лишь 37⁸. Это было связано с тем, что лидеры ДН представляли договор и ряд его положений в ином формате: во-первых, согласно планам ДН, уничтожение ядерного оружия должно быть установлено в определённые временные рамки; во-вторых, перед ратификацией такого соглашения все ЯОГ должны присоединиться и ратифицировать дополнительные соглашения, должна быть установлена зона, свободная от оружия массового уничтожения (ЗСОМУ) на Ближнем Востоке, а из военных доктрин ЯОГ должна быть исключена возможность применения ядерного оружия.

Создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Создание зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), рассматривается ДН как эффективная мера для достижения полного разоружения. ДН положительно оценило принятие Договора Раротон-

⁴ Document on Substantive Issues Submitted by Indonesia on behalf of the Group of Non-Aligned and Other States. 1995. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/NPT-CONF.1995-PC.III-13.pdf (accessed 20.06.2022).

⁵ Working paper presented by the members of the Movement of Non-Aligned Countries parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons NPT/CONF.2000/PC.II/5. 2000. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/4.28.98_WP.pdf (accessed 20.06.2022).

⁶ Indonesia. ICAN. URL: <https://www.icanw.org/indonesia> (accessed 20.06.2022).

⁷ General Assembly – other United Nations conference to negotiate a legally-binding instrument to prohibit nuclear weapons: Second session, Vote Name: Item 9, A/CONF.229/2017/L.3/Rev.1, Draft Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. 2018. *United Nations Office for Disarmament Affairs*. URL: https://s3.amazonaws.com/unoda-web/wp-content/uploads/2017/07/A.Conf._229.2017.L.3.Rev._1.pdf (accessed 20.06.2022).

⁸ Status of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. United Nations. URL: <https://treaties.unoda.org/t/tpnw> (accessed 20.06.2022).

га на ОК 1985 г.⁹, а на ОК 1990 г. ДН в одном из своих рабочих документов призывало СССР, США и Великобританию соблюдать те международные договоры, которые создали ЗСЯО, и поддерживать предпринятые инициативы в области создания таких новых зон¹⁰. ДН поддержало создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке на ОК ДНЯО в 1995 г.¹¹. Характер заявлений меняется только на Втором подготовительном комитете ДНЯО в 1998 г. В предоставленном ДН документе отчётливо прослеживается решимость в полной мере сотрудничать и прилагать максимальные усилия с целью скорейшего создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного, а также всех других видов ОМУ. Стоит отметить, что на сегодняшний день создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке является приоритетным направлением работы ДН в области второго кластера работы ОК ДНЯО – региональные вопросы.

С каждым циклом переговорного процесса ДН готовит всё больше рабочих документов. К ОК 2015 г. было подготовлено 58 документов, наибольшее количество – 10 – было представлено Движением неприсоединения¹². Проекты были посвящены вопросам гарантий безопасности, мирного использования атома, ядерным испытаниям, ядерному разоружению, плану действий по ликвидации ядерного оружия, региональным вопросам и др. 28 апреля 2015 г. было озвучено Совместное заявление 159 участников ДНЯО о гуманитарных последствиях применения ядерного оружия¹³. Подготовленные рабочие документы демонстрируют крен ОК в сторону требований разоружения, гарантий безопасности, снятия с боевого дежурства и гуманитарных последствий испытаний и использования ядерного оружия. Документы также свидетельствуют о серьёзном расколе между странами участницами по вопросам эффективности действий ДНЯО.

Таким образом, приоритетными вопросами для ДН всегда были и остаются: толкование ст. 6 ДНЯО, реализация и ратификация ДВЗЯИ, создание конвенции, которая бы запрещала ядерное оружие, а также создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке. ДН никогда не отступало от своей приверженности сделать всё возможное для уничтожения ядерного оружия, однако характер заявлений и активность группы за время её существования, несомненно, менялись. Вступая

⁹ Statement by Senegal on behalf of the Non-Aligned States. 1985. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Summary_Record/NPT-CONF.III-SR.16-para24-26-Senegal.pdf (accessed 20.06.2022).

¹⁰ Draft Resolution on Disarmament and Other Security Related Issues. 1990. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/NPTCONF.IV.L.1.pdf (accessed 20.06.2022).

¹¹ Document on Substantive Issues Submitted by Indonesia on behalf of the Group of Non-Aligned and Other States (NPT/CONF.1995/PC.III/13). 1995. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/NPT-CONF.1995-PC.III-13.pdf (accessed 20.06.2022).

¹² Страница Конференции Конференция 2015 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). ООН. URL: <https://www.un.org/ru/conf/npt/2015/working-papers.shtml> (дата обращения: 20.06.2022).

¹³ Joint Statement on the Humanitarian Consequences of Nuclear Weapons delivered by H.E. Sebastian Kurz Federal Minister for Europe, Integration and Foreign Affairs of Austria. 2015. *United Nations*. URL: http://www.un.org/en/conf/npt/2015/statements/pdf/humanitarian_en.pdf (accessed 20.06.2022).

в новое тысячелетие, ДН более уверенно и настойчиво продвигает свои принципы и цели по ряду важных вопросов в отличие от времён холодной войны. Группа всё чаще выступает с призывами к ЯОГ, осуждая их бездействие в разоружении и уничтожении ядерного оружия.

Позиция ДН в рамках Десятой Конференции 2020 участников ДНЯО

Десятый цикл ОК ДНЯО¹⁴ начался с первой сессии подготовительного комитета в мае 2017 г. в Вене; второй прошёл в апреле–мае 2018 г. в Женеве; третья и решающая сессия подготовительного комитета состоялась в апреле–мае 2019 г. в Нью-Йорке. На сессиях поднимались вопросы, связанные с отсутствием прогресса в области ядерного разоружения, ДЗЯО, ДВЗЯИ, созданием ЗСОМУ на Ближнем Востоке, мирным использованием ядерной энергии. ДН констатировало отсутствие прогресса в области ядерного разоружения, но подчеркнуло важность того, чтобы усилия, направленные на ядерное нераспространение, осуществлялись параллельно с усилиями по ядерному разоружению. ДН также обратилось с призывом к ЯОГ осуществлять все 13 практических шагов для реализации ст. 6 ДНЯО по ликвидации ядерных арсеналов¹⁵.

На всех трёх сессиях ДН также выражало глубокую озабоченность по поводу отсутствия прогресса в области ядерного разоружения. ДН по-прежнему обеспокоено продолжающимся развёртыванием десятков тысяч единиц ядерного оружия, а также отсутствием транспарентности в программах ЯОГ¹⁶.

Большой резонанс вызвал рабочий документ «Инициатива в области создания среды для ядерного разоружения» (CEND)¹⁷, представленный США в 2019 г. на подготовительном комитете в Нью-Йорке. Данный документ ставит задачу сначала создать такую международную среду, в которой ядерное оружие больше не будет необходимо для сдерживания агрессии и поддержания глобальной стратегической стабильности для ЯОГ, а для НЯОГ снизится потребность в его разработке. Ряд государств, такие как Япония и Великобритания, поддержали инициативу CEND. В то же время ряд НЯОГ, в том числе Иран и Филиппины, встретили её с сопротивлением, утверждая, что прогресс в области разоружения обусловлен, а не затруднён сложившейся обстановкой в обла-

¹⁴ Десятая Конференция 2020 г. участников Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в связи с ситуацией, сложившейся в результате распространения инфекции COVID-19, была перенесена на январь 2022 г. ООН. URL: <https://www.un.org/en/conferences/npt2020> (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁵ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons NPT/CONF.2020/PC.II/WP.17. 2018. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/CONF.2020-PC.II-WP.17.pdf (accessed 20.06.2022).

¹⁶ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons NPT/CONF.2020/PC.II/WP.24. 2017. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/WP24.pdf (accessed 20.06.2022).

¹⁷ Working paper submitted by the United States of America NPT/CONF.2020/PC.II/WP.30. 2018. *United Nations Documents*. 18.04.2018. URL: [1806176E.pdf](https://www.un.org/ru/documents/condocs/2018/1806176E.pdf) (accessed 20.06.2022).

сти безопасности. Ядерное разоружение – в первую очередь, вопрос, связанный с коллективной безопасностью, и он не может зависеть от интересов меньшинства¹⁸.

Работа первого подготовительного комитета началась с дискуссий по поводу ДЗЯО. Наиболее активная позиция ДН отмечается в области создания всеобъемлющей конвенции по ядерному оружию¹⁹, подразумевающей поэтапную программу и определённые временные рамки для полной ликвидации ядерного оружия. ДН неоднократно выдвигало подобные планы, где первым этапом являлось бы создание всеобъемлющей конвенции (на ОК 2010 г.²⁰ и 2015 г.²¹).

Обсуждение ДЗЯО вызвало отрицательную реакцию со стороны ЯОГ. США и большинство их союзников бойкотировали переговоры; однако страны ДН, в особенности Индонезия²², активно участвовали в его разработке. После принятия договора ДН неоднократно призывало ЯОГ подписать и ратифицировать его, однако это вызвало лишь их сопротивление. Несмотря на то, что ДН признаёт необходимость в Конвенции, запрещающей ядерное оружие, при обсуждении самого ДЗЯО Группа не выступила консолидировано.

В первую очередь, это связано с тем, что ДН рассматривает процесс ядерного разоружения иначе, чем другие страны. Одним из первых и основных условий для ядерного разоружения является разработка Конвенции о полном уничтожении ядерного оружия в рамках Конференции по разоружению. Помимо этого, устанавливаются жёсткие временные рамки, а и именно ликвидация ядерного оружия до 2035 г. К тому же ДН подчёркивает необходимость разработки комплексной и многосторонней системы международного контроля для соблюдения всех положений Конвенции. ДН предлагает учредить в рамках Конференции по разоружению специальные органы для рассмотрения вышеупомянутых предложений. Рабочий документ ДН с рекомендациями к Обзорной Конференции практически полностью вошёл во вторую версию рекомендаций Председателя к ОК ДНЯО 2020 г.²³

В области запрещения ядерных испытаний ДН снова подтвердило свою позицию: уничтожение ядерного оружия – это единственный способ избавить мир от угрозы его применения. В одном из рабочих документов ДН ссылает-

¹⁸ Draft Philippine Statement. 2019. *United Nations Documents*. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21491951/philippines.pdf> (accessed 20.06.2022).

¹⁹ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2018. *United Nations Documents*. 25.04.2017. URL: <https://undocs.org/en/NPT/CONF.2020/PC.I/WP.23> (accessed 20.06.2022).

²⁰ Elements for a plan of action for the elimination of nuclear weapons. 2010. *MIIS*. 25.04.2010. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/4_28_10_NPTCONF.2010WP.47.pdf (accessed 20.06.2022).

²¹ Elements for a plan of action for the elimination of nuclear weapons. 2015. *MIIS*. 13.03.2015. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Working_Paper/Draft_elements_for_a_plan_of_action_for_the_elimination_of.pdf (accessed 20.06.2022).

²² General and complete disarmament: taking forward multilateral nuclear disarmament negotiations. 2016. *United Nations Documents*. 14.10.2016. URL: <https://undocs.org/A/C.1/71/L.41> (accessed 20.06.2022).

²³ Рекомендации по вопросам существа для включения в заключительный документ Конференции 2020 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. 2019. ООН.

ся на ДВЗЯИ как на один из практических шагов на пути достижения ядерного разоружения, но который не может заменить собой полное уничтожение ядерного оружия²⁴. ДН продолжает придерживаться позиции, что именно ЯОГ несут на себе особую ответственность за реализацию ДВЗЯИ, будут играть ведущую роль в процессе реализации запрета на проведения ядерных испытаний. В этом же документе ДН обвиняет США в отказе от ратификации ДВЗЯИ.

Создание любых ЗСЯО, по мнению группы, является позитивной тенденцией и важным шагом на пути к полному уничтожению ядерного оружия²⁵. В то же время невозможность договориться по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке противоречит принятому пакету документов на ОК 1995 г. ДН выразило своё разочарование ввиду того, что из-за Канады, США и Великобритании не удалось достичь консенсуса в отношении мер по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке. Один из пунктов разногласий по этой теме на второй сессии подготовительного комитета был связан с позицией США, которые отмечали, что хотя они и поддерживают создание такой зоны, на данный момент не существует подходящих условий для её реализации. Здесь США столкнулись с оппозицией не только со стороны ДН, но и Африканской группы и Лиги арабских государств. ДН решительно отвергли эту позицию²⁶, утверждая, что государства-участники ДНЯО взяли на себя обязательство работать над созданием подобной зоны.

По этой же причине ДН настаивало на созыве конференции по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке не позднее 2020 г.²⁷, так как дальнейшее затягивание может негативно сказаться на режиме ядерного нераспространения. Также, по мнению государств ДН, Израиль, как единственное государство, не состоящее в ДНЯО в этом регионе, должен отказаться от обладания ядерным оружием²⁸. США заявили, что, сожалея о том, что Конференция не была созвана ранее, они всё же не будут участвовать в ней без присутствия всех государств региона

²⁴ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2017. *United Nations Documents*. 20.04.2017. URL: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2020/PC.I/WP.18> (accessed 20.06.2022).

²⁵ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2017. *United Nations Document*. 20.04.2017. URL: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2020/PC.I/WP.19> (accessed 20.06.2022).

²⁶ Working paper submitted by the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. 2018. *United Nations Documents*. 22.03.2018. URL: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.16> (accessed 20.06.2022).

²⁷ Statement by the delegation of the Republic of Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement States Parties to the NPT. 2018. *MIIS*. 30.04.2018. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Statement/indonesia-nam-printer_20180430_150923_Cluster_2_specific_issues_30_april.pdf (accessed 20.06.2022).

²⁸ Statement by Delegation of the Republic of Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement State Parties to the NPT. 2019. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Statement/indonesia-on-behalf-of-nam-statement-cluster-2_May_3.pdf (accessed 20.06.2022).

²⁹ Statement by the United States in Cluster 2: Regional Issues. 2019. *Arms Control Today*. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21492086/usa-2-si.pdf> (accessed 20.06.2022).

(т.е. включая Израиль)²⁹; Великобритания ещё не приняла решение, будет ли она участвовать в Конференции³⁰, а Россия выступила за.

При обсуждении третьего блока вопросов по теме мирного использования ядерной энергии государства ДН поднимали темы прав государств-участников ДНЯО на участие в обмене оборудованием, материалами и научно-технической информацией в области мирного использования атомной энергии, а также их прав на сотрудничество в данной сфере. ДН выделило необходимость дальнейшего развития применения ядерной энергии в мирных целях в развивающихся странах, что способствует достижению соответствующих национальных целей в области устойчивого развития³¹. В своём заявлении от лица ДН³² Индонезия особое внимание уделила государствам, которые не входят в ДНЯО, но занимаются поставкой специального расщепляющегося материала, оборудования или материалов, предназначенных для обработки, использования или производства специальных расщепляющихся материалов.

Таким образом, ДН активно продвигает свои позиции на рамках Десятого обзорного цикла ДНЯО, открыто выступая против ЯОГ и поддерживая мнение большинства НЯОГ. Иногда ДН заручается поддержкой Африканской группы (51 государство из 54 входит в состав ДН) и Лиги арабских государств (все 22 члена состоят в ДН), а иногда сопротивление ДН приводит к наступательным действиям со стороны ЯОГ таким как CEND от США.

Роль ДН в переговорном процессе ДНЯО

Активность ДН за последние четыре года в рамках переговорного процесса ДНЯО увеличилась и будет продолжать расти. По сравнению с другими странами, группами и коалициями ДН готовит самое большое количество рабочих документов по различным вопросам, продвигая интересы группы, или как принято говорить в самом ДН, интересы «большинства». Не всегда предложения ДН включаются в фактологическое резюме Председателя конференции. В 2017 г., например, в резюме отсутствовали положения, предложенные ДН, о призывах к Израилю вступить в ДНЯО, преимуществах, связанных с принятием ДЗЯО, призывах к делегациям и ЯОГ принять участие в переговорах по ДЗЯО. Тем не менее, рабочий документ ДН с рекомендациями к ОК ДНЯО 2020 г. практически полностью вошёл во вторую версию документа³³.

³⁰ Statement by the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2019. *Arms Control Today*. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21492068/uk-mewmdfz-2-si.pdf> (accessed 20.06.2022).

³¹ Рабочий документ, представленный Группой неприсоединившихся государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия NPT/CONF.2020/PC.II/WP.20. 2018. *United Nations Documents*. URL: <https://undocs.org/ru/NPT/CONF.2020/PC.II/WP.20> (дата обращения 20.06.2022).

³² Statement by Delegation of the Republic of Indonesia on behalf of the Non-Aligned Movement State Parties to the NPT. 2019. MIIS. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Statement/indonesia-on-behalf-of-nam-cluster-3-_may_6.pdf (accessed 20.06.2022).

³³ Sanders-Zakre A. Reporting on the 2019 NPT PrepCom. 2019. *Arms Control Today*. URL: <https://www.armscontrol.org/blog/2019-05-10/reporting-2019-npt-prepcom> (accessed 20.06.2022).

Влияние ДН на обзорный цикл ДНЯО оценивать сложно. Это связано как с объективными факторами, такими как позиция ЯОГ на ОК ДНЯО, так и с субъективными – консолидация внутри ДН, роль отдельных государств и внутренней региональной диверсификации ДН.

Внутренняя структура Движения неоднородна. Несмотря на то, что тематика ядерного нераспространения присутствует в заключительных декларациях Саммитов ДН³⁴, группа также уделяет большое внимание другим глобальным вопросам, связанным с международным правом, реформой ООН, культурной диверсификацией, демократизацией, ролью региональных организаций и т.д. Среди стран-участниц также существуют разнящиеся интерпретации вопросов ядерного разоружения. С одной стороны, ДН рассматривает ядерное разоружение как основной приоритет; с другой стороны, в составе ДН присутствуют государства, которые обладают ядерным оружием, например, Индия, Пакистан и КНДР. ДН довольно долго игнорировало внутренние несоответствия принципам разоружения; тем не менее, когда в 2005 г. США решили изменить политику в отношении Индии, и страны подписали соглашение в области ядерного сотрудничества³⁵, это привело к определённом расколу внутри группы. Ряд членов ДН поддержали американскую инициативу, а также изменение экспортных соглашений в рамках Группы ядерных поставщиков в отношении Индии. Страны ДН, входящие в Лигу арабских государств, восприняли это крайне негативно, так как опасались, что Израиль может использовать этот прецедент в дальнейшем (Potter, Mukhatzhanova 2012).

В переговорном процессе ДНЯО в ДН также возникают группы интересов. В. Орлов (Орлов 2015) и Дж. Данапала (Dhanapala 2016) отмечают, что Движение не было едино в своей позиции по продлению ДНЯО в 1995 г. Так, В. Орлов вычленяет пять групп государств на основе их отношения к бессрочному продлению ДНЯО: непримиримые (Сирия, Ливия, Малайзия, Нигерия, КНДР); радикальные, в дальнейшем согласившиеся на уступки (например, Индонезия, Иран, Египет, Мексика, Венесуэла, Кения); группа, возглавляемая ЮАР, предлагавшая 25-летнее продление договора и свой набор политических инструментов для совершенствования режима ядерного нераспространения; а также группа стран, поддерживающих западную позицию (островные государства Карибского бассейна).

Отношение к США и странам Запада также является важным идеологическим фактором в деятельности ДН в переговорном процессе ДНЯО. Несмотря на общее негативное отношение к США и ЯОГ, обвинения их в том, что они заинтересованы в ограничении распространения мирных технологий с целью

³⁴ 17th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement. 2016. *MIIS*. URL: http://cns.miis.edu/nam/documents/Official_Document/XVII-NAM-Summit-Final-Outcome-Document-ENG.pdf (accessed 20.06.2022).

³⁵ Межгосударственные отношения США и Индии. 2015. *РИА Новости*. 25.01.2015. URL: <https://ria.ru/20150125/1043979115.html> (дата обращения: 20.06.2022).

сдерживать развитие Юга, внутри ДН есть государства, которые всё же пытаются достичь консенсуса с США (Египет, Индонезия), а также «страны-радикалы» (Иран, Куба, Сирия), которые используют заседания ОК ДНЯО для выражения своей антиамериканской позиции. Так, например, на ОК ДНЯО в 2010 г. Египет пытался достичь прогресса по созданию ЗСОМУ на Ближнем Востоке путём компромисса с США по ряду вопросов конференции. Иран занял агрессивную антиамериканскую позицию, заявляя, что ядерная доктрина администрации Б. Обамы является ещё более опасной для НЯОГ, чем доктрина Дж. Буша. Во время специальных консультаций ДН глава египетской делегации смог сдерживать Иран, заверив Движение в согласии с предложениями Председателя Конференции, посла Филиппин Л. Кабактулана (Müller 2011).

В рамках переговорного процесса ДНЯО государства-члены ДН зачастую представляют интересы не только своих региональных групп – таких как Лига арабских государств, Африканский союз, АСЕАН, КАРИКОМ, страны-участницы Договоров о зонах, свободных от ядерного оружия, – но и тематических групп и коалиций: Коалиция новой повестки дня (New Agenda Coalition), Инициатива по нераспространению и разоружению (Non-proliferation and Disarmament Initiative), Венская группа десяти (Vienna Group of Ten), Гуманитарная инициатива и другие. Треть всех участников ДН состоит ещё минимум в двух других региональных группах или тематических группах и коалициях. Это приводит к ещё большей фрагментации внутри ДН и радикализации позиций группы, особенно по вопросам ликвидации ядерного оружия.

Существует и особенная нормативная практика Движения в контексте переговорного процесса ДНЯО. Страны-участницы на национальном уровне участвовали в обсуждении ДЗЯО, при этом ряд государств уже подписали и ратифицировали его. Тем не менее сам по себе ДЗЯО не является для них самоцелью. Если в период 1994–1995 гг. ДН оказалось расколотым по вопросу продления действия ДНЯО, то за следующие 25 лет группа отработала практику проведения закрытых заседаний и продвижения консолидированных позиций. ДН предлагает конкретные шаги для ликвидации бессрочного права ЯОГ обладать ядерным оружием. Термин «Дух ДНЯО» часто упоминается делегациями ЮАР, Индонезии и других стран. «Дух ДНЯО» есть новая интерпретация правил и норм режима ядерного нераспространения, уход от стратегии сдерживания и контроля над вооружениями, оправдания стратегической стабильности в сторону идеализма и равенства стран-членов ДНЯО.

Отсутствие жёсткой иерархической структуры и основанный на консенсусе процесс принятия решений способствуют формированию достаточно широкой повестки дня. 30 января 2021 г. Юсиф Гусейнов (Азербайджан) выступил с заявлением от имени ДН на тематическом семинаре по кластеру I ДНЯО (разоружение) в преддверии предстоящей Десятой Конференции участников ДНЯО. В заявлении подчёркиваются основные позиции ДН в отношении Договора,

изложенные в итоговом документе Бакинского саммита³⁶. Основные вопросы, выносимые ДН, – это снижение ядерной опасности, гендерные вопросы, роль молодёжи в вопросах разоружения, механизмы поддержки выполнения ДНЯО, укрепление гарантий безопасности и достижение мира, свободного от ядерного оружия.

Влияние ДН на обзорный цикл ДНЯО обусловлено не только размером группы, но и приверженностью, опытом, изобретательностью и навыками ведения переговоров ряда ведущих членов ДН. Помимо этого, ввиду большого числа членов, разнообразия мнений, а также неиерархичного стиля принятия решений внутри ДН, изменение или корректировка коллективных позиций группы в ходе работы подготовительных комитетов или ОК ДНЯО крайне затруднены. Именно поэтому большинство рабочих документов и заявлений несут общий неизменный характер. Насколько ДН сможет продолжать служить хранителем основных ценностей и целей группы, одновременно удовлетворяя интересам её государств, остаётся вопросом³⁷. Но важно понимать, что даже если ДН не всегда выступает единым голосом, то фрагментация внутри большой группы в рамках переговорного процесса ДНЯО усиливает диверсификацию позиций на заседаниях подготовительных комитетов и ОК ДНЯО в целом.

* * *

ДН является самой многочисленной группой в рамках переговорного процесса ДНЯО. ДН наиболее активно работает по следующим вопросам в области нераспространения ЯО и разоружения: создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке, ратификация ДВЗЯИ, обеспечение гарантий от применения или возможности применения ЯО, осуществление обязательств ЯОГ по ст. 6 ДНЯО и продвижение конвенции, запрещающей ЯО. ДН является не только одним из самых активных участников в процессе ДНЯО, но относительно влиятельным: группа активно отстаивает свои интересы, хотя уровень её политического влияния может варьироваться в зависимости от условий, создаваемых ЯОГ на сессиях.

ДН выдвигает радикальную разоруженческую повестку в работе Конференций по рассмотрению действия ДНЯО. Накануне Десятой ОК ДНЯО ДН вновь подтвердили свои позиции в области ядерного разоружения и полного уничтожения ядерного оружия. На первый план были выдвинуты проблемы, связанные с ДВЗЯИ, модернизацией ядерных арсеналов, гуманитарными последствиями применения или угрозы применения ядерного оружия. ДН вновь подтвердила стремление представить на новой ОК ДНЯО поэтапный план дей-

³⁶ 18th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement NAM 2019/CoB/Doc.1. 2019. *UNIDIR*. URL: <https://unidir.org/node/6072> (accessed 20.06.2022).

³⁷ Potter W., Mukhatzhanova G. 2012. Nuclear Politics and the Non-Aligned Movement. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS). //SS. P. 141-142.

ствий по полному уничтожению ядерного оружия³⁸. ДН приветствовало продление СНВ-3, но обратило внимание, что обязательства США по ДНЯО противоречат их Стратегии национальной безопасности.

Несмотря на количество стран-членов ДН и их активную позицию, результаты работы ДН в переговорном процессе ДНЯО в последние годы нельзя назвать успешными. На консолидацию позиции внутри ДН влияют противоречия внутри группы, разнородность акторов и дальнейшая диверсификация их позиций. С одной стороны, это приводит к столкновениям позиций внутри движения, с другой, к формированию максимально широкой повестки дня в переговорном процессе ДНЯО. При этом ДН нацелено на наращивание своей роли и увеличение влияния: государства стремятся занять видное место в международной политике и в режиме ядерного нераспространения.

Однако открытым остаётся вопрос: насколько консолидированная позиция ДН сможет противостоять позиции меньшинства, а именно ЯОГ и их сторонников. Данный раскол с каждым годом становится всё острее и зачастую препятствует принятию окончательных решений на обзорном цикле. Именно поэтому следует предположить, что в ближайшем будущем роль ДН в режиме ядерного нераспространения будет всё более значимой, если этому не помешает осложнение отношений внутри самой группы.

Об авторах:

Екатерина Борисовна Михайленко – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета. 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: earslanova@urfu.ru

Екатерина Сергеевна Порядина – магистрант Департамента международных отношений Уральского федерального университета. 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: ekaterinaporyadinaw@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

³⁸ Working paper submitted by the members of the Group of Non-Aligned States Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons NPT/CONF.2020/WP.20. 2021. *United Nations Documents*. URL: <http://statements.unmeetings.org/media2/21492086/usa-2-si.pdf> (accessed 20.06.2022).

UDC: 94, 327.3

Received: December 3, 2021

Accepted: April 3, 2022

The Non-Aligned Movement and the NPT Review Process

E.B. Mikhaylenko, E.S. Poriadina

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-98-114](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-98-114)

Ural Federal University

Abstract: The Non-Aligned movement is one of the most active and large groups within the negotiation process for the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons. The NAM promoted radical disarmament agenda during the conferences on the NPT for the last decade. However, it proves to be inefficient. The article aims at uncovering the NAM priorities, as well as defining its role in agenda setting during NPT negotiation process. The authors show transition from simple declarations to specific plans and projects of the NAM in the non-proliferation sphere. Critical document analysis of the NAM states and informal interviews on the margins of the 2018-2019 non-proliferation committees provided the necessary information for the research. Internal challenges within the NAM were analyzed. The authors conclude that although the NAM has a lot of members with pro-active positions, their actions were unsuccessful due to internal conflicts and polar stances on the issue. This, in turn leads to clash of interests within the NAM and to a very broad agenda. The NAM is still weak to form a united front in order to contend nuclear powers' position.

Keywords: Non-Aligned Movement, NAM, nuclear weapons, NPT, CTBT, TPNW, disarmament, nonproliferation, elimination of nuclear weapons

About the authors:

Ekaterina B. Mikhaylenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Ural Federal University. Lenin av., 51, Yekaterinburg, Russia, 620083. E-mail: earslanova@urfu.ru

Ekaterina S. Poriadina – MA student, Department of International Relations, Ural Federal University. Lenin av., 51, Yekaterinburg, Russia, 620083. E-mail: ekaterinaporyadinaw@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflict of interests.

References:

- Acharya A., Buzan B. 2019. *The Making of Global International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dhanapala J. 2016. *Who Is Afraid of Consensus?: The NPT Review Process*. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS).
- Dhanapala J., Rauf T. 2017. *Reflections on the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons*. SIPRI.

Fahmy N. 2011. Mindful of the Middle East Egypt's Reaction to the New US Nuclear Posture Review. *The Nonproliferation Review*. №1. P. 165-181.

Gray K., Gills B.K. 2016. South-South Cooperation and the Rise of the Global South. *Third World Quarterly*. №37 DOI: 10.1080/101436597.2015.1128817. P. 557-574.

Müller H. 2011. A Nuclear Nonproliferation Test Obama's Nuclear Policy and the 2010 NPT Review Conference. *The Nonproliferation Review*. №1. P. 219-236.

Müller H. 2012. The NPT Review Process and Strengthening the Treaty: Disarmament. SIPRI. 10. URL: <https://www.sipri.org/publications/2012/eu-non-proliferation-and-disarmament-papers/npt-review-process-and-strengthening-treaty-disarmament> (accessed 20.06.2022)

Müller H., Wunderlich C. 2013. *Norm Dynamics in Multilateral Arms Control: Interests, Conflicts and Justice*. Athens, GA: University of Georgia Press.

Onderco M., Nuti L. 2020. *Extending the NPT? A Critical Oral History of the 1995 Review and Extension Conference*. Wilson Center.

Onderco M., Van Wyk A.-M. 2019. Birth of a Norm Champion: How South Africa Came to Support the NPT's Indefinite Extension. *The Nonproliferation Review*. №26. P. 23-41. DOI: 10.1080/10736700.2019.1591771

Potter W., Mukhatzhanova G. 2011. *Nuclear Politics and the Non-Aligned Movement*. James Martin Center for Nonproliferation Studies (CNS). IISS.

Rubble M.R., Cohen A. 2018. Nuclear Norms in Global Governance: A Progressive Research Agenda. *Contemporary Security Policy*. №39. P. 317-340. DOI: 10.1080/13523260.2018.1451428

Weiss T.G., Abdenur A.E. 2014. Introduction: Emerging Powers and the US—what Kind of Development Partnership? *Third World Quarterly*. 35(10). P. 1749-1758. DOI: 10.1080/01436597.2014.971583

Astahov E.M. 2012. Dvizhenie neprisoedineniya na sovremennom etape [The Non-Aligned Movement at the Present Stage]. *RIAC*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvizhenie-neprisoedineniya-na-sovremennom-etape/> (accessed 20.06.2022) (In Russian).

Degterev D.A. 2021. Nezapadnye teorii razvitiya v ehpokhu global'nogo kapitalizma [Non-Western Theories of Development in the Era of Global Capitalism]. *World Economy and International Relations*. 65(4). P. 25-40. (In Russian).

Ermakov A.A. 2007. Diplomatiya Venesuehly v Dvizhenii neprisoedineniya [Venezuela's Diplomacy in the Non-Aligned Movement]. *Latinskaya Amerika*. №4. P. 21-31. (In Russian).

Kostyuk R.V. 2011. Dvizhenie neprisoedineniya v ehpokhu kholodnoi voiny [The Non-Aligned Movement in the Cold War Era]. *KLIO*. 4(55). P. 32-37. (In Russian).

Krylov S.A. 2012. 50 let dvizheniyu neprisoedineniya: itogi i perspektivy [50 Years of the Non-Aligned Movement: Results and Prospects]. *MGIMO Review of International Relations*. №3. P. 32-37. (In Russian).

Krylov S.A. 2018. Dvizhenie neprisoedineniya: istoriya i sovremennost' [The Non-Aligned Movement: history and modernity]. *Observer*. №3. P. 26-43. (In Russian).

Lebedeva M.M. 2017. Nezapadnye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii: mif ili real'nost'? [Non-Western Theories of International Relations: Myth or Reality?]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov*. 17(2). P. 81-93 (In Russian).

Orlov V.A. 1999. *Konferentsiya 1995 goda po rassmotreniyu i prodleniyu sroka deistviya Dogovora o nerasprostraneni yadernogo oruzhiya: osobennosti, rezul'taty, uroki* [The 1995 Conference on the Review and Extension of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons: Features, Results, Lessons]. Moscow, PIR-center. (In Russian)

Orlov V.A. 2015. Steklyannyi zverinets nerasprostraneniya [The Glass Menagerie of Non-proliferation]. *Russia in Global Affairs*. №4. (In Russian). URL: <https://globalaffairs.ru/articles/steklyannyj-zverinecz-nerasprostraneniya/> (accessed 20.06.2022) (In Russian).

Pavlov I.I. 2013. Istoriko-teoreticheskoe obosnovanie Dvizheniya neprisoedineniya [Historical and Theoretical Justification of Movement of Non-Alignment]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(29). P. 12-17. (In Russian).

Polenova A.L. 2020. *KNDR i Dvizhenie neprisoedineniya* [The DPRK and the Non-Aligned Movement]. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. P. 81-93. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Астахов Е.М. 2012. Движение неприсоединения на современном этапе. РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dvizhenie-neprisoedineniya-na-sovremennom-etape/> (дата обращения: 20.06.2022)

Дегтерев Д.А. 2021. Незападные теории развития в эпоху глобального капитализма. *Мировая экономика и международные отношения*. 65(4). С. 133-122.

Ермаков А.А. 2005. Дипломатия Венесуэлы в Движении неприсоединения. *Латинская Америка*. №4. С. 21-31.

Костюк Р.В. 2011. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны. *КЛИО*. 4(55). С. 32-37.

Крылов С.А. 2012. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы. *Вестник МГИМО-Университета*. №3. С. 17-25.

Крылов С.А. 2018. Движение неприсоединения: история и современность. *Обозреватель*. №3. С. 26-43.

Лебедева М.М. 2017. Незападные теории международных отношений: миф или реальность? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 17(2) С. 246-256.

Орлов В.А. 1999. *Конференция 1995 года по рассмотрению и продлению срока действия Договора о нераспространении ядерного оружия: особенности, результаты, уроки*. Москва: Научные записки ПИР-центра.

Орлов В.А. 2015. Стекланный зверинец нераспространения. *Россия в глобальной политике*. №4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/steklyannyj-zverinecz-nerasprostraneniya/> (дата обращения: 20.06.2022)

Павлов И.И. 2013. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(29) С. 12-17.

Поленова А.Л. 2020. *КНДР и Движение неприсоединения*. Москва: Институт Дальнего Востока РАН. С. 81-93.

Стратегия балансирования во внешней политике Турции

Д.Б. Графов

Институт востоковедения РАН

В стремительно изменившемся после начала специальной военной операции России на Украине мире есть одна страна, политика которой, меняясь ситуационно, остаётся прежней. Это Турция. Переход к наступательной активности во внешней политике Анкары с середины 2010-х гг. отражает претензию Р. Эрдогана на новое место страны в системе международных отношений и нацелен на укрепление харизматической и рациональной легитимности его власти. Отличия внешней политики Турции в настоящее время от политики до 2010-х гг. заключаются в более активном применении военной, экономической или иной материальной силы либо угрозы силой с целью решить пять внешнеполитических проблем: «Курдский вопрос»; «Эгейский вопрос»; возвращение Турции на территории, закреплённые в клятве Misak-ı Milli; выход из тупикового положения в интеграции с ЕС; преодоление неравноправности союзнических отношений с США с целью удовлетворить антиамериканский национализм.

В статье ставится цель проанализировать внешнюю политику Турции с момента вмешательства во внутренний конфликт в Сирии в 2014–2015 гг., определить, какие расчёты (стратегии) лежали в максимизации силы (её применении или угрозе применения), и выяснить, почему наступательная политика Анкары не вызывает появления балансирующей коалиции в соответствии с теорией неореализма в международных отношениях. Анализ опирается на теорию неореализма и переговорную модель войны («Bargaining model of war»). Вывод данного исследования состоит в том, что целью политики Р. Эрдогана является перераспределение влияния в пользу Турции как в отношениях с ключевыми партнёрами-противниками (США, ЕС, Россией), так и с региональными державами посредством достижения доминирования «переговорной силы» (bargaining power) Турции за счёт использования противоречий между конкурирующими между собой – и поэтому взаимно уравнивающими друг друга – государствами, которые одновременно выступают в качестве партнёров и оппонентов Турции. Демонстрация силы компенсирует несговорчивость партнёров-противников и служит инструментом убеждения в том, что их издержки на сдерживание Турции будут больше, чем стоимость уступки. Перераспределение силы в пользу Турции за счёт такой стратегии не приводит к формированию сдерживающей коалиции, так как ей удаётся поочерёдно перебалансировать одних возможных участников такой коалиции с

УДК: 327

Поступила в редакцию: 27.03.2022 г.

Принята к публикации: 15.06.2022 г.

помощью сближения или угрозы сближения с конкурирующими с ними другими возможными участниками сдерживающей коалиции, что согласуется с «переговорной моделью войны».

Ключевые слова: Турция, Эрдоган, неореализм, переговорная модель войны, наступательный реализм, оборонительный реализм, балансирование

Внешняя политика турецкого руководства долгие годы оставалась на периферии стратегических интересов России, на первом месте находилось экономическое сотрудничество. Ситуация резко изменилась после начала гражданской войны в Сирии и российской операции по спасению режима президента Б. Асада.

Эти события привели к росту внимания российских исследователей к внешней политике Турции. Её идейно-ценностный фактор и связь с внутренней политикой рассматривали В. Аватков и М. Кочкин (Аватков 2019; Аватков, Кочкин 2016). П. Шлыков акцентировал внимание на том, что понимается турецким руководством под «борьбой с международным терроризмом», и как эта борьба служит целям политики Анкары (Шлыков 2018). Особый интерес у российских учёных вызывают сильные изменения в отношениях между Турцией и Соединёнными Штатами Америки. На основе системно-исторического подхода, как системный кризис, их подробно рассмотрел А. Давыдов (Давыдов 2019). Поиски Турцией новой модели отношений с США также анализировала И. Свистунова (Свистунова 2016). Она же подробно исследовала векторы турецкой политики на африканском (Свистунова 2018) и балканском (Свистунова 2020) направлениях. Но большинство работ подходит к анализу внешней политики Турции с точки зрения конкретных факторов или страновых векторов (отдельных географических направлений политики) без анализа внешней политики Турции в целом. Важное исключение — работа В. Аваткова и А. Сбитневой, в которой были проанализированы российский, американский и европейский векторы турецкой политики в увязке с внутривнутриполитическими факторами (Аватков, Сбитнева 2019).

Изменениям турецкой внешней политики в 2010-е гг. также посвящено немало работ за рубежом, в которых просматривается тенденция анализировать внешнюю политику президента Турции как торг на основе балансирования (Nameed 2019; Cook 2018), что открывает большие возможности для её изучения в целом, без привязки к отдельным географическим или проблемным вопросам.

В данной статье ставится цель концептуализировать силовые векторы (представить в виде концепции, модели, зависимости, причинно-следственной связи) внешней политики Р. Эрдогана на основе теории неореализма и дать ответ на вопрос, почему сама структура международных отношений и институтов так слабо ограничивает агрессивные движения Анкары, почему наступатель-

ная политика Турции не приводит к возникновению балансирующей коалиции. Временные рамки исследования ограничиваются периодом с момента вступления Турции в сирийский гражданский конфликт (2014–2015 гг.) до наших дней.

С момента активной поддержки вооружённой сирийской оппозиции в расчёте на смещение президента Сирии Б. Асада можно говорить об агрессивном¹ и ревизионистском² характере турецкой внешней политики, направленной на пересмотр сложившегося в Восточном Средиземноморье и Передней Азии распределения сил. До вступления в сирийский конфликт, на протяжении 2000–2011 гг., Турция для реализации своих интересов в основном полагалась на «мягкую силу» (soft power) (за исключением конфликта с Грецией). Курс на использование жёсткой силы служит не только внешнеполитическим целям, но также, удовлетворяя исторический ресентимент значительной части турецкого общества и неоосманские настроения политической элиты, укрепляет власть Р. Эрдогана³ (Аватков, Сбитнева 2019). В 2013 г. правительство Р. Эрдогана подавило демократические протесты на площади Таксим, Евросоюз обвинил премьера Р. Эрдогана в авторитаризме, переговоры о вступлении в Европейский союз были приостановлены, турецкие власти ужесточили законодательство (доступ в интернет, религиозный уклон в школьном образовании, ограничение разрешений на аборт, ограничение продажи алкоголя). Евроскептицизм Р. Эрдогана перешёл в шантаж ЕС угрозой пропустить беженцев из стран Ближнего Востока. В 2014 г. Эрдоган, победив на президентских выборах, инициировал передачу существенного объёма властных полномочий от премьер-министра к президенту. Пост премьера был ликвидирован поправками в Конституцию в 2017 г., которые также ограничили власть парламента и превратили президента Р. Эрдогана в главу президентской республики. После концентрации власти в своих руках он взял ответственность за победы и поражения турецкой внешней политики вместе с обвинениями в её «неосултанизме»⁴. После начала специальной военной операции (далее — СВО) вооружённых сил России на территории Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик и введения санкций против Российской Федерации западными странами значение политики Турции возросло как для США и ЕС, так и для РФ. Политика Анкары остаётся амбивалентной по отношению к действиям Москвы, сочетая «окно сотрудничества» в обмен на уступки под угрозой возможности расширения поставок оружия Украине и давления в Сирии.

¹ Инструменты такой политики – сила или угроза её применения.

² Цель такой политики – возвращение утраченных геополитических позиций.

³ Ezgi Elçi. 2021. Politics of Nostalgia and Populism: Evidence from Turkey. *British Journal of Political Science*. P. 1-18. DOI: 10.1017/S0007123420000666

⁴ Erdogan: A Man Obsessed With Neo-Ottomanism. 2020. *Moderndiplomacy*. November 9. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2020/11/09/erdogan-a-man-obsessed-with-neo-ottomanism/> (accessed 10.06.2022)

Erdogan: Sultan of an Illusionary Ottoman Empire. 2017. *The Globalist*. March 9. URL: <https://www.theglobalist.com/erdogan-sultan-of-an-illusionary-ottoman-empire-turkey/> (accessed 10.06.2022)

Постановка проблемы

С вмешательством в сирийскую гражданскую войну Турция усилила попытки изменения баланса сил военными средствами в Ираке, а затем в Ливии, в Восточном Средиземноморье и на Южном Кавказе. Президент Турции, вспомнив о «родине Турции» – отдельных территориях, принадлежавших Османской империи до Первой мировой войны, – прямо заговорил о военной операции против Сирии⁵. Агрессивный амбициозный внешнеполитический курс Турции представляет нелогичный вызов политике США (особенно действия против сирийских курдов, поддерживаемых Вашингтоном) и с точки зрения принадлежности Анкары и Вашингтона к одному военно-политическому блоку, и с точки зрения соотношения политических потенциалов. По отношению к средиземноморским и азиатским соседям внешняя политика Р. Эрдогана тоже выглядит наступательной. Турция использовала военную силу в Ливии, чтобы оказать помощь правительству Ф. Сараджа, бросив вызов интересам Египта, Объединённым Арабским Эмиратам и России. Изменению турецкой внешней политики способствовал ряд системных сдвигов. Баланс сил в регионе стал меняться после ослабления соседних режимов «арабской весной», агрессией США и ряда стран НАТО против Ирака, Ливии и Сирии. В ожидании падения власти президента Сирии Б. Асада турецкие власти озвучили претензии на часть сирийских территорий, населённых курдами и туркоманами⁶, а затем фактически стали стороной гражданского конфликта в Сирии, что привело к столкновению с Россией.

В центре анализа данной статьи – вопрос о стратегии использования силы, соотношении угрозы и степени балансирования: почему в ответ на максимизацию силы Турция не встречает ответа балансирующей коалиции, не испытывает угрозу собственной безопасности?

В неореалистической парадигме (Waltz 1979) стремление Турции военными средствами (или угрозой их применения) обеспечить свои интересы и лишиться такой возможности конкурентов может рассматриваться с позиций наступательного реализма, который предполагает максимизацию силы (Mearsheimer 2001). Наступательный реализм исходит из того, что государства максимизируют силу настолько это возможно, а не до уровня разумного и достаточного на определённый момент (в концепции оборонительного реализма). С точки зрения оборонительного подхода в неореализме, ставка турецкого руководства на силу не должна остаться без ответа сразу нескольких государств, ощущающих угрозу своим интересам (Walt 1986). Выход из допустимого диапазона поведения означает пересмотр сложившихся отношений в существующей структуре

⁵ Syria war: Turkish operation in Idlib 'only a matter of time'. 2020. BBC. 19 February. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51558770> (accessed 10.06.2022)

⁶ Ayasun A. 2017. Erdogan Cites Ottoman-Era Manifesto To Make Case For Mosul. *The Globe Post*. 08/12/17. URL: <https://theglobepost.com/2016/10/19/erdogan-iraq-ottoman/> (accessed 10.06.2022)

внешних связей. Это грозит существенными издержками, риском, что, следовательно, означает неэффективность использования наступательной стратегии в ревизионистских целях (Waltz 1979). Противники могут создавать коалиции и увеличивать издержки угрожающей стороны (Van Evera 1999). Но в случае современной Турции нет признаков появления балансирующей коалиции.

Вопрос о степени максимизации силы с точки зрения эффективности убеждения противоположной стороны может рассматриваться и в рамках «переговорной модели войны». «Переговорная сила» предполагает использование сочетания угрозы больших издержек (в случае войны) с предложением сделки. Силowym аргументом убеждения выступает «перебалансирование», которое является балансированием с запасом, гарантирующим повышение угрозы в случае отказа принять условия сделки. Если балансирование — это восстановление баланса через нивелирование угрозы со стороны противника другой угрозой (примерно равной) с собственной стороны, то перебалансирование должно через демонстрацию заведомо большей силы (угрозы) убедить противника в неприемлемости издержек в случае конфронтации, а также не допустить развития противостояния по спирали с увеличением вероятности столкновения сторон («дилемма безопасности» (Walt 2002).

Методологической особенностью данного исследования является рассмотрение основных векторов турецкой политики в виде балансирующих треугольников с одновременным учётом отношений партнёров-противников Турции между собой. Отношения представлены в виде пространственных связей многогранника (пентаэдра). Это позволяет уйти от традиционного диадического рассмотрения отношений между государствами, а также понять, как Турция использует противоречия между партнёрами-противниками и увидеть структуру её внешней политики.

В качестве основных векторов внешней политики Анкары, рассматриваемых в балансирующих треугольниках, выбраны те, которые оказывают наибольшее существенное влияние на положение Турции и подразумевают использование силы (давления). Разумеется, есть и другие векторы турецкой политики, которые не включены в балансирующую конструкцию, но присутствуют в ней (например, Египет выступает синхронно с ОАЭ). В будущих исследованиях балансирующей структуры турецкой политики могут быть рассмотрены отношения Анкары с Пекином.

Балансирование в треугольнике Турция – Россия (Сирия) – США

Наиболее агрессивно Турция проводит свою политику в Сирии, сталкиваясь с интересами России и США. Одним из официальных мотивов вмешательства Турции в сирийский внутренний конфликт была защита от ударов российской авиации родственников туркам «туркоманов»⁷, которых по заявлению

⁷ Под это широкое определение попадает любое тюркоязычное население.

президента Р. Эрдогана бомбили, как террористов⁸. Несмотря на неоднократные предупреждения (в октябре-ноябре 2015 г.) турецких властей, что нарушители турецкого воздушного пространства будут сбиты⁹, российские вооружённые силы продолжили удары, пролетая, в том числе, и возле самой турецкой границы. Турецкие военно-воздушные силы сбили российский бомбардировщик Су-24 при заходе в турецкое воздушное пространство на несколько сот метров. Москва сочла это актом агрессии¹⁰. Россия потребовала извинений за сбитый самолёт, компенсации ущерба и наказания виновных. Турция не извинилась перед Россией. В письме, направленном президенту В. Путину, президент Р. Эрдоган заявил, что у Турции «никогда не было желания и заведомого намерения сбить самолёт, принадлежащий РФ»¹¹. Президент Турции принёс соболезнования и извинился лишь перед родственниками погибшего пилота и предложил компенсацию им, а не России. Уничтожение российского истребителя – важное свидетельство готовности Анкары балансировать на грани войны, пытаясь изменить распределение сил в регионе.

Дальнейшее развитие российско-турецких отношений на сирийском треке можно назвать завуалированной борьбой, в которой через договорённости каждая из сторон пыталась лишить противоположную повода для ответных действий. Российские военные, нанося удары, всегда подчёркивали, что истребляют не умеренную оппозицию (например, Сирийскую свободную армию, Национальный фронт освобождения¹²), поддерживаемую Турцией, а террористов-джихадистов, связанных с организациями «Аль-Каида»¹³ и «Исламское государство»^{14, 15}. Но в их числе оказывались и силы вооружённой сирийской оппозиции. Москва дважды договаривалась с Анкарой об отделении террористов от «не террористов» – вооружённой сирийской оппозиции и выводе её в «зоны деэскалации»¹⁶. Но всякий раз террористы оказывались в буферных зонах, которые после зачистки переходили к правительственным силам. Следующий акт агрессии Анкары – ввод турецких войск в критически важную и для сирийской оппозиции, и для Турции провинцию Идлиб. После этого в 2018 г. в

⁸ Cumhurbaşkanı Erdoğan: Putin'e bizzat ifade ettim. 2015. *NTV.com.tr*. 21.12.2015. URL: <https://www.ntv.com.tr/turkiye/putine-bizzat-ifade-ettim,hWxGNskaSEyOs-CY3HLpqw> (accessed 10.06.2022)

⁹ Turkey 'cannot endure' Russian violation of airspace, president says. 2015. *The Guardian*. 6 Oct 2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/06/nato-chief-jens-stoltenberg-russia-turkish-airspace-violations-syria> (accessed 10.06.2022)

¹⁰ Большая пресс-конференция Владимира Путина, 17.12.2015. *Kremlin.ru*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971> (дата обращения 10.06.2022)

¹¹ Владимиром Путиным получено послание Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана. *Kremlin.ru*. 27.06.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52282> (дата обращения 10.06.2022)

¹² «Джабхат аль-Ватания лил-Тахрир»

¹³ Запрещённая в России террористическая организация.

¹⁴ Запрещённая в России террористическая организация

¹⁵ «Хайят Тахрир аш-Шам», «Джебхат ан-Нусра» (запрещённые в России террористические организации) и др.

¹⁶ Зона в провинции Идлиб и на части территорий Хама и Латакия была последней из четырех зон деэскалации, удерживаемой боевиками умеренной оппозиции и террористами группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (бывшая «Фронт ан-Нусра», запрещённая в России террористическая организация).

Сочи В. Путин и Р. Эрдоган договорились о создании вдоль линии боевых действий в Идлибе так называемой «демилитаризованной зоны»¹⁷. Линия фронта до некоторой степени стабилизировалась, хотя попытки её изменить продолжают¹⁸. Анкара начала размещение войск на блокпостах в Идлибе ещё до договорённостей с Москвой. Это должно удержать Россию от нанесения авиаударов по оппозиционным силам из-за риска случайного поражения турецких войск¹⁹. Удар по ним означал бы прямое столкновение Анкары с Москвой.

Москва при участии Тегерана старается удержать Анкару в переговорном формате. Основной из них – «Астанинский», в рамках которого прошло более полутора десятка встреч в Казахстане и России²⁰. Даже если переговоры формально посвящались урегулированию гражданского конфликта в Сирии, по сути это были переговоры между Россией и Турцией о границе территорий, которые Р. Эрдоган хотел бы считать зоной турецкого контроля. В двустороннем формате основные договорённости фиксировались в российско-турецких меморандумах о взаимопонимании²¹. Также есть формат российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования, действующей в рамках российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня (ССВУ)²².

Кроме суннитского Идлиба, где проживают «туркоманы», Турция намерена контролировать северо-восточные территории Сирии, освободив их от курдов. В этом Анкаре препятствуют как Москва, так и Вашингтон. Россия пытается наладить отношения с курдской администрацией, которая занимается собственным государственным строительством. В 2019 г. Турция начала операцию «Источник мира» против многочисленных курдских формирований YPG («Отряды народной самообороны»), которые Турция объявила террористическими, а также против коалиции SDF²³ («Сирийские демократические силы»), официально финансируемой США для борьбы с террористическим «Исламским государством». Турецкие силы, вторгшись на курдские территории, вынудили аме-

¹⁷ Ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова на полях 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 28 сентября 2018 года. *МИД РФ*. URL: https://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/3362656 (accessed 10.06.2022)

¹⁸ Многие турецкие блокпосты оказались в 2019–2020 гг. за линией фронта в тылу сирийской армии.

¹⁹ Özkizilcik Ömer. 2018. Russia, Turkey, and the Fate of Idlib. *Carnegie Endowment*. August 07, 2018. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/76999#:~:text=Turkey%20could%20expand%20its%20limited%20armed%20presence%20to,number%20of%20targets%20for%20jihadi%20attacks%20and%20assassinations> (accessed 10.06.2022).

²⁰ Совместное заявление представителей Ирана, России и Турции по итогам 15-й Международной встречи по Сирии в Астанинском формате, Сочи, 16–17 февраля 2021 года. 17.02.21. *МИД РФ*. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xlEMTQ3OvzCA/content/id/4576121 (дата обращения 10.06.2022)

²¹ 17 сентября 2018 г. и 22 октября 2019 г. в Сочи, см. О встрече министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министром иностранных дел Турецкой Республики М. Чавушоглу. *МИД РФ*. 15.02.20. URL: https://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/4043145 (дата обращения 10.06.2022)

²² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с участием С.В. Лаврова в восьмом заседании российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования. *МИД РФ*. 28.12.20. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstaviteleya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4514617 (дата обращения 10.06.2022)

²³ состоят из — YPG и YPJ

риканские силы покинуть некоторые места дислокации. Анкара согласилась на предложение Москвы ограничиться захваченной буферной зоной и начать по её границе совместное патрулирование, что и было зафиксировано в 2019 г. в Сочи на переговорах между В. Путиным и Р. Эрдоганом²⁴. Подобные договорённости о совместном патрулировании были у Турции с США²⁵, но после эвакуации части американских сил места их дислокации на северо-востоке Сирии в октябре 2019 г. перешли к российским военным.

Вашингтон позиционирует себя как гаранта демократического развития курдской государственности. Анкара пытается представить борьбу с «курдскими террористами» равной по значимости борьбе с «Исламским государством». Москва, с одной стороны, выступает посредником между курдами и Дамаском, с другой – не желает полного превращения курдов в клиентулу США. В этом треугольнике российское руководство находит общую точку для взаимодействия с турецким президентом, заявляя о недопущении «...сепаратистских планов, подрывающих суверенитет и территориальную целостность Сирии, и представляющих угрозу для национальной безопасности соседних стран»²⁶. Турецкая сторона указывает на сирийских курдов как на угрозу своей национальной безопасности и считает их пособниками курдских сепаратистов в Турции. Р. Эрдоган прямо говорит, что благодаря соглашению с Россией «на сирийских территориях не будет позволено создание каких-либо сепаратистских проявлений. И Турция, и Россия: мы этого не позволим»²⁷. В этом можно увидеть ясный пасс в сторону Москвы. Президент Турции даёт понять, что в треугольнике Турция – США – Россия из-за курдов он может усилить конфронтацию с США, сблизившись с Москвой. Формула совместной борьбы с террористами удобна как временная формула отношений, пока ни одна из сторон не требует конкретизации.

Одновременно президент Турции полагается на рычаги, которыми он располагает для давления на Россию. В российско-турецком торге позиция Анкары сильнее, так как у неё есть больше инструментов влияния на Москву: газопровод «Турецкий поток»; АЭС, которую Россия строит на свои средства в турецком городе Акую; приобретение российских ракетных комплексов ПВО С-400, «изучение возможности» покупки российских истребителей²⁸. Мощный рычаг

²⁴ «Судьбоносные решения»: о чём договорились Путин и Эрдоган в Сочи. 2019. *RT на русском*. 23 октября 2019. URL: <https://russian.rt.com/world/article/679675-putin-erdogan-peregovory> (дата обращения 10.06.2022)

²⁵ Пресс-конференция по итогам российско-турецких переговоров. 27 августа 2019 года. *Kremlin.ru*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61388> (дата обращения 10.06.2022)

²⁶ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации, Государства Катар и Турецкой Республики, Доха. *МИД РФ*. 11.03.2021. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xlEMTQ3OvzcA/content/id/4616331 (дата обращения 10.06.2022)

²⁷ «Судьбоносные решения»: о чём договорились Путин и Эрдоган в Сочи. *RT*. 23.10.2019. URL: <https://russian.rt.com/world/article/679675-putin-erdogan-peregovory> (дата обращения 10.06.2022)

²⁸ Can Russia Sell Its Advanced Su-35 & Su-57 Fighter Jets to India, Turkey? 2021. *Eurasian Time*. 14.03.2021. URL: <https://eurasianimes.com/russia-turkey-india-su-35-su-57-fighter-jets/> (accessed 10.06.2022)

Анкары, который она ещё не использовала – черноморские проливы. Через них идёт снабжение российской операции в Сирии, и Конвенция Монтрё позволяет Турции перекрыть проливы в случае угрозы её безопасности²⁹. С началом российской СВО на Украине Анкара продемонстрировала Москве, с одной стороны, перекрытие проливов как работающую опцию, а с другой – осталась одним из немногих партнёров, не ограничив экономические и логистические возможности сотрудничества.

Сложно говорить о значительных возможностях российского влияния на экономику Турции. Объём её экспорта в период с 2015 г. по 2017 г. составлял 144–157 млрд долл. ежегодно. Главные торговые партнёры Турции – страны ЕС и США. В 2016 г. (после введения российских санкций) товарооборот между Россией и Турцией упал на 33%. Российский экспорт в Турцию сократился на 29%, до 13 млрд долл., а импорт – на 47%, до 2,1 млрд. В 2017 г. после отмены санкций российский экспорт в Турцию возрос до 18,2 млрд долл., импорт увеличился до 3,4 млрд долл. Российский рынок стоит для Турции на девятом месте³⁰, доходы от поставок на него незначительны в сравнении с общим экспортом. Анкара теряет от разрыва экономических связей меньше, чем Москва. Поставки в Турцию дают России намного больше, чем Турция получает от продажи в Россию. Наложение российских санкций и их снятие политику Турции принципиально не меняют. Наоборот, необходимость для России достройки «Турецкого потока» ускорило снятие российских санкций против Турции в 2017 г. Можно говорить об «экономических санкциях» Турции против России. В 2020 г. Турция сократила закупки российского газа по сравнению с 2019 г. на 41% (4,7 млрд куб.), увеличив долю газа из Азербайджана до 23,5%, Ирана до 14,2% и закупки сжиженного газа из Катара – 19,95% и Алжира – 13,7%. В итоге Россия с первого места по объёму поставок газа спустилась на пятое – 9,9%³¹. В нефтепереработке российская нефть марки Urals стала замещаться нефтью из Ирака и Норвегии³². В условиях санкций (и особенно планируемого полного нефтяного эмбарго США и стран ЕС в отношении России) экспорт российской нефти в Турцию и нефтепродуктов через неё представляет для РФ ценную опцию. И в Анкаре, надо полагать, рассчитывают на встречные уступки со стороны Москвы.

Куда более серьёзно на экономику Турции могут повлиять отношения с США. Столкновение интересов Анкары и Вашингтона происходит не только из-за сирийских курдов, Турецкие власти требуют выдачи известного своей политической деятельностью турецкого проповедника Фетхуллага Гюлена,

²⁹ League of Nations Treaty Series, vol. clxxiii, p. 213; also British Cmd. 5551, Treaty Series No. 30 (1937): Convention regarding the Regime of the Straits [With Protocol,] Montreux, July 20, 1936.

³⁰ Historical Data, Yearly Exports, Turkey. <https://oec.world/en/profile/country/tur/>

³¹ How Azerbaijan ranked first in Turkey's natural gas market. 2020. *News.Az Online News Agency*. 10 Jun 2020. URL: <https://www.news.az/news/how-azerbaijan-ranked-first-in-turkeys-natural-gas-market> (accessed 10.06.2022)

³² Turkey's STAR refinery ditches expensive Urals oil for Iraq, Norway grades. 2020. *Reuters*. 24 Sep 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/oil-russia-turkey-int-idUSKCN26F1XF> (accessed 10.06.2022)

проживающего с 1999 г. в США. Президент Р. Эрдоган рассматривает его как личного политического противника. Проповедник Ф. Гюлен основал в Турции движение «Хизмет»³³, а в США создал целую сеть школ, где продвигает свои идеи религиозной толерантности, гражданского общества, моральных и этических принципов, несовместимых и исламизмом³⁴. В 2014 г. стамбульский суд выдал ордер на арест Гюлена. Турецкая прокуратура обвиняет его в попытках свергнуть власть. В качестве обвинения утверждается, что следователи из числа «гюленистов» целенаправленно прослушивали окружение Р. Эрдогана с целью скомпрометировать его³⁵. В 2016 г. после совершённой военными попытки государственного переворота власти Турции обвинили Гюлена в причастности к заговору. В случае выдачи проповедника ему грозит пожизненное заключение, но США отклонили все требования об экстрадиции³⁶.

В отношениях с США, как и в случае с Россией, президент Турции использует политический торг в сочетании с угрозой или давлением. Рычагом давления на Соединённые Штаты выступает сотрудничество с Россией. Приобретение российского зенитно-ракетного комплекса С-400 имело для Турции как военное, так и политическое значение. У турецкого руководства есть все основания опасаться, что в случае вооружённого конфликта с Грецией, например, из-за островов или участков дна в Эгейском море американские системы оружия могут показать «неэффективность» или возникнут проблемы с их обслуживанием. Разумно положиться в такой ситуации на поставщика вооружений, независимого от США и ЕС. В этом смысле приобретение российских систем оружия, в том числе комплексов ЗРК С-400, должно сделать американских партнёров более внимательными к интересам Турции в курдском вопросе и в поставках американских зенитных ракетных комплексов «Пэтриот». Также Р. Эрдогана не устраивала возрастающая критика Вашингтоном его внутренней политики, как всё более авторитарной, попирающей права и свободы человека и гражданина.

Попытка давить на Вашингтон через активизацию военно-технического сотрудничества с Москвой не дала должного результата. Вместо того чтобы смягчить свою позицию и не допустить сближения Турции и России, США, наоборот, прибегли к санкциям. Конгресс США ввёл эмбарго на поставки оружия Турции. Ей отказано в продаже новейших американских истребителей F-35 в ответ на вторжение в октябре 2019 г. в районы Сирии, контролируемые

³³ Государственные органы, подконтрольные Р.Т. Эрдогану называют организацию террористической (тур. Fethullahçı Terör Örgütü или FETÖ), а также параллельным государством «Параллельное государственное образование» (тур. Paralel Devlet Yapılanması (PDY)).

³⁴ Is Fethullah Gülen an Islamist? *Gülen Movement*. URL: <https://www.gulenmovement.com/is-fethullah-gulen-an-islamist.html> (accessed 10.06.2022)

³⁵ Reynolds M.A. 2016. Damaging Democracy: The U.S., Fethullah Gülen, and Turkey's Upheaval. *Foreign Policy Research Institute*. URL: <https://www.fpri.org/article/2016/09/damaging-democracy-u-s-fethullah-gulen-turkeys-upheaval/> (accessed 10.06.2022)

³⁶ Erdogan demand that US extradite cleric could strain ties. 2016. *CNN*. July 17, 2016. URL: <https://edition.cnn.com/2016/07/17/politics/erdogan-extradition-fethullah-gulen-turkish-coup/index.html> (accessed 10.06.2022)

курдами³⁷. А после завершения поставки С-400 из России, Турция попала под Закон о противодействии врагам Америки при помощи санкций (далее – СААТСА)³⁸. Личные активы в США некоторых официальных лиц Турции могут быть заморожены. Санкции затруднят работу военно-промышленного комплекса Турции, который использует американские технологии и компоненты, а также оставят без технической поддержки и боеприпасов истребители F-16³⁹ и эсминцы турецких ВМС, имеющие американское происхождение.

В Анкаре возлагали надежды на новую администрацию США, но администрация Дж. Байдена демонстрирует преемственность политике прежних администраций и готовность ответить силой на вызов американским интересам (в том числе на курдских территориях). Но президент Турции использует не только угрозы. В ответ на заявления США о том, что зенитные ракетные комплексы С-400 не совместимы с системами вооружений и управления НАТО, Анкара предлагала американским партнёрам создать рабочую группу для изучения влияния российского ЗРК на противовоздушную оборону Альянса. Но США отказались. Министр обороны Турции Х. Акар предлагал также разместить С-400 дальше от военных объектов НАТО, чтобы избежать предполагаемой угрозы стратегическим интересам Альянса. Турция вставала на позицию решения спора по аналогии с греческим ЗРК С-300 также российского производства. В Грецию эти системы попали с Кипра, купившего их у России в 1997 г. Именно НАТО, уступая возмущению Турции, добилось, чтобы комплекс был перенесён с Кипра на греческий Крит. Сейчас Турция упрекает США в том, что они не препятствовали приобретению Грецией ЗРК С-300 у Кипра и не налагали санкции за его использование во время учений НАТО с участием Германии, Нидерландов и самих США⁴⁰.

Торг с Вашингтоном пока не достиг целей Анкары. Более того, президент США Дж. Байден, признав геноцид армян на государственном уровне, дал понять, что готов применить к Анкаре новые меры давления. Со своей стороны президенту Турции важно продемонстрировать обществу, что он ради национальных интересов не боится бросить вызов такой силе как США. Конфронтация с Вашингтоном – это и знак Москве – намёк на сближение позиций в треугольнике США – Турция – Россия. Р. Эрдоган обещает в случае необходимости закрыть американские военные базы Инджирлик и Кюреджик⁴¹, он может

³⁷ Stein A. 2019. Putin's Victory: Why Turkey and America Made Each Other Weaker. *The Foreign Policy Research Institute*. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/07/putins-victory-why-turkey-and-america-made-each-other-weaker/> (accessed 10.06.2022)

³⁸ Section 231 of the Countering Russian Influence in Europe and Eurasia Act of 2017, title II of the Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, or CAATSA; P.L. 115-44

³⁹ Аналогичное давление испытал Пакистан. См. Christine F. C. The U.S.-Pakistan F-16 fiasco. *Foreign Policy*. February 3, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/02/03/the-u-s-pakistan-f-16-fiasco/> (accessed 10.06.2022)

⁴⁰ US sanctions 'blatant attack' on Turkey. *Anadolu Agency*. 16.12.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/us-sanctions-blatant-attack-on-turkey-president/2078940> (accessed 10.06.2022)

⁴¹ Turkey may close Incirlik, Kurecik bases 'if necessary'. 2019. *Anadolu Agency*. 16.12.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-may-close-incirlik-kurecik-bases-if-necessary/1674612> (accessed 10.06.2022)

вернуться к обещаниям рассмотреть возможность приобретения российских истребителей Су-35 или Су-57, и дополнительные комплексы С-400⁴².

В Вашингтоне понимают цель торгоа Анкары: проводить политику в своих интересах, без оглядки на Запад. И если Запад не примет турецкие требования, Турция готова на жёсткий ответ⁴³. Не исключено, что в Вашингтоне уступят. С одной стороны, американские позиции в Сирии уязвимы, и защита дружественных курдов имеет свои разумные пределы, с другой – Турция не является «экзистенциальным противником». Политика Анкары имеет не только антироссийский потенциал, но и антииранский⁴⁴. Если же Турцию сдерживать жёстко, то у неё есть геостратегический простор для продолжения перебалансирования. Анкара может открыть военно-техническое сотрудничество с Пекином, или начать покупать больше нефти и газа у Тегерана. Сотрудничество в треугольнике Турция – Катар – Иран уже происходит через Катар. США понимают, сколь критическим для России может стать Турция для обхода санкций после начала СВО на Украине.

Анкара продолжает политический торг с Вашингтоном, демонстрируя, что у турецкого руководства есть и другие «торговые площадки». Президент Турции, по моей оценке, имеет основания не сомневаться, что США уступят многое, чтобы не потерять Турцию как члена НАТО. Уже к новой администрации Дж. Байдена Анкара обратилась с просьбой о поставке истребителей F-16, почти одновременно угрожая выдворением американского посла за вмешательство в турецкое правосудие⁴⁵. При этом турецкое руководство имеет основания рассчитывать на поддержку Вашингтона в случае открытого конфликта с Москвой. Все претензии США будут отложены, и Анкара сможет затем требовать большего и в «курдском вопросе». Но серьёзное столкновение с Москвой грозит непредвиденными издержками. Как представляется, цель же турецкого руководства – не столько одержать победу на поле боя, сколько, используя угрозу силой, добиться выигрыша за столом переговоров, минимизирова издержки.

Балансирование в треугольнике

Турция (Ливия) – ЕС (Греция) – Россия, Египет, ОАЭ

В 2020 г. Р. Эрдоган пришёл на помощь главе ливийского Правительства национального согласия (далее – ПНС) Ф. ас-Сараджу, которого осаждал в Триполи его конкурент за власть над Ливией маршал Х. Хафтар⁴⁶. Таким образом,

⁴² Turkey Considering Su-35, Su-57, EW Systems. 2019. *Defense World*. August 29, 2019. https://www.defenseworld.net/news/25372/Turkey_Considering_Su_35__Su_57__EW_Systems (accessed 10.06.2022)

⁴³ Stein A. 2020. Compromise or Double Down: U.S.-Turkey Relations after CAATSA Sanctions. *The Foreign Policy Research Institute*. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/12/compromise-or-double-down-u-s-turkey-relations-after-caatsa-sanctions/> (accessed 10.06.2022)

⁴⁴ От 40 до 50% населения Ирана тюркоязычное, оно преобладает на границе с Азербайджаном.

⁴⁵ Biden to warn Turkey's Erdogan against 'precipitous' actions. 2021. *Reuters*. 31.10.2021. <https://www.reuters.com/world/biden-warn-turkeys-erdogan-against-precipitous-actions-2021-10-30/> (accessed 10.06.2022)

⁴⁶ Turkish parliament approves Libya troops motion. 2020. *Anadolu Agency*. 22.12.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkish-parliament-approves-libya-troops-motion/2085512> (accessed 10.06.2022)

президент Турции создал с нуля позицию, выгодную для давления сразу на несколько соперников: Россию, ОАЭ и Египет. Эта операция напоминала спасение сирийского президента Асада российскими властями в 2015 г. Х. Хафтар во главе Ливийской национальной армии (далее – ЛНА) был отброшен от Триполи только благодаря военной помощи Турции. Это было чёткое послание России, которая имела с ним тесные контакты, оказывала ему поддержку вооружением, а российская частная военная компания принимала участие в наступлении на Триполи^{47, 48}. Изменили соотношение сил турецкие инструкторы, спонсируемые Турцией наёмники из числа сирийской оппозиции и турецкие БПЛА «Байрактар»⁴⁹. С их помощью были уничтожены несколько зенитных ракетно-пушечных комплексов «Панцирь» российского производства, поставленных армии маршала Х. Хафтара из ОАЭ⁵⁰.

С точки зрения теории балансирования Турция создала в Ливии наступательную позицию и действует как активный «power distributor». Но это не просто балансирование России. В этом и есть новизна в стратегии Анкары, это упреждающее балансирование (пербалансирование), которое не просто компенсирует движение конкурента, а заставляет его защищаться, ставит в уязвимую позицию. Так Турция поступила и на сирийском треке, поставив и Москву, и Вашингтон перед фактом вторжения. Россия теоретически может составить балансирующую коалицию вместе с Египтом и ОАЭ, но понимает, что Турции по силам ответить России в других «балансирующих треугольниках» ближе к её границам. И, как мы видим, сдержанность Москвы в действиях против турецких сил в Сирии в 2020–2021 гг. позволила сохранить в лице Анкары потенциального партнёра после начала российской СВО на территории Украины, Донецкой и Луганской Народных Республик.

Что касается ливийского трека, то Анкара создала здесь позицию для сдерживания не только Москвы. В конце 2019 г. глава ливийского правительства национального согласия Ф. Сарадж подписал в Стамбуле с президентом Р. Эрдоганом соглашение о военном сотрудничестве и меморандум о делимитации морских границ⁵¹. Реализация договорённостей Эрдогана и Сараджа означает

⁴⁷ Russia turns to Libya with show of support for eastern commander. 2017. *Reuters*. 17 Jan 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/us-libya-security-russia-idUSKBN1510KT> (accessed 10.06.2022)

⁴⁸ Russian mercenaries back Libyan rebel leader as Moscow seeks influence in Africa. 2019. *The Telegraph*. 3 March 2019. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2019/03/03/russian-mercenaries-back-libyan-rebel-leader-moscow-seeks-influence/> (accessed 10.06.2022)

⁴⁹ Turkey's Defense Minister: Our Forces in Libya Have Helped GNA Achieve All Successes. 2020. *Geopolitics.News*. May 19, 2020. URL: <https://geopolitics.news/africa/turkeys-defense-minister-our-forces-in-libya-have-helped-gna-achieve-all-successes/> (accessed 10.06.2022); Why is Turkey supporting the Libyan GNA? To control Libya's energy reserves: Experts. 2020. *Alarabiya News*. 22.06.2020. URL: <https://english.alarabiya.net/features/2020/06/22/Why-is-Turkey-supporting-the-Libyan-GNA-To-control-Libya-s-energy-reserves-Experts> (accessed 10.06.2022)

⁵⁰ Russian Pantsir systems neutralized in Libya. 2020. *Asia Times*. May 23, 2020. URL: <https://asiatimes.com/2020/05/russian-pantsir-systems-neutralized-in-libya/> (accessed 10.06.2022).

⁵¹ Turkey-Libya military deal to 'contribute to stability'. 2019. *Anadolu Agency*. 16.12.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/turkey-libya-military-deal-to-contribute-to-stability/1675187> (accessed 10.06.2022)

сокращение исключительной экономической зоны Греции. В пик Анкаре Афины пригласили с визитом командующего ЛНА Х. Хафтара. А в 2020 г. Греция подписала с Египтом соглашение о демаркации морских границ и установлении исключительной экономической зоны в Средиземном море⁵². Соглашение направлено против Турции и оспаривает сделку, заключённую президентом Р. Эрдоганом и премьером Ф. Сараджем. Турция заявила, что не допустит дестабилизации в Восточном Средиземноморье и продолжит бурение дна в поисках нефти и газа по соглашению с Ливией⁵³. В ливийском конфликте соединились интересы Турции и её союзника Катара, где они оказались по одну сторону (спонсорами Правительства национального согласия), а их региональные противники Египет и ОАЭ – на противоположной стороне, поддерживая командующего ЛНА Х. Хафтара.

Ливийский трек, с точки зрения создания позиции и «торговли» ею, оказался успешным для Турции и привёл к сдерживанию России. Анкара и Москва в июле 2020 г. договорились о прекращении огня в Ливии⁵⁴. Региональные противники Турции тоже согласились на временную заморозку боевых действий по линии Сирта. Хотя Египет предупредил, что попытки Турции дальше продвигать власть ПНС на восток вынудят его ввести в Ливию армию⁵⁵.

Спор с Грецией имеет куда большее значение, чем борьба за ископаемые ресурсы. Рана, оставленная в исторической памяти турецкого народа крушением Османской империей, ресентимент используются Р. Эрдоганом. По Севрскому мирному договору 1920 г. именно Греции отошли некоторые территории ядра Османской империи, входившие в неё с XV в.: Фракия (европейские территории по Босфору кроме Стамбула), Измир (Смирна) с административным округом и почти все острова Эгейского моря⁵⁶. Благодаря национально-революционному восстанию и войне за независимость в Анатолии под руководством Мустафы Кемаль-паши (Ататюрка) Турции удалось вернуть восточную часть Фракии и Измир. Что было закреплено в Лозанском мирном договоре⁵⁷. Также по его условиям Греция обязывалась возместить ущерб, причинённый оккупацией Анатолии, действиями греческой армии и греческой администрации.

⁵² The Greece-Egypt Maritime Agreement. URL: <https://setav.org/en/assets/uploads/2020/09/A67En.pdf> (accessed 10.06.2022)

⁵³ Turkey not to allow violations in East Med. 2019. *Anadolu Agency*. 21.12.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/politics/turkey-not-to-allow-violations-in-east-med-official/1680099> (accessed 10.06.2022)

⁵⁴ 'Dangerous adventure': Turkey warns Egypt over Libya invasion. 2020. *Al Jazeera* 22.07.2020. <https://www.aljazeera.com/news/2020/7/22/dangerous-adventure-turkey-warns-egypt-over-libya-invasion> (accessed 10.06.2022)

⁵⁵ Egypt threatens military action in Libya if Turkish-backed forces seize Sirte. 2020. *The Financial Times*. 21.06.2020. <https://www.ft.com/content/e6aa87b0-5e0b-477f-9b89-693f31c63919> (accessed 10.06.2022)

⁵⁶ Treaty of Peace Between The Allied & Associated Powers and Turkey Signed at Sevres – August 10, 1920. URL: http://sam.baskent.edu.tr/belge/Sevres_ENG.pdf (accessed 10.06.2022)

⁵⁷ Lausanne Peace Treaty. URL: http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty-part-i_-_political-clauses.en.mfa (accessed 10.06.2022)

Турция до сих пор считает актуальной принятую турецким парламентом в январе 1920 г. «Национальную Клятву» (Misak-ı Milli)⁵⁸, которая ставит задачу возвращения Турции северной Сирии с Алеппо, балканской Фракии, Кипра, части территории Грузии, Армении, северного Ирака с городами Эрбиль, Мосул и Киркук. Президент Р. Эрдоган неоднократно упоминал клятву Misak-ı Milli в своих выступлениях⁵⁹. Он вспоминает о величии Османской империи, физических и духовных ранах народа от её потери, заявляет, что нельзя жить с психологией 1923 г. в наши дни и что нельзя сохранять позицию 1923 г. Р. Эрдоган говорит: «Кому-то неудобно от того, что наша молодёжь изучает Лозанну (Лозаннский договор – Д.Г.). Пусть изучают, давайте узнаем правду и ложь»⁶⁰. Тем самым он создаёт впечатление, будто Турция идёт к осознанию необходимости выхода из Лозаннского мирного договора. Президент Эрдоган заявляет, что «Турция находится в тюрьме с 1923 г.», что её вынуждают следовать дальше по порочному кругу, лишив тысячелетней истории и территории, «чтобы заставить нас забыть наше сельджукское и османское прошлое»⁶¹.

Таким образом, президент Турции прямо говорит, что Анкара не смирилась с потерями территорий в результате поражения в Первой мировой войне. Для Греции это означает возможность новых столкновений. После Второй мировой войны две страны использовали военную силу друг против друга в 1964, 1974, 1987 и 1996 гг. Сейчас наиболее конфликтной точкой является «Эгейский вопрос» (Aegean dispute). Министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу заявил, что расширение Грецией территориальных вод в Эгейском море с 5 до 12 миль станет *casus belli*⁶². Сама Турция установила 12-мильную зону, принятую Конвенцией ООН по морскому праву⁶³. Сейчас на долю Греции приходится 43,5% Эгейского моря, около 49% – открытое море, от 7,5 до 8,8 % – территориальные воды Турции. 12-мильная граница Греции увеличит её долю до 71,5 %, и сократит долю открытого моря до 19,7 %. Анкара считает это злоупотреблением правом. Палата представителей Турции в 1995 г. объявила, что такое решение Афин будет поводом для войны⁶⁴.

Греция балансирует угрозу Турции с помощью основных членов ЕС – Германии и Франции. Министр иностранных дел Германии Х. Маас предостерёг Ан-

⁵⁸ «Ulusal Ant (Misak-ı Milli)». *ttk.gov.tr*. URL: <https://www.ttk.gov.tr/misak-i-milli-haritasi-3/> (accessed 10.06.2022)

⁵⁹ Ayasun Abdullah. Erdogan Cites Ottoman-Era Manifesto To Make Case For Mosul. 2017. *The Globe Post*. 08/12/17. URL: <https://theglobepost.com/2016/10/19/erdogan-iraq-ottoman/> (accessed 10.06.2022)

⁶⁰ Cumhurbaşkanı Erdoğan'dan 'Misak-ı Milli' mesajı. 2016. *Hurriyet*. 19.10.2016. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/cumhurbaskani-erdogandan-misak-i-milli-mesaji-40252990> (accessed 10.06.2022)

⁶¹ Там же.

⁶² Greece-Turkey Talks to Resume Amid Threats of "Casus Belli". 2021. *Greek Reporter*. January 23, 2021. URL: <https://greekreporter.com/2021/01/23/greece-turkey-talks-to-resume-amid-threats-of-casus-belli/> (accessed 10.06.2022)

⁶³ Конвенция Организации Объединённых Наций по морскому праву. Ст. 3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (accessed 10.06.2022)

⁶⁴ Background Note on Aegean Dispute. *Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs*. URL: <https://web.archive.org/web/20090401163147/http://www.mfa.gov.tr/background-note-on-aegean-dispute.en.mfa> (accessed 10.06.2022)

кару от попыток бурения дна в Восточном Средиземноморье. Однако турецкий МИД настаивает, что право на бурение и выдачу лицензий у Турции есть после заключения соглашения между Анкарой и Триполи. В ответ Германия пригрозила ухудшением отношений Турции с ЕС⁶⁵. Ещё более резко реагирует Франция. Париж отозвал из Анкары посла после оскорбления Р. Эрдоганом президента Э. Макрона, которому он посоветовал услуги психотерапевта. Конфликт с президентом Франции Р. Эрдоган преподносит туркам, как защиту мусульман и ислама, что также нацелено на укрепление его власти через харизматическую легитимацию⁶⁶.

В балансировании Греции Турция так же успешно использует угрозу силой для манипулирования переговорным пространством, как и в других балансирующих треугольниках. Пока ЕС не спешит строго наказывать Анкару ни за демонстрацию решимости военно-морских сил, ни за бурение дна на спорных участках. На Брюссель произвели впечатление угрозы Р. Эрдогана открыть сирийским беженцам границу в Европу. Есть и ещё одна причина, по которой Анкара может позволить себе конфликт с Грецией, не опасаясь серьёзного ответа со стороны ЕС. И Германия, и Франция могут понимать, что Турция получит военно-техническую помощь у России, если запросит её. Более сильным ответом может быть военно-техническое сотрудничество с Китаем. Чем может Евросоюз сбалансировать ревизионистские движения Анкары? Рынок ЕС критически важен для Турции, от него зависит мелкий и средний бизнес, основной генератор ВВП, а также производители алюминия и стали. Но если Турция получит доступ к месторождениям нефти и газа у берегов Кипра или у Ливии, она сможет говорить с Брюсселем с сильных позиций.

В целом президент Турции демонстрирует готовность поднимать ставки при попытках его сдерживания Европейским союзом и США. Но и в этих балансирующих треугольниках не наблюдается сдерживающих действий балансирующей коалиции.

Балансирование в треугольнике Турция – Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Украина – Россия

И Россия, и Турция на официальном уровне делают друг другу ритуальные комплименты о вкладе в нормализацию обстановки в Ливии и Сирии. В 2020 г. президенты В. Путин и Р. Эрдоган встречались три раза: в Стамбуле на церемонии ввода в эксплуатацию газопровода «Турецкий поток», в Берлине на

⁶⁵ Germany warns Turkey against 'provocation' in Mediterranean over gas exploration. 2020. DW. 13.10.2020. URL: <https://www.dw.com/en/germany-warns-turkey-against-provocation-in-mediterranean-over-gas-exploration/a-55252222> (accessed 10.06.2022)

⁶⁶ France recalls ambassador from Turkey after 'unacceptable' Erdogan comments. 2020. France 24. 24/10/2020. URL: <https://www.france24.com/en/france/20201024-france-recalls-ambassador-from-turkey-after-unacceptable-erdogan-comments> (accessed 10.06.2022)

Международной конференции по Ливии и в ходе визита Эрдогана в РФ. Ещё один раз – в удалённом формате, в рамках саммита России, Ирана и Турции по сирийскому урегулированию в режиме видеоконференции. И ещё 18 раз общались по телефону. И Анкара, и Москва заявляют о совместном патрулировании к Востоку от Евфрата, «нейтрализации террористических группировок» в Идлибе и совместных усилиях в рамках межсирийского Конституционного комитета. Министры иностранных дел С. Лавров и М. Чавушоглу в октябре 2020 г. по итогам заседания Совместного военного комитета в формате «5 + 5» в Ливии заявили о прекращении боевых действий на территории Ливии⁶⁷. Но, несмотря на демонстрируемое «партнёрство», полной неожиданностью для Москвы стало вмешательство Турции в Закавказье. В войне Азербайджана с Арменией за Карабах осенью 2020 г. президент Р. Эрдоган выступил на стороне президента И. Алиева. Турция вооружила Азербайджан БПЛА «Байрактар», против которых ВС Армении оказались бессильны.

Москва заинтересована в балансе между Ереваном и Баку. В идеале младшие партнёры России в равной степени должны искать её посредничества. Когда баланс сместился, России потребовалось понести серьёзные издержки, чтобы восстановить его на новых границах. Перспектива миротворческой миссии неясна, поддержание её потребует материальных и политических издержек. Турция заняла место в этом балансировании рядом с победившей стороной и получила выгоду без геополитических издержек, азербайджанские подразделения поднимали турецкий флаг в отвоеванном Карабахе⁶⁸.

Другой рычаг для балансирования Москвы Анкара использует в Средней Азии. Министр обороны Турции Х. Акар в октябре 2020 г. нанёс визиты в Казахстан и Узбекистан. Речь шла о военно-техническом, политическом и экономическом сотрудничестве. Пока о перспективах создания некоего военного блока пишет только турецкая пресса⁶⁹. Тем не менее Р. Эрдоган предложил себя в качестве защитника и центра консолидации тюркского мира в практической плоскости – в качестве союзника при обсуждении спорных вопросов с Москвой. И Казахстан, и Узбекистан уже связаны с Турцией соглашениями о военном сотрудничестве^{70, 71}. Интересы Анкары простираются также в сторону Киргизии и Туркменистана.

⁶⁷ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с участием С.В. Лаврова в восьмом заседании российско-турецкой Совместной группы стратегического планирования. 2020. *МИД РФ*. 28.12.20. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4514617 (дата доступа: 10.06.2022)

⁶⁸ Two states, one nation: Turkey, Azerbaijan flags planted near Nakhchivan border. 2021. *Yeni Safak*. February 25, 2021. URL: <https://www.yenisafak.com/en/news/twostates-one-nation-turkey-azerbaijanflagsplantednear-nakhchivan-border-3561493> (accessed 10.06.2022)

⁶⁹ Çare Turan Ordusu. *Türkiye Gazetesi*, 27. Ekim 2020. <https://turkiyegazetesi.de/care-turan-ordusu/> (accessed 28.03.2021)

⁷⁰ Kazakhstan, Turkey to expand military co-op. 2019. *Azernews*. 5 December 2019. URL: <https://www.azernews.az/re-gion/159283.html> (accessed 10.06.2022)

⁷¹ Uzbekistan and Turkey sign military-technical cooperation agreement. 2020. *Kun.uz*. 28.10.2020. URL: <https://kun.uz/en/news/2020/10/28/uzbekistan-and-turkey-sign-military-technical-cooperation-agreement> (accessed 10.06.2022)

Ещё более тесное политическое сотрудничество президент Турции демонстрирует с Украиной, что намного более чувствительно для России. Р. Эрдоган всё настойчивее повторяет: принципиальная позиция Турции – не признавать присоединение Крыма к России⁷². Между Украиной и Турцией были подписаны военное соглашение и меморандум. Стороны договорились о совместных проектах строительства боевых кораблей, беспилотных летательных аппаратов, турбореактивных двигателей^{73, 74}. Также Турция и Украина решили обмениваться разведывательной информацией.

После начала СВО России на Украине Турция продолжила поставки беспилотников «Байрактар» киевскому режиму. Однако, не присоединившись к санкциям, Анкара предложила себя Москве в качестве «окна возможностей», которое может открываться и закрываться. В перспективе самым неприятным для России может быть вмешательство Турции (не только политическое) в СВО на украинской стороне. Именно этот вызов, который Москве может бросить Турция, делают её с точки зрения ЕС и США наиболее ценным актором для балансирования России. В такой же логике Турция может рассматриваться США и как потенциальный актор балансирования против Ирана, с которым она находится в состоянии тлеющего конфликта. Таким образом, и в этом балансирующем треугольнике Анкара, используя угрозу, балансирует противоположные интересы. Геополитические конкуренты Турции имеют во многих точках разные или противоположные интересы. Их взаимное сдерживание приводит к отсутствию балансирующей коалиции.

Концептуализация

Согласно теории неореализма ревизионистская попытка изменить структуру международных отношений должна вызывать реакцию⁷⁵. Но в случае Турции структурный ответ международной системы отношений не препятствует продолжению её агрессивной политики. Анкара значительно изменила баланс сил в свою пользу, и, хотя её пока нельзя назвать региональным гегемоном («power distributor»), она вполне относится к числу ключевых акторов на Ближнем Востоке («redistributor actor»). Казалось бы, Соединённым Штатам не составит труда, используя блоковую дисциплину, купировать несогласованные амбиции и

⁷² Press Release Regarding the Sixth Anniversary of The Illegal Annexation of Crimea. No: 74. 16 March 2020. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey*. URL: https://www.mfa.gov.tr/no_74_kirim-in-yasadisi-ilhakinin-altinci-yildonumu-hk.en.mfa (accessed 10.06.2022)

⁷³ Turkey, Ukraine sign military cooperation agreements. 2020. *The Associated Press*. 16 October 2020. URL: <https://abc-news.go.com/International/wireStory/leaders-turkey-ukraine-sign-military-agreements-73659082> (accessed 10.06.2022)

⁷⁴ Ukraine and Turkey signed a Memorandum on construction of joint drone training and testing center. *The Presidential Office of Ukraine*. 29 September 2021. URL: <https://www.president.gov.ua/en/news/ukrayina-j-turechchina-pidpisali-memorandum-shodo-budivnictv-70845> (accessed 10.06.2022)

⁷⁵ Цыганков П.А. 2003. Глава 5. Современные школы и направления в теории международных отношений. Спор неореализма и неолиберализма. Неореализм. *Теория международных отношений*. Москва: Гардарики. С. 126—132. 590 с.

нарушение блоковых стандартов поведения. Но ответом на угрозу санкциями следует угроза Турции развития сотрудничества с Россией и перспектива закрытия американских баз. В Москве должны расценить действия Анкары как предложение пересмотреть ценность сирийского актива. Президент Р. Эрдоган хочет, по мнению автора, убедить российское руководство в том, что хорошие отношения с ним сулят больше, чем выгоды от спасения режима Б. Асада. Если и дальше Россия не будет считаться с тем, что северные районы Сирии принадлежали туркам⁷⁶, тогда российские интересы будут оставаться под угрозой не только в Ливии и в Закавказье, но и в конфликте с Украиной.

«Балансирующие треугольники», которые президент Турции использует в своей наступательной политике, следует рассматривать в качестве структуры международных отношений. Если поместить партнёров-соперников Турции в вершины воображаемого пентаэдра (см. рис.1), а саму Турцию в его середину, то мы увидим крайне устойчивую структуру для балансирования с взаимным уравниванием конкурирующих акторов (Schweller 1998).

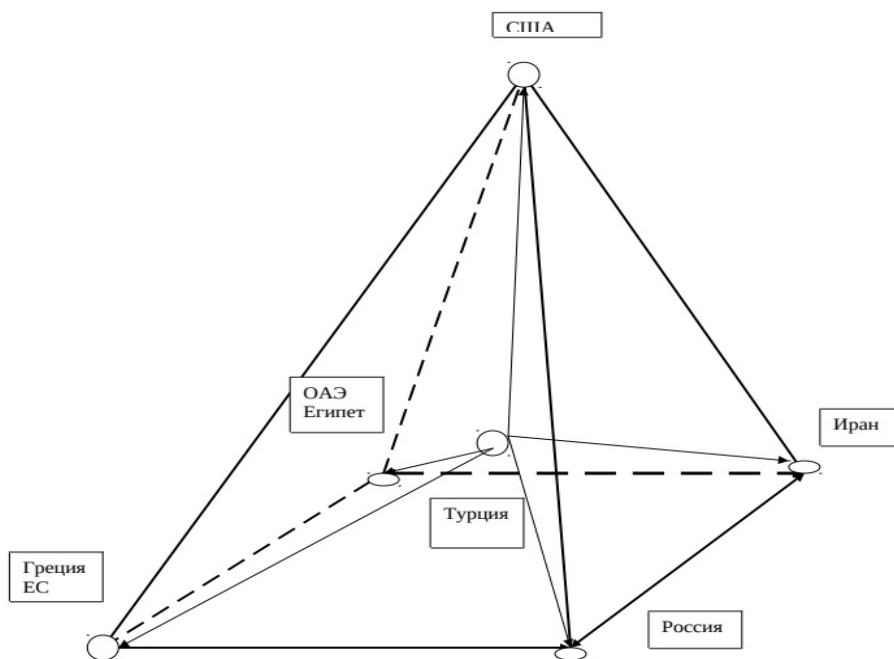

Рисунок 1. Структура взаимодействия Турции с основными партнёрами-соперниками

Figure 1. The structure of Turkey's interaction with the main counter-partner-adversaries)

⁷⁶ Turkey: Mosul and Aleppo belonged to Turks. Erdogan's Speech during an opening ceremony for an educational institution in Bursa. 23 Oct 2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=uQ6vFBlijR8> (accessed 10.06.2022)

В этой структуре баланс сил имеет мультиполярную конфигурацию (Цыганков 1994), которая делает Турцию трудно уязвимой при попытках давления любой из вершин пентаэдра. Если давление последует со стороны Тегерана или Москвы, то Анкара сдвинется в сторону Вашингтона (и наоборот). При усилении конфронтации с Афинами и Брюсселем Р. Эрдоган может рассчитывать на Москву. Причём Россия не обязательно потребует уступок в Сирии. Президент Турции Эрдоган ценен для российской внешней политики НАТОвским «диссидентством» и в целом политической амбивалентностью.

Турция имеет намного больше свободы внутри пентаэдра, чем её партнёры-соперники, и может решать по очереди спор с любой из «вершин». Р. Эрдогану есть, что предложить любому из партнёров-соперников в обмен на ситуативную поддержку. И Москва будет готова, по моей оценке, поддержать Анкару при обострении с США и ЕС, и Вашингтон заступится за Анкару при конфликте с Москвой или Тегераном. После решения проблемы с одной из «вершин» Турция начинает силовой торг с другим партнёром-соперником. Повторяется с небольшими вариациями один и тот же алгоритм: 1. Формулирование требований; 2. Создание угрозы. Приведение части угрозы в исполнение, демонстрация перспектив издержек; 3. Балансирование ответной угрозы с запасом (перебалансирование), т. е. создание новой позиции и повышение ставки в споре; 4. Демонстрация возможности торга, перспектив потерь и выгод; 5. Навязывание согласия с позиции силы.

Например, договор о строительстве АЭС «Аккую», с одной стороны, выглядит «бонусом» российской стороне. Но возврат российских инвестиций зависит от регулирования цен на электроэнергию властями Турции. Также в руках Анкары находятся поставки российского газа по газопроводам «Голубой поток» и «Турецкий поток»⁷⁷. С одной стороны, именно согласие Турции позволило продавать российский газ на юго-восток Европы после отказа Болгарии пропустить через свою территорию газопровод «Южный поток». С другой – ещё до пика обострения отношений из-за сбитого Су-24 – турецкие власти неоднократно заявляли, что в случае продолжения нарушения турецкого воздушного пространства Турция разорвёт газовые контракты с Россией, а также отзовёт разрешение на строительство АЭС⁷⁸. После заявления турецкого президента о сожалении по поводу гибели российского пилота сбитого Су-24 и возобновления работ по «Турецкому потоку» угрозы из Анкары не прекратились. Лидер Партии националистического движения Д. Бахчели призвал дать бой России в небе над Идлибом, заодно проверив прочность союзнических отношений с

⁷⁷ Президент Турции пригрозил России пересмотром газового контракта 08 октября 2015. *RBC*. <https://www.rbc.ru/politics/08/10/2015/561610c59a79471495c5a427> (дата обращения: 10.06.2022)

⁷⁸ Turkey's Erdogan warns Russia on nuclear project, natural gas – papers. 2015. *Reuters*. Oct. 8, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/mideast-crisis-turkey-russia-idUKL8N1280FX20151008> (accessed 10.06.2022)

НАТО⁷⁹. А президент Р. Эрдоган заявил, что операция в сирийском Идлибе неизбежна⁸⁰.

Такой торг с позиции силы имеет частичный успех. Россия пошла навстречу Турции и на курдском направлении в октябре 2019 г.⁸¹, и в договорённостях по Ливии. Связь между силовыми действиями и торгом за столом переговоров сформулировали министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу и пресс-секретарь Эрдогана И. Калын. Обращаясь к президенту Азербайджана И. Алиеву по случаю победы в Карабахе, они повторили слово в слово: «будем вместе и на поле битвы, и за столом переговоров», имея в виду переговоры с Россией, а не с Арменией⁸².

В любом торге под давлением нужно превосходство в ресурсах. Ресурсы Турции (хотя и значительны) ограничены невысоким экономическим ростом, зависимостью в технологиях и возможностями вооружённых сил (авиация, ВМФ, танковые войска критическим образом зависят от военно-технического сотрудничества с Германией, Францией, Великобританией и США). Необходимый для давления ресурс Турция получает, уравнивая конкурирующие интересы соперников-партнёров. Чтобы у Москвы не оставалось сомнений во взаимосвязанности украинского и сирийского треков, Р. Эрдоган во время визита на Украину в 2020 г. назвал ситуацию в Идлибе неприемлемой, а гибель турецких военнослужащих – «требующей ответа»⁸³. В апреле 2021 г., когда президент Украины В. Зеленский в период обострения в Донбассе совершил визит в Анкару, президент Турции заявил о поддержке украинской инициативы «Крымская платформа»⁸⁴. В поддержке Турцией Украины есть и сигнал США и ЕС. Точно так же, вставая на сторону ПНС в Ливии против маршала Х. Хафтара, Р. Эрдоган рассчитывал, что в Вашингтоне оценят его борьбу с «российской гибридной угрозой» на Севере Африки, как оценили его «непоколебимую решимость» в отношении «преступного режима Асада».

⁷⁹ Milliyetçi Hareket Partisi Genel Başkanı Sayın Devlet Bahçeli'nin, "İdlib'de Yaşanan Alçak Saldırı ve Şehadetlerle" ilgili yaptıkları yazılı basın açıklaması (Письменное заявление для прессы, сделанное председателем Партии националистического движения, г-ном Девлетом Бахчели, относительно «подлой атаки и мучеников в Идлибе»), 28 февраля 2020 г. URL: http://www.mhp.org.tr/htmldocs/genel_baskan/konusma/4648/index.html (accessed 10.06.2022)

⁸⁰ Syria war: Turkish operation in Idlib 'only a matter of time'. 2020. BBC. 19 February 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-51558770> (accessed 10.06.2022)

⁸¹ Turkey Syria offensive: Erdogan and Putin strike deal over Kurds. 2019. BBC. 23 October 2019. <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-50138121> (accessed 10.05.2021)

⁸² Turkey praises Azerbaijan on Karabakh victor. November. 2020. *Hurriyet Daily News*, 10 2020. <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-continuing-talks-on-how-to-monitor-karabakh-ceasefire-fm-159909> (accessed 10.06.2022)

⁸³ "Ukrayna'nın egemenliğine ve Kırım dâhil toprak bütünlüğüne desteğimiz sürecektir" [«Мы продолжим поддерживать суверенитет и территориальную целостность Украины, включая Крым»]. 03.02.2020. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/116514-ukrayna-nin-egemenligine-ve-kirim-d-hil-toprak-butunlugune-destegimiz-surecektir> (accessed 10.06.2022)

⁸⁴ Cumhurbaşkanı Erdoğan: Karadeniz'in bir barış, huzur ve iş birliği denizi olmaya devam etmesi temel hedefimiz Cumhurbaşkanı Erdoğan, «Türkiye olarak Ukrayna'nın toprak bütünlüğünü ve egemenliğini güçlü bir biçimde savunduk.» dedi. [Президент Эрдоган: Наша главная цель состоит в том, чтобы Чёрное море оставалось морем мира, спокойствия и сотрудничества]. 2021. *Anadolu*. 11.05.2021. <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/cumhurbaskani-erdogan-karadenizin-bir-baris-huzur-ve-is-birligi-denizi-olmaya-devam-etmesi-temel-hedefimiz/2204517> (accessed 10.06.2022)

Сравнивая балансирующие треугольники в пентаэдре, можно увидеть, что лишь в столкновении с Египтом из-за Ливии Анкаре будет не просто найти действенный рычаг для балансирования. Гипотетически Турция может использовать напряжённые отношения Египта с некоторыми из африканских стран. На стороне Турции остаются Катар и Пакистан, но использование их потенциала для балансирования Египта выглядит ещё более гипотетическим.

Сама технология торга с позиции силы представляет собой вариант известной в теории международных отношений «переговорной модели войны» (Bargaining Model of War). Модель описывает переговорное взаимодействие, в ходе которого один из акторов пытается донести до другого информацию о потенциальных выгодах и потерях при силовом развитии событий и без такового. Переговорный процесс должен убедить актора В в сравнительной невыгодности войны и заставить принять условия актора А. Согласно этой модели, войны происходят, когда стороны неверно оценивают перспективы победы, в том числе занижая издержки, которые потребует война (Reiter 2003). В «переговорной модели войны» актор А с помощью угроз и давления старается внушить актору В, что его издержки будут значительно больше, чем в действительности, и что поэтому силовое решение теряет смысл. Тактика торга строится на том, что стороны никогда не могут быть уверены в достоверности и полноте информации о возможностях и решимости противника. Важным аргументом «переговорной силы» (bargaining power) служат соображения внушаемости и ответственности лица, принимающего решение, а также невозможности полностью положиться на гарантии третьей стороны (Fearon 1995). В «переговорной модели войны» агрессивный актор использует превентивно силу (или угрозу) для конвертации её в переговорную силу. Эта сила используется для давления на партнёра-соперника, убеждения его через рациональные аргументы или через создание неопределённости с высокой степенью риска последствий, размер которых трудно просчитать. Под влиянием переговорной силы противник может счесть благо-разумным стать на позиции партнёра, изменить свою политику и принять решения, приветствуемые стороной, использующей bargaining power. Диапазон решений, которые и сторона А, и сторона В считают в данный момент приемлемыми (меньшим злом), создают переговорную область – bargaining area.

Если взять для гипотетического примера Турцию и Грецию, которые демонстрируют решимость отстаивать интересы с помощью силы, то выгоды и издержки от силового столкновения каждая из сторон изначально представляет по-разному. До того, как Турция заняла силовую позицию (Рис. 2а), ожидание соотношения выгод и издержек Греции оптимистично. Но после агрессивной демонстрации Турцией решимости, а также аргументов «переговорной силы» (параллели с оккупацией Кипра; демонстрация бесполезности надежд на защиту НАТО), оценка Грецией итогов столкновения – разница между выгодами и убытками («benefits of war» и «cost of war») – может измениться. Тогда откроется поле для договоренности («bargaining area» изменит знак с «-» на «+») (Рис. 2б).

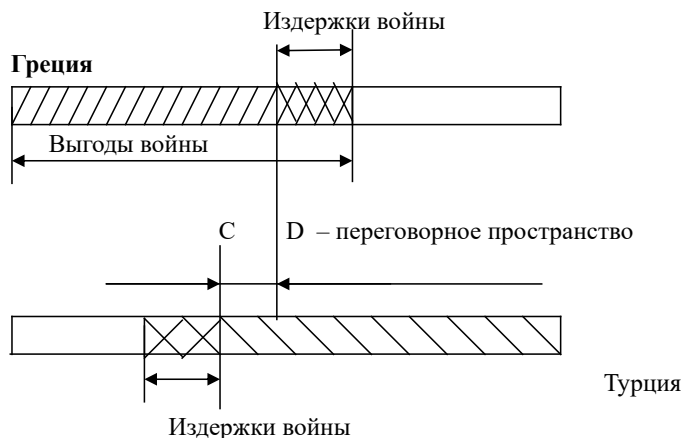

Рисунок 2а. Сравнительная проекция ожидаемых выгод и издержек в случае силового разрешения конфликта на гипотетическом примере Греции и Турции: обе стороны оценивают результат (выгоды минус малые издержки) в свою пользу, поле для компромисса отрицательное – ВА (переговорное пространство – bargaining area)

Figure 2a Representation a good that Greece and Turkey are willing to fight over before Turkey's intimidation (as an example)

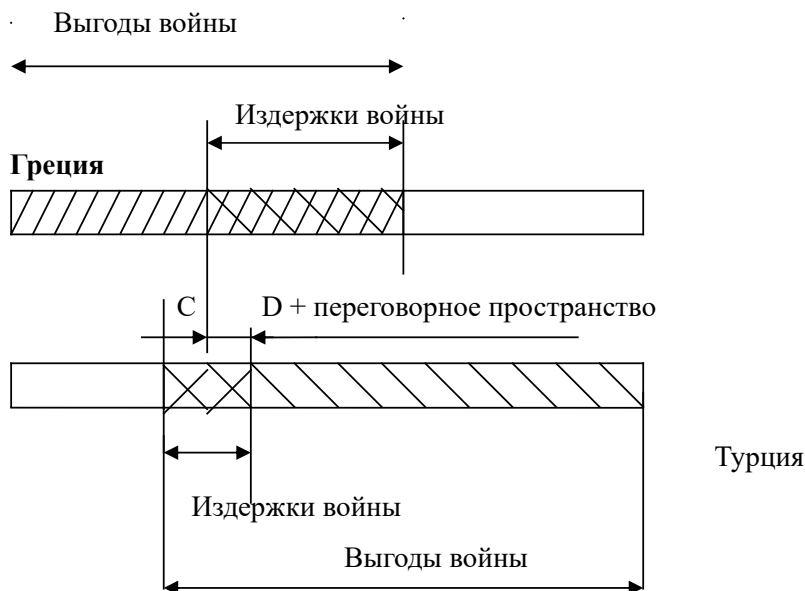

Рисунок 2б. Сравнительная проекция ожидаемых выгод и издержек в случае силового разрешения конфликта на гипотетическом примере Греции и Турции: обе стороны оценивают результат (выгоды минус большие издержки) как неоднозначные, поле для компромисса положительное + ВА (переговорное пространство – bargaining area)

Figure 2b. Representation a good that Greece and Turkey are willing to fight over after Turkey's intimidation (as an example)

Согласно «переговорной модели войны», войны не будет, если торг может принести больше, чем война. В гипотетическом примере задача Турции через угрозы снизить ожидания выгод у Греции и увеличить оценку ею издержек. Если Греция сделала «переоценку», она может согласиться на любой сценарий с результатом между точками С и D. Эти варианты скромнее ожиданий, на которые рассчитывала Греция изначально (Рис. 2а), но лучше, чем, если бы пришлось понести возможные убытки от столкновения («cost of war»).

«Переговорная модель войны» сочетает в себе как черты неореализма, так и черты неоклассического реализма, так как использует восприятие акторами действий конкурентов и других внешних и внутренних переменных. Но «переговорная модель» турецкого руководства отличается от классической. Анкара вовлекает в торг и других участников, которые, с одной стороны, сдерживают друг друга, а с другой – опасаются, что Анкара может заключить сделку за их счёт с другими ключевыми акторами внутри балансирующих треугольников. Например, когда Турция заявляет, что поддержит новый план обороны Польши и стран Балтии, если НАТО признает курдские вооружённые группировки террористическими, Брюссель воспринимает это заявление как шантаж, а Москва с надеждой на новую трещину во враждебном блоке. Этот же рычаг был использован Анкарой при блокировании заявок на вступление в НАТО Финляндии и Швеции после начала СВО на Украине. Турецкие власти подчеркнули, что согласятся на вступление в Альянс этих стран при условии разрыва всяких отношений Хельсинки и Стокгольма с курдскими группировками. Ещё раньше заместитель главы делегации Турции в Парламентской ассамблее НАТО, член турецкого парламента от правящей Партии справедливости и развития А. Чонкара угрожал НАТО новыми трещинами, если США и члены блока не будут гарантировать безопасность Турции⁸⁵. Торгом посредством давления (или предложения уступок) является политика Турции в отношении РФ после начала её военного противостояния с Украиной. Анкара продолжает военные поставки на Украину, но заявляет о готовности быть посредником между Москвой и Киевом, хотя позиция России на переговорах украинскими властями отвергается. В условиях обвинения Москвы Вашингтоном и Брюсселем в организации глобального голода из-за невозможности вывоза морем украинского зерна, турецкие власти предлагают себя в качестве посредника при создании совместной контактной группы. Но разблокирование украинских портов откроет путь для доставки Киеву оружия.

Политика Р. Эрдогана достигает эффективности, соответствуя наступательной стратегии неореализма и закономерностям, отражённым в неоклассическом реализме. Уравновешивание противоположных интересов не только нейтрализует угрозу, но переходит в перебалансирование и принуждает к торгу.

⁸⁵ NATO Faces a Fresh Quandary as Turkey Tips Toward Russia. 2019. *The Wall Street Journal*. Dec. 25, 2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/nato-faces-a-fresh-quandary-as-turkey-tips-toward-russia-11577269801> (accessed 10.06.2022)

* * *

Структура международных отношений не сдерживает ревизионистские устремления Турции, как это предполагает неореализм. Балансирующая коалиция не возникает. Это объясняется структурой внешней политики Турции, основанной на уравнивании противоречий конкурирующих акторов. Усиление силового соперничества не приводит к снижению безопасности Турции, так как в балансирующих треугольниках её сдерживание затруднено. Напротив, Турция, находясь в центре выстроенной ею структуры международных отношений, имеет свободу манёвра и торга на своих условиях, подкреплённых силой или угрозой. Применяемую турецким руководством стратегию можно назвать мультиполярным балансированием, с использованием принципов «переговорной модели войны». Это позволяет бросать вызов сдерживающему воздействию структурных ограничений международной системы.

Турецкая «переговорная модель войны» в сочетании с перебалансированием убеждает противников в том, что затраты на её сдерживание будут больше, чем стоимость уступки. Турция может создать новые позиции для давления на противника-партнёра через ситуативное сближение с его конкурентами.

Об авторе:

Дмитрий Борисович Графов – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д.12.

E-mail: graftvc@mail.ru; ORCID iD <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327
Received: March 27, 2022
Accepted: June 15, 2022

Strategy of Balancing in Turkish Foreign Policy

D.B. Grafov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-115-142)

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences

Abstract: The new offensive approach of Turkey's foreign policy is the sign of President Erdogan's ambitions to redistribute power in the Middle East and the Eastern Mediterranean

and a way to legitimize his own regime. On the one hand, this can be seen as the ambitions of «neo-Ottomanism», on the other hand, there is a new attempt to solve five foreign policy problems: the «Kurdish issue», the «Aegean dispute», the return of territories mentioned in the “National Oath” (Misak-i Milli), breakthrough from disillusionment with integration with the EU and overcoming inequality in allied relations with the United States to satisfy anti-American nationalism.

The article examines Turkey's foreign policy since Erdogan gained full control of power and intervened in the civil war in Syria in 2014-2015. The aim is to determine the reason for Turkey's offensive strategy from the perspectives of Neorealism theory of International Relations and Bargaining model of war. The main findings are as follows. Erdogan's policy of power redistribution has focused on relations with the United States, the EU, and Russia as well as regional powers and has employed dominance in bargaining power as the main tool. A show of Turkey's force makes counterparts more compliant and serves as a tool to convince that the cost of deterring Turkey will be greater than the cost of concession.

The main feature of Erdogan's policy is the use of contradictions between partners. According to Neorealism, if a state becomes too powerful, the balancing coalition occurs. But Turkey's offensive policy does not face a balancing coalition (or an international system, especially on the NATO and the EU directions), because there are many contradictions between potential opponents, which Erdogan masterfully uses. At some point, Turkey balances each of them by the threat to move closer to its opponent thus creating a balancing lever in “balancing triangle”. In this way Erdogan uses a series of “balancing triangles” to put pressure on Russia, the US, and the EU simultaneously.

Keywords: Turkey, Erdogan, neorealism, bargaining model of war, offensive realism, defensive realism, balancing

About the author:

Dmitry B. Grafov – Candidate of Political Science, Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka street, Moscow, Russia, 107031. E-mail: graftvc@mail.ru; ORCID iD <https://orcid.org/0000-0002-7334-5398>;

Conflict of interest:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

- Cook A. 2018. *Neither Friend nor Foe: The Future of U.S.-Turkey Relations*. New York: Council on Foreign Relations. 28 p.
- Fearon J.D. 1995. Rationalist explanations for war. *International Organization*. 49(3). P. 379-414.
- Hameed A. Hassan. 2019. From Border Security to National Security: Change in Turkish Foreign Policy Towards the Middle East After 2016 (A Realistic Perspective). *Tikrit Journal for Political Science*. P. 411-433. DOI: 10.25130/politic.v0i0.173.
- Mearsheimer J.J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company. 568 p.
- Reiter D. 2003. Exploring the Bargaining Model of War – Perspectives on Politics. *Perspectives on Politics*. 1(1). P. 27–43.
- Schweller R.L. 1998. *Deadly Imbalances: Tripolarity and Hitler's Strategy of World Conquest*. Columbia University Press. 267 p.
- Van Evera S. 1999. *Causes of War: Power and the Roots of Conflict*. Ithaca. New York: Cornell University Press. 288 p.

- Walt S. 1986. *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University Press. 336 p.
- Walt S. 2002. The Enduring Relevance of the Realist Tradition. Katznelson I., Milner H. *Political Science: State of the Discipline III*. Norton. P. 197-230.
- Waltz K.N. 1979. *Theory of International Politics*. Reading: Addison-Wesley Publishing Company. 251 p.
- Avatkov V.A. 2019. Ideyno-tsennostnyy faktor vo vneshney politike Turtsii [Ideology and Values in Turkey's Foreign Policy]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 113-129. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-113-129
- Avatkov V.A. Kochkin M.V. 2016. Osnovnyye napravleniya krizisa vo vnutrenney i vneshney politike Turetskoy Respubliki [Principle Trajectories of the Domestic and Foreign Policy Crises in Modern Turkish Republic]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 7-14. (In Russian.)
- Avatkov V.A., Sbitneva A. 2020. Politicheskij kurs sovremennoj Turcii. Glavnye osobennosti vnutrenney i vneshney politiki 2019 g. [The Political Course of Modern Turkey. Key Features of Domestic and Foreign Policy in 2019]. *Svobodnaya mysl'*. 2(1680). P. 115-128. (In Russian)
- Cygankov P. A. 1994. *Politicheskaya sociologiya mezhdunarodnyh otnoshenij. Glava V. Zakonomernosti mezhdunarodnyh otnoshenij. Soderzhanie zakonemernostej mezhdunarodnyh otnoshenij* [Political Sociology of International Relations. Chapter V. Patterns of International Relations. The Content of the Laws of International Relations]. Moscow: Radiks. P. 67-78. (In Russian)
- Davydov A.A. 2019. Sistemnyy krizis amerikano-turetskikh otnosheniy pri D. Trampe [Systemic Crisis in the US-Turkish Relations under the Presidency of D. Trump]. *MGIMO Review of International Relations*. 12(4). P. 145-160. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-145-160
- Konyshchev V.N. 2020. Neoklassicheskiy realizm v teorii mezhdunarodnykh otnosheniy [Neoclassical Realism in the Theory of International Relations]. *Polis. Political Studies*. №4. P. 94-111. (In Russian) DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07
- Shlykov P.V. 2018. Transformatsiya roli Turtsii v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom na Blizhnem Vostoke [The Transformation of Turkey's Role in the Fight Against International Terrorism in the Middle East]. *MSU Vestnik. Series 13. Orientalism*. №2. P. 53-74. (In Russian)
- Svistunova I.A. 2016. V poiskah novoy modeli: ontnosheniya Turtsii i SSHA v sphere bezopasnosti [The Security Aspect of Turkey-United States Relations: in Search for a New Model]. *MGIMO Review of International Relations*. 2(47). P. 53-61. (In Russian) DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61
- Svistunova I.A. 2018. Regional'naya politika Turcii: strategiya v otnoshenii stran Afriki [Regional Policy of Turkey: Strategy in Relation to African Countries]. *Problemy nacional'noj strategii*. 4(49). P. 67-80. (In Russian)
- Svistunova I.A. 2020. Balkanskaya politika Turtsii: Rol' etno-konfessional'nykh men'shinstv [Turkey's Policy in the Balkans: The Role of Ethnic and Religious Minorities]. *Modern Europe*. 4(97). P. 61-71. (In Russian) DOI: 10.15211/soveurope420206171

Список литературы на русском языке:

- Аватков В.А. 2019. Идеино-ценностный фактор во внешней политике Турции. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 113-129. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-

113-129.

Аватков В.А., Кочкин М.В. 2016. Основные направления кризиса во внутренней и внешней политике Турецкой республики. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(47). Р. 7-14.

Аватков В.А., Сбитнева А. 2020. Политический курс современной Турции. Главные особенности внутренней и внешней политики 2019 г. *Свободная мысль*. 2(1680). С. 115-128.

Шлыков П.В. 2018. Трансформация роли Турции в борьбе с международным терроризмом на Ближнем Востоке. *Вестник Московского университета*. Серия 13. Востоковедение. №2. С. 53-73.

Давыдов А.А. 2019. Системный кризис американо-турецких отношений при Д. Трампе. *Вестник МГИМО-Университета*. 12(4). С. 145-160. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-4-67-145-160

Коньшев В.Н. 2020. Неоклассический реализм в теории международных отношений. *Полис. Политические исследования*. №4. С. 94-111. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.07

Свистунова И.А. 2016. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности. *Вестник МГИМО-Университета*. 2(47). С. 53-61. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-53-61

Свистунова И.А. 2018. Региональная политика Турции: стратегия в отношении стран Африки. *Проблемы национальной стратегии*. 4(49). С. 67-80.

Свистунова И.А. 2020. Балканская политика Турции: роль этно-конфессиональных меньшинств. *Современная Европа*. 4(97). С. 61-71. DOI: 10.15211/soveurope420206171

Цыганков П. А. 1994. *Политическая социология международных отношений. Глава V. Закономерности международных отношений. Содержание закономерностей международных отношений*. Москва: Радикс. С. 67-78.

Трансформация антитеррористической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития

В.А. Аватков, А.И. Сбитнева

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН)

В эпоху возникновения новых вызовов и угроз, наиболее опасной из которых является терроризм, Турецкая Республика становится одним из ключевых центров силы на Ближнем и Среднем Востоке, преследующим цель создать вокруг себя региональную архитектуру безопасности и противостоять деятельности различных террористических организаций. Целью исследования является изучение особенностей антитеррористической политики Анкары как внутри страны, так и за её пределами, а также политико-правовых подходов Турции к пониманию феномена терроризма и методов борьбы с этим явлением. Особую важность приобретает изучение аспектов взаимодействия России и Турции по рассматриваемой проблематике. Данный вопрос представляется особенно актуальным в свете укрепления в последние годы российско-турецкого сотрудничества, в частности в области борьбы с терроризмом, обеспечения глобальной и региональной безопасности и поддержания международной стабильности. В результате проведённого количественного контент-анализа публичных речей президента Р.Т. Эрдогана, а также применения общенаучных методов исследования был сделан вывод о том, что руководство страны в действительности придаёт большое значение борьбе с террористической угрозой, в особенности с так называемым «курдским терроризмом». При этом антитеррористическая деятельность Турции имеет определённую специфику и характеризуется, во-первых, стремлением Анкары возглавить антитеррористические миссии в разных частях мира, во-вторых, применением преимущественно милитаристского подхода к решению проблемы, который заключается прежде всего в проведении трансграничных антитеррористических военных операций на территориях близлежащих государств. Однако ставшие неотъемлемой частью политики Турции в сфере борьбы с терроризмом военные кампании во многом не только не способствуют ликвидации террористических элементов, но и становятся дополнительным дестабилизирующим фактором на пространстве Ближнего Востока. Кроме того, ввиду особенностей трактовки Турецкой Республикой термина «терроризм» и осуществления своей политики, зарубежная антитеррористическая деятельность Анкары в большинстве случаев сводится к реализации собственных интересов, а не к достижению поставленных в рамках проводимых операций целей.

УДК: 327, 323

Поступила в редакцию: 03.03.2022 г.

Принята к публикации: 11.06.2022 г.

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, Ближний Восток, Турция, Р. Т. Эрдоган, Партия справедливости и развития, Рабочая партия Курдистана (РПК), PYD/YPG, Террористическая организация фетхуллахистов (FETÖ), курды, антитеррористические операции

По мере трансформации мирового порядка и развития процессов, связанных с глобализацией, многие акторы современных международных отношений столкнулись с проблемой обеспечения безопасности, обусловленной появлением новых вызовов и угроз, одной из которых стал терроризм в различных его проявлениях. В начале XXI в. терроризм приобрёл трансграничный характер, поставив под удар безопасность не только отдельно взятых государств, но и всего мирового сообщества. В условиях динамичного распространения террористической угрозы, а также совершенствования различными группировками форм и методов осуществления террористической деятельности задача разработки эффективной антитеррористической стратегии приобрела статус одной из самых приоритетных для многих субъектов мировой политики.

В особенности с необходимостью осуществления контртеррористической политики столкнулись государства Балканского полуострова, Кавказа, а также Ближнего и Среднего Востока, фактически находящиеся в эпицентре международной террористической активности. В силу того, что многие из этих стран, в том числе по причине сложной внутривнутриполитической обстановки, оказались не способны эффективно противостоять исходящим от террористических образований угрозам, такую ответственность на себя пытаются брать формирующиеся региональные центры силы, политико-правовые подходы которых к борьбе с терроризмом и пониманию данного явления обладают определённой спецификой и в значительной степени отличаются от принятых в других странах мира.

Турецкая Республика является одним из тех государств, геополитическое положение которого объясняет предрасположенность страны к неизбежному возникновению на её территории нетрадиционных угроз, главное место среди которых занимает терроризм (Çakır 2013: 54–55). По состоянию на 2020 г. в представленном Австралийским институтом экономики и мира «Глобальном индексе терроризма», измеряющем уровень террористической активности, из 135 включённых в список стран Турция занимает 18-е место и входит в число государств, где уровень влияния терроризма на состояние страны и благополучие её граждан традиционно оценивается как высокий¹. Результаты количественного контент-анализа публичных речей Р. Т. Эрдогана, отражённые в приведённой ниже диаграмме, также позволяют сделать вывод о том, что проблема

¹ Global Terrorism Index 2020. *The Institute for Economics and Peace*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf> (accessed 18.06.2022).

терроризма является актуальной для Турецкой Республики и регулярно формирует повестку различного рода мероприятий.

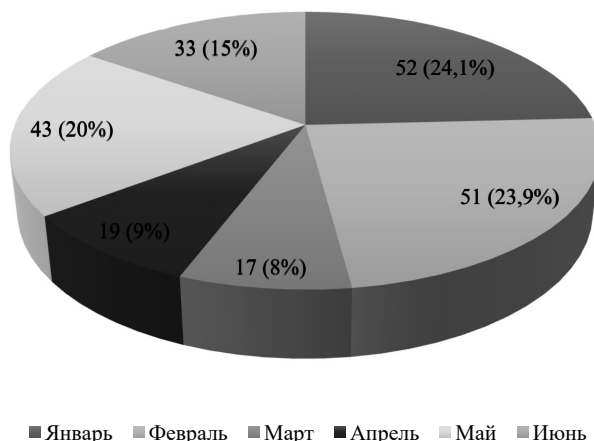

Рис.1. Статистика частоты упоминаний лексемы «терроризм» («terörizm»)* Р. Т. Эрдоганом в ходе публичных выступлений за I полугодие 2021 г. (*с учётом морфологии)

Fig.1. Statistics on the frequency of references to the lexeme "terrorism" ("terörizm") by R. T. Erdogan during public speeches for the first half of 2021 (*considering morphology)*

Так, из 90 выступлений, озвученных лидером Турции за рассматриваемый период, 46 (более половины) в том или ином контексте затрагивали тематику терроризма², а сама лексема «терроризм» при этом прозвучала в общей сложности 215 раз³. Наиболее часто «терроризм» как отдельная лексическая единица упоминался в следующих речах Р. Т. Эрдогана:

- выступление по итогам заседания Кабинета министров⁴ (17 февраля 2021 г.) – 34 упоминания;
- выступление на церемонии вручения премии «Оскар» 2019 г., организованной Ассоциацией телевизионных журналистов⁵ (13 января 2021 г.) – 21 упоминание;
- выступление по итогам заседания Кабинета министров⁶ (17 мая 2021 г.) – 19 упоминаний;

² Девять выступлений – в январе; шесть – в феврале; восемь – в марте; четыре – в апреле; восемь – в мае; 11 – в июне.

³ 52 упоминания – в январе; 51 – в феврале; 17 – в марте; 19 – в апреле; 43 – в мае; 33 – в июне.

⁴ Kabine Toplantısı'nın Ardından Yaptıkları Konuşma. 2021. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 17.02.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/124956/kabine-toplantisi-nin-ardindan-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

⁵ Radyo Televizyon Gazetecileri Derneği 2019 Yılı Medya Oscar Ödülleri Töreni'nde Yaptıkları Konuşma. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 13.01.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/123565/radyo-televizyon-gazetecileri-dernegi-2019-yili-medya-oscar-odulleri-toreni-nde-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

⁶ Kabine Toplantısı'nın Ardından Yaptıkları Konuşma. 2021. T.C. Cumhurbaşkanlığı. 17.05.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/127915/kabine-toplantisi-nin-ardindan-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

- выступление на встрече с послами стран Евросоюза⁷ (12 января 2021 г.) – 13 упоминаний.

Говоря об исторической стороне вопроса, необходимо отметить, что проблематика терроризма находится на особом контроле Турции начиная с конца 1960-х – начала 1970-х гг. – периода, когда массовое развитие в стране получили леворадикальные движения и активным образом закладывались организационные основы известной сегодня Рабочей партии Курдистана (РПК) (Bila 2016: 21), деятельность которой в современной Турции запрещена и признана террористической. Позже к курдским движениям, осуществлявшим деятельность преимущественно внутри страны, добавился ряд внешних угроз, обусловленных повышенной конфликтностью ближневосточного региона, Балкан и Кавказа, что побудило руководство страны начать разработку комплексных мер, нацеленных на обеспечение национальной безопасности, а также развивать взаимодействие с другими странами мира в данной области.

Принимая во внимание тот факт, что в последние годы расширяется сотрудничество России и Турции в сфере обеспечения международной безопасности и, в частности, борьбы с терроризмом, исследование подходов Анкары к данной проблематике представляется особенно актуальным. Тем не менее дефицит отечественной литературы, посвящённой терроризму в Турции и изучению методов антитеррористической деятельности Анкары, объясняется тем, что запрос на комплексное и глубокое исследование феномена международного терроризма возник только после распада Советского Союза. Именно тогда на повестке дня появился вопрос о необходимости формирования научной дисциплины, изучающей особенности террористической деятельности в разных странах мира и призванной объяснить феномен терроризма, который в особенности актуализировался к началу XXI в.

Говоря о научных подходах к определению и осмыслению феномена терроризма в Турции, стоит отметить, что подробным изучением данного явления турецкие исследователи, как и в России, занялись относительно недавно, что было вызвано всплеском международной террористической активности в начале нового тысячелетия. Так, например, Э. Авджи и Дж.К. Демир утверждают, что спустя год после событий 11 сентября 2001 г. в мире было издано более 150 книг, посвящённых проблеме терроризма (Avcı, Demir 2017: 3), однако в Турции такие научные труды даже в те времена исчислялись незначительным количеством публикаций. «Террорологии» как научной дисциплины, аналогичной той, что формируется сегодня в России, в современной Турции нет, однако исследования в области терроризма, предлагающие новые – соответствующие нынешним реалиям – трактовки данного явления, становятся всё более популярными.

⁷ Avrupa Birliği Ülkeleri Büyükelçileri ile Toplantıda Yaptıkları Konuşma. 2021. *T.C. Cumhurbaşkanlığı*. 12.01.2021. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/123549/avrupa-birligi-ulkeleri-buyukelcileri-ile-toplantida-yaptiklari-konusma> (accessed 18.06.2022).

Теоретическую научную базу прежде всего составляют труды Э. Байраклы и У. Улуташа (Bayraklı, Ulutaş 2018), Э. Алана (Alan 2016), Ф. Билы (Bila 2016), изучающих отдельные аспекты террористической деятельности в Турции, в частности, «курдский терроризм» и так называемую «Террористическую организацию фетхуллахистов», а также Н. Ялчинташа, М. Кайнака и А. Алмаза (Yalçıntaş, Kaynak, Almaz 2011), являющихся сторонниками близкого к коммунистическому подхода и считающих террор и террористическую деятельность неизбежными атрибутами новой системы международных отношений, которые будут использоваться различными силами, обладающими «крупным капиталом», в качестве отвлекающего маневра для воплощения своих целей.

Терроризм по-турецки: подходы Анкары к пониманию проблемы

Внутри страны актуальная сегодня проблема терроризма проистекает из исторически нерешённого в Турции национального вопроса, который в особенности отразился на положении курдского меньшинства, проживающего на территории государства. Заложенный ещё М.К. Ататюрком принцип национализма, отождествляющий этническую принадлежность с понятием гражданства, нашёл своё отражение в конституции Турецкой Республики, декларирующей, что все граждане государства являются турками⁸.

Неприятие представителями курдского населения страны такой политики, наряду с ухудшающимся правовым положением национальных меньшинств, что в первую очередь выражалось в притеснении по этнокультурному признаку, вынуждали курдов отстаивать свои права достаточно радикальными методами. Со временем в Турции начали развиваться курдские националистические антиправительственные движения, главной целью которых стала борьба с ненадлежащей национальной политикой государства.

В 1969 г., например, была создана Организация восточной революционной культуры (DDKO), которая на тот момент придерживалась сепаратистской идеологии (Alan 2016: 12), а в 1978 г. курдские активисты основали Рабочую партию Курдистана (РПК), вскоре объявившую вооружённую войну властям Турции, правоохранительным органам, войскам, а также другим госструктурам, которая, по мнению турецких властей, сопровождалась активной террористической деятельностью. Согласно статистическим данным, к концу 1984 г. в результате терактов, осуществлённых РПК, погибло 26 турецких служащих, а также более 40 гражданских лиц (Alan 2016: 24). В дальнейшем деятельность Рабочей партии Курдистана (РПК) приобретала всё более масштабный характер, а количество жертв, скончавшихся в результате осуществлённых её активистами террористических атак и полученных травм, стремительно увеличивалось.

⁸ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 1982. *Türkiye Büyük Millet Meclisi*. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2018.pdf (accessed 18.06.2022).

На протяжении долгого времени именно противостояние РПК являлось ключевым элементом антитеррористической политики государства. Однако по мере развития международной террористической деятельности, а также перерасстановки сил на внутривнутриполитической арене Турецкой Республики положение дел в значительной степени изменилось. Политика турецких властей по вопросу обеспечения безопасности подверглась пересмотру с приходом к власти в Турции Партии справедливости и развития (ПСР), впервые одержавшей победу на выборах в 2002 г. Приблизительно в то же время существенные изменения претерпела антитеррористическая стратегия Анкары, которая стала тесно переплетена с внешнеполитическим курсом государства и особенно подвержена изменениям, происходящим на международной арене.

В целом политику современной Турции по противодействию терроризму условно можно разделить на два периода, сравнительный анализ которых позволяет проследить ключевые изменения, произошедшие на данном направлении, а также охарактеризовать особенности антитеррористической деятельности правящей элиты страны в период нахождения у власти ПСР.

- **I этап** – эпоха правления и реформ Партии справедливости и развития, (парламентская республика: 2002–2014 гг.), характеризующаяся смягчением и либерализацией мер, направленных на противодействие террористической активности, а также возникновением новых угроз;
- **II этап** – эпоха президентства Р.Т. Эрдогана (президентская республика: с 2014 г. по наст. вр.), предполагающая ужесточение политических подходов и государственной антитеррористической политики, а также изменение методов и специфики её осуществления.

Прежде чем переходить к рассмотрению контртеррористической деятельности Анкары, следует отметить, что в правовом контексте Турецкая Республика является примером государства, не имеющего общедоступных концепций, стратегий, доктрин и иных документов, отражающих цели, задачи и методы по борьбе с терроризмом. Известно, что в 2005 г. Совет национальной безопасности Турции (СНБ) принял документ под названием «Красная книга» или «секретная конституция», в котором международный терроризм рассматривается в качестве главной внешней угрозы, однако более подробное содержание документа остаётся неизвестным.

Попытки оптимизировать работу в данной области были предприняты в 2010 г., когда при МВД Турции было создано специализированное Управление по безопасности и общественному порядку. В компетенцию Управления вошла разработка стратегии в области борьбы с терроризмом, аналогичной документам США и стран Европы, а также отслеживание международной практики в области обеспечения безопасности и публикация этих примеров в специаль-

⁹ В Турции утверждена новая стратегия национальной безопасности. 2005. *РИА Новости*. 25.09.2005. URL: <https://ria.ru/20051025/41883227.html> (дата обращения: 18.06.2022).

ных изданиях, одним из которых стала книга под названием «Национальные и международные стратегические документы в области борьбы с терроризмом» (İnat, Aslan, Duran 2018: 476–477). Однако данный сборник скорее представляет собой пример информационно-образовательной литературы и не имеет статуса официального документа.

Вместе с тем ещё до прихода к власти ПСР по причине увеличения в стране террористической активности правящие круги Турецкой Республики в начале 1990-х гг. начали разрабатывать антитеррористическое законодательство, призванное очертить правовые подходы государства к данной проблематике. Итогом такой деятельности стало принятие в 1991 г. Закона № 3713 «О борьбе с терроризмом», получившего статус основного документа в области правового регулирования контртеррористической деятельности Турции.

В соответствии со статьёй 1 документа, под терроризмом в Турции понимаются «все виды преступлений, совершённые определёнными людьми или членами какой-либо организации и нацеленные на: разрушение изложенных в конституции Турецкой Республики политических, правовых, социальных, экономических и светских принципов; государственности и национального единства; формирование угроз ценностям Турции; ослабление, устранение или захват государственной власти, а также подрыв внутренней и внешней безопасности государства, общественного порядка и общего благосостояния путём применением насилия и других методов, в частности, угроз, запугивания, устрашения и оказания давления»¹⁰.

Такого рода широкая формулировка, не уточняющая, к примеру, что именно подразумевается под действиями, подрывающими государственную безопасность, позволяет властям Турции относить к террористам всех тех, кто по самым минимальным критериям соответствует представленному определению. По понятным причинам на протяжении долгого времени преследованиям на основании нарушения данного закона подвергались представители курдского меньшинства.

Евросоюз, США, РПК – поиск компромиссов

В начале 2000-х гг., в соответствии с провозглашённой ПСР внешнеполитической линией, Анкара начала особенно активно развивать контакты с Западом, в частности с Соединёнными Штатами и Европейским союзом¹¹, что отразилось на политике Турции в сфере обеспечения безопасности. Внутриполитический курс государства в равной степени был ориентирован на прозападные ценности, в рамках которых де-факто направленная против курдов политика турец-

¹⁰ 3713 sayılı Terörle Mücadele Kanunu. *Mevzuat Bilgi Sistemi*. URL: <http://www.mevzuat.gov.tr/MevzuatMetin/1.5.3713.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹¹ AK Parti Programı. *AK Parti*. URL: <http://m.akparti.org.tr/site/akparti/parti-programi> (accessed 18.06.2022).

кого руководства, именуемая властями антитеррористической, признавалась Западом негуманной. Стоит отметить, что ещё до того, как ПСР возвела курс на вступление в ЕС в ранг своих приоритетных внешнеполитических задач, Европейский парламент в 1990 г. принял резолюцию, осуждающую «курдский терроризм», но при этом призывающую Анкару уважать права национальных меньшинств (Вертяев, Иванов 2015: 222).

Кроме того, важным фактором, вероятно также повлиявшим на изменение курдской политики Турции, стало начатое после 1990-х гг. весьма тесное сотрудничество РПК с США (ближайшим союзником Анкары со времен Второй мировой войны), нацеленное на признание Турцией курдской идентичности (Yalçıntaş, Kaynak, Almaz 2011: 279). Позднее и США, и ЕС, видимо, в знак солидарности с Анкарой, внесут РПК в список террористических организаций¹², однако данный жест впоследствии не помешает Вашингтону оказывать разного рода поддержку курдским организациям других стран, которые Турция также считает террористическими.

Несмотря на желание стать частью объединённой Европы, полностью отказать от противостояния с курдами Турция не могла, – на кону находилась не только общественная безопасность, но и вопрос территориальной целостности, поскольку представители курдского населения страны претендовали не только на расширение гражданских прав, но и в перспективе на предоставление им автономии, которая впоследствии могла перерасти в проект по созданию независимого государства.

Тем не менее под давлением Запада Турция была вынуждена пойти на некоторые уступки. В частности, в начале 2000-х гг. Великое национальное собрание Турецкой Республики (ВНСТ) приняло пакет достаточно либеральных реформ, предусматривающих отмену смертной казни за сепаратизм, разрешение на использование курдского языка, а также внесение некоторых изменений в Закон «О борьбе с терроризмом» (Автор 2012: 130), что должно было снизить уровень напряжённости по курдскому вопросу. В 2009 г. в рамках начатой правительством Р.Т. Эрдогана политики «демократического прорыва», конечной целью которой являлось разоружение РПК и решение курдского вопроса мирным путём, было предложено внести некоторые изменения в конституцию для предоставления школам права проводить факультативные уроки на курдском, возвращения географическим объектам курдских названий, объявления всеобщей амнистии членам РПК, а также для пересмотра понятия «турецкого гражданства» (Altındağ 2020: 42).

Однако планомерное расширение прав курдов не только не приостановило вооружённые столкновения активистов с проправительственными силовыми

¹² США подтвердили террористический статус Рабочей партии Курдистана. 2019. *Известия*. 02.03.2019. URL: <https://iz.ru/851875/2019-03-02/ssha-podtverdili-terroristicheskii-status-rabochei-partii-kurdistan> (дата обращения: 18.06.2022).

структурами Турции, но и способствовало росту амбиций курдского населения. Главным требованием представителей курдского меньшинства стало не столько стандартное расширение прав, сколько предоставление им территории, фактически – создание турецкого Курдистана, а методы борьбы курдов становились все более ожесточёнными. Правящей элите Турции по-прежнему приходилось отражать натиск курдского сопротивления, сопровождающегося кровопролитными атаками и гибелью турецких граждан. Так, по официальным данным, с момента начала борьбы Турции с Рабочей партией Курдистана (РПК) до 2011 г. в результате террористических актов погибло 30 тысяч человек, по неофициальным – гораздо больше (Yalçıntaş, Kaynak, Almaz 2011: 283), и с каждым годом эта цифра растёт.

Эффективность борьбы властей Турции с так называемым «курдским терроризмом» находилась на относительно невысоком уровне не только ввиду отсутствия какого-либо компромисса по курдскому вопросу, но и в связи с динамичным возникновением иных факторов террористической активности – внутренних и внешних, в равной степени оказывающих влияние на безопасность региона в целом и Турции в частности.

FETÖ: от сотрудничества к противостоянию

Помимо активности РПК, подрывающей стабильность государства, на внутривнутриполитической арене Турецкой Республики свои позиции укрепляло движение «фетхуллахистов», которое возглавлял некогда приближенный к Р.Т. Эрдогану влиятельный религиозный деятель и лидер организации FETÖ (Террористическая организация фетхуллахистов) Ф. Гюлен. В 2004 г. связываемыми с ним структурами на территории Турции был открыт Фонд гуманитарной помощи «Разве никого нет?», в 2005 г. – Конфедерация бизнесменов и промышленников Турции (TUSKON), а также мировую известность вскоре получили аффилированное с имамом движение «Хизмет» и так называемые «Образовательные центры Фетхуллаха» (FEM) (Bayraklı, Ulutaş 2018: 18). Именно Ф. Гюлен являлся сподвижником Р.Т. Эрдогана, который начинал свою политическую карьеру с происламских объединений и в начале своего профессионального пути как никогда нуждался в поддержке религиозных лидеров (Надеин-Раевский 2016: 23).

В 2013 г. после получившего широкую огласку коррупционного скандала в правительстве отношения лидера FETÖ с властями в значительной степени ухудшились ввиду того, что Р.Т. Эрдоган, занимающий в то время пост премьер-министра, обвинил своего соратника в создании «параллельного государства», однако первые преследования против организации со стороны Национальной разведывательной организации начались годом ранее, когда, по мнению руководства страны, были осуществлены первые попытки захвата власти (Miş, Aslan 2018: 389).

В соответствии с принятым на официальном уровне определением терроризма, организация FETÖ ещё в те годы могла бы оказаться в списке запрещённых, однако Р.Т. Эрдоган, занимавший тогда пост премьер-министра, судя по всему, стремился закрепить на внутривластном пространстве и «расчищать» дорогу перед выборами 2014 г. менее радикальными методами, постепенно устраняя от власти конкурентов. Незадолго до этих событий, к примеру, в рамках начатой идеологической борьбы с армией, которая исторически являлась гарантом светскости и начала затруднять реализацию «умеренно-исламистского» курса Р.Т. Эрдогана, в 2008 г. в Турции было запущено два уголовных процесса – «Бальоз» и «Эргенекон», сопровождавшихся арестами высокопоставленных военных (Miş, Aslan 2018: 183), обвинённых в попытке организации переворота и свержения правящей ПСР. Подконтрольные Ф. Гюлену организации в то же время начали планомерно вытесняться за пределы страны, что было вдвойне выгодно руководству Турции, с одной стороны, с точки зрения устранения деструктивных элементов во внутривластном пространстве, с другой – в плане расширения возможностей «мягкой силы» Турции руками Ф. Гюлена за рубежом.

Для ликвидации же джемаата Ф. Гюлена и связанных с ним структур из бюрократического аппарата страны у будущего президента Турции на тот момент было недостаточно властных полномочий. Ситуацию, вероятно, осложнял и тот факт, что с середины 1980-х гг. «фетхуллахисты» систематически встраивались в органы безопасности государства и оказывали непосредственное влияние на правоохранные институты, а также Полицию Турции и подконтрольные ей учреждения, ответственные в том числе за кадровую подготовку спецслужб (Şik 2017: 122–123).

При этом стоит отметить, что в то время, как ключевые западные коллеги Анкары – США и Европейский союз – не признают опасность FETÖ и рассматривают её скорее в качестве дополнительного рычага влияния на властную элиту Турции, Россия, напротив, стала одной из немногих стран, заявивших об угрозе для своей национальной безопасности связанных с «фетхуллахистами» проектов, большая часть которых несёт в себе идеологию пантюркизма. Так, например, в 2008 г. постановлением Верховного суда России было признано экстремистским турецкое религиозное движение «Нурджулар», а на территории ряда тюркоязычных субъектов страны закрыты школы, учреждённые членами вышеупомянутого движения «Хизмет» (Иванов 2014: 49).

Феномен международного терроризма: реакция Турции

Что касается внешних угроз, то после начала Вашингтоном антитеррористической кампании в ответ на серию террористических актов, осуществлённых в США в 2001 г., многие ближневосточные государства, граничащие с Турцией, стали убежищем для боевиков и иных террористических элементов. Под

«боевиками» в рамках данной статьи понимаются прежде всего нацеленные на осуществление террористических актов вооружённые «бойцы» различных террористических группировок, в том числе иностранные боевики-террористы (ИБТ). В этой связи стоит отметить, что на начальных этапах руководство Турецкой Республики старалось обезопасить себя и свои границы от растущей террористической угрозы, иногда принимая противоречивые с точки зрения союзнических обязательств перед США решения. Важнейшим проявлением этой политики стали действия турецкого руководства в период планирования Вашингтоном антииракской кампании в рамках провозглашённой Доктрины превентивной самообороны: в 2002 г. Великое национальное собрание Турции (ВНСТ) не поддержало план США по вторжению на север Ирака с помощью расположенных в Турции военных баз и других объектов военного назначения (Özdağ 2015: 447-448). Однако действия Анкары тогда лишь обострили турецко-американские отношения, не предотвратив распространения новых угроз.

Неизбежное в дальнейшем разрушение государственности Ирака стало причиной дестабилизации обстановки на турецко-иракской границе, а начавшаяся впоследствии «арабская весна» способствовала созданию международных террористических организаций, в том числе «Исламского государства» (ИГИЛ)¹³. По мере дальнейшей фрагментации ИГИЛ, а также распространения отделившихся от неё групп вглубь Ирака и Сирии, где высокий фактор террористической активности усугублялся в том числе и разразившейся гражданской войной, впоследствии переросшей в открытое столкновение международных государственных и негосударственных акторов, Турция оказалась особенно подвержена влиянию международного терроризма.

Начало международной террористической деятельности на территории Турции пришлось на 2003 г., когда в Стамбуле произошла серия терактов, осуществлённых группировкой «Аль-Каида»¹⁴. Однако борьба с терроризмом на данном этапе ограничилась лишь судебным разбирательством и последующим вынесением обвинений по тяжким уголовным преступлениям¹⁵. После этих событий Турция, вероятно ожидая поддержки от Соединённых Штатов в борьбе с террористическими элементами, постепенно начала проявлять политико-правовую солидарность с Вашингтоном. В 2005 г. «Аль-Каида» была провозглашена одной из главных угроз, предположительно отражённых в «Красной книге» Турции, куда также была внесена формулировка об угрозе международного терроризма¹⁶, весьма схожая с тезисами, фи-

¹³ Здесь и далее – террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁴ Здесь и далее – террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

¹⁵ El Kaide Davası'nın gerekçeli kararı. 2007. *Hürriyet*. 24.04.2007. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/el-kaide-davasinin-gerekceli-karari-6395450> (accessed 18.06.2022).

¹⁶ Гурьев А.А. 2005. Новая концепция национальной безопасности Турции. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/> (дата обращения 18.06.2022).

гулирующими в американской Стратегии национальной безопасности США от 2002 г.

В то время как официальная позиция Турции по вопросу и внутреннего, и международного терроризма стала чётко следовать прозападным догматам, часть турецкого общества видела первоисточник проблем именно в действиях американских коллег. Опрос общественного мнения, проведённый в августе 2005 г. в крупнейших городах страны, показал, что более 66% респондентов, признавая необходимость международного противостояния терроризму, считали источником его распространения политику США на Ближнем Востоке и, в частности, Д. Буша-младшего (Aras, Toktaş 2008: 66).

Тем не менее по мере развития событий на ближневосточном треке политика Турции в области антитеррористических инициатив всё больше тяготела к Западу, что было обусловлено рядом сопутствующих факторов. К моменту расцвета цветных революций в арабских странах на пространстве Ближнего Востока для Турции складывалась достаточно неблагоприятная картина: геополитическая концепция Анкары, осуществляемая под знамёнами дружбы и добрососедства, потерпела сокрушительное поражение. Во главу угла региональной политики Турции в лучших традициях реализма были поставлены национальные интересы (Oğuzlu 2012: 12), которые, однако, оказались труднодостижимыми без координации с Соединёнными Штатами. Кроме того, в зону влияния США Турцию также подтолкнула угроза трансформации внешних угроз во внутренние – ускоренное распространение вооружённых террористов в приграничные с Турцией районы вынуждали её активизировать антитеррористическое сотрудничество именно с Соединёнными Штатами, провозгласившими борьбу с международным терроризмом и рассматривавшими Турецкую Республику как опорную точку НАТО на Ближнем Востоке.

Опережая некоторые события, стоит подчеркнуть, что в этих действиях заключалась главная стратегическая ошибка Турции, ставшая катализатором планомерного ухудшения ситуации: вступление в «антитеррористический фронт» под предводительством США в надеждах обезопасить себя и параллельно решить актуальные проблемы в соседней Сирии не только не уменьшило уровень террористической угрозы, но и спровоцировало распространение организации ИГИЛ и других террористических групп, ранее угрожавших Турции «извне», во внутреннее пространство государства.

В 2013 г. власти Турции официально признали «Исламское государство» террористической организацией, закрыли 12 дернеков, аффилированных с ИГИЛ, и начали тщательные досмотры въезжающих на территорию Турции лиц, а также проверку аккаунтов социальных сетей (Facebook, Twitter и др.) на

¹⁷ The National Strategy of the United States of America 2002. *The White House*. P.5. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed 18.06.2022).

предмет осуществления пропаганды терроризма и вербовки населения¹⁸. Таким образом, вплоть до смены в стране президента, а затем и формы правления борьба Турецкой Республики с международным терроризмом ограничивалась превентивными мерами – несмотря на то, что опасность международного терроризма ощущалась, ИГИЛ долгое время не воспринималась властями всерьёз, и в открытую конфронтацию с членами организации Турция на том этапе предпочитала не вступать.

Новый президент – обновлённые подходы

Эпоха президентства Р.Т. Эрдогана, который возглавил Турецкую Республику в августе 2014 г., совпала с эпохой изменения политических ориентиров государства, а вместе с тем – с периодом коренной трансформации антитеррористической стратегии Анкары, которая, как и в прежние годы, осталась во многом подвержена внешнеполитическому курсу. Турция постепенно отдалялась от Запада в лице США и ЕС и все больше стремилась к Востоку, что в свою очередь отразилось на внутригосударственной и внешней политике страны в области обеспечения безопасности.

В значительной степени, к примеру, ужесточилась риторика президента страны относительно проблематики религиозного терроризма, которая ранее не так явно выносилась на повестку дня. В рамках начатой Р.Т. Эрдоганом политики по защите международного мусульманского сообщества президент Турции решительно осудил теракт в мечети в Новой Зеландии в 2019 г., выразив соболезнования «всему исламскому миру»¹⁹. Вместе с тем достаточно смелые и непозволительные для президента ранее заявления стали озвучиваться первым лицом Турции в отношении тех государств, политика которых не соответствует интересам Анкары. Так, например, за действия Тель-Авива в секторе Газа лидер Турции назвал Израиль «террористическим государством»²⁰. Другие перемены отразились прежде всего на пересмотре политических подходов к терроризму и различным организациям, а также на совершенствовании методов борьбы с угрожающими безопасности Турции террористическими элементами.

С точки зрения правовых подходов ситуация в целом осталась неизменной. Единственным нововведением стало принятие в 2015 г. в соответствии с Законом №3713 «О борьбе с терроризмом» постановления МВД Турции о присуждении специальных выплат лицам, сообщившим какую-либо ценную информа-

¹⁸ Türkiye'nin DEAŞ ile Mücadelesi. 2017. *T.C. İçişleri Bakanlığı*. P. 16, 53. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/lcSite/strateji/deneme/YAYINLAR/%C4%B0%C3%87ER%C4%B0K/deas%20en.pdf> (accessed 18.06.2022).

¹⁹ Президент Турции решительно осудил теракты мечетях в Новой Зеландии. 2019. ТАСС. 15.03.2019. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6220031> (дата обращения: 18.06.2022).

²⁰ Эрдоган назвал Израиль «террористическим государством». 2018. *Russia Today*. 14.05.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/news/513023-erdogan-izrail-terroristicheskoe-gosudarstvo> (дата обращения: 18.06.2022).

цию о разыскиваемых преступниках-террористах или готовящихся терактах²¹. Согласно данному документу, террористы в зависимости от тяжести преступлений, в реализации которых они задействованы, были классифицированы по пяти цветам – красному (наиболее опасные лица), синему, зелёному, оранжевому и серому. При ранжировании списков, в частности, учитывалось текущее положение преступника в террористической организации, совершенные им террористические акты, а также количество жертв и пострадавших в результате данной деятельности²².

Политика Р.Т. Эрдогана в отношении курдов

Что касается других изменений, то кризис в отношениях с Европейским союзом и исчезающая перспектива евроинтеграции существенно повлияли на политику турецкого руководства в отношении курдов, заставив правящую элиту вспомнить про «курдский терроризм», необходимость борьбы с данным явлением и одновременно с этим забыть про навыки демократии, выработанные в ходе многолетнего сотрудничества с Западом. Вопрос безопасности стал составной частью предвыборной кампании кандидатов от Партии справедливости и развития, и Р.Т. Эрдогана лично в ходе муниципальных и президентских выборов 2014 г.

Лозунги о мирном сосуществовании сменились речами о нарастающей угрозе. В те годы будущий лидер Турции практически на каждом митинге заявлял об опасности сепаратистской деятельности террористической РПК для единства страны, а также нередко вспоминал о «параллельном государстве», называя эту структуру главной проблемой Турецкой Республики (Göksu 2019: 611). При этом противодействие террористической угрозе постепенно начало восприниматься в политических кругах Турции не только как средство обеспечения национальной безопасности, но и как метод укрепления собственного влияния за счёт сплочения населения вокруг политиков и партий, нацеленных на решение проблемы, актуальность которой росла с каждым днём.

Так, например, антитеррористический дискурс впоследствии был использован правящей партией в ходе предвыборной агитации на парламентских выборах 2015 г., однако, по сравнению с выборной гонкой прошлых лет, акцент с конкретных организаций тогда полностью сместился в сторону терроризма как комплексного явления, представляющего угрозу для всех сфер жизни Турции. «У терроризма нет лица, нет языка, нет национальности, нет религии... А у нас нет страха», – гласит текст видеоролика, выпущенного Партией спра-

²¹ Terör listesi renkle kategorize edildi. 2015. *Habertürk*. 19.09.2015. URL: <https://www.haberturk.com/gundem/haber/1130581-teror-listesi-5-renkle-kategorize-edildi> (accessed 18.06.2022).

²² Kırmızı, mavi, yeşil, turuncu, gri kategori nedir? İşte aranan teröristlerin listesi. 2019. *TV100*. 17.05.2019. URL: <https://www.tv100.com/kirmizi-mavi-yesil-turuncu-gri-kategori-nedir-iste-aranan-teroristlerin-listesi-haber-458230> (accessed 18.06.2022).

ведливости и развития аккурат перед выборами и сопровождаемого хэштегом #BizimDeKorkumuzYok (*с тур. – У нас нет страха*)²³. Риторика представителей ПСР уже в те годы олицетворяла решимость властной элиты страны выступить в роли борца с терроризмом, а учитывая увеличение угроз, представленных международными террористическими группировками, была воспринята в обществе как вполне своевременная.

Под влиянием растущих амбиций турецкого руководства и перемен на внешнеполитической арене либеральная курдская политика вскоре после прихода к власти Р.Т. Эрдогана сменилась массовыми арестами и масштабными антитеррористическими операциями, направленными на предотвращение атак со стороны Рабочей партии Курдистана. В настоящее время в Турции укрепляется тенденция к предварительному обвинению курдов практически во всех совершённых террористических актах до проведения официального расследования, в связи с чем преследованиям со стороны правоохранительных органов практически ежедневно подвергаются десятки человек, впоследствии осуждённых за нарушение конституции и антитеррористического законодательства страны.

Особую огласку такого рода операции получают в информационном пространстве: турецкие СМИ – в целях отвлечения внимания населения от других внутривнутриполитических проблем, прежде всего экономических – пестрят публикациями о задержаниях предполагаемых членов РПК, предоставляя детальные данные о ходе задержания преступников и самих задержанных. Так, например, в период с сентября 2019 г. по февраль 2020 г. в результате спецопераций в ряде крупных провинций страны, включая Стамбул, Адану, Тунджели, Диярбакыр, Ван и ряд других, было задержано как минимум 80 человек, подозреваемых в членстве в РПК²⁴.

Отдельного внимания заслуживает политика властей Турции в отношении прокурдских объединений, которые не являются запрещёнными, однако также притесняются властями, поскольку рассматриваются в качестве крыла Рабочей партии Курдистана, способствующего запрещённой в стране деятельности. Особую известность в этом контексте получила прокурдская Демократическая партия народов (ДПН). В 2018 г. лидер партии С. Демирташ, который на тот момент времени уже отбывал наказание в тюрьме по обвинению в «членстве в террористической организации», был дополнительно осужден на четыре года и восемь месяцев за «пропаганду терроризма»²⁵. Под «пропагандой» в таких случаях, как правило, подразумевается упоминание РПК или основателя организации А. Оджалана в ходе публичных выступлений, которые расценивают-

²³ Bizim De Korkumuz Yok. 2015. *AK Parti*. 16.10.2015. URL: <https://www.akparti.org.tr/haberler/bizimde korkumuz yok/> (accessed 18.06.2022).

²⁴ PKK Operasyonu. *Hürriyet*. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/haberleri/pkk-operasyonu> (accessed 18.06.2022).

²⁵ Demirtaş'a tahliye kararı: Eski HDP liderinin tutukluluğu kalktı ancak hükümlü olarak cezaevinde. 2019. *BBC*. 01.09.2019. URL: <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-49557183> (accessed 18.06.2022).

ся властями как поощряющие деятельность организации²⁶. Более того, в 2021 г. Конституционный суд Турции принял к рассмотрению иск Генеральной прокуратуры о запрете данной ПНД на территории страны по обвинениям в «расколе между государством и народом»²⁷.

При этом оспорить подобные обвинения в суде достаточно сложно. Упомянутый ранее Закон о борьбе с терроризмом подразделяет деяния террористического характера на две группы: первая представляет собой проявления терроризма в общем понимании этого слова, а вторая – общеуголовные преступления, которые в отдельных случаях при наличии определённых признаков могут расцениваться как террористические²⁸, что позволяет властям государства причислять к террористам все лица и организации, хотя бы по минимальным признакам попадающие под нормативно закреплённое определение.

Терроризм «фетхуллахистов»

Тем не менее в наибольшей степени изменения в антитеррористической политике Турции затронули организацию FETÖ, которая стала признаваться властями в качестве террористической. Центральным событием во внутренней политике Турции с момента избрания президентом Р. Т. Эрдогана стала попытка осуществления государственного переворота в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., в организации которого власти обвинили Ф. Гюлена. Изначально сам факт военного путча был достаточно болезненно воспринят в правящих кругах ввиду того, что большое внимание в предвыборной программе правящей партии, как уже отмечалось, было уделено именно вопросу обеспечения безопасности и стабильности, который на время стал основой внутривнутриполитического процесса страны.

В то же время слабая организация и координация действий путчистов наряду с отсутствием реакции спецслужб позволяют сделать вывод о том, что эпизод с неудавшимся переворотом вполне вписывался в интересы президента Турции Р.Т. Эрдогана. Именно провал его осуществления предоставил главе Турецкой Республики возможность взять многие процессы в области безопасности под свой контроль и в каком-то смысле сплотить часть населения вокруг своей персоны. В этом контексте особенно интересным представляется рассмотрение событий, произошедших непосредственно после неудавшегося путча.

Во-первых, Р.Т. Эрдоган сразу же начал заявлять о том, что события 15-16 июля 2016 г. представляют собой заговор, а его участников необходимо наказать (при этом зачинщики мгновенно были определены и взяты под стражу).

²⁶ Demirtaş ve Önder'e Terör Örgütü Propagandası Suçlaması. 2016. *Amerika'nın Sesi*. 12.08.2016. URL: <https://www.amerikaninsesi.com/a/demirtas-ve-onder-e-teror-orgutu-propagandasi-suclamasi/3462258.html> (accessed 18.06.2022).

²⁷ Анкара пытается запретить оппозиционную прокурдскую партию. 2021. *Euronews*. 21.06.2021. URL: <https://ru.euronews.com/2021/06/21/turkey-constitutional-court-accepts-indicement-to-ban-hdp> (дата обращения: 18.06.2022).

²⁸ Законодательство Турции по борьбе с терроризмом. *Государственная Дума*. URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4397/14163> (дата обращения: 18.06.2022).

Во-вторых, за время осуществления переворота не погиб и даже не был взят в заложники ни один из турецких политиков и государственных деятелей, а среди приблизительно 250 человек погибшими числятся только сотрудники спецслужб и гражданские лица (Şık 2017: 70), что несвойственно для такого типа переворотов. Кроме того, после июльских событий по всей стране прокатилась волна массовых «чисток» в ряде государственных структур, а на посты задержанных были назначены сторонники и приближенные Р. Т. Эрдогана. Немаловажен и тот факт, что инцидент с переворотом впоследствии стал использоваться правящей элитой в качестве одного из предлогов для внесения пакета поправок в конституцию Турции, фактически нацеленных на укрепление вертикали власти. Референдум по вопросу изменения основного закона страны был проведён менее чем через год (ровно через девять месяцев) после июльских событий 2016 г. Таким образом, основные привилегии после такого рода «террористического акта» против турецкой государственности получил именно президент страны.

Вместе с тем переворот позволил лидеру Турции начать открытое противостояние с «фетхуллахистами». Не получив должной поддержки США как в ходе самого переворота, так и в вопросе экстрадиции Ф. Гюлена, проживающего в Пенсильвании, Р.Т. Эрдоган запустил по всей стране кампанию спецопераций под предлогом борьбы с террористической FETÖ, которые, однако, по своей сути больше напоминают «охоту на ведьм» во избежание усиления влияния на политическом пространстве конкурентов. Как заявил президент Турецкой Республики, ещё в первые дни после переворота в стране были арестованы 4060 человек (Надеин-Раевский 2017а: 125). В 2019 г. в интервью информационному агентству Anadolu по случаю третьей годовщины переворота, которая теперь ежегодно отмечается в знак общенациональной солидарности и единства, спикер ВНСТ М. Шентоп рассказал об успешной борьбе Турции с FETÖ как внутри страны, так и за её пределами. По словам М. Шентопа, президент Р.Т. Эрдоган в ходе своих зарубежных поездок выступает с призывами вести борьбу с FETÖ, и результатом такой деятельности стало признание некоторыми государствами данной организации как террористической²⁹.

Тем не менее, по мнению турецких аналитиков, несмотря на предпринимаемые правительством меры, полная ликвидация FETÖ представляется трудно-реализуемой задачей. Оставшиеся после «переворота» в Турции члены FETÖ вместо госструктур, вероятно, будут осуществлять попытки проникнуть в турецкое общество и найти своё место там. Часть из них изменит место жительства, а те, кто не смогут этого сделать, будут отрицать любую причастность к организации (Bayraklı, Ulutaş 2018: 156), что в значительной степени осложнит процесс их выявления и контроля.

²⁹ Akan A.K. TBMM Başkanı Şentop: Türkiye FETÖ'ye karşı başarılı bir mücadele yürüttü. 2019. *Anadolu Ajansı*. 12.07.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/15-temmuz-darbe-girisimi/tbmm-baskani-sentop-turkiye-fetoye-karsi-basarili-bir-mucadele-yuruttu/1529721> (accessed 18.06.2022).

При этом с точки зрения интересов Российской Федерации подобные столкновения «фетхуллахистов» с властной элитой Турции олицетворяют позитивную тенденцию как минимум по причине того, что такая политика так или иначе ослабляет ФЕТО как «сетевую» организацию, заинтересованную в том числе в распространении своей идеологии на территорию России.

«Исламское государство» в Турции

Ещё одним вектором внутренней антитеррористической политики Турции, который впоследствии экстраполировался и на внешнеполитическую плоскость, стала борьба с ИГИЛ, действия которой к моменту прихода к власти Р.Т. Эрдогана стали напрямую затрагивать интересы Турции. В 2014 г. члены ИГИЛ в ходе наступления на севере Ирака захватили консульство Турецкой Республики в Мосуле, взяв в заложники до 100 человек (Akad 2015: 268). При этом необходимо отметить, что даже после этих событий высшее руководство Турции пыталось применить политику «двойных стандартов» в отношении террористических структур.

Так, признавая «Исламское государство» террористической организацией, в соответствии с данными Министерства обороны России, Турция на протяжении определенного времени осуществляла закупку нефти у террористов, а глава МИД Сирии в 2015 г. заявил о том, что члены ИГИЛ получали вооружения и другие грузы через территорию Турции³⁰. Правительство Турции подобные обвинения всегда отрицало (Надеин-Раевский 2017б: 198), предположительно, надеясь на благосклонность к ней боевиков в обмен на взаимовыгодное партнёрство. Более того, с 2014 г. Турецкая Республика перестала предоставлять данные о численности иностранных боевиков-террористов турецкого происхождения как в Сирии, так и в Ираке, которых к тому времени неофициально насчитывалось более 5000 человек (Степанова 2020: 95–96). Однако впоследствии окрепшая группировка, членов которой, вероятно, не устраивали растущие амбиции Анкары в Сирии и Ираке, активизировала пропаганду терроризма в том числе и в отношении Турции. С 2015 г. стороны фактически вступили в открытое противостояние, в рамках которого Анкара в первую очередь преследовала цель не допустить формирования внутри и вовне Турции очередной «зоны нестабильности».

Р.Т. Эрдоган, на заре своей президентской деятельности ещё стремившийся получить какие-либо привилегии от партнёрства с Вашингтоном, вскоре вступил в прозападную антитеррористическую коалицию, возглавляемую Соединёнными Штатами. Этому решению способствовали участвовавшие столкно-

³⁰ Минобороны РФ: руководство Турции вовлечено в незаконное получение сирийской нефти от ИГ. 2015. ТАСС. 02.12.2015. URL: <https://tass.ru/politika/2491873> (дата обращения: 18.06.2022).

вения Турции с террористами в приграничных с Сирией районах. Невозможность обеспечить эффективный контроль над границей с Сирийской Арабской Республикой, протяжённость которой составляет более 900 км, а также недальновидная политика турецкого руководства привели к тому, что за 2015–2016 гг. на части сирийско-турецкой границы, контролируемой членами «Исламского государства», от бомбовых ударов погибло около 250 граждан Турции, а пострадало до 1500 человек (Balci 2017: 351).

Однако поддержка американской антитеррористической инициативы на сирийской земле не предотвратила рост террористической деятельности на территории Турецкой Республики. Начиная с 2014–2015 гг. Турцию захлестнула волна террористических актов, осуществлённых «Исламским государством». В общей сложности террористы ИГИЛ совершили в Турции около 14 крупных терактов, унёсших жизни 304 человек, из которых: 10 – атаки террористов смертников, три – вооружённые нападения и один взрыв³¹. Внутренние меры Турции по борьбе с представителями международного террористического крыла на протяжении нескольких лет традиционно включали в себя антитеррористические операции и массовые аресты, в особенности в приграничных с Сирией городах, таких как Килис и Газиантеп³², однако вскоре их оказалось недостаточно.

В условиях охлаждения отношений Турции с Вашингтоном, обусловленного отсутствием поддержки американскими коллегами Р.Т. Эрдогана во время инцидента с российским Су-24 и попытки переворота 2016 г., на внешнеполитической арене, Турецкая Республика начала уверенный переход к реализации «неоосманизма» – идеологии, предполагающей увеличение международного влияния Турции, в частности на пространстве бывшей Османской империи, и проведение независимого от других стран политического курса, одним из «архитекторов» которой является экс-министр иностранных дел и экс-премьер-министр государства А. Давутоглу (Davutoğlu 2011: 172). В вопросе борьбы с террористической угрозой ко всем перечисленным турецко-американским противоречиям вскоре добавилась поддержка силами США курдских формирований PYD/YPG в Сирии, что подтолкнуло руководство Турции активизировать ресурсы по разработке собственных контртеррористических инициатив не только внутри страны, но и на международной арене. К тому же после ряда внешнеполитических неудач по линии Анкара–Вашингтон, Анкара–Брюссель и Анкара–Москва Р.Т. Эрдоган нуждался в новых «победах», нацеленных на повышение собственного имиджа и имиджа правящей партии.

³¹ Türkiye'nin DEAŞ ile Mücadelesi. 2017. *T.C. İçişleri Bakanlığı*. P. 32. URL: <https://www.icisleri.gov.tr/kurumlar/icisleri.gov.tr/lcSite/strateji/deneme/YAYINLAR/%C4%B0%C3%87ER%C4%B0K/deas%20en.pdf> (accessed 18.06.2022).

³² Yeşiltaş M., Özdemir Ö.B., Öncel R., Düz S., Öztürk B. Sınırdaki Düşman: Türkiye'nin DAİŞ ile Mücadelesi. Rapor. SETA. P. 57. URL: <https://setav.org/assets/uploads/2016/06/sinirdaki-dusman-turkiyenin-dais-ile-mucadelesi-pdf.pdf> (accessed 18.06.2022).

Сирия и Ирак: арена для трансграничных операций Анкары

Наиболее эффективным методом, позволяющим решить сразу две актуальные для Турции задачи (повысить международный авторитет государства и обеспечить безопасность), стало проведение крупномасштабных антитеррористических военных кампаний на зарубежных территориях. Принципиальная особенность турецких трансграничных операций заключается в том, что они, как правило, проводятся в стратегически важных для Турции районах, ранее входивших в состав Османской империи, которые по этой причине автоматически рассматриваются властями как зона влияния Турецкой Республики. Другая отличительная черта таких кампаний – их нелегитимность с точки зрения международного права, которая объясняется отсутствием, во-первых, решения СБ ООН о вводе войск, во-вторых, официального приглашения зарубежного государства, следовательно, и каких-либо прав на осуществление военных миссий.

Каждая проведённая Турцией операция была реализована по волеизъявлению её правящих кругов, а не по запросу официального правительства государства, на территорию которого вводился военный контингент, вследствие чего Анкара подвергалась осуждению международного сообщества, включая своих некогда ближайших союзников в лице ЕС, США и, главное, Североатлантического альянса, не принявшего участия ни в одной из турецких кампаний. При этом в случае с Сирией Турция нередко оправдывает свои действия подписанным в 1998 г. Адаанским соглашением, предполагающим возможность введения турецких войск на территорию САР для борьбы с РПК, однако не принимает во внимание пункт о необходимости координации своих действий с официальным Дамаском³³, не признавая в правительстве Б. Асада законную сирийскую власть. Кроме того, президент Турции нередко озвучивает мысль о том, что турецкие войска находятся в Сирии по приглашению сирийского народа³⁴.

Прецедент вторжения Турции на территорию иностранного государства в период ПСР пришёлся на 2007 г., когда Анкара развернула спецоперацию по уничтожению членов РПК в приграничных с Ираком районах, в ходе которой были зафиксированы единичные случаи пересечения турецкими военными иракской границы. Широкомасштабное наступление было развёрнуто позднее, в 2015 г., когда ВС Турецкой Республики вошли в нефтеносные северные провинции Ирака, расположенные в зоне Иракского Курдистана, под предлогом подготовки формирований «Пешмерга» для борьбы с «Исламским государ-

³³ Дамаск обвинил Эрдогана в неверной трактовке Адаанского соглашения. 2020. *РИА Новости*. 05.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200205/1564290324.html> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁴ Эрдоган заявил, что сирийцы сами позвали турецкую армию в свою страну. 2020. *News.ru*. 29.02.2020 URL: <https://news.ru/near-east/erdogan-predlozhit-putinu-ostavit-ankaru-odin-na-odin-s-damaskom/> (дата обращения: 18.06.2022)

ством»³⁵. Однако и тогда, и в 2017 г., когда история с вводом войск повторилась, турецкая помощь Багдаду ограничилась нанесением ударов по курдским позициям³⁶. Кроме того, в 2019 г. на территории Ирака ВВС Турции была начата уже третья по счёту операция «Лапа», также направленная против находящихся на севере страны членов Рабочей партии Курдистана³⁷, а затем проведены операции «Коготь орла-1» и «Коготь орла-2», последняя из которых завершилась в феврале 2021 г.³⁸.

Похожая стратегия борьбы Турецкой Республики с терроризмом прослеживается и на сирийской земле. В 2016 г. после очередного теракта в турецком Газиантепе Р.Т. Эрдоган объявил о начале первой антитеррористической военной операции Турции в Сирии под названием «Щит Евфрата», нацеленной, по его словам, на борьбу с ИГИЛ и курдскими формированиями PYD/YPG³⁹. Реальной же целью внезапно начатой Турцией операции, как и всех последующих военных кампаний, было отеснение курдов от сирийско-турецкой границы, в особенности от бывших османских районов, богатых природными ресурсами.

Власти страны при этом утверждают, что Турецкая Республика никогда не была государством, которое осуществляло в отношении своих соседей политику империализма. Однако, когда речь заходит о защите границ, очерченных ещё «Национальным обетом», документом, который был ратифицирован последним османским парламентом, Турция, по их словам, не может остаться в стороне и в целях защиты своей государственности и предотвращения возникновения угрожающего безопасности приграничных районов нефтяного коридора вынуждена осуществлять подобные военные кампании (Çeçen 2018: 242), по своей сути и олицетворяющие империализм в новой форме. Вместе с тем некоторые турецкие эксперты придерживаются весьма амбициозной точки зрения, полагая, что турецкие операции, в частности «Щит Евфрата», не только помогли предотвратить возникновение террористического коридора в регионе, но и дали возможность Турции на своём примере продемонстрировать мировому сообществу эффективную модель борьбы с терроризмом (İnat, Aslan, Duran 2018: 333). Однако в международном сообществе существует альтернативное мнение о том, что действия Турецкой Республики против курдских PYD/YPG в Сирии не только не снижают уровень террористической угрозы, но и смещают

³⁵ Türkiye'nin Başika'da Yürüttüğü Eğitim Faaliyeti Hk. 2015. *T.C. Dışişleri Bakanlığı*. 08.12.2015. URL: http://www.mfa.gov.tr/no_-303_-8-aralik-2015_turkiye_nin-basika_da-yuruttugu-egitim-faaliyeti-hk_.tr.mfa (accessed 18.06.2022).

³⁶ Турция подтвердила воздушные удары по позициям курдов в Сирии и Ираке. 2017. *РИА Новости*. 25.04.2017. URL: <https://ria.ru/20170425/1493042138.html> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁷ Tetik Ü. Türkiye'nin Terörizmle Mücadelesinde Çoklu Öncelik Stratejisi. 2019. *SETA*. 03.12.2019. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-terorizmle-mucadelesinde-coklu-oncelik-stratejisi/> (accessed 18.06.2022).

³⁸ У Анкары длинные когти. Турция провела новую операцию в Ираке. 2021. *Коммерсантъ*. 15.02.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692088> (дата обращения: 18.06.2022).

³⁹ Erdoğan'dan 'Firat Kalkanı' harekâtı için ilk açıklama, Salih Müslim'e sert yanıt. 2016. *Cumhuriyet*. 24.08.2016. URL: <http://www.cumhuriyet.com.tr/haber/erdogandan-firat-kalkani-harekati-icin-ilk-aciklama-salih-muslim-e-sert-yanit-589838> (accessed 18.06.2022).

акцент этих формирований с борьбы против ИГИЛ на вынужденные ответные действия против Турции⁴⁰.

Важно отметить, что Турция на самом деле считает свои антитеррористические (в действительности – антикурдские) инициативы уникальными и, что наиболее важно, проводит активную пропаганду такой деятельности посредством SMM-технологий в информационном пространстве, «рекламируя» подобные свои проявления доброй воли во имя мира, борьбы с терроризмом и заодно во имя демонстрации своих военных возможностей. К примеру, на обложку одного из выпусков ежемесячного журнала «Бюллетень Турции»⁴¹, выпускаемого ПСР, был помещён коллаж, посвящённый начатой незадолго до этого операции «Источник мира», а в соцсетях мгновенно были распространены хэштеги, связанные с этим событием. Важно понимать, что данный случай – не единичный, и так происходит каждый раз, когда Генштаб Турции объявляет о начале очередных трансграничных манёвров.

Таким образом, на внешнеполитическом направлении Турция перешла к так называемой «стратегии нескольких приоритетов», в рамках которой провозгласила многовекторную борьбу с терроризмом, нацеленную на проведение постоянных антитеррористических кампаний⁴², которые, однако, также объясняются увеличением числа внерегиональных игроков на ближневосточном пространстве. Ввод ВКС России в Сирию в 2015 г. и деятельность в регионе Соединённых Штатов сильно ударили по амбициям «неоосманской» Турции, которая, играя на опережение, на случай развития сценария федерализации Сирийской Арабской Республики, стремилась в прямом смысле слова завоевать определённый сектор влияния.

По этой и другим причинам со времён «Щита Евфрата», завершившегося в марте 2017 г., в Сирии было проведено ещё три военных операции⁴³ – «Оливковая ветвь» в январе–марте 2018 г., «Источник мира» в октябре 2019 г. и «Весенний щит» в феврале–марте 2020 г., серьёзно осложнившая обстановку в регионе и российско-турецкое взаимодействие в области безопасности, которое в 2017-2018 гг. только получило импульс к развитию после инцидента со сбитым российским бомбардировщиком.

⁴⁰ Global Terrorism Index 2019. *The Institute for Economics and Peace*. P. 82. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (accessed 18.06.2022).

⁴¹ Türkiye Bülteni. 2019. *AK Parti*. V. 17. № 135. URL: https://www.akparti.org.tr/media/307746/turkiye_bulteni_11_19.pdf (accessed 18.06.2022).

⁴² Tetik Ü. Türkiye'nin Terörizmle Mücadelesinde Çoklu Öncelik Stratejisi. 2019. *SETA*. 03.12.2019. URL: <https://www.setav.org/turkiyenin-terorizmle-mucadelesinde-coklu-oncelik-stratejisi/> (accessed 18.06.2022).

⁴³ Türk Silahlı Kuvvetleri'nin Yaptığı Sınır Ötesi Askeri Harekatlar. 2019. *Uluslararası Politika Akademisi*. 22.11.2019. URL: <http://politikaakademisi.org/2019/11/22/turk-silahli-kuvvetlerinin-yaptigi-sinir-otesi-askeri-harekatlar/> (accessed 18.06.2022).

Россия–Турция: пример международного антитеррористического сотрудничества?

В свете событий, связанных с ростом противоречий между Анкарой, Вашингтоном и НАТО, а также изменившейся конфигурацией сил в Сирии, Турция осознала необходимость поиска новых союзников в антитеррористической борьбе и вскоре вышла на путь сотрудничества с Россией. Попытки установить российско-турецкое взаимодействие в области обеспечения безопасности предпринимались ещё в 1990-х гг. на фоне чеченских войн. Так, в 1992 г. между Россией и Турцией был подписан базовый Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики, статья 19 которого констатирует, что стороны выступают против террористических действий и намерены сотрудничать в области борьбы с международным терроризмом⁴⁴. В том же году МВД и ФСБ России начали осуществлять сотрудничество с МВД Турции, а в 1996 г. стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в борьбе с терроризмом⁴⁵.

Однако если учитывать неоднозначную политику Турции периода чеченских событий и тот факт, что в 2013–2014 гг. ряд лиц из стран Центральной Азии, желающих примкнуть к «оппозиции», ожидали переброски в Сирию именно на территории Турции (Звягельская 2014: 111), станет очевидна несерьёзность Анкары к такого рода сотрудничеству, проявленная ей на ранних этапах российско-турецкого взаимодействия. Переход «эрдогановской» Турции от политики партнёрства с Вашингтоном к Москве состоялся не сразу: после событий осени 2015 г. и восстановления приостановленных двусторонних контактов Россия постепенно начала вовлекать Турцию в орбиту своего влияния, способствуя созданию двусторонних и многосторонних механизмов безопасности и антитеррористического сотрудничества.

Одним из них стал «Астанинский формат» в составе России, Турции и Ирана, нацеленный в том числе на борьбу против ИГИЛ и других группировок. Кроме того, государства начали проводить регулярные переговоры между главами оборонных и других ведомств стран и координировать шаги по борьбе с террористической угрозой. Так, например, в июле 2021 г. Генеральная прокуратура России и Министерство юстиции Турции впервые подписали программу сотрудничества на 2021–2022 гг., затрагивающую в том числе взаимодействие в области борьбы с терроризмом⁴⁶. При этом ранее, в 2018 г., Россия и Турция

⁴⁴ Договор об основах отношений Российской Федерации и Турецкой Республики. *МИД России*. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-351/48617 (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁵ О сотрудничестве в области борьбы с терроризмом. 2003. *МИД России*. 27.09.2003. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/504690 (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁶ ГП России и Минюст Турции впервые подписали программу сотрудничества. 2021. *ТАСС*. 08.07.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11856109> (дата обращения: 18.06.2022).

подписали Меморандум о стабилизации обстановки в зоне деэскалации в сирийском Идлибе, предусматривающий вывод из региона боевиков⁴⁷, а в 2019 г. – Меморандум о взаимопонимании, согласно которому стороны договорились и далее противостоять терроризму, а также вывести курдские освободительные силы из Манбиджа и Таль-Рифата⁴⁸.

Однако реализация условий документов несколько затянулась. В феврале 2020 г. Р.Т. Эрдоган, по всей видимости решивший пойти ва-банк, вступил в противостояние с сирийской армией, а Россия в ответ обвинила Турцию в невыполнении взятых на себя обязательств и поддержке боевиков артиллерией⁴⁹. Несмотря на то, что позднее, в ходе длительных переговоров, стороны условились прекратить боевые действия, создать в Сирии коридор безопасности и начать в регионе совместное патрулирование⁵⁰, данные события в очередной показали, что сотрудничество Москвы и Анкары в области безопасности не лишено противоречий.

Помимо разных целей в Сирии, проблема главным образом заключается в разных политико-правовых подходах государств к террористическим группировкам. Антитеррористическая миссия России состоит в борьбе с такими организациями, как ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра»⁵¹ и связанными с ними элементами. Турция, напротив, прежде всего нацелена на ликвидацию формирований РYD/YPG и только после этого – на уничтожение «Исламского государства», что осложняет процесс двустороннего сотрудничества. Таким образом, если цель – победить терроризм – в общих чертах у государств совпадает, то трактовка понятия «терроризм» существенно отличается. Кроме того, Турцию не устраивает позиция Москвы по отношению к курдским организациям, которые на территории России террористическими не только не признаются, но и, более того, рассматриваются в качестве партнёров по политическому диалогу. При этом сама Турция всегда активно сотрудничала и продолжает сотрудничать с «Братьями-мусульманами»⁵², идеологические воззрения которых расцениваются как террористические уже на территории Российской Федерации.

Сюда же можно отнести проблему функционирования в Турции ряда ультраправых экстремистских националистических организаций, угрожающих безопасности России в широком смысле – начиная от территориальной целост-

⁴⁷ Заявления для прессы по итогам российско-турецких переговоров. 2018. *Президент России*. 17.09.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58574> (дата обращения: 18.06.2022).

⁴⁸ Меморандум о взаимопонимании между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. 2019. *Президент России*. 22.10.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5452> (дата обращения 18.06.2022).

⁴⁹ Турция продолжает поддержку боевиков в Идлибе ударами по военным Сирии. 2020. *РИА Новости*. 27.02.2020. URL: <https://ria.ru/20200227/1565301013.html> (дата обращения 18.06.2022).

⁵⁰ Дополнительный протокол к Меморандуму о стабилизации обстановки в зоне деэскалации Идлиб от 17 сентября 2018 г. 2018. *МИД России*. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_safety/regprla/-/asset_publisher/YCXLFFJnKuDIW/content/id/4072593 (дата обращения: 18.06.2022).

⁵¹ Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

⁵² Террористическая организация, запрещённая на территории Российской Федерации.

ности и заканчивая угрозой подрыва национального единства. В этой связи стоит особенно отметить пантюркистскую организацию «Бозкурт» («Серые волки»), в частности задействованную в эпизоде с убийством пилота российского Су-24⁵³, за что в Совете Федерации предложили рассмотреть вопрос о признании организации в качестве террористической в России⁵⁴.

Имеющиеся проблемы в разделении группировок на террористические и не имеющие отношение к терроризму также отчётливо проявились в ходе процесса формирования Конституционного комитета Сирии, когда государства долгое время не могли согласовать список его участников и отделить террористические группы от оппозиции и других сторон конфликта, предоставив окончательный список лиц лишь к декабрю 2018 г. Тем не менее позитивная тенденция современного российско-турецкого антитеррористического сотрудничества заключается в его продолжении и желании сторон найти компромисс вне зависимости от осложняющей процесс ситуации.

Однако описанные выше противоречия позволяют сделать вывод о том, что эффективность двустороннего сотрудничества России и Турции будет полностью зависеть от дальнейших шагов двух государств. «Неоосманская» политика современной Турции, на сирийском кейсе демонстрирующая, что Анкара не готова отдавать лавры победителя международного терроризма России или ещё кому-либо, однозначно не соответствует интересам Москвы, по причине чего для сглаживания потенциально конфликтных точек обеим сторонам ещё предстоит проделать большую работу на этом направлении.

* * *

В период нахождения у власти в Турции Партии справедливости и развития, эпоха правления которой характеризуется проведением ряда реформ, условная «стратегия» борьбы Турции с терроризмом подверглась кардинальным изменениям. Несмотря на то, что она так и не нашла комплексного отражения в незасекреченных стратегических документах, анализ деятельности руководства государства в области контртеррористических инициатив позволяет сделать некоторые выводы.

Во-первых, политика Турецкой Республики в области борьбы с терроризмом на разных этапах была и остаётся особенно чувствительной к внешнеполитическим переменам, что, в свою очередь, обуславливает её эфемерность и весьма слабую эффективность. В условиях относительно частой корректировки внешнеполитической линии Турция регулярно меняет «правила игры», сосредотачивая ресурсы на борьбе то с одними элементами, то с другими, которые

⁵³ Хроника удара: каким был последний полёт российского Су-24. 2015. *Russia Today*. 24.11.2015. URL: <https://russian.rt.com/world/article/335231-su-24-rossiya-turciya> (дата обращения: 18.06.2022).

⁵⁴ В СФ просят признать террористической турецкую организацию «Боз Гурд». 2015. *РИА Новости*. 30.11.2015. URL: <https://ria.ru/20151130/1332901370.html> (дата обращения: 18.06.2022).

в удобное для властей время внезапно становятся террористическими. Показательным примером в этом плане является признание «Движения Ф. Гюлена» (ФЕТÖ), созданного ещё в конце 1960-х гг., террористической организацией именно в 2014 г.⁵⁵ после прихода к власти Р.Т. Эрдогана и его обвинений в адрес «фетхуллахистов» в попытках узурпации власти.

Более того, история знает случаи, когда объективность «антитеррористических» инициатив руководства Турции ставилась под сомнение, а вынесенные приговоры даже оспаривались в высших международных судебных инстанциях. Так, например, в 1999 г. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) счёл «противоречащим свободе выражения мнений, которая гарантируется Европейской конвенцией о правах человека», приговор по делу «Джейлян против Турции»⁵⁶, объявленный в 1993 г. Стамбульским судом национальной безопасности. В рамках него за «подстрекательство к терроризму» был осуждён (а в последствии и приговорён к одному году и восьми месяцам лишения свободы) профсоюзный лидер М. Джейлян – автор статьи «Пришло время высказаться рабочим – завтра будет поздно», опубликованной в 1991 г. в газете *Yeni Ülke*, в которой власти Турции, обвиняемые им в государственном терроризме и геноциде курдов, усмотрели разжигание ненависти и вражды, а также призывы к возмездию⁵⁷. ЕСПЧ же состава преступления не нашёл, что подтверждает теорию о том, что задержание М. Джейляна являлось попыткой исключить из политических процессов лидеров общественного мнения, поддерживающих курдское меньшинство, которое именно в 1993 г. (год вынесения приговора) объявило о намерении создать автономию. Сегодня же ярким примером подобной необъективности являются вышеупомянутые преследования в отношении лидера прокурдской ДПН С. Демирташа.

Такая непоследовательность в итоге приводит не к минимизации угроз, а к их дальнейшему росту. Кроме того, прочно укоренившаяся практика соотношения внешней политики страны с антитеррористической стратегией, вероятно, является одной из причин отсутствия у Турции общедоступной нормативной концепции в области обеспечения национальной безопасности и борьбы с терроризмом, отражающей долгосрочные задачи страны на данном направлении. Эта особенность в свою очередь делает Турцию достаточно сложным партнёром для сотрудничества в области безопасности с точки зрения других международных игроков и прогнозирования возможного изменения поведения Турции.

⁵⁵ 10 Questions to Understand 15 July Coup Attempt and Fetullah Terrorist Organization. *Secretariat General of the Presidency of the republic of Turkey*. P. 22. URL: https://www.tccb.gov.tr/assets/dosya/15Temmuz/onsorudafeto_tr_en.pdf (accessed 18.06.2022).

⁵⁶ Обзор дел о терроризме. *Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности*. P. 46. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Digest_of_Terrorist_Cases/Russian.pdf (accessed 18.06.2022).

⁵⁷ *Ceylan v. Turkey, European Court of Human Rights*. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22002-6560%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22002-6560%22]}) (accessed 18.06.2022).

Во-вторых, с течением времени в значительной степени претерпела изменения модель борьбы Турции с терроризмом. На ранних этапах деятельности ПСР, в условиях партнёрства с Западом, эта борьба имела более естественный характер и осуществлялась в большей степени вынужденно – прежде всего в целях обеспечения безопасности государства, а также сохранения территориальной целостности страны и предотвращения возникновения на её территории курдских анклавов. С избранием на пост президента Р.Т. Эрдогана и его «поворотом на Восток» акцент с безопасности де-факто сместился в сторону – антитеррористическая деятельность стала восприниматься в первую очередь как возможность для укрепления региональных и надрегиональных позиций страны, обусловленных не всегда оправданными «неоимперскими» амбициями главы государства.

По всей видимости, Партия справедливости и развития во главе с её лидером Р.Т. Эрдоганом стремится повторить успех прошлых лет или как минимум создать иллюзию такого успеха. Подобно тому, как в начале 2000-х гг. ПСР отличалась заслугами в области стабилизации экономической ситуации, теперь, по замыслу президента, правящая элита в его же лице должна закрепиться на страницах истории Турции в роли миротворца, внёсшего особый вклад в общее дело по противодействию международной террористической угрозе. При этом стоит отметить, что если на начальном этапе реализации антитеррористической политики действия Турции встречали поддержку Европейского союза и Соединённых Штатов, на лояльность которых она и была рассчитана, то современные инициативы Турецкой Республики, в частности незаконные с точки зрения международного права военные операции, подрывающие международную стабильность, вызывают скорее негативную реакцию мирового сообщества и на внешнеполитическом треке пока что приносят Турции больше поражений, чем побед. В то же время на внутривнутриполитической арене тематика борьбы с терроризмом, напротив, активно используется ПСР в ходе предвыборных кампаний и остаётся одним из её ключевых инструментов для консолидации значимой части населения вокруг правящей партии.

По этой причине в дальнейшем Турция, вероятно, либо сохранит статус-кво в этом вопросе и продолжит свою политику, несмотря на угрозу оказаться в международной изоляции, либо, что наиболее вероятно, спустя какое-то время будет вынуждена вновь адаптировать политику в области борьбы с терроризмом к стандартам своего внешнеполитического курса. В условиях, когда у Турции нет чётких ориентиров, а западные государства не смогли удержать Анкару в зоне своего влияния, у России есть возможность занять эту нишу, предложив государству такую модель совместной антитеррористической борьбы, которая бы соответствовала интересам Российской Федерации и при этом, могла быть выгодна Турции.

Об авторах:

Владимир Алексеевич Аватков — доктор политических наук, заведующий Отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: v.avatkov@gmail.com

Алина Игоревна Сбитнева — научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: a_sbitneva@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327, 323
Received: March 03, 2022
Accepted: June 11, 2022

Transformation of Turkey's Anti-Terrorism Policy under the AKP

V.A. Avatkov, A.I. Sbitneva

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-143-174)

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: In the era of new challenges and threats, the most dangerous of which has occurred terrorism, the Republic of Turkey becomes one of the key centers of power in the Middle East and pursues the goal to create a regional security architecture around itself as well as to counter various terrorist organizations. The aim of the research is to scrutinize the peculiarities of Ankara's anti-terrorism policy both – inside and outside the country – and its political and legal approaches to understanding the phenomenon of terrorism and methods of its combating.

The study of Russia and Turkey's aspects of interaction is of particular importance. This issue seems to be especially relevant in the scope of strengthening of Russian-Turkish cooperation in recent years including the field of combating terrorism, ensuring global and regional security, and maintaining international stability. As a result of quantitative content analysis of President R.T. Erdogan's public speeches and the use of general scientific research methods, the authors conclude that the fight against terrorist threat, especially the so-called "Kurdish terrorism", is a matter of great importance for the country's leadership. At the same time Turkey's anti-terrorist activity has certain specifics and is characterized by Ankara's desire to lead anti-terrorist missions in different parts of the world and using a predominantly militaristic approach to solving the problem. This approach primarily consists in conducting cross-border anti-terrorist military operations on the neighboring states' territories. However, the military campaigns that have become an integral part of Turkey's anti-terrorism policy in many respects do not contribute to the demolishing of terrorist elements. Instead of that such operations on the contrary become an extra destabilizing factor in the Middle

East. Besides that, due to the peculiarities of Turkey's interpretation of the concept of "terrorism" and its policy's implementation, Ankara's foreign anti-terrorism actions in most cases are limited to the realization of its own interests but not to achieving the goals set within the framework of the ongoing campaigns.

Keywords: terrorism, terrorist organizations, Middle East, Turkey, R.T. Erdogan, Justice and Development Party, Kurdistan Workers' Party (PKK), PYD/YPG, Fethullahist Terror Organization (FETÖ), Kurds, anti-terrorist operations

About the authors:

Vladimir A. Avatkov — Doctor of Political Science, Head of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 117418, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21.
E-mail: v.avatkov@gmail.com

Alina I. Sbitneva — Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 117418, Moscow, Nakhimovsky Avenue, 51/21.
E-mail: a_sbitneva@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Akad M.T. 2015. *Tarihten Bugüne Gayrinizami Savaş* [Informal War from History to the Present]. Istanbul: Kastaş Yayınevi. 288 p. (In Turkish)
- Alan E. 2016. *Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet* [Terror-PKK. 40 Years of Betrayal]. Ankara: Bilgi Yayınevi. 262 p. (In Turkish)
- Altındağ N. 2020. Türkiye'nin PKK Bölücü Terör Örgütü ile Mücadelesine Dair bir Analiz [The Analysis of Turkey's Fight Against the PKK Separatist Terrorist Organization]. *Journal of Anadolu Strategy*. 2(1). P. 33-47. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/993218> (In Turkish)
- Aras B., Toktaş Ş. 2008. El-Kaide, "Teröre Karşı Savaş" ve Türkiye [Al-Qaeda, "The War Against Terror" and Turkey]. *Stratejik Araştırmalar Dergisi*. №12. P. 60-70. URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf (In Turkish)
- Avcı N., Demir C.K. 2017. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Bilimsel Bir Analiz [Terrorism Studies: a Scientific Analysis of Research in Turkey]. *A Journal of Foreign Policy and Peace*. 13(26). P. 1-44. URL: https://gsd.msu.edu.tr/Content/sayilar/dokuman/GSD_26/GSD_26_Art_1_102017.pdf DOI: 10.20991/allazimuth.321155 (In Turkish)
- Balcı A. 2017. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar* [Turkish Foreign Policy: Principles, Actors and Practices]. Istanbul: Alfa. 400 p. (In Turkish)
- Bayraklı E., Ulutaş U. 2018. *FETÖ'nün Anatomisi* [Anatomy of FETO]. Istanbul: SETA Kitapları. 181 p. (In Turkish)
- Bila F. 2016. *İdeolojik Kodlarıyla Kağıt Üstündeki PKK* [PKK on Paper with its Ideological Codes]. Istanbul: Doğan Kitap. 216 p. (In Turkish)
- Çakır N. 2013. *Türkiye'nin Güvenliği ve Terörizm* [Turkey's Security and Terrorism]. Ankara: Korza Yayıncılık. 384 p. (In Turkish)

Çeçen A. 2018. *Türkiye ve Ortadoğu* [Turkey and the Middle East]. İstanbul: Destek Yayınları. 440 p. (In Turkish)

Davutoğlu A. 2011. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu* [Strategic Depth: Turkey's International Position]. İstanbul: Küre Yayınları. 559 p. (In Turkish)

Göksu O. 2019. AK Parti'nin Seçim Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi [AK Party's Election Strategies and Political Campaigns: 2002-2014 Period Analysis]. *Turkish Studies*. 14(3). P. 589-621. URL: <http://turkishstudies.net/files/turkishstudies/6d2b30d2-3a26-42dc-b0aa-e402750f3a26.pdf> DOI: 10.29228/TurkishStudies.22907 (In Turkish)

Inat K., Aslan A., Duran B. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Dış Politika* [The AK Party from its Foundation to the Present Time. Foreign Policy]. İstanbul: SETA Kitapları. 552 p. (In Turkish)

Miş N. Aslan A. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti. Siyaset* [The AK Party from its Foundation to the Present Time. Politics]. İstanbul: SETA Kitapları. 466 p. (In Turkish)

Oğuzlu T. 2012. Komşularla Sıfır Sorun Politikası: Kavramsal bir Analiz [Zero-Problem Policy with Neighbors: a Conceptual Analysis]. *Ortadoğu Analiz*. 4(42). P. 8-17. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1tarikoguzlu.pdf (In Turkish)

Özdağ Ü. 2015. *Milli Güvenlik Teorisi* [National Security Theory]. Ankara: Kripto Kitaplar. 459 p. (In Turkish)

Şık A. 2017. *İmamın ordusu* [Imam's Army]. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi. 384 p. (In Turkish)

Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. 2011. *Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör Nasıl Bitirilir?* [Terror and Turkey on the International Axis. How to End Terror?] İstanbul: Nokta Yayınları. 344 p. (In Turkish)

Ivanov V.V. 2014. Dvizhenie Fetkhullakha Gyulena v Rossii i stranakh SNG [The Fethullah Gulen Movement in Russia and the CIS Countries]. *Musul'manskii mir*. №3. P. 49-82. (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2016. Ideinaya bor'ba i novaya Turtsiya [Ideological Struggle and a New Turkey]. *MGIMO Review on International Relations*. 2(47). P. 22-31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31 (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2017a. Ekstremizm i terrorism v sovremennoi Turtsii [Extremism and Terrorism in Modern Turkey]. *Pathways to Peace and Security*. 1(52). P. 182-204. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-182-204 (In Russian)

Nadein-Raevskii V.A. 2017b. *Popytka voennogo perevorota i transformatsiya rezhima v Turtsii* [Military Coup Attempt and Regime Transformation in Turkey]. Zapad – Vostok – Rossiya. D.B. Malysheva, V.G. Khoros (eds). Moscow: IMEMO RAN. 194 p. (In Russian)

Stepanova E.A. 2020. *IGIL i fenomen inostrannykh boevikov-terroristov v Sirii i Irake* [ISIS and the Phenomenon of Foreign Terrorist Fighters in Syria and Iraq]. Moscow: IMEMO RAN. 198 p. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3 (In Russian)

Vertyaev K.V., Ivanov S.M. 2015. *Kurdskii natsionalizm: Istoriya i sovremennost'* [Kurdish Nationalism: History and Present State]. Moscow: Lenand. 325 p. ISBN: 978-5-9710-2049-3 (In Russian)

Zvyagel'skaya I.D. 2014. *Blizhnevostochnyi klinch: konflikty na Blizhnem Vostoke i politika Rossii* [The Middle East Clinch: Conflicts in the Middle East and Russian Policy]. Moscow: Aspekt Press. 208 p. (In Russian)

Список литературы на турецком языке:

- Akad M.T. 2015. *Tarihten Bugüne Gayrinizami Savaş*. İstanbul: Kastaş Yayınevi. 288 p.
- Alan E. 2016. *Terör-PKK. 40 Yıllık İhanet*. Ankara: Bilgi Yayınevi. 262 p.
- Altındağ N. 2020. Türkiye'nin PKK Bölücü Terör Örgütü ile Mücadelesine Dair bir Analiz. *Anadolu Strateji Dergisi*. 2(1). P. 33-47. URL: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/993218>
- Aras B., Toktaş Ş. 2008. El-Kaide, "Teröre Karşı Savaş" ve Türkiye. *Stratejik Araştırmalar Dergisi*. №12. P. 60-70. URL: https://tasam.org/Files/Icerik/File/el-kaide_terore_karsi_savas_ve_turkiye_49f12742-1956-4087-9518-c93135989a6e.pdf
- Avcı N., Demir C.K. 2017. Terörizm Çalışmaları: Türkiye'deki Araştırmalara İlişkin Bilimsel Bir Analiz. *Güvenlik Stratejileri Dergisi*. 13(26). P. 1-44. URL: https://gsd.msu.edu.tr/Content/sayilar/dokuman/GSD_26/GSD_26_Art_1_102017.pdf DOI: 10.20991/allazimuth.321155
- Balcı A. 2017. *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar*. – İstanbul: Alfa. 400 p.
- Bayraklı E., Ulutaş U. 2018. *FETÖ'nün Anatomisi*. İstanbul: SETA Kitapları. 181 p.
- Bila F. 2016. *İdeolojik Kodlarıyla Kağıt Üstündeki PKK*. İstanbul: Doğan Kitap. 216 p.
- Çakır N. 2013. *Türkiye'nin Güvenliği ve Terörizm*. Ankara: Korza Yayıncılık. 384 p.
- Çeçen A. 2018. *Türkiye ve Ortadoğu*. İstanbul: Destek Yayınları. 440 p.
- Davutoğlu A. 2011. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları. 559 p.
- Göksu O. 2019. AK Parti'nin Seçim Stratejileri ve Siyasal Kampanyaları: 2002-2014 Dönemi Analizi. *Turkish Studies*. 14(3). P. 589-621. URL: <http://turkishstudies.net/files/turkishstudies/6d2b30d2-3a26-42dc-b0aa-e402750f3a26.pdf> DOI: 10.29228/TurkishStudies.22907
- İnat K., Aslan A., Duran B. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti*. Dış Politika. İstanbul: SETA Kitapları. 552 p.
- Miş N. Aslan A. 2018. *Kuruluşundan Bugüne AK Parti*. Siyaset. İstanbul: SETA Kitapları. 466 p.
- Oğuzlu T. 2012. Komşularla Sıfır Sorun Politikası: Kavramsal bir Analiz. *Ortadoğu Analiz*. 4(42). P. 8-17. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/1tarikoguzlu.pdf
- Özdağ Ü. 2015. *Milli Güvenlik Teorisi*. Ankara: Kripto Kitaplar. 459 p.
- Şık A. 2017. *İmamın ordusu*. İstanbul: Kırmızı Kedi Yayınevi. 384 p.
- Yalçıntaş N., Kaynak M., Almaz A. 2011. *Uluslararası Eksende Terör ve Türkiye. Terör Nasıl Bitirilir?* İstanbul: Nokta Yayınları. 344 p.

Список литературы на русском языке:

- Вертяев К.В., Иванов С. М. 2015. *Курдский национализм: История и современность*. Москва: Ленанд. 325 с.
- Звягельская И.Д. 2014. *Ближневосточный клинч: конфликты на Ближнем Востоке и политика России*. Москва: Аспект Пресс. 208 с.
- Иванов В.В. 2014. Движение Фетхуллаха Гюлена в России и странах СНГ. *Мусульманский мир*. №3. С. 49-82.

Надеин-Раевский В.А. 2016. Идеиная борьба и новая Турция. *Вестник МГИМО Университета*. 2(47). С. 22-31. DOI: 10.24833/2071-8160-2016-2-47-22-31

Надеин-Раевский В.А. 2017а. *Попытка военного переворота и трансформация режима в Турции*. Запад – Восток – Россия. Отв. ред.: Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос. Москва: ИМЭМО РАН. 194 с.

Надеин-Раевский В.А. 2017б. Экстремизм и терроризм в современной Турции. *Пути к миру и безопасности*. 1(52). С. 182-204. DOI: 10.20542/2307-1494-2017-1-182-204

Степанова Е.А. 2020. *ИГИЛ и феномен иностранных боевиков-террористов в Сирии и Ираке*. Москва: ИМЭМО РАН. 198 с. DOI: 10.20542/978-5-9535-0583-3

To Be or Not To Be: Twitter Presence among Turkish Diplomats

H. Mehmetcik¹, E. Salihi²

¹ Marmara University, Istanbul, Turkey

² Niğde Ömer Halisdemir University, Niğde, Turkey

Abstract: The article studies Turkey's twiplomacy - how Turkish diplomats use Twitter in performing their diplomatic outreach and public diplomacy. The literature review shows that there is a lack of a comprehensive large N study of Turkey's twiplomacy. The article fills in this gap by collecting and analyzing data set of Twitter posts by 76 diplomats from 2010 to 2020. It helps understand how and to what extent Turkish diplomats maintain their presence on Twitter. We achieve this goal using two groups of methods. Firstly, we derive descriptive statistics for several user metrics including raw numbers of tweets per user and per date as well as retweet, reply, and like counts per user. Secondly, we analyze content of tweets through calculation of their sentiment scores. The main findings indicate that the Twitter presence of Turkish diplomats is relatively limited and reliant on a few prominent figures. Though Turkish diplomats are selected from well-educated individuals who can make the greatest use of available opportunities provided by social media, relatively few of them are active on Twitter. Another significant conclusion is that Turkey's twiplomacy is inconsistent and driven by individuals rather than a part of a wider strategy or framework. Online activities of different state institutions are not synchronized for efficient use of social media and so-called twiplomacy. Finally, according to the results of the content analysis, Turkish diplomats usually employ positive language in their tweets, as seen by the most frequently used terms, related emotions, and sentiment scores. It confirms the idea that Turkish diplomats tend to promote messages demonstrating Turkey's endorsement of international cooperation.

Keywords: Social Media Analysis, Twitter Analytics, Turkish Foreign Policy, twiplomacy

The most dramatic changes are likely to emerge as new technologies continue to transform businesses, institutions, governments and all the various relationships that exist among and between them¹. It has been observed that new tech-

¹ Slaughter A.M. 2011. A new theory for the foreign policy frontier: Collaborative power. *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/a-new-theory-for-the-foreign-policy-frontier-collaborative-power/249260/> (accessed 23.06.2022)

UDC 327.8

Received: November 12, 2021

Accepted: March 15, 2022

nologies, especially in the field of communication, have already greatly changed the relationships between citizens and governments, and those of states with each other². In this new area, social media and its analysis are rapidly developing topics. Social media is defined as platforms that allow users to create and share information globally (Gupta, Brooks 2013). In this way social media is a phenomenon that has recently spread rapidly throughout the world, and this is a vital trend to be considered in all research fields, including international relations and foreign policy analysis.

In this context the notion of public diplomacy, which dates back to the second part of the twentieth century, has taken new directions and gained prominence. Edmund Guillon is considered to be the person who coined the term in 1965 (Collins, DeWitt, LeFebvre 2019: 80), and although there are various definitions of public diplomacy, most contain similar elements (Dumčiuvienė 2016: 96). Public diplomacy is “...direct communication with foreign peoples with the aim of affecting their thinking and, ultimately, that of their governments” (Malone 1985: 199). States can use a variety of public diplomacy tools to engage in direct communication with foreign publics in order to persuade selected sections of foreign opinion to support or tolerate a government's strategic priorities. However, among these instruments, information and communication technologies have grown in importance in recent years. Television, radio, the Internet, computers, tablets, smartphones, and social media make global communication easier than it has ever been, allowing both developed and developing countries to communicate with each other (Adesina 2017: 2). The use of information and communication technologies by governments as a foreign policy tool is called digital diplomacy. Digital diplomacy is considered a form of public diplomacy and is often referred to as ‘diplomacy 2.0’ or ‘net diplomacy’, inspired by Web 2.0³. Digitalization in diplomacy brings new dimensions to diplomats’ and politicians’ communication with society.

The Internet is changing ways of communication, with increasing numbers of people using social media to share information with other people. There are more than 6.5 billion active accounts on social media outlets such as Facebook, Instagram, Twitter, TikTok, Pinterest, LinkedIn, and Snapchat⁴. The use of social media for communication between individuals in large numbers motivated politicians to make use of this arena as well. Barack Obama forged his election campaign around digital rather than traditional media and achieved positive results (Collins et al. 2019: 81). The power of social media during the Arab Uprisings was a remarkable example in the context of

² Schipani A., Pilling D., & Munshi N. 2021. Youth vs the gerontocrats: A potent political force tests Africa's ageing rulers. *Financial Times*. Retrieved from <https://www.ft.com/content/b9198e0f-379c-4c80-9171-58e1c820e655> (accessed 23.06.2022).

³ Manor I. 2017. The Digitalization of Diplomacy: Toward Clarification of a Fractured Terminology. 9 August 2020. *Digital Diplomacy*. <https://digdipblog.com/2017/08/08/the-digitalization-of-diplomacy-toward-clarification-of-a-fractured-terminology/> (accessed 23.06.2022).

⁴ Bagadiya J. 2021. 367 Social Media Statistics You Must Know In 2021. 28 May 2021. *Social Pilot*. <https://www.socialpilot.co/blog/social-media-statistics> (accessed 23.06.2022).

social movements. As states have realized the opportunities offered by the Internet in the field of public diplomacy, they have started to make efforts to use it more effectively. In particular, official social media accounts are increasingly used by foreign ministries as tools for presenting and shaping their country's image around the world (Bjola 2015: 7).

Today, ministers, embassies, ambassadors, and other officials use social media platforms to communicate with the wider public. In an era of widespread disinformation and fake news, ambassadors actively use online social networking platforms to promote their countries' official narratives (Khan, Ittefaq, Pantoja, Raziq, Malik 2021). Among the various social media platforms, Twitter differs from others in terms of sending messages and receiving feedback and news. While many social media channels are designed to facilitate making friends, communicating with family, and sharing activities related to social life, the design of Twitter focuses on the ways how people follow individuals and institutions in which they are interested. Twitter positions itself in this way. In 2009, it replaced its opening question of 'What are you doing?' with 'What's happening?' (Yağmurlu 2019: 1286). Twitter is used more than other social media channels to follow national and international agendas, and is widely used by state leaders, politicians, government agencies, foreign ministries, and diplomats within the framework of public diplomacy activities. It is the most popular platform for digital diplomacy as many diplomatic institutions opened an account on Twitter earlier compared to other social media platforms (Collins et al 2019: 81). The reason is that Twitter is useful for delivering messages to large masses and getting feedback on messages from other users. On Twitter, states, institutions, diplomats, and politicians attempt to influence other users by explaining their ideas and goals using brief notes⁵. Twitter is also a tool for dialogue. Governments, diplomats, and politicians can bridge the gap between their own ideas and those of other users through receiving feedback from the latter (Dumčiuvienė 2016: 97–99).

There are various basic metrics for assessing the usage of Twitter that may be applied to any ambassador. For example, the number of followers, the number of posts, the language of the postings, the number of likes, the number of retweets, and so on (Gilboa 2016). The study's major question concerns performance of Turkish diplomats in relation to these criteria. The primary goal of this study is to evaluate Turkish ambassadors' Twitter presence using Twitter data from January 2010 to January 2020. The research consists of three components. The first section (literature review) deals with the studies of Twitter use. The second section presents our research design. To identify the amount and manner in which Turkish diplomats are present on Twitter, we undertook various descriptive analyses across many crucial variables as well as a sentiment score test on Twitter data collection. The third section examines and displays the activity of Turkish diplomats in 16 different categories.

⁵ Twitter has increased the character limit of a tweet to 280 characters, up from the previous 140-character limit. URL: <https://developer.twitter.com/en/docs/twitter-api/rate-limits> (accessed 23.06.2022)

Literature Review

Minister of Foreign Affairs of the Republic of Turkey Mevlüt Çavuşoğlu at the 12th Ambassadors Meeting on 10 November 2020 stated that their embassies and consulates are adapting to diplomacy in the digital environment. He described digitalization as occurring via corporate social media accounts, the transfer of consular services to the digital environment and meetings held in the digital environment⁶. In the 2021 budget of the Ministry of Foreign Affairs of Turkey approximately one-tenth of expenditures is devoted to information technologies (Babacan 2021: 134).

Multiple scientific studies deal with Turkish digital diplomacy and the use of Twitter by Turkish diplomats (Salihi 2021: 546-547). For example, Nur Uysal and Jared Schroeder examined Turkey's use of social media within the framework of the public diplomacy (Uysal, Schroeder 2019). In the paper 'Turkey's Twitter public diplomacy: Towards a "new" cult of personality' they examined seven accounts (@TC_Basbakan, @TKA, @RT_Erdogan, @ByegmENG, @trpresidency, @MFATurkey, and @Mevlut-Cavusoglu) related to Turkish foreign policy. A sample was created from 2769 tweets sent by these institutions over a four-month period in 2017-2018. With this statistical data, the study concluded that the Twitter account of the Office of the Presidency was the most effective among the seven. The research revealed numerically that messages from these seven accounts made references mostly to North Africa and the Middle East. Another conclusion was that Turkey's President created a new personality cult on Twitter. Turkish diplomatic institutions directly retweet his posts. At the time of the research, Myanmar and Palestine were sensitive topics for the President in his posts. The paper also concluded that the President undertook the mission of 'savior of the Islamic world'.

Some research articles have analyzed Turkey's Twitter diplomacy within the framework of Turkey's "Peace Spring" military operation in 2019 and 2020. Operation "Peace Spring" was a cross-border operation in Syrian territory, and thus Turkey felt it was important to explain the background and reasons for the operation given that Ankara had stated that it did not intend to invade Syrian territory. Turkey explained the need for the operation to create a 'safe zone' on its southern borders and to ensure the safety of refugees. During "Peace Spring" Turkish army faced the Syrian Democratic Forces (SDF), which Turkey claims is an extension of the Kurdistan Workers Party (PKK), the armed group that Turkey considers an outlawed terrorist organization⁷. However, the United States (US) supported SDF activities in Syria. That's why Turkish military action affected US-Turkey relations. The resulting twitter communications

⁶ Mevlüt Çavuşoğlu Twitter'da. 2020. 3 December 2020. *Twitter*. URL: <https://twitter.com/MevlutCavusoglu/status/1326118047602647040> (accessed 23.06.2022).

⁷ Uras U. 2019. Turkey's Syria Operation: How It Unfolded. 3 June 2021. *Al Jazeera*. <https://www.aljazeera.com/news/2019/11/8/turkeys-operation-peace-spring-in-northern-syria-one-month-on> (accessed 23.06.2022).

between these states on the subject of “Peace Spring” operation provided data to researchers on Turkey's use of Twitter in diplomacy.

Yenal Göksun, in his study “Operation Peace Spring and Twitter Diplomacy”, investigated the use of Twitter by both sides during the “Peace Spring” operation in line with their diplomatic objectives (Göksun 2019). He used the content and discourse analysis methods to analyze a sample of tweets produced by politicians and decision makers who stood out with their discourses during the operation. The main research question focused on how the discourses were built on Twitter and how Twitter diplomacy affected relations between the parties. Göksun concluded that the US authorities attempted to limit Turkey's mobility by blaming it during the operation process. Turkey, on the other hand, made efforts to inform the public about the scope and content of the military operation from its own perspective, while at the same time responding to the misinformation produced about Turkey. Another conclusion reached in the study was that Turkish authorities created posts not only for the foreign public but also for their domestic audience.

In another study Murat Özdemir examined Turkey's Twitter Diplomacy activities during the “Peace Spring” operation (Özdemir 2020). In light of the purposes of digital diplomacy, in his paper “Digital Diplomacy and Social Media: Twitter Use of Turkish Embassy in Washington in the Scope of Operation Peace Spring”, he analyzed how this embassy employed Twitter in its support for the “Peace Spring” operation by studying the Twitter content shared by the embassy under the hashtag #OperationPeaceSpring during the operation. Özdemir concluded that the use of Twitter by the Turkish Embassy in Washington was ineffective in the context of the operation.

Turkey's digital diplomacy performance during the “Peace Spring” operation was also the subject of another study, this time via an examination of the Twitter accounts of Turkey's Paris and Berlin Embassies and that of the Paris Ambassador. The paper “Digital Transformation in Public Diplomacy: Examining the Digital Diplomacy Activities of Ambassadors via Twitter”, was carried out by Mesut İris and Tansu Akdemir (İris, Akdemir 2020). The study selected social media accounts as samples and evaluated their performances. It concluded that the accounts were used efficiently to justify the operation, but their lack of sufficient numbers of followers of the accounts negated its efficiency.

Ali Şevket Ovalı discussed Twitter diplomacy in the context of Turkey-US relations in his article “Twitter Diplomacy in Turkey-US Relations” (Ovalı 2020). In his paper, the scholar investigated the influence of Twitter on bilateral relations as well as how and for what purpose Turkish and US foreign policy makers use Twitter, and what topics they refer to. In the study, Ovalı tried to learn which subjects were touched upon in tweets. He found that US officials mainly mentioned the PKK/YPG and the Preacher Brunson case in the context of Turkey in 2016-2019, while their Turkish counterparts dwelled mostly on Palestine/Jerusalem and PKK/PYD issues. Ovalı concluded that the way in which Twitter was employed had had a negative impact on bilateral relations. Donald Trump's use of threatening language in his tweets, mainly to impress

his own public, and his exacerbation of the disagreements exemplify these negative impacts.

With the arrival of the COVID-19 pandemic, people began to spend more time at home and social media usage increased⁸. This situation provided more opportunities to study Turkey's digital diplomacy activities. Emel Tanyeri Mazıcı's "Digital Diplomacy in the Covid-19 Pandemic Period: A Research on T.R. Ministry of Foreign Affairs" (Tanyeri Mazıcı 2020) examined the English language Twitter account of Turkey's Ministry of Foreign Affairs (@MFATurkey). The scholar used the content analysis method to look at posts posted by the @MFATurkey account between 11 March and 11 June 2020. He classified the tweets according to their content and revealed that the share of tweets for information and news sharing was high. The tweets frequently mentioned the medical aid provided by Turkey to other countries during the pandemic. According to the study's findings, the Ministry used its account more and more efficiently with each passing month.

This literature review demonstrates that there is no any study which would make an overview of Turkish diplomatic presence on Twitter. As mentioned above, this article aims to fill this gap by analyzing a larger data set consisting of 76 Twitter accounts posts published between 2010 and 2020.

Methodology

Social media analysis carries significant potential for the determination and implementation of foreign policy, as it provides information about the perspectives, thoughts, and communication patterns of a wide range of users. Through their public posts, both organizations and individual users contribute to potentially rich social media datasets. For example, social media platforms can provide important information about the demographics, size, and organizational structure, areas of activity and network access of a group or audience.

Social media and related data may be analyzed with various methodologies. They differ in their applicability and suitability, and some of them tend to be more difficult to use because they are complex or because they require advanced technical training (Gupta, Brooks 2013: 329). While there are some limitations to using social media platforms and analytical tools in terms of technique and application, social media data are undoubtedly an important source of data for foreign policy analysis.

Within the scope of this article, we carried out an analysis mainly of Twitter data⁹. We compiled a list of tweets sent by Turkish diplomats between January 2010 and January 2020. Our data collection technique scrapes tweets from Twitter profiles with

⁸ Koeze E., Popper N. 2020. The Virus Changed the Way We Internet. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2020/04/07/technology/coronavirus-internet-use.html> (accessed 23.06.2022).

⁹ Codes and files for this research are available at this article's public GitHub repository: <https://github.com/HakanMehmetcik/turtwidip.git>

an option for filtering the stream's output by user account. Given the fact that we study only the presence of relatively small groups of Twitter accounts, the volume of the compiled Twitter data is appropriate and representative¹⁰.

The number of diplomats in the retrieved data was 76, and the total number of tweet posts was 113432. Although Twitter was founded in 2006, we decided that it would be more appropriate to start the investigation from 2010 onwards. The 76 diplomats examined in the study were diplomats who were on active duty during 2010-2020 and had a twitter account. While we did not exclude any types of tweets based on any category, we removed accounts of diplomats who retired prior to 2019 and whose accounts had inactive/private status. For this reason, Turkish diplomats such as Namık Tan who were active in Twitter diplomacy, were not taken into consideration because they retired before 2019. Some active accounts are also excluded because they began service in the Ministry of Foreign Affairs after January 2020 or very close to that date. We had to go through such a classification within the framework of the conditions presented to us by the software used in the research.

As we mentioned above, several diplomats (including are not included in the dataset. Some of them are extensively engaged in Twitter after retiring (i.e., Namık Tan) while others were very involved before becoming diplomats (i.e., Egemen Bagis). That is, their tweets have nothing to do with diplomatic means and ends. In these circumstances, we may have chosen a temporal scope for every and each individual diplomat, but this would have resulted in huge discrepancies in the total data analysis in terms of time periods. That's why we didn't include these diplomats.

Since the launch of Twitter in 2006, a lot of new research papers examining various facets of the Twitter data have emerged (Goonetilleke, Sellis, Zhang, Sathe 2014). Among these are studies dealing with a wide range of issues: from opinion mining (Kaur, Gupta 2013; Liu 2012; Pak, Paroubek 2010) to event detection (Abdelhaq, Sengstock, Gertz 2013; Atefeh, Khreich 2015; Weng, Lee 2011) and political discourse analysis (Johnson, Goldwasser 2016; Kasmani 2019; Yaqub, Chun, Atluri, Vaidya 2017). Several distinct methods and approaches to Twitter data emerged in recent years. Comparative and descriptive statistics derived from raw numbers of tweets per user and per date as well as retweet, reply, and like counts are particularly insightful key metrics and they are among the accepted standard for the quantitative description of user activities on Twitter. These metrics identify specific aspects of Twitter data, such as the most prolific users and node users within a given social network. This study primarily uses these types of metrics in order to analyze Turkish diplomacy's presence on Twitter.

Another way to look at Twitter content is to analyze the tweet-text itself. One way to do this is to calculate the sentiment scores. The field of study that examines people's

¹⁰ There is limitation in terms of the data extraction. For more detail on the rate limits for available Twitter APIs see: <https://developer.twitter.com/en/docs/twitter-api/rate-limits>.

opinions, sentiments, assessments, attitudes and emotions from written language is known as sentiment analysis and opinion mining. Twitter sentiment analysis is an area that has recently captured researchers' interest. It is one of the most active study fields in natural language processing and data mining (Liu 2012). There are several techniques for sentiment score calculation, of which lexicon usage is the most frequently employed one. Using the opinion lexicon compiled by Hu and Liu (Hu, Liu 2004) we have conducted a sentiment analysis of the texts of 26554 tweets posted in English by the selected Turkish diplomats between January 2010 and January 2020.

Results and Discussion

Figure 1 shows the temporal pattern indicating that tweet numbers have increased significantly in more recent years. This is in part due to the fact that Twitter, although launched in March 2006, became a significant platform for digital diplomacy only in the 2010s. Most Turkish diplomatic accounts were also activated only around the mid-2010s, and hence we have relatively small entries in terms of posted tweets before 2012. According to the data gathered, more than two out of every three accounts for Turkish diplomats were formed after 2015.

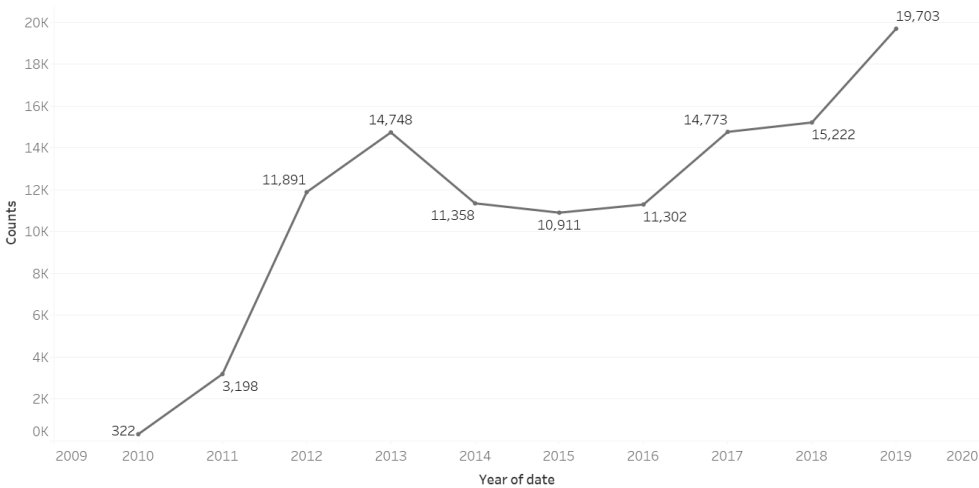

Figure 1: Tweets per year

These metrics can also be used to simply show the total number of tweets in a dataset. It is also possible to keep track of original tweets, replies, likes and retweets separately. As it may be seen in the figure 2, around 17 percent (19999 tweets) of the entire body of tweets are duplicates which means that they reproduce the content of other tweets but not in the form of retweets in the technical sense. A retweet is one of the things that may be done on Twitter with a tweet that implies giving full credit to the original post. More than 82 percent of the tweets (93433) are original tweets. However, this does not also necessarily mean that they are posts with genuinely new content.

They could be copy-and-paste of other contents, including tweets, news, or any other entries available on the Internet, yet not in our sample data. However, 113432 tweets are sufficiently representative for evaluating the social media presence of Turkish diplomats on Twitter. Duplicate tweets have identical text to other tweets, but they are not retweets. They may have been duplicated and copied on by different persons at different times, but their substance is identical. Retweets, on the other hand, are a Twitter feature that allows users to republish the same information while giving credit to the original post. A diplomat, for example, can retweet a tweet directly from @GoTurkiye, one of Turkey's official government accounts. This is known as a retweet on Twitter. On the other hand, another diplomat can replicate the original material without any reference. We classify the latter situation as a duplicate tweet.

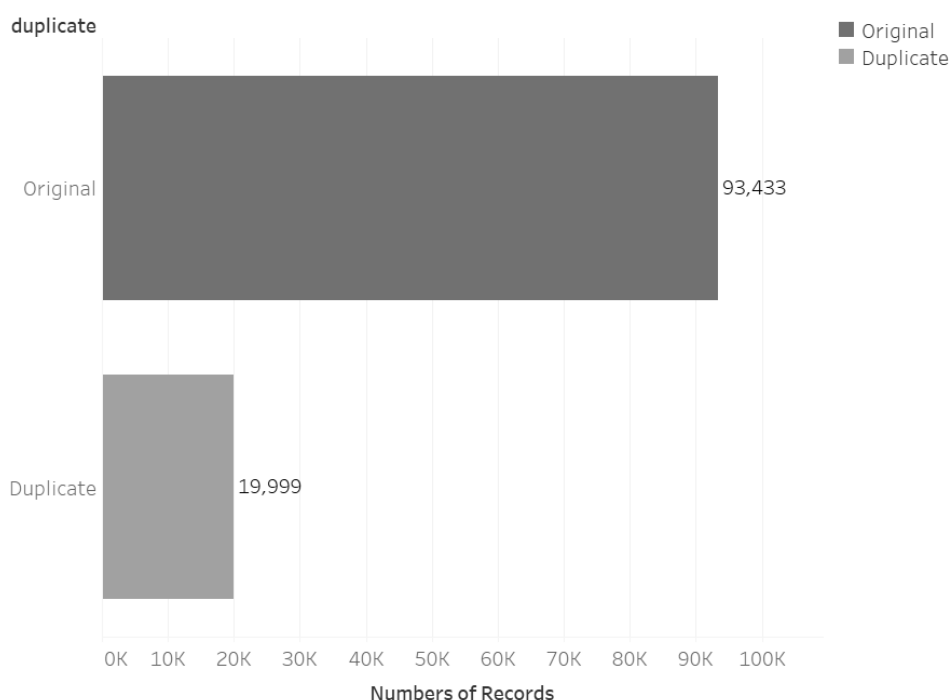

Figure 2: Duplicate vs. Original Tweets

Twitter data also provides several informative user metrics. As with tweet content, tweets per user varies a lot, with some users quite prolific in terms of sharing. Users may be categorized and ranked in a variety of ways. One way to look at the data is to take the average and compare user activity against this average figure. In the raw numbers, the average number of tweets per user is 1123. However, only a small fraction of Turkish diplomats tweeted more than this average, as may be seen in figure 3. Only 23 out of 76 diplomats pass this average. This indicates that a small number of highly active users dominate the dataset. Indeed, the data indicate that more than 50% of the whole bodies of tweets (91192 tweets) were posted by only 10 diplomats. More than 50 diplomats out of 76 are relatively inactive on Twitter.

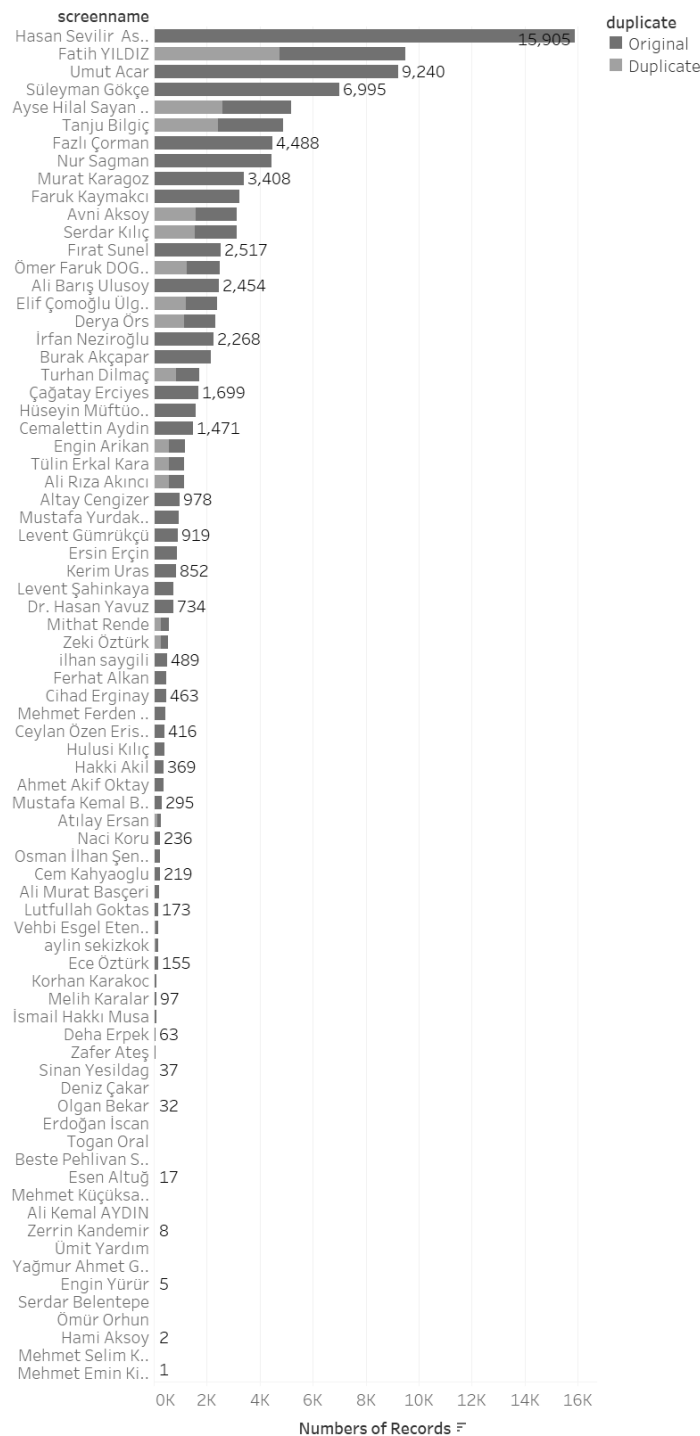

Figure 3: Tweet counts per user

The most prolific twitter users among the selected Turkish diplomats are Hasan Sevilir Aşan, Fatih Yıldız and Umut Acar. These three diplomats are interesting cases.

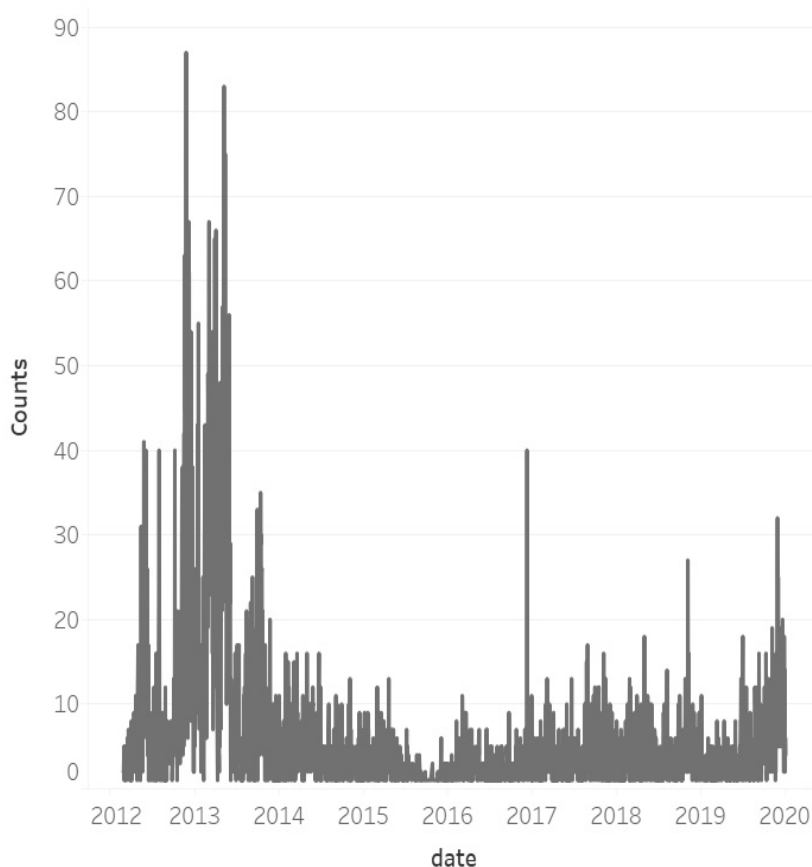

Figure 4: Hasan Sevilir Aşan tweets

Hasan Sevilir Aşan has recently retired from his post in the Turkish Ministry of Foreign Affairs, but most of his tweets were posted before his retirement, as may be seen in figure 4. The latter two of these three diplomats are still on active service in Turkish diplomacy, and of the three, Fatih Yıldız leads in terms of number of followers (see Figure 5).

Even though the design of Twitter places limitations on evaluating influence in the follower counts (Gibson, Sutton, Vos, Butts 2020), it is nevertheless an important metric in Twitter analytics. With respect to the follower count metric, Fatih Yıldız has a much larger Twitter presence than any other Turkish diplomat in our sample. He recently served in the Ministry of Foreign Affairs as Turkish Ambassador in Baghdad before returning to Ankara, and he has demonstrated a genuine interest in a Twitter presence and twiplomacy since joining the Twittersphere. Former Turkish Ambassador to Washington, Serdar Kılıç ranks second in follower counts. His popularity on Twitter partly derives from the fact that he served in the Ministry of Foreign Affairs as Turkish Ambassador to Washington at a time when US-Turkish relations were considerably volatile. He also has a significant leaning towards the use of Twitter as a communication channel.

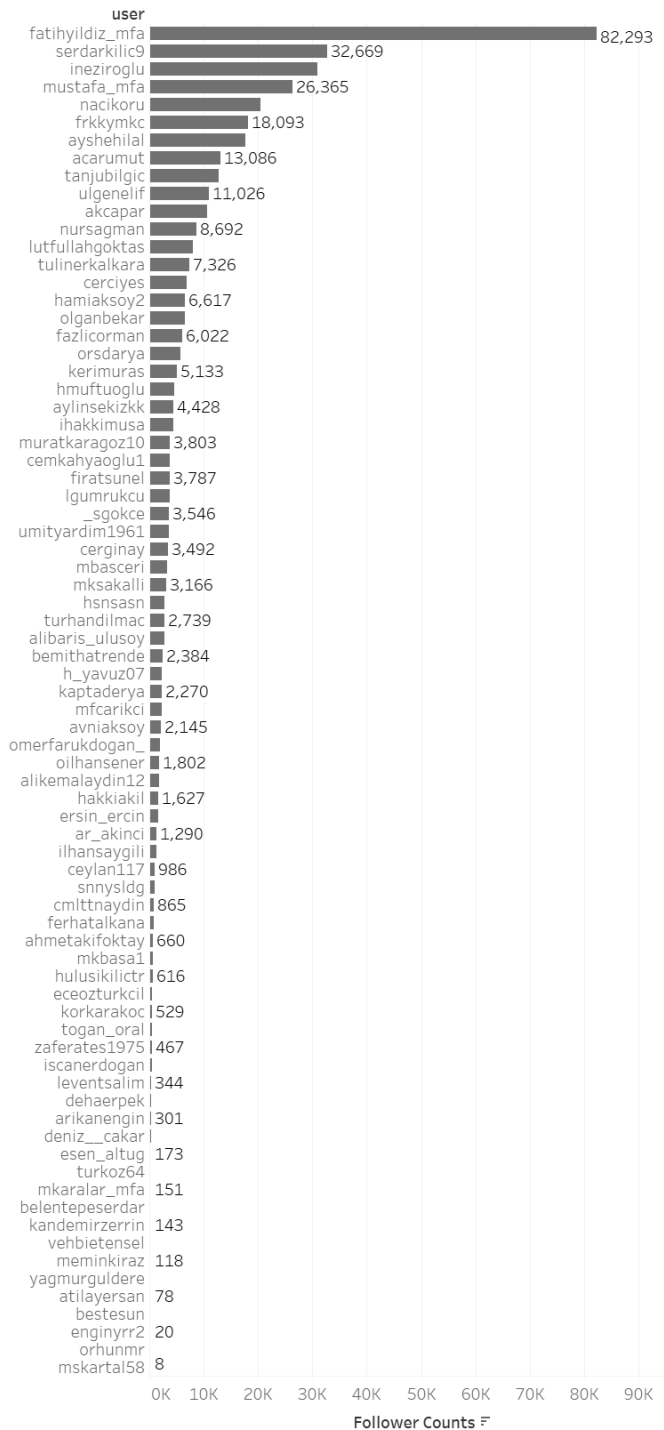

Figure 5: Follower Counts

Follower counts are only one metric in quantifying user social media influence. Retweet, like and response counts also make sense for this purpose. In general, these

metrics are used to evaluate specific tweets' virality. However, from the raw numbers, they indicate a wider influence. From the figure below, we may suggest that there is a positive correlation between follower count and these metrics. In terms of retweet counts, former Washington Ambassador Serdar Kılıç is followed by Fatih Yıldız, İrfan Neziroğlu, Süleyman Gökçe, Umut Acar, Tanju Bilgiç and Mustafa Yurdakul. Even though the order varies slightly, the list is the same for likes and reply counts. Such measurements may be interpreted as an assessment of each user's visibility and relevance to their followers. In other words, among the selected Turkish diplomats, Serdar Kılıç, Fatih Yıldız, İrfan Neziroğlu, Süleyman Gökçe, Umut Acar, Tanju Bilgiç and Mustafa Yurdakul are the most influential Twitter users in terms of these metrics.

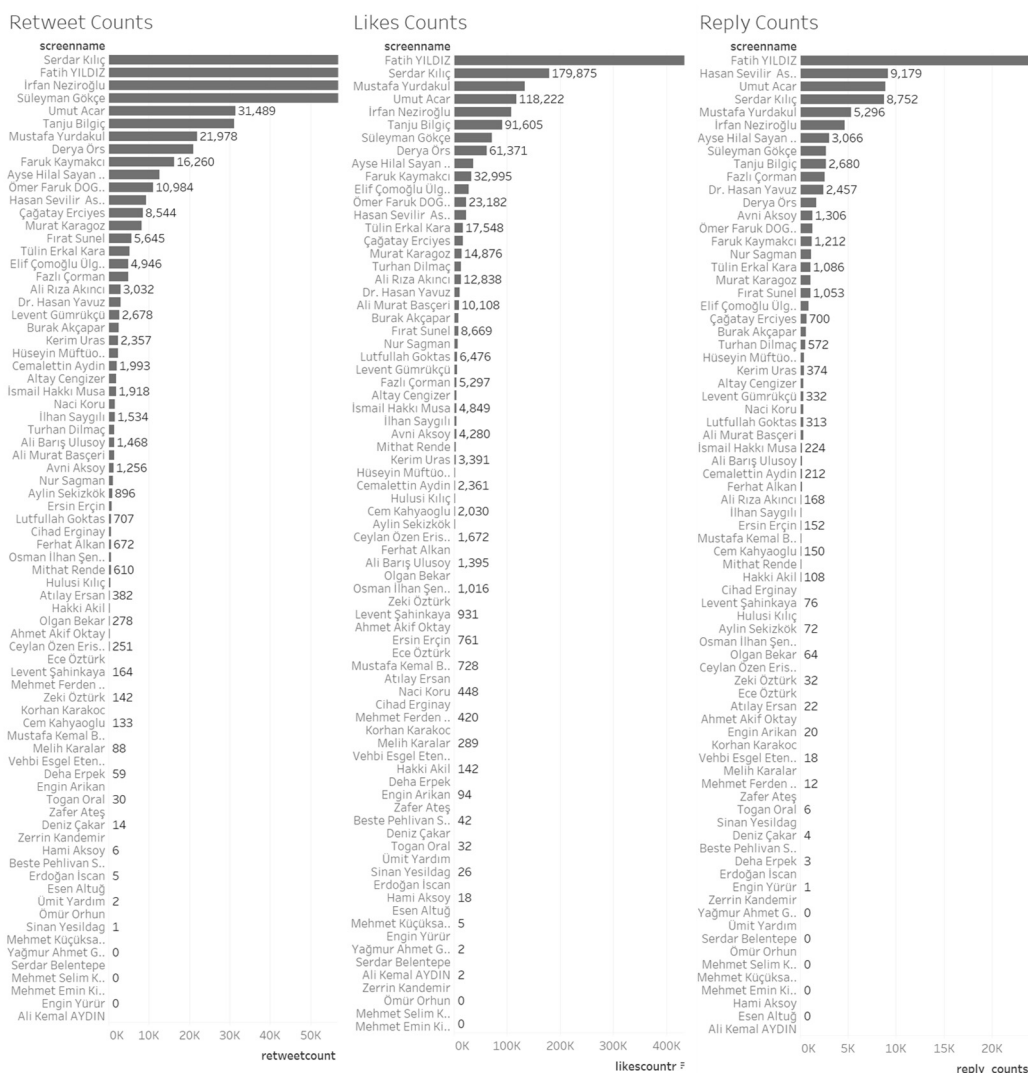

Figure 6: Retweet-likes-reply counts per user

While per-user metrics are insightful for identifying the most active and visible user in a dataset, it is useful to aggregate these metrics for the entire group as well. If we take the entire sample as a single entity, the total retweets, replies, and likes count per year may be seen in the figure below. This figure highlights the increasing influence in terms of these metrics of Turkish twiplomacy.

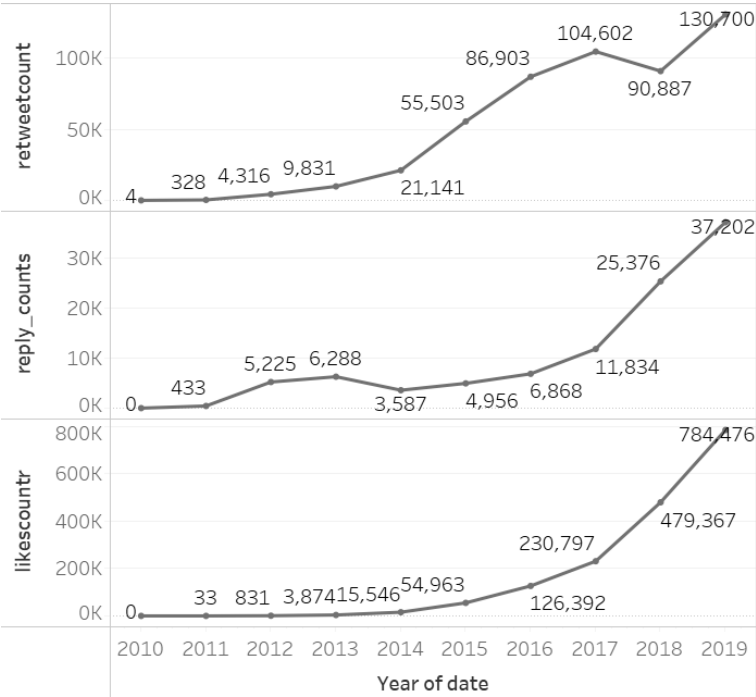

Figure 7: Retweet-reply-like counts per year

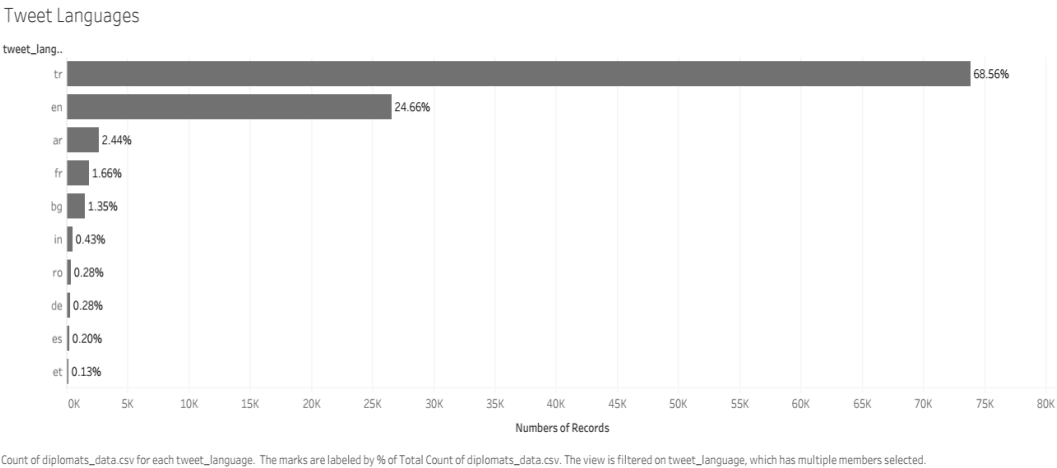

Figure 8: Tweet languages

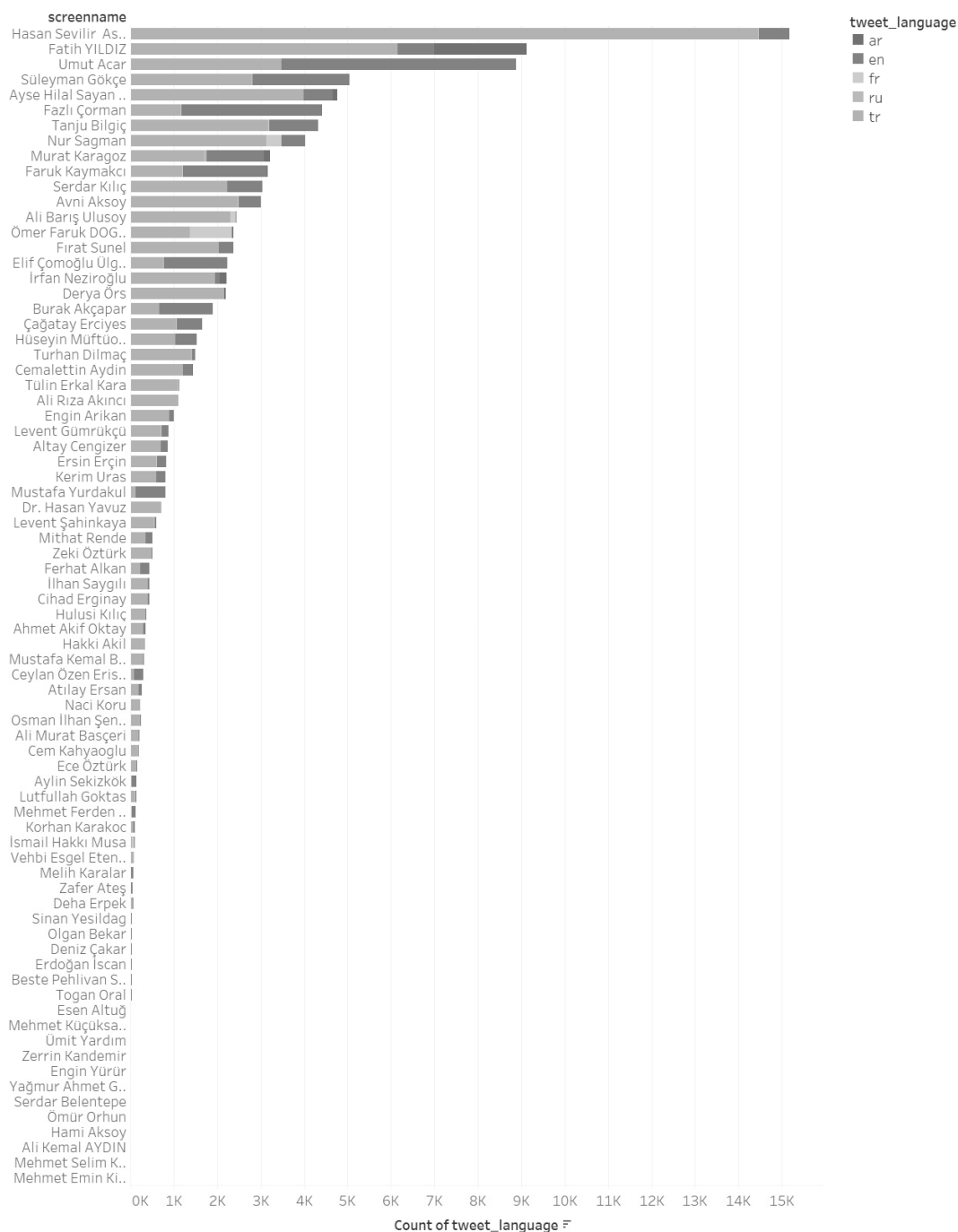

Figure 9: Tweet Languages per user

The use of language in diplomacy is important for all aspects, since it is a critical tool and vehicle for the exchange of ideas and communication (Kurbalija, Slavik 2001). Diplomats communicate with locals in their native language, while English is used as a neutral language for global communication. The use of Turkish, however, may indi-

cate that Turkish diplomats do not use Twitter as a platform for communicating with foreign state peoples. But at the same time intensive use of Turkish in tweets can be explained by the desire of ambassadors to share information concerning the Turkish diaspora.

In figure 9, we see the distribution of languages used by users. It is not surprising that those who have more visibility in terms of raw tweet numbers, retweets, replies, and likes counts, have used foreign languages more frequently. However, again for all the diplomats in this sample, Turkish is the top language of choice for communication on Twitter.

Such predictive and numerical metrics are important for understanding the dynamics of communicative interactions taking place on Twitter. Yet another, and possibly a more meaningful metric, can be derived from the content of tweet texts. In this context, hashtags (#) are one of the most significant elements of tweet content. A hashtag is a commonly used feature on Twitter that allows a user to generate a tag that refers to a particular subject or theme of posts he or she wants to refer to. In other words, hashtags accurately identify, and track tweets as related to a given topic. Figure 10 shows corresponding retweet numbers of tweets grouped by hashtags. We see that many hashtags refer to cultural aspects of foreign policy such as #Turkey, #Istanbul, #Ankara etc. However, there are other Turkish foreign policy subjects hashtagged in tweets such as #lethistorydecide, #operationfriedensquelle, #operationpeacespring etc. One such foreign policy slogan, “Enterprising and Humanitarian Foreign Policy”¹¹ was hashtagged very few times. As it is known from the related literature, Turkey is happy to make its humanitarian and development aid efforts a niche diplomacy field by presenting itself as a humanitarian/virtuous state¹². Turkish NGOs run humanitarian aid campaigns that result in public diplomacy outcomes, and these actions boost Turkey's soft power in recipient countries while also bolstering the country's attempts to promote itself as a ‘humanitarian power’ (Mehmetcik 2019). Given this fact, it is surprising to see very few mentions of this aspect of foreign policy. Findings seem to suggest that Turkish diplomatic authorities do not engage in central planning of collective strategic Twitter use of Twitter among Turkish diplomats. In contrast, individual interest and endeavor of Turkish diplomats guides them to use Twitter as a communication platform.

¹¹ Turkey's Enterprising and Humanitarian Foreign Policy. (n.d.). 2021. *Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs*. URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (accessed 23.06.2022).

¹² Virtuous power new defense doctrine: Turkish president. 2017. *Hürriyet Daily*. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/virtuous-power-new-defense-doctrine-turkish-president.aspx> (accessed 23.06.2022)

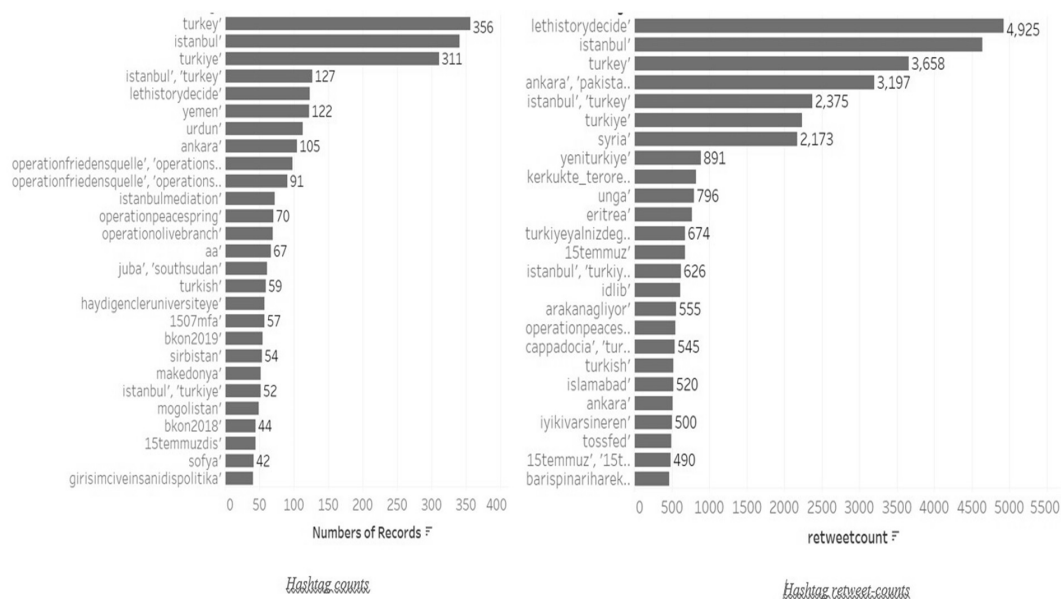

Figure 10: Hashtag

Another way to look at Twitter content is to analyze tweet-texts themselves using quantitative analysis. One way to do this with twitter data is to utilize a sentiment analysis, which here deals with whether the words in the tweet-text carry a more positive or negative sentiment. It is often noted that positive sentiments are evoked when something is defined with positive connotations, while something having a negative connotation generally creates uneasiness (Ford, Feinberg 2020). For any type of public diplomacy outreach, positivity in the text is an indication of value and invitation, while negativity is generally associated with defensive or offensive attitudes. Thus, negative sentiment refers to the greater use of negative words while positive sentiment refers to the more use of positive words. Figure 12 shows the exact numbers of tweets with respect to their sentiment scores. It should be noted that we only included tweets in English because we use the English opinion lexicon.

Results demonstrate that tweets produced by Turkish diplomats are generally on the positive sentiment side, which basically suggests more frequent use of positive words. Again, it should be noted that tweets paired with a sentiment score can provide a quantitative assessment of the tweet text, but says nothing about the actual content of the tweet.

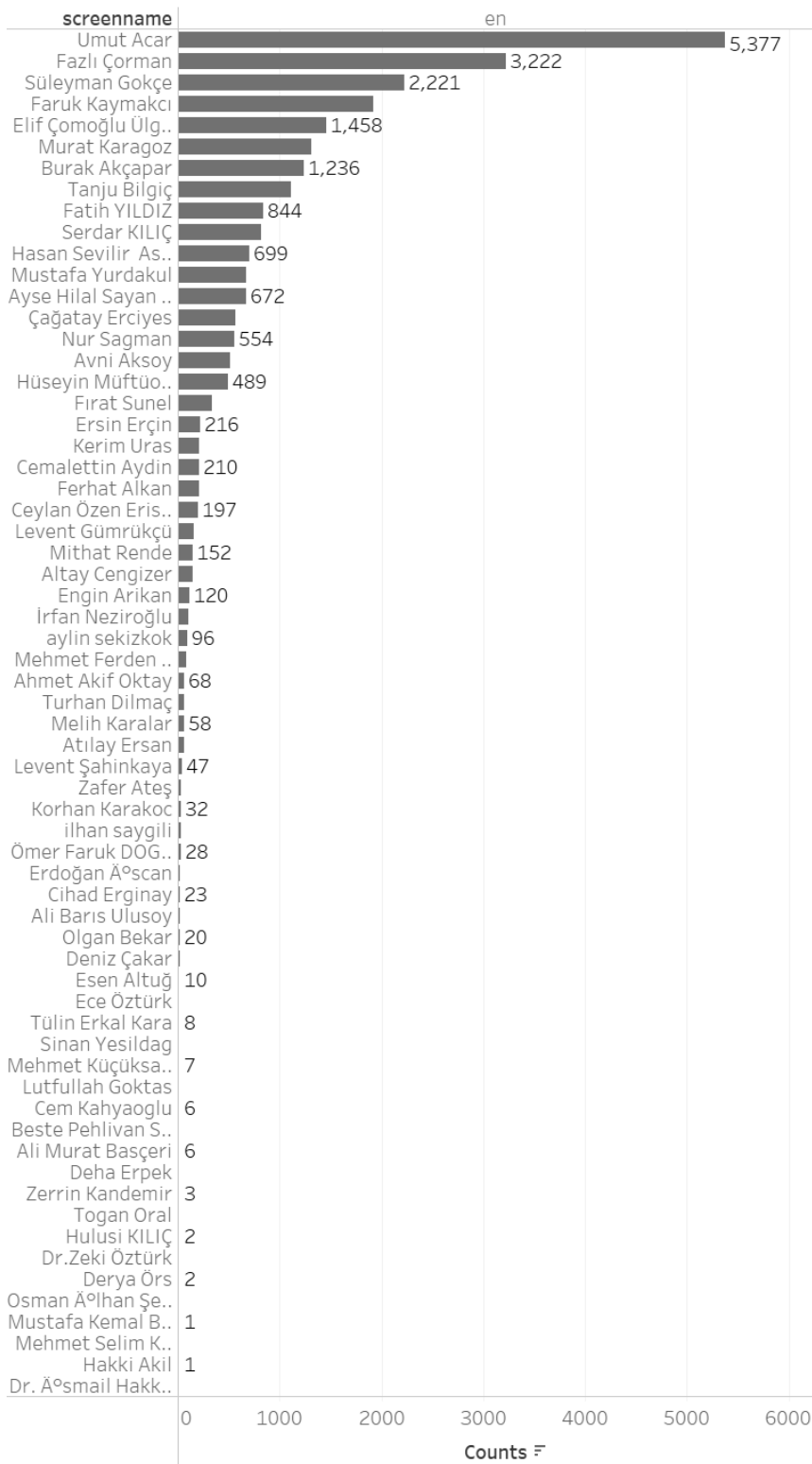

Figure 11: English tweets per user

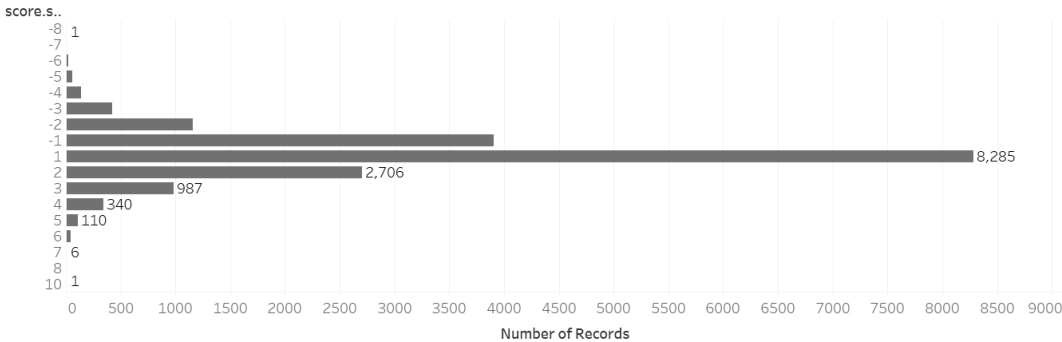

Figure 12: Sentiment Scores

Figure 13 provides a general assessment of the specific words contributing to sentiment scores. We can see that negative sentiments generally derive from specific kinds of events (such as terrorist attacks, killings, etc.) and their condemnation in the tweet-texts, while positivity aligns with corporation and collaboration messages.

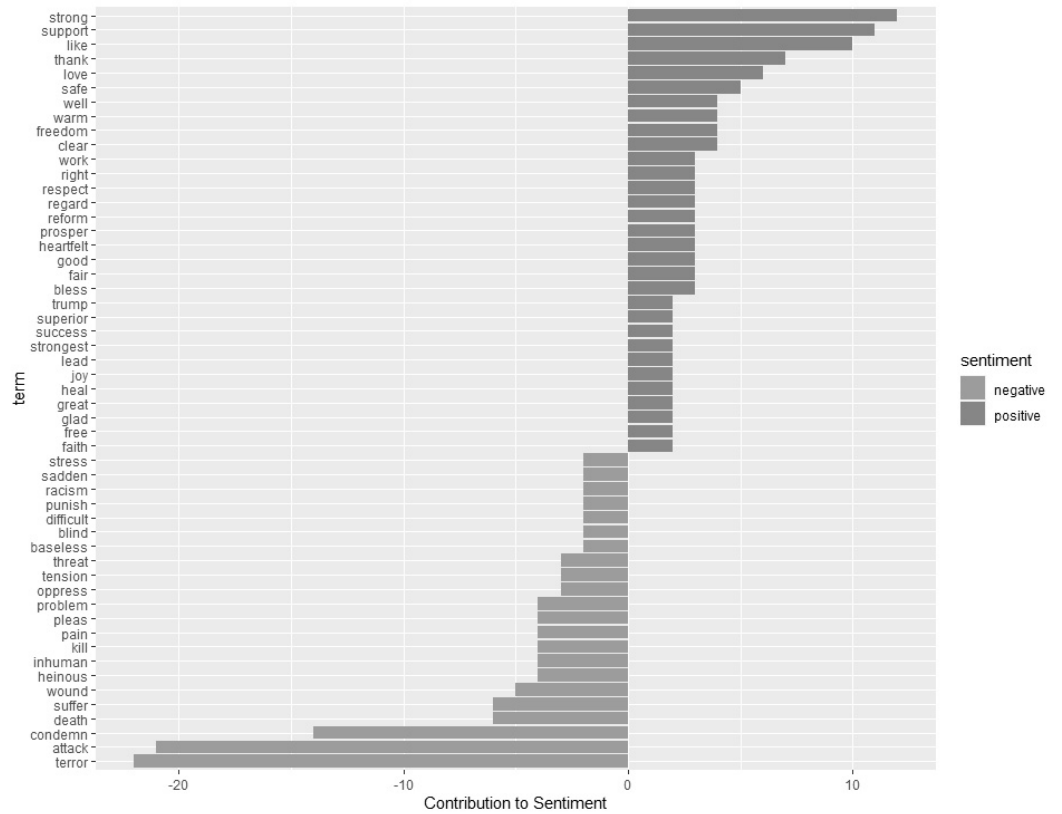

Figure 13: Most-used words contributing to sentiment scores

Figure 14 shows sentiment scores for individual diplomats and highlights the fact that only 13 accounts out of 76 use more negative words than positive ones in their

tweet text. According to the corresponding sentiment scores, Murat Karagöz, Elif Çomoğlu Ülgen, Fazlı Çorman, Faruk Kaymakçı and Fatih Yıldız's message on Twitter carry more positive sentiment than the remainder of the sample.

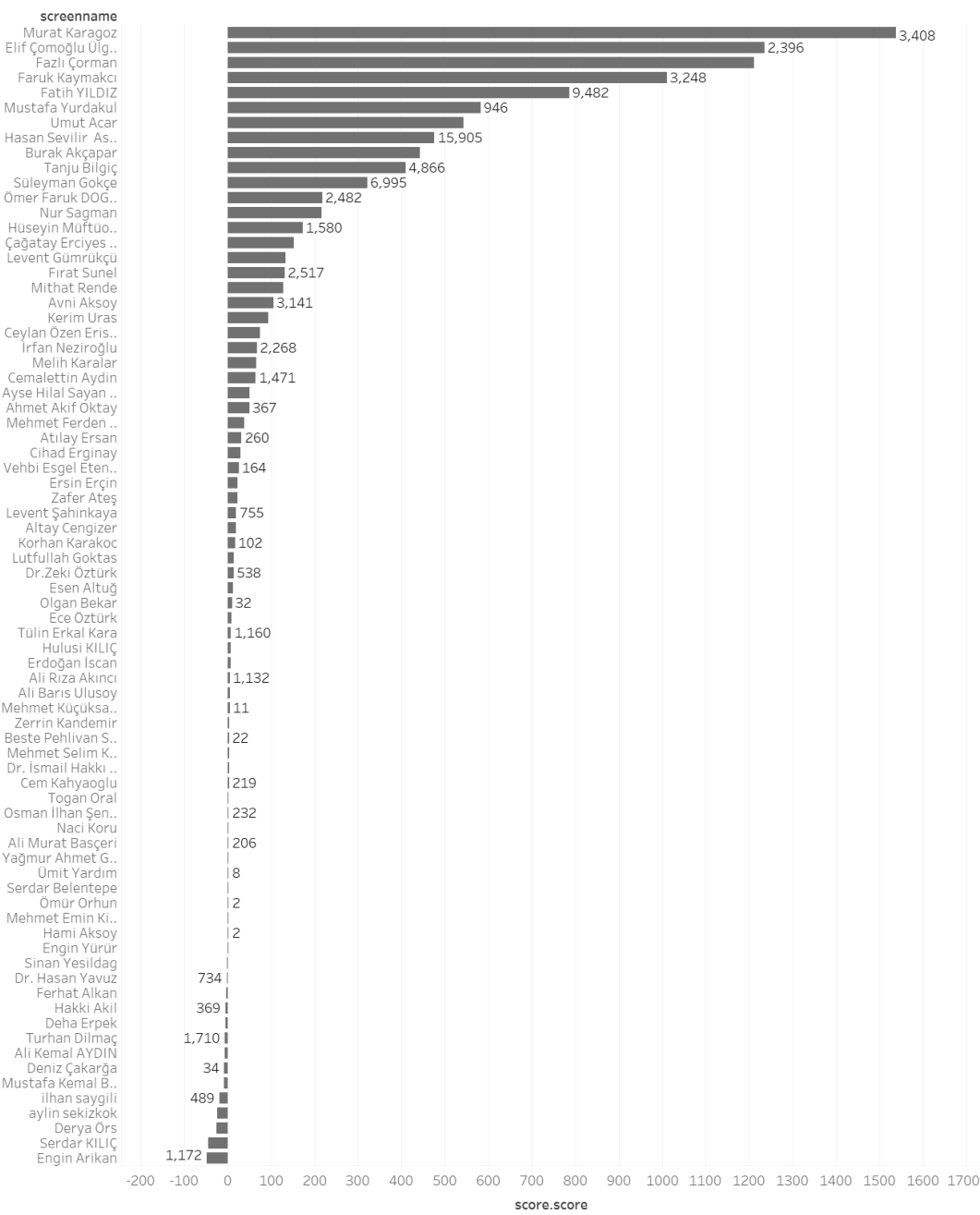

Figure 14: Sentiment scores per user

We can also identify emotion in tweet-texts. The following figure demonstrates the general emotions in tweet-texts derived from our sample's English tweets. It confirms that Turkish diplomats tended to post tweets with positive sentiment.

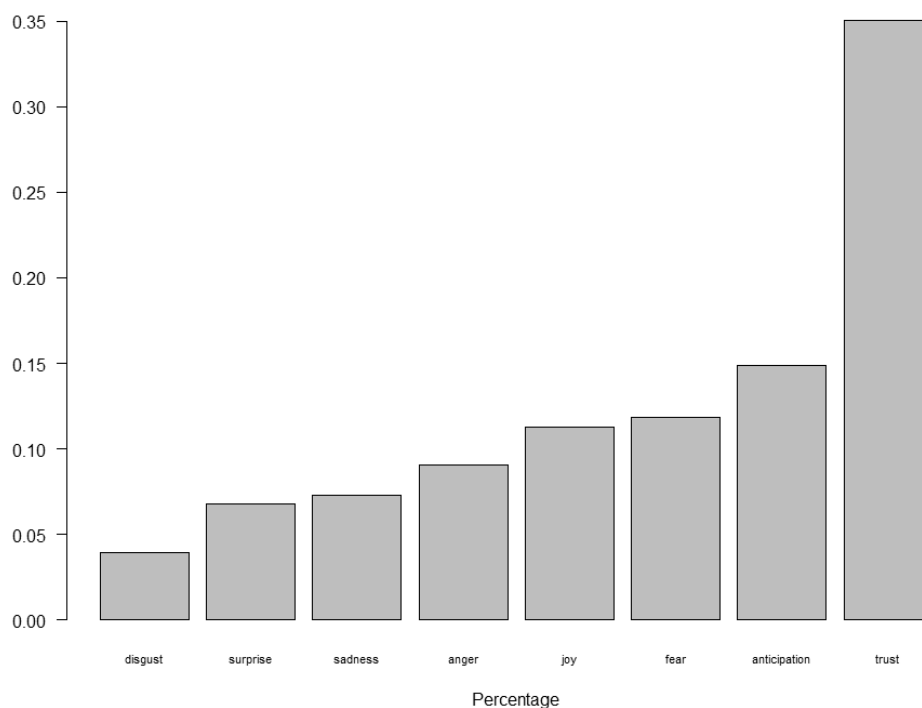

Figure 15: Emotions in tweets

Finally, in figure 16 we list the words which Turkish diplomats used most frequently in their English tweets. This result allows us to suggest that they primarily use informative and annunciative approaches for constructing their tweet contents.

* * *

The notion of public diplomacy has existed since politicians discovered that they could communicate directly to 'the masses'. In this endeavor, digital diplomacy is a new medium. Twitter has grown from a niche service to a mass phenomenon since its inception in 2006 and has become a source of real-time information as well as a forum for discussion in the field of diplomacy. On a daily basis, an increasing number of ambassadors use Twitter to engage with worldwide audiences as well as with their colleagues, bridging the gap between citizens and government officials. Researchers from various backgrounds use Twitter data to address a variety of questions, ranging from simple information about specific persons or events to complicated queries (Weller, Bruns, Burgess, Mahrt, Puschmann 2013: 55).

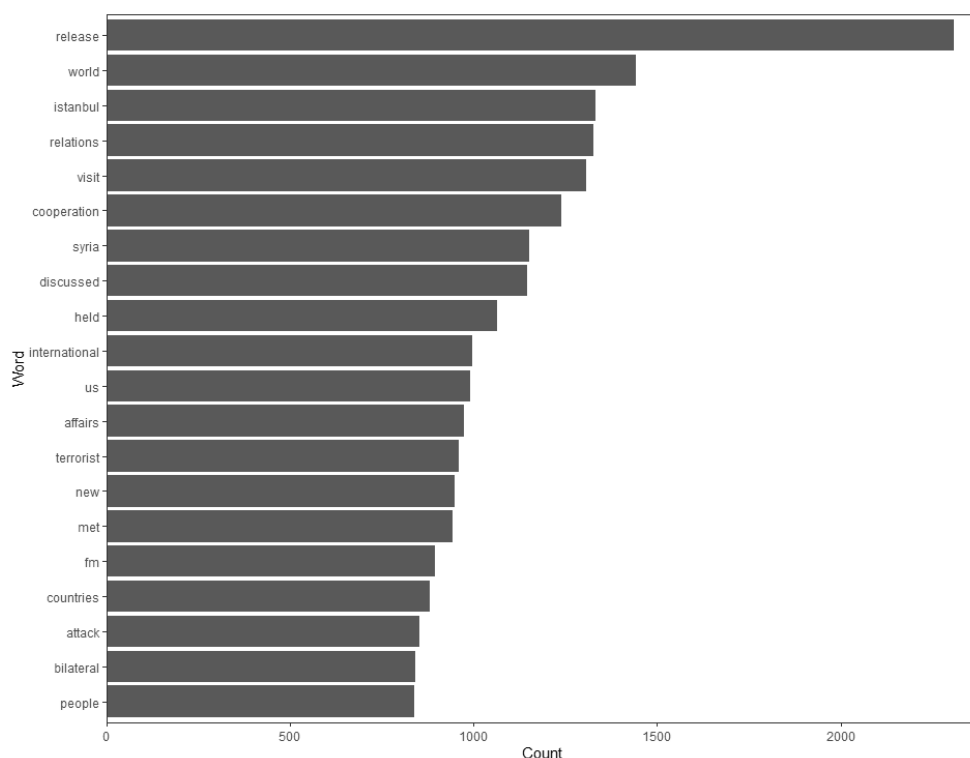

Figure 16: The words used most frequently by the Turkish diplomats

The use of Twitter by Turkish diplomats for diplomatic outreach and public diplomacy was the main subject of this study. We used data from this social media outlet to learn how and to what extent Turkish diplomats are present on the platform. Our research found that compared to their counterparts in many countries Turkish diplomats have a limited Twitter presence, with only very small numbers being really active on Twitter, engaging with the wider public through this worldwide form of microblogging. For diplomacy today, its traditional form and its Twitter incarnation should be viewed as complementary and supportive tools (Göksun 2019), not as substitutes for each other. However, our findings suggest that Turkish Twitter diplomacy is led by a few individuals who are not guided by a larger strategy or framework.

Despite the fact that the study examines data as far back as 2010, the number of posted tweets prior to 2012 is very modest. As for originality, the majority of them are first-hand posts, but this does not always imply that they contain original content. Many states provide training to their diplomats so that they can correctly use social media (Adesina 2017: 8) following which they become well-trained in interpreting the current political situation and in accurately conveying their thoughts through social media. After such training, states must ultimately trust their diplomats. We think that it would be beneficial for Turkey to also engage in such training. Arturo Sarukhan, one of the first ambassadors who used Twitter, also advocates the free-

dom of diplomats in their use of social media. He emphasizes diplomats should not be supervised by the center because speed is an important factor in social media use (Sandre 2015: 71).

We also observe that Turkish diplomats did not attempt to establish dialogue on Twitter by sharing questionnaires or questions. Replying to comments on posts may serve to make the 'listening' process better. After the listening process, it is possible to influence opinions of the interlocutors by writing a new comment. Public diplomacy is not just about winning the hearts of the interlocutors, it is also an important activity that facilitates the defense of a country's foreign policy. Dialogue must be maintained in order to make the persuasion process successful. However, Turkish diplomats do not continue the dialogue after sharing.

As for user metrics, only a small fraction of Turkish diplomats are prolific with regard to their retweet, like and response counts. This result is quite informative of the networks with whom they engage in their Twitter usage. The majority of the diplomat sample is either inactive or ineffective on Twitter and the prevailing approach among the sample diplomats is an enunciative one that implies an effort to explain or affirm the position taken. As for the content-based metrics, this study finds that Turkish diplomats generally use positive language in their tweets, which is also verified by the scores for most frequently used words and corresponding emotions.

One of the primary recommendations resulting from this study is that online activities of different state institutions should be synchronized for efficient use of social media and so-called twiplomacy. It can be observed that relatively few Turkish diplomats cast a prolific figure on Twitter for several issue areas. But diplomats are selected from well-educated individuals who can make the greatest use of available opportunities. As a result, the criteria that demonstrate diplomats' effectiveness in utilizing social media diplomacy should be identified, diplomats should be taught for better use of the social media, and free space should be given to them.

About the authors:

Hakan Mehmetcik – Associate professor, Marmara University, Faculty of Political Sciences, International Relations, Department of International Political Finance. Göztepe Yerleşkesi 34722 Kadıköy Istanbul, Turkey.
Email: hakan.mehmetcik@marmara.edu.tr, hakanmehmetcik@gmail.com

Emin Salihi – Assistant professor, Nigde Ömer Halisdemir University, Faculty of Economics and Administrative Sciences, Department of Political Science and International Relations. 51240, Nigde, Turkey.
Email: eminsalihi@ohu.edu.tr, eminsalihi@gmail.com

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

УДК 327.8

Поступила в редакцию: 12.11.2021 г.

Принята к публикации: 15.03.2022 г.

Быть или не быть: присутствие турецких дипломатов в «Твиттере»

Х. Мехметчик¹, Э. Салихи²[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-175-201](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-175-201)¹ Университет Мармара, Стамбул, Турция² Университет Нигде Омера Халисдемира, Нигде, Турция

Аннотация: Статья посвящена турецкой «Твиттер»-дипломатии, тому, как турецкие дипломаты используют «Твиттер» в своей традиционной работе и в публичной дипломатии. Обзор научной литературы о «Твиттер»-дипломатии Турции показывает нехватку всеобъемлющих исследований с большим количеством наблюдений. В своей статье мы устранили этот дефицит, собрав и проанализировав базу данных постов 76 дипломатов, написанных в сети «Твиттер» в период с 2010 по 2020 гг. Наше исследование помогает понять, каким образом и в какой степени турецкие дипломаты поддерживают своё присутствие в «Твиттере». На достижение этой цели были направлены две группы методов. Во-первых, мы определили значения описательных статистик нескольких пользовательских метрик, включая количество твитов на пользователя или за дату, также количество ретвитов, ответов и лайков на пользователя. Во-вторых, мы изучили содержание твитов, рассчитав оценки их сентимента.

Главный результат работы состоит в том, что присутствие турецких дипломатов в сети «Твиттер» относительно ограничено. Оно зависит от небольшого числа видных деятелей. Хотя турецкие дипломаты отбираются из числа высоко образованных людей, который могут качественно использовать доступные возможности, предоставляемые социальными медиа, относительно немногие из них вели активную деятельность в «Твиттере». Другой важный вывод состоит в том, что присутствие турецкой дипломатии в Твиттере не носит систематического характера, развивается в результате деятельности отдельных дипломатов, а не вследствие реализации более широкой стратегии. Активность различных государственных институтов в онлайн-среде не синхронизирована, что препятствует эффективному использованию социальных медиа и реализации так называемой «Твиттер»-дипломатии. Наконец, согласно результатам анализа содержания сообщений в сети «Твиттер», турецкие дипломаты чаще используют слова с позитивной коннотацией, что подтверждается данными о наиболее часто используемых словах, наиболее распространённых эмоциях и числовых оценках сентимента постов. Это говорит о стремлении турецких дипломатов продвигать сообщения, в которых выражается одобрение международного сотрудничества Турцией.

Ключевые слова: анализ социальных медиа, «Твиттер»-аналитика, внешняя политика Турции, «Твиттер»-дипломатия

Об авторах:

Хакан Мехметчик – доцент, Университет Мармара, Факультет политических наук и международных отношений, Департамент международных политических финансов, Стамбул, Турция. Email: hakan.mehmetcik@marmara.edu.tr, hakanmehmetcik@gmail.com

Emin Salihi – доцент, Университет Нигде Омера Халисдемира, Факультет экономики и административных наук, Департамент политической науки и международных отношений, Нигде, Турция. Email: eminsalihi@ohu.edu.tr, eminsalihi@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

- Abdelhaq H., Sengstock C., Gertz M. 2013. Eventtweet: Online Localized Event Detection from Twitter. *Proceedings of the VLDB Endowment*. 6(12). P. 1326-1329.
- Adesina O. S. 2017. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy. *Cogent Social Sciences*. 3(1). P. 1-13. DOI: 10.1080/23311886.2017.1297175.
- Atefeh F., Khreich W. 2015. A Survey of Techniques for Event Detection in Twitter. *Computational Intelligence*. 31(1). P. 132-164.
- Ben Gibson C., Sutton J., Vos S. K., Butts C. T. 2020. Practical Methods for Imputing Follower Count Dynamics. *Sociological Methods & Research*. DOI: 10.1177/0049124120926210.
- Bjola C. 2015. Making Sense of Digital Diplomacy. *Digital Diplomacy: Theory and Practice*. Bjola C., Holmes M. (eds.) New York: Routledge. P. 1-9.
- Collins S.D., DeWitt J.R., LeFebvre R.K. 2019. Hashtag Diplomacy: Twitter as a Tool for Engaging in Public Diplomacy and Promoting US Foreign Policy. *Place Branding and Public Diplomacy*. 15(2). P. 78-96. DOI: 10.1057/s41254-019-00119-5.
- Dumčiuvienė A. 2016. Twiplomacy: The Meaning of Social Media to Public Diplomacy and Foreign Policy of Lithuania. *Lithuanian Foreign Policy Review*. №35. P. 92-118. DOI: 10.1515/lfrp-2016-0025.
- Ford B. Q., Feinberg M. 2020. Coping with Politics: The Benefits and Costs of Emotion Regulation. *Current Opinion in Behavioural Sciences*. №34. P. 123-128.
- Gilboa E. 2016. Digital Diplomacy. *The SAGE Handbook of Diplomacy*. Constantionou C., Kerr P, Sharp P. (eds.) London: SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781473957930.n45.
- Goonetilleke O., Sellis T., Zhang X., Sathe S. 2014. Twitter Analytics: A Big Data Management Perspective. *ACM SIGKDD Explorations Newsletter*. 16(1). P. 11-20. DOI: 10.1145/2674026.2674029.
- Gupta R., Brooks H. 2013. *Using Social Media for Global Security*. Indianapolis: John Wiley & Sons. 417 p.
- Hu M., Liu B. 2004. Mining and Summarizing Customer Reviews. *Proceedings of the Tenth ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining*. P. 168-177.
- Johnson K., Goldwasser D. 2016. Identifying Stance by Analyzing Political Discourse on Twitter. *Proceedings of the First Workshop on NLP and Computational Social Science*. P. 66-75.
- Kasmani M. F. 2019. A Political Discourse Analysis of the Twitter Posts of @ najibrazak Prior to 2018 General Elections. *SEARCH (Malaysia)*. 11(2). P. 129-143.
- Kaur A. Gupta V. 2013. A Survey on Sentiment Analysis and Opinion Mining Techniques. *Journal of Emerging Technologies in Web Intelligence*. 5(4). P. 367-371.
- Khan M. L., Ittefaq M., Pantoja Y. I. M., Raziq M. M., Malik A. 2021. Public Engagement Model to Analyze Digital Diplomacy on Twitter: A Social Media Analytics Framework. *International Journal of Communication*. №15. P. 1741-1769.
- Kurbalija J., Slavik H. (eds.) 2001. *Language and Diplomacy*. Msida: Diplo Foundation. 335 p.

Liu B. 2012. Sentiment Analysis and Opinion Mining. *Synthesis Lectures on Human Language Technologies*. 5(1). P. 1–167.

Malone G. D. 1985. Managing Public Diplomacy. *The Washington Quarterly*. 8(3). P. 199–213. DOI: 10.1080/01636608509450301.

Mehmetcik H. 2019. Humanitarian NGOs: Motivations, Challenges and Contributions to Turkish Foreign Policy. *PERCEPTIONS: Journal of International Affairs*. 24(2). P. 249–278.

Pak A., Paroubek, P. 2010. Twitter as a Corpus for Sentiment Analysis and Opinion Mining. *LREc*. 10(2010). P. 1320–1326.

Salihi E. 2021. Dijital Diplomasi Faaliyeti Olarak Türk Büyükelçilerin Twitter Kullanımı: Avrupa Birliği Ülkelerinde Görev Yapan Türk Büyükelçiler Örneği [The Use of Twitter by Turkish Ambassadors as a Digital Diplomacy Activity: the Example of Turkish Ambassadors Serving in European Union Countries]. *Oneri*. 16(56). P. 545–569. DOI: 10.14783/maruoneri.909573.

Sandre A. 2015. *Digital Diplomacy: Conversations on Innovation in Foreign Policy*. New York: Rowman & Littlefield. 332 p.

Tanyeri Mazıcı E. 2020. Covid-19 Pandemi Sürecinde Dijital Diplomasi: T.C. Dışişleri Bakanlığı Üzerine Bir Araştırma [Digital Diplomacy in Covid-19 Pandemic Period: A Research on T.R. Ministry of Foreign Affairs]. *Journal of Turkish Studies*. 15(4). P. 1087–1104. DOI: 10.7827/TurkishStudies.44438.

Uysal N., Schroeder J. 2019. Turkey's Twitter Public Diplomacy: Towards a "new" Cult of Personality. *Public Relations Review*. 45(5). P. 1–9. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.101837.

Weller K., Bruns A., Burgess J., Mahrt M., Puschmann C. (eds.) 2013. *Twitter and Society*. New York: Peter Lang. 450 p.

Weng J., Lee B.-S. 2011. Event Detection in Twitter. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 5(1). P. 401–408.

Yağmurlu A. 2019. Dijital Diplomasi: Kamu Diplomasisi Çerçevesinden Avrupa Birliği Üye Ülkeleri ve Türkiye Dışişleri Bakanlıkları İnternet Uygulamaları [Digital Diplomacy: European Union Member States and Turkey Ministry of Foreign Affairs' Internet Usage from Public Diplomacy]. *Gumushane University e-journal of Faculty of Communication*. 7(2). P. 1267–1295. DOI: 10.19145/e-gifder.554946.

Yaqub U., Chun S. A., Atluri V., Vaidya J. 2017. Analysis of Political Discourse on Twitter in the Context of the 2016 US Presidential Elections. *Government Information Quarterly*. 34(4). P. 613–626.

Babacan M. 2021. Türk Dış Politikası'nın Dijital Kapasitesi: Pandemi Perspektifinden Dijital Diplomasi Uygulamaları [Digital Capacity of Turkish Foreign Policy: Digital Diplomacy Practices from a Pandemic Perspective]. *UPA Strategic Affairs*. 2(1). P. 119–142. (In Turkish)

Göksun Y. 2019. Barış Pınarı Harekâtı ve Twitter Diplomasisi [Operation Peace Spring and Twitter Diplomacy]. *Journal of Current Research on Social Sciences*. 9(4). P. 137–168. DOI: 10.26579/jocress. 329. (In Turkish)

İris M., Akdemir T. 2020. Kamu Diplomasisinde Dijital Dönüşüm: Büyükelçilerin Twitter Üzerinden Gerçekleştirdikleri Dijital Diplomasi Faaliyetlerinin İncelenmesi [Digital Transformation in Public Diplomacy: Examining the Digital Diplomacy Activities of Ambassadors via Twitter]. *AJIT-e: Academic Journal of Information Technology*. 11(42). P. 12–54. DOI: 10.5824/ajite.2020.03.001.x. (In Turkish)

Ovalı A. Ş. 2020. Türkiye-ABD İlişkilerinde Twitter Diplomasisi [Twitter Diplomacy in Turkey-US Relations]. *The journal of International Relations (Uluslararası İlişkiler)*. 17(65). P. 23–45. (In Turkish)

Özdemir M. 2020. Dijital Diplomasi ve Sosyal Medya: Barış Pınarı Harekatı Kapsamında Türkiye Washington Büyükelçiliğinin Twitter Kullanımı [Digital Diplomacy and Social Media: Twitter Use of Turkish Embassy in Washington in the Scope of Operation Peace Spring]. *International Journal of Public Relations AND Advertising Studies*. 3(2). P. 56–86. (In Turkish)

Управление инвестиционной привлекательностью субъектов Российской Федерации в контексте достижения целей устойчивого развития ООН

А.Н. Борисов¹, А.И. Бородин², Р.В. Губарев³, Е.И. Дзюба⁴, Э.Р. Сагатгареев⁵

¹ Российская ассоциация содействия ООН, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

^{2,3} Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

⁴ Отделение Общероссийского народного фронта в Республике Башкортостан

⁵ Башкирский институт физической культуры

Межрегиональные разрывы в инвестиционной сфере и санкционное давление на национальную экономику актуализировали задачу повышения эффективности управления инвестиционной привлекательностью на мезоуровне с применением современных высокоточных методов экономико-математического моделирования. В настоящее время для оценки инвестиционной привлекательности российских регионов применяется ряд тематических рейтингов, критический анализ которых позволил выявить ряд недостатков. В связи с этим в рамках настоящего исследования была поставлена цель построения адекватного рейтинга инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации с применением искусственного интеллекта. Результаты ретроспективной оценки углубляются путём кластеризации российских регионов исходя из достигнутого уровня инвестиционной привлекательности методом самоорганизующихся карт Кохонена. Для реализации прогностической функции формируется адекватный байесовский ансамбль из динамических нейросетевых моделей. В ходе эмпирического исследования были выдвинуты и подтверждены три гипотезы: о наличии значительных межрегиональных разрывов в сфере инвестиционной привлекательности; о негативном изменении кластерной структуры (в сфере инвестиционной привлекательности) российских регионов в 2013-2018 гг. под воздействием ряда новых экзогенных (внешних) факторов; о сохранении существенных межрегиональных разрывов (в инвестиционной сфере) в среднесрочной перспективе (на примере регионов-лидеров). Полученные результаты могут быть учтены при актуализации положений экономической политики ряда субъектов Российской Федерации. Авторский подход может быть применён и для анализа других стран мира в контексте достижения целей устойчивого развития ООН на мезоуровне.

УДК: 330.34, 332.14

Поступила в редакцию: 16.12.2021 г.

Принята к публикации: 03.05.2022 г.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционные риски, регионы России, искусственный интеллект, кластеризация, карта Кохонена, байесовский ансамбль, динамические нейросетевые модели

Приоритетной целью ООН – даже в случае со странами с динамично развивающейся экономикой (например, БРИКС) – остаётся повышение качества жизни населения, в том числе за счёт борьбы с бедностью. Решение социальных проблем и повышение качества жизни населения невозможно без обеспечения устойчивого экономического роста. В свою очередь, устойчивый экономический рост на мезоуровне предполагает активное привлечение инвестиций. В связи с этим в контексте достижения обозначенной выше приоритетной цели ООН руководство российских регионов в качестве первоочередной задачи справедливо определяет повышение их инвестиционной привлекательности. В условиях существенных межрегиональных разрывов в социально-экономическом развитии и, прежде всего, в инвестиционно-инновационной сфере, а также санкционного давления на национальную экономику усилилась конкурентная борьба среди субъектов Российской Федерации не только за государственные, но и частные инвестиции.

В настоящее время для принятия решения об инвестировании средств в региональную экономику, как правило, применяются специальные тематические рейтинги. В турбулентном состоянии национальной экономики по ряду объективных причин реализация прогностической функции приобретает первостепенное значение для обеспечения эффективности принимаемых руководством субъектов Российской Федерации управленческих решений в инвестиционной сфере на мезоуровне. В свою очередь, высокая точность прогнозирования может быть обеспечена с применением современных методов экономико-математического моделирования, в том числе с применением искусственного интеллекта. Алгоритмизация повседневной жизни, особенно в условиях доминирования машинного обучения, неизбежно вторгается в сферу моделирования и внедрения новых идей и институтов (Вольчик, Маслюкова 2018). Опираясь на работы известных зарубежных авторов – Дж. Акерлоф, П. Коллиер, Д. Сноуер, Р. Шиллер и др. (Akerlof, Snower 2016; Collier 2016; Damodaran 2017; Mordhorst, Schwarzkopf 2017; Shiller 2017), В.В. Вольчик и Е.В. Маслюкова делают вывод о том, что в условиях развития информационных технологий внимание к нарративам открывает перспективные предметные области для анализа экономической политики и институциональных изменений (Вольчик, Маслюкова 2018).

В рамках настоящего исследования поставлена цель построения адекватного рейтинга инвестиционной привлекательности субъектов РФ с применением искусственного интеллекта (ИИ). Такая цель предполагает решение трёх основных задач: 1) построение авторского тематического рейтинга, имеющего ряд методологических особенностей, позволяющих корректно определять инвести-

ционную привлекательность российских регионов при условии относительно невысокой трудоёмкости вспомогательных расчётов; 2) углубление ретроспективной оценки за счёт кластеризации субъектов Российской Федерации, исходя из достигнутого уровня инвестиционной привлекательности и 3) формирование среднесрочного прогноза в инвестиционной сфере экономики регионов России с применением искусственного интеллекта (для двух последних задач).

Выбор ИИ в качестве эффективного инструмента решения задач не случаен. В данном исследовании искусственный интеллект играет хотя и важную, но вспомогательную роль, заключающуюся в обеспечении объективности получаемых результатов. Поставленная цель и решаемые задачи, в свою очередь, предопределили структуру исследования: после обзора литературы осуществляется ретроспективная оценка инвестиционной привлекательности российских регионов, затем, исходя из достигнутого уровня изучаемого явления, производится кластеризация субъектов России и наконец, формируется среднесрочный прогноз инвестиционной привлекательности регионов России.

Методология

До сих пор в научном мире нет единой точки зрения на сущностную характеристику понятий «инвестиционная привлекательность» и «инвестиционный климат» на макро- и мезоуровне, а также на то, каким образом соотносятся между собой данные экономические категории. Так, например, В.В. Литвинова справедливо отмечает, что инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат в экономике можно сравнить с погодой и климатом в физической географии. Погода – это мгновенное состояние некоторых характеристик, а климат – статистический ансамбль состояний, усреднённое значение погоды за длительный промежуток времени (порядка нескольких десятилетий). По аналогии *инвестиционная привлекательность региона* – это интегральная характеристика среды инвестирования, формирующаяся на основании оценки инвестиционного потенциала и инвестиционного риска региона, отражающая субъективное восприятие региона потенциальным инвестором. *Инвестиционный климат региона* есть интегральная характеристика среды инвестирования, формирующаяся на основании оценки инвестиционной привлекательности региона в течение длительного промежутка времени (более 10 лет) и влияющая на желание потенциального инвестора осуществить вложения (Литвинова 2014).

Кратко охарактеризуем основные методологические особенности формирования тематических рейтингов.

Наиболее типичной группировкой показателей при оценке инвестиционной привлекательности российских регионов является объединение индикаторов по двум параметрам: инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Как правило, выделяются различные частные потенциалы и виды рисков. Достаточно подробно такая классификация показателей, необходимых для оценки

инвестиционной привлекательности регионов России, представлена, например, в работе Д.А. Изотова, который выделяет следующие частные потенциалы: природно-ресурсный, демографический, трудовой, производственный, потребительский, инфраструктурный, инновационный, институциональный, финансовый и туристический (Izotov 2019). В свою очередь, к инвестиционным рискам он относит такие их виды, как экономический, социально-демографический, финансовый, управленческий, экологический и криминальный.

Расчёт нормализованных (стандартизованных) значений частных показателей производится, как правило, одним из трёх методов: 1) минимаксным (Gagarina et al 2016); 2) z-масштабированием (Bondarenko, Borodin et al 2020); 3) методом Паттерн (Клименко 2009). В случае если рост показателя оценивается позитивно, то его нормализованное значение при расчёте минимаксным методом определяется как отношение разницы между фактическим и наименьшим значением индикатора к размаху вариации показателя (разница между наибольшим и наименьшим значением). При применении метода z-масштабирования нормализованное значение показателя рассчитывается как отношение разницы между фактическим и средним значением индикатора к среднеквадратическому отклонению показателя. Наконец, в случае расчёта методом Паттерн нормализованное значение показателя определяется отношением фактического к наибольшему значению индикатора. В случае если рост показателя оценивается негативно, то расчёт его нормализованного значения определяется как разница между единицей и полученным значением по ранее приведённой схеме. При этом нормализованное значение индикатора входит в интервал от нуля до единицы.

Одна группа учёных (Игнатъев, Мариев 2013; Ладыкова, Берсенев 2018; Найден, Белоусова 2018) считает целесообразным проведение расчёта индекса / субиндексов при условии равнозначности частных показателей; другая (Бахтин и др. 2016; Жукова, Цыкарева 2017; Земцов, Смелов 2018; Рюкер-Шеффер и др. 2018), наоборот, полагает необходимым применение дифференцированных весовых коэффициентов для индикаторов или их групп.

Расчёт индекса (и субиндексов) осуществляется по формуле средней арифметической (Борщевский 2018) или геометрической (Борисов, Почукаева 2017; Лосева 2016), а также путём сочетания таких способов (Третьякова, Осипова 2018). Так, например, сначала по формуле средней арифметической рассчитываются значения субиндексов, а значение индекса, в свою очередь, определяется по формуле средней геометрической из ранее рассчитанных значений субиндексов.

Для оценки инвестиционной привлекательности на мезоуровне с целью последующего инвестирования средств в экономику российского региона в настоящее время, как правило, применяется один из следующих тематических рейтингов (Павлова, Малютина 2018): 1) национальный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России (Национальное рейтинговое агентство);

2) национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив); 3) индекс конкурентоспособности регионов России (Консорциум «Леонтьевский центр»); 4) рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России RAEX («Эксперт-РА»).

Проведём критический анализ вышеуказанных рейтингов.

Национальный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России (Национальное рейтинговое агентство). В рейтинге за 2018 г. для оценки инвестиционной привлекательности российских регионов применяется 55 показателей, объединённых в семь групп: географическое положение и природные ресурсы; трудовые ресурсы региона; региональная инфраструктура; внутренний рынок региона (потенциал регионального спроса); производственный потенциал региональной экономики; институциональная среда и социально-политическая стабильность; финансовая устойчивость регионального бюджета и предприятий региона. С одной стороны, большое количество показателей позволяет всесторонне оценить изучаемое явление, но, с другой, расчёт индекса оказывается достаточно трудоёмким. Индикаторы рейтинга базируются не только на данных официальной статистики, но также формируются в результате тематических опросов предпринимательского сообщества и экспертных оценок. Показатели из последних двух групп носят ярко выраженный субъективный характер, что может привести к искажению результатов итоговой оценки. Сильной методологической стороной рейтинга является углубление ретроспективной оценки с помощью кластерного анализа, применяя метод k-means.

Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив). По итогам 2018 г. был сформирован рейтинг, являющийся результатом применения 44 показателей, сгруппированных по четырём направлениям: регуляторная среда; институты для бизнеса; инфраструктура и ресурсы; поддержка малого предпринимательства. Помимо этого определяется ряд тематических показателей вне рейтинга. Так же как и предыдущий рейтинг, он основывается на различных источниках информации, включая опросы предпринимателей и экспертов, а это может негативно отразиться на объективности результатов итоговой оценки. Помимо этого, преувеличение в составе показателей из двух вышеуказанных групп приводит к объёмной вспомогательной работе (обработке большого количества опросов предпринимателей и экспертов), необходимой для расчёта тематического индекса. Сильной стороной рейтинга является выявление лучших практик российских регионов-лидеров, которые могут быть внедрены регионами-аутсайдерами.

Индекс конкурентоспособности регионов России (Консорциум «Леонтьевский центр»). При формировании рейтинга за 2018 г. участвуют 26 новых индикаторов, в результате чего общее количество показателей достигло 160. Такое число представляется избыточным, поскольку не только повышает трудоёмкость вспомогательных расчётов, но и «размывает» и «разводняет» вклад от-

дельных индикаторов в итоговую оценку. Все факторы / оценки взвешиваются экспертно, что приводит к повышению субъективности рейтинга. Сильной стороной рейтинга является небезуспешная попытка формирования системы показателей с учётом повышения конкурентоспособности российских регионов и их отраслевой специализации, а также адекватной реакции на Указ Президента России № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития»¹.

Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России RAEX («Эксперт-РА»). Рейтинг за 2018 г. определён преимущественно на основе показателей, полученных из официальной информации Росстата и статистики федеральных министерств и ведомств. Сильной стороной рейтинга является группировка всех применяемых показателей по двум параметрам: инвестиционный потенциал и инвестиционные риски. Инвестиционный потенциал включает девять частных потенциалов: трудовой, финансовый, производственный, потребительский, институциональный, инфраструктурный, природно-ресурсный, туристический и инновационный. В свою очередь, инвестиционные риски также представлены комплексной категорией, т.е. состоят из шести видов: финансового, социального, управленческого, экономического, экологического и криминального. Весовые коэффициенты для каждого частного потенциала и всех видов рисков назначаются экспертно, что повышает субъективность результатов итоговой оценки.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость совершенствования методологии построения тематического индекса по двум причинам: с целью обеспечения объективности результатов ретроспективной оценки и возможности реализации прогностической функции.

Учитывая зарубежный опыт, развитие цифровизации государственного управления в России ряд учёных связывает с применением искусственного интеллекта (ИИ), и прежде всего, в контрольно-надзорной деятельности (Добролюбова 2018; Крамер 2019; Романова 2020). Так, акцентируется внимание на том, что на этапе оценки и коррекции результатов деятельности будут востребованы элементы искусственного интеллекта, методы, связанные с реализацией «основанной на доказательствах» политики (Добролюбова 2018: 75), отмечается заметная роль ИИ в совершенствовании промышленной политики России (Романова 2020).

Важность искусственного интеллекта в цифровой трансформации государственного управления в России трудно переоценить. Целью «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.» является занятие лидирующих позиций в мире по развитию и применению технологий ИИ.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Портал «Президент России». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 14.06.2022)

Множество исследователей сходятся во мнении, что развитие цифрового государственного управления и экономики в России на базе искусственного интеллекта приведёт к ускоренному устойчивому инновационному развитию всех без исключения социально-экономических систем за счёт значительного роста производительности труда и повышения качества оказываемых населению и бизнесу госуслуг, активного применения технологий «двойного назначения» (объединения достижений военной и гражданской науки) и, наконец, её ускоренной экономической интеграции со странами-партнёрами – Белорусью, Индией, Казахстаном, Китаем и др. (Кашин 2017; Клейнер 2020; Мацкуляк 2019; Чернов 2020; Эскиндаров 2019).

При этом необходимо отметить, что цифровизация государственного управления и экономики порождает не только положительные эффекты, но и имеет оборотную сторону медали, повышает риски. Автоматизация процессов принятия властных решений меняет властное волеизъявление человека на машинное (искусственный интеллект) и порождает конкуренцию между технологизацией публичного управления и соблюдением принципов правового государства (Крамер 2019: 756). Помимо этого, к основным рискам дальнейшей цифровизации экономики и системы государственного управления можно отнести повышение уровня безработицы в реальном секторе и необходимость оптимизации численности госслужащих, рост киберпреступности, сильную зависимость экономических агентов от интернета, отставание системы образования от запросов работодателей на высококвалифицированных специалистов, получение компаниями значительных преимуществ над потребителями (в части навязывания спроса) из-за возможности ускоренной обработки информации в гигантских объёмах, затруднение протекционистской политики для национальных производителей в силу формирования глобального мирового рынка товаров и услуг, возможность манипулирования электоральными предпочтениями граждан и т.д. (Дынкин 2020; Коковихин 2018; Хайнс 2019; Эскиндаров 2019). Возникает вопрос: уместно ли рассматривать цифровое правительство в качестве единственной альтернативы управлению по результатам? Однозначно ответить на данный вопрос очень сложно в связи с существованием множества аргументом и контраргументов для подобной точки зрения.

В настоящее время как в России, так и за рубежом для оценки различных явлений, в том числе инвестиционного и инновационного развития, на макро- и мезоуровне применяется преимущественно индексный метод, предполагающий расчёт тематического индекса и ряда субиндексов.

Всё многообразие существующих тематических рейтингов, представленных в научной литературе, имеет, как правило, несколько основных методологических отличий: 1) в части количества формируемой системы индикаторов (показателей) и их группировки (объединения по различным признакам); 2) применяемого метода нормализации (стандартизации) значений частных показателей; 3) необходимости назначения (экспертно) или расчёта (например, с помощью

корреляционно-регрессионного анализа) дифференцированных весовых коэффициентов для каждого из индикаторов (или их определённых групп); 4) правила (одного или комбинации) расчёта индекса и субиндексов.

При этом, как справедливо отмечает А. Никитин, комплексным критерием качества любого рейтинга является его валидность, характеризующая степень обоснованности и соответствия методологии, методик и технологий исследования изучаемому объекту (Никитин 2016). Действительно, некорректная оценка инвестиционной привлекательности субъекта Российской Федерации может привести к неэффективному решению об инвестировании средств в экономику региона.

Ретроспективная оценка инвестиционной привлекательности субъектов России проводится за 2011-2018 гг. (источником информации являются официальные данные региональной статистики²) с помощью индексного метода в несколько этапов: 1) формируется система показателей (индикаторов); 2) осуществляется нормализация значений индикаторов; 3) рассчитывается значение индекса и субиндексов.

Опираясь на вышеизложенный критический анализ литературы и индексов, для оценки инвестиционной привлекательности на мезоуровне считаем возможным предложить систему из 20 показателей (Таблица 1). Приведём краткую информацию о точках пересечения (в части системы показателей) предлагаемого индекса с указанными рейтингами. Из национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Агентство стратегических инициатив) взяты два показателя, характеризующие уровень развития малого предпринимательства в субъекте (количество малых предприятий на 100 тыс. чел. населения и удельный вес среднесписочной численности малых предприятий). Наиболее тесно авторский рейтинг в части системы показателей связан с индексом конкурентоспособности регионов России (Консорциум «Леонтьевский центр»). В двух вышеуказанных рейтингах (индексах) присутствуют одновременно шесть следующих показателей: уровень участия в составе рабочей силы населения, удельный вес занятого населения с высшим образованием, производительность труда, уровень безработицы, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и число зарегистрированных преступлений на 1 млн чел. Из национального рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России (Национальное рейтинговое агентство) также заимствованы четыре показателя, а именно: производительность труда, оборот розничной торговли на душу населения, удельный вес убыточных организаций и уровень безработицы. Наконец, выбраны такие показатели, как отношение среднедушевого денежного дохода населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, уровень безработицы, а также численность

² Регионы России. 2019. *Социально-экономические показатели*. 2019: стат. сб. Москва: Росстат.

населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (см.: Найден, Белоусова 2018).

Все индикаторы объединены в две группы: инвестиционный потенциал (15 показателей) и инвестиционные риски (пять показателей). При этом только рост значений показателей первой группы признаётся позитивной тенденцией. Помимо этого, часть индикаторов выражена в различных единицах измерения.

Таблица 1. Система показателей оценки инвестиционной привлекательности российских регионов

Table 1. The system of indicators for assessing the investment attractiveness of Russian regions

Группа	Показатель	Условное обозначение показателя	Единица измерения
1. Инвестиционный потенциал	1.1 Уровень участия в составе рабочей силы населения	X_1	%
	1.2 Удельный вес занятого населения с высшим образованием	X_2	% (в общей численности занятого населения)
	1.3 Инновационная активность организаций	X_3	%
	1.4 Удельный вес инновационных товаров, работ и услуг промышленного производства	X_4	% (в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг промышленного производства)
	1.5 Удельный вес затрат на технологические инновации	X_5	% (в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ и оказанных услуг)
	1.6 Количество малых предприятий (без микропредприятий) на 100 тыс.чел. населения	X_6	ед./100 тыс.чел.
	1.7 Удельный вес среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых предприятий (без микропредприятий)	X_7	% (в общей численности занятого населения)
	1.8 Отношение среднедушевого денежного дохода населения к стоимости фиксированного набора товаров и услуг	X_8	%
	1.9 Плотность железнодорожных путей	X_9	км путей на 10 тыс.км ² территории
	1.10 Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием	X_{10}	км путей на 1 тыс.км ² территории
	1.11 Ввод в действие жилых домов на 1 тыс. чел. населения	X_{11}	м ² (общей площади жилых помещений)/ тыс.чел.
	1.12 Рентабельность продаж организаций	X_{12}	%
	1.13 Фондовооруженность	X_{13}	тыс.руб./чел.
	1.14 Оборот розничной торговли (в сопоставимых ценах 2011 года) на душу населения	X_{14}	тыс.руб./чел.
	1.15 Производительность труда (промышленное производство)	X_{15}	тыс.руб./чел.

Группа	Показатель	Условное обозначение показателя	Единица измерения
2. Инвестиционные риски	2.1 Удельный вес убыточных организаций	X_{16}	% (от общего числа организаций)
	2.2 Уровень безработицы	X_{17}	%
	2.3 Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума	X_{18}	% (от общей численности населения)
	2.4 Степень износа основных фондов	X_{19}	%
	2.5 Число зарегистрированных преступлений (убийств и покушений на убийство) на 1 млн чел. населения	X_{20}	ед./млн чел.

Для обеспечения сопоставимости результатов оценки выполняется процедура нормализации значений показателей по методу Паттерн:

$$x_i = \begin{cases} \frac{X_i}{X_{i \max}}, & \text{если рост значения индикатора оценивается позитивно;} \\ 1 - \frac{X_i}{X_{i \max}}, & \text{в обратном случае.} \end{cases} \quad (1)$$

где X_i – значение i -го индикатора для любого субъекта Российской Федерации в определённый год; $X_{i \max}$ – наибольшее значение i -го индикатора среди всех регионов страны за весь анализируемый период времени.

Выбор метода нормализации значений индикаторов неслучаен: на наш взгляд, именно он позволяет наиболее корректно оценивать степень конвергенции (дивергенции) изучаемого явления.

Вопрос о необходимости назначения весовых коэффициентов для индикаторов при определении значений агрегированных показателей (индекса и субиндексов) в научном мире остаётся дискуссионным. Авторы придерживаются точки зрения о целесообразности расчёта индекса (и субиндексов) по формуле простой средней арифметической, т.е. считая индикаторы равнозначными:

$$Y = \frac{\sum_{i=1}^n x_i}{n}, \quad (2)$$

где n – количество показателей, характеризующих инвестиционную привлекательность регионов страны.

Необходимо отметить, что сила связи между зависимой переменной и каждой независимой может быть различной. Расчёт и анализ значений парных коэффициентов К. Пирсона показал, что наиболее сильное влияние на результативный показатель оказывают четырнадцатый, шестой, восьмой и восемнадцатый факторы. Как видно из Таблицы 1, три из четырёх показателей относятся к инвестиционному потенциалу региона. Также, мультиколлинеарность в исходных данных в нашем случае практически отсутствует (толь-

ко значение коэффициента для девятой и десятой независимых переменных превышает 0,85).

Основной целью проводимой ретроспективной оценки является проверка *первой гипотезы о наличии значительных межрегиональных разрывов в сфере инвестиционной привлекательности*.

В настоящее время искусственный интеллект широко применяется во многих научных областях, однако преимущественно не в социально-экономических исследованиях. В связи с этим в рамках настоящей работы именно с помощью искусственного интеллекта последовательно решаются две задачи: кластеризации российских регионов исходя из достигнутого уровня инвестиционной привлекательности и прогнозирования изучаемого явления.

Кластеризация производится методом самоорганизующихся карт Кохонена в демоверсии программного продукта «Deductor Studio Lite 5.1». По причине ограниченности функциональных возможностей такой версии процедура осуществляется для каждого года в отдельности. Здесь проверяется другая (*вторая*) гипотеза о негативном изменении кластерной структуры (в сфере инвестиционной привлекательности) российских регионов в 2013-2018 гг. под воздействием ряда новых экзогенных (внешних) факторов (в частности, санкционного давления на национальную экономику со стороны США и стран ЕС). В нашем случае исходной информацией для кластеризации являются значения индекса и двух субиндексов регионов России за вышеуказанные шесть лет. Учитывая наибольшие и наименьшие значения показателей, авторы считают возможным объединить все субъекты Российской Федерации для каждого года в четыре кластера, характеризующиеся, соответственно, «выше среднего», «средним», «ниже среднего» и «низким» уровнем инвестиционной привлекательности. Помимо этого, исследователями самостоятельно задаются ещё два условия вычислительных экспериментов: 1) способ начальной инициализации карты – из обучающего множества; 2) применяется Гауссова функция соседства (Grinberg et al 2018).

Прогнозирование инвестиционной привлекательности субъектов России осуществляется в результате формирования байесовского ансамбля из динамических нейросетевых моделей (НСМ) в программном продукте «NeuroSolutions for Excel 6». Охарактеризуем основные условия проведения вычислительных экспериментов, задаваемые исследователями самостоятельно (Gubarev, Dzyuba 2019). Ниже представлена спецификация НСМ, представляющая собой зависимость нелинейного вида «выходного» показателя от «входных» переменных:

$$\hat{Y} = F(X, X_t), \quad (3)$$

где X – субиндекс инвестиционный потенциал российских регионов; X_t – дополнительный фактор «время» (рассчитывается как отношение номера определённого года, к количеству лет всего анализируемого периода с учётом горизонта прогнозирования).

В качестве топологии каждой НСМ выбирается многослойный персептрон. Массив исходной информации («входные» переменные и «выходной» показатель) разбивается на обучающую (данные за 2011-2017 гг.) и тестирующую выборку (данные за 2018 г.).

Здесь проверяется *третья гипотеза о сохранении существенных межрегиональных разрывов (в инвестиционной сфере) в среднесрочной перспективе (на примере регионов-лидеров)*.

Центральное место при решении двух указанных задач (кластеризации и прогнозирования) отводится проверке результатов нейромоделирования на адекватность. В первом случае адекватность определяется на основе автоматически рассчитываемых показателей (максимальная и средняя ошибка, а также процент корректно распознанных наблюдений, т.е. с погрешностью менее 5%). В другом случае помимо автоматически определяемых основных показателей адекватности (нормированная среднеквадратическая ошибка (NMSE) и коэффициент корреляции (r) между теоретическими и фактическими значениями «выходного» показателя) также рассчитывается исследователями самостоятельно и частотный критерий качества (Белолипец 2015):

$$P' = \frac{N'}{N_{test}}, \quad (4)$$

где N' – количество корректно (с погрешностью ξ в размере 5 и 8 %) распознанных наблюдений; N_{test} – размер (количество наблюдений) тестирующей выборки.

При этом граничное значение (в нашем случае минимально или максимально допустимое значение исходя из необходимой степени точности нейромоделирования) определённого показателя характеризующего адекватность НСМ задаётся авторами самостоятельно и уточняется в ходе вычислительных экспериментов. НСМ признаётся адекватной, если одновременно выполняется ряд неравенств: $NSME \leq 0,05$, $r \geq 0,95$, а также $P' \geq 85$ и 95 % при ξ в размере 5 и 8% соответственно.

Результаты исследования и их обсуждение

Поскольку тематические рейтинги имеют методологические недостатки (как правило, их построение является трудоёмким, а итоговые результаты оценки имеют ярко выраженный субъективный характер), а главное – не позволяют прогнозировать изменение изучаемого явления, то для проверки трёх ранее выдвинутых гипотез применяется авторский подход. В таблице 2 представлены результаты рейтинга инвестиционной привлекательности российских регионов, а на рисунке 1 отражена динамика соответствующего индекса для регионов-лидеров России.

Таблица 2. Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России в 2011-2018 гг.*Table 2. Rating of investment attractiveness of Russian regions in 2011-2018*

Субъект РФ	Рейтинг ИП							
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
1. Белгородская область	8	8	11	8	9	7	6	6
2. Брянская область	46	49	53	50	44	30	47	49
3. Владимирская область	33	28	31	36	28	28	32	34
4. Воронежская область	15	16	13	12	8	9	9	8
5. Ивановская область	55	50	45	45	47	53	48	51
6. Калужская область	10	10	12	13	13	19	13	13
7. Костромская область	47	62	60	59	57	35	55	59
8. Курская область	35	35	33	35	34	23	29	19
9. Липецкая область	7	12	8	6	6	6	7	9
10. Московская область	5	4	4	4	3	5	3	3
11. Орловская область	36	39	50	44	41	38	51	41
12. Рязанская область	29	26	23	19	23	18	21	21
13. Смоленская область	38	44	47	47	40	43	30	40
14. Тамбовская область	56	42	41	34	30	21	31	27
15. Тверская область	49	45	48	54	55	52	35	47
16. Тульская область	40	29	30	27	18	15	18	17
17. Ярославская область	17	13	25	18	24	22	22	20
18. г. Москва	1	1	1	2	1	2	2	1
19. Республика Карелия	51	51	59	66	62	67	64	60
20. Республика Коми	30	52	52	51	56	57	58	52
21. Архангельская область	50	40	36	64	61	54	54	58
22. Вологодская область	45	46	40	28	22	25	36	33
23. Калининградская область	20	15	17	11	10	10	16	15
24. Ленинградская область	25	24	7	22	15	13	10	11
25. Мурманская область	44	41	37	48	43	47	34	35
26. Новгородская область	37	31	43	38	31	36	43	44
27. Псковская область	54	54	57	53	51	63	62	56
28. г. Санкт-Петербург	2	2	2	1	2	1	1	2
29. Республика Адыгея	43	38	32	26	37	29	33	29
30. Республика Калмыкия	77	77	77	79	78	78	78	77
31. Краснодарский край	24	21	19	17	16	14	12	18
32. Астраханская область	67	66	55	46	59	55	66	65
33. Волгоградская область	61	64	65	55	64	59	65	63
34. Ростовская область	26	25	26	31	21	17	23	23
35. Республика Дагестан	72	71	70	65	67	65	67	71
36. Республика Ингушетия	80	80	78	77	79	79	79	79
37. Кабардино-Балкарская Республика	75	75	75	75	76	74	73	73
38. Карачаево-Черкесская Республика	73	76	76	76	75	75	75	75
39. Республика Северная Осетия-Алания	70	70	73	72	72	71	69	68
40. Чеченская Республика	79	79	79	78	77	77	74	76
41. Ставропольский край	48	36	38	30	33	48	52	53
42. Республика Башкортостан	18	20	18	21	25	33	26	26
43. Республика Марий Эл	76	68	67	62	65	62	60	67
44. Республика Мордовия	13	43	35	24	32	26	37	45
45. Республика Татарстан	4	5	5	5	5	4	4	4

Субъект РФ	Рейтинг ИП							
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
46. Удмуртская Республика	52	53	51	42	45	34	40	42
47. Чувашская Республика	31	17	21	16	20	20	28	24
48. Пермский край	41	33	20	32	29	44	24	31
49. Кировская область	39	34	44	33	35	42	44	46
50. Нижегородская область	9	9	10	10	12	11	11	10
51. Оренбургская область	59	61	62	56	54	60	61	61
52. Пензенская область	42	32	29	29	26	32	19	25
53. Самарская область	11	6	9	9	11	16	17	14
54. Саратовская область	63	57	63	60	58	56	56	55
55. Ульяновская область	34	47	49	49	50	50	45	36
56. Курганская область	74	73	71	74	71	69	72	74
57. Свердловская область	12	11	14	20	14	24	14	16
58. Тюменская область	6	7	6	7	7	8	8	7
59. Челябинская область	23	23	28	37	48	49	38	30
60. Республика Алтай	60	63	68	67	70	76	71	72
61. Республика Бурятия	68	69	66	70	73	72	76	70
62. Республика Тыва	78	78	80	80	80	80	80	80
63. Республика Хакасия	71	72	69	71	66	70	68	69
64. Алтайский край	53	60	61	61	53	41	41	50
65. Забайкальский край	65	67	74	68	69	68	70	62
66. Красноярский край	27	37	22	23	42	39	42	37
67. Иркутская область	62	56	56	63	60	64	57	54
68. Кемеровская область	64	59	64	69	68	66	59	66
69. Новосибирская область	14	14	15	14	17	27	20	22
70. Омская область	21	30	24	25	27	31	39	39
71. Томская область	32	48	42	41	36	37	27	28
72. Республика Саха (Якутия)	66	65	58	58	52	46	53	48
73. Камчатский край	22	19	39	39	39	40	25	38
74. Приморский край	28	22	34	43	46	51	49	32
75. Хабаровский край	19	18	16	15	19	12	15	12
76. Амурская область	58	55	54	57	63	58	63	64
77. Магаданская область	16	27	27	52	38	45	46	43
78. Сахалинская область	3	3	3	3	4	3	5	5
79. Еврейская автономная область	69	74	72	73	74	73	77	78
80. Чукотский автономный округ	57	58	46	40	49	61	50	57

Источник: составлено авторами

Примечание: в расчётах не участвуют два субъекта России (Республика Крым и г. Севастополь) по причине отсутствия российских статистических данных до 2014 г.

В анализируемый период за 1-е/2-е и 3-е/4-е место в рейтинге инвестиционной привлекательности наблюдалась конкуренция между – соответственно – городами Москвой и Санкт-Петербургом, Московской областью и Республикой Татарстан. На это указывает расчёт и анализ значений их индексов за 2011-2018 гг. (имели близкие значения вышеуказанные пары регионов-лидеров). При этом нельзя не отметить наличие существенных межрегиональных разрывов

даже в группе регионов-лидеров, т.е. между 1-м/2-м и 3-м/4-м местами в соответствующем рейтинге исходя из значений индекса инвестиционной привлекательности в 2011-2018 гг.

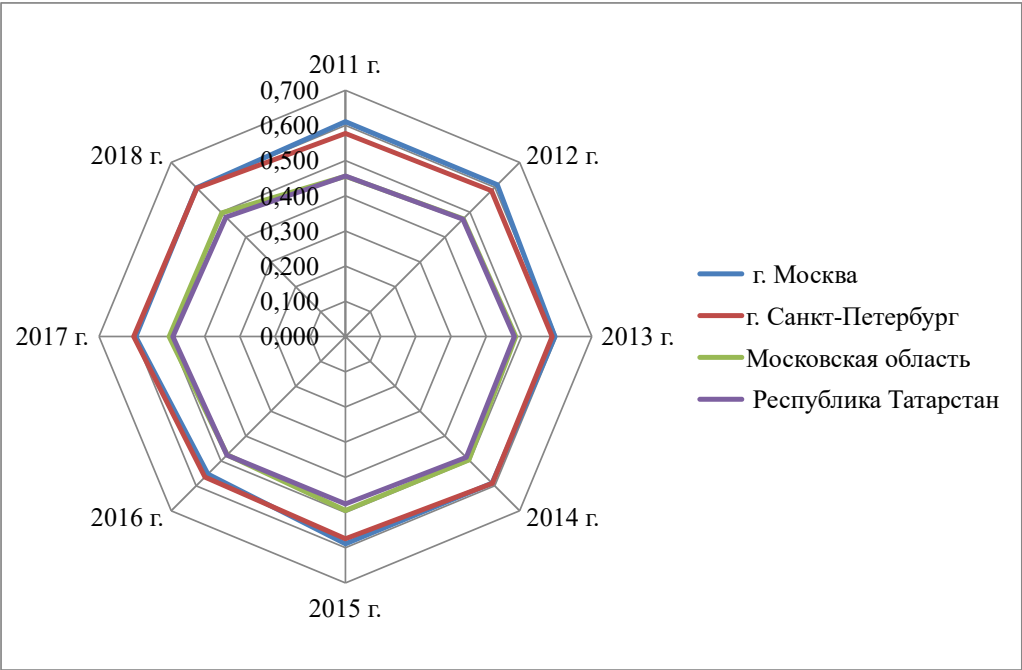

Рисунок 1. Индекс инвестиционной привлекательности регионов-лидеров России в 2011-2018 гг.

Figure 1. Index of investment attractiveness of the leading regions of Russia in 2011-2018
Источник: составлено авторами

Оценка межрегиональных разрывов (в сфере инвестиционной привлекательности) производится на основе расчёта и анализа наибольшего, наименьшего значения и их соотношений для индекса и двух субиндексов, а её результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Оценка степени конвергенции (дивергенции) регионов России в сфере инвестиционной привлекательности
Table 3. Assessment of the degree of convergence (divergence) of Russian regions in the field of investment attractiveness

Показатель		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Отношение наибольшего значения к наименьшему	Индекс ИП	2,9	2,8	2,6	2,8	2,6	2,5	2,5	2,5
	Субиндекс ИП	3,5	3,4	3,2	3,2	2,9	2,7	3,2	3,2
	Субиндекс ИР	2,5	2,1	2,0	2,2	2,2	2,2	1,7	1,6
Наибольшее значение	Индекс ИП	0,611	0,610	0,595	0,590	0,589	0,565	0,602	0,598
	Субиндекс ИП	0,576	0,575	0,556	0,553	0,553	0,511	0,562	0,562
	Субиндекс ИР	0,715	0,728	0,718	0,707	0,709	0,727	0,719	0,713

Показатель		2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Наименьшее значение	Индекс ИП	0,209	0,217	0,231	0,208	0,223	0,228	0,242	0,242
	Субиндекс ИП	0,163	0,169	0,175	0,170	0,191	0,186	0,176	0,177
	Субиндекс ИР	0,287	0,347	0,364	0,322	0,319	0,335	0,427	0,438

Источник: составлено авторами

За весь анализируемый период наблюдалась некоторая степень конвергенции субъектов в сфере инвестиционной привлекательности. На это указывает снижение межрегиональных разрывов не только в целом по инвестиционной привлекательности, но и инвестиционному потенциалу и инвестиционным рискам. Такие разрывы, однако, и в настоящее время остаются значительными.

В 2018 г. наибольшее значение индекса превышало наименьшее в 2,5 раза, а для субиндекса «инвестиционный потенциал» и «инвестиционные риски», соответственно в 3,2 и 1,6 раза. Таким образом, первая из выдвинутых ранее гипотез подтвердилась. Исходя из вышеприведённых данных, сокращение межрегиональных разрывов в сфере инвестиционной привлекательности, возможно, прежде всего, за счёт подтягивания регионов-аутсайдеров к регионам-лидерам по степени реализации инвестиционного потенциала.

Ретроспективная тематическая оценка углубляется путём кластеризации регионов России по уровню их инвестиционной привлекательности.

В таблице 4 представлены результаты оценки адекватности НСМ, необходимых для решения задачи кластеризации российских регионов, исходя из достигнутого уровня инвестиционной привлекательности.

Для любого года из анализируемого периода каждая НСМ позволяла корректно (с погрешностью в пределах 5%) распознать (отнести к определённой группе) все 80 субъектов России в ходе процедуры их кластеризации по уровню инвестиционной привлекательности.

Таблица 4. Результаты оценки адекватности НСМ (применяемых в ходе процедуры кластеризации регионов России по уровню инвестиционной привлекательности)

Table 4. The results of assessing the adequacy of neural network models / NNM (used in the course of the procedure for clustering Russian regions by the level of investment attractiveness)

Показатель	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Максимальная ошибка	0,023	0,013	0,04	0,031	0,027	0,014
Средняя ошибка	0,002	0,001	0,002	0,003	0,002	0,002
Процент корректно распознанных наблюдений	100					

Источник: составлено авторами

Одного порядка была и средняя ошибка обучения. Учитывая значения основных показателей адекватности, можно сделать вывод о возможности практического применения результатов кластеризации российских регионов исходя

из достигнутого уровня инвестиционной привлекательности по причине высокой точности обучения НСМ.

На рисунке 2 представлена кластерная структура (в сфере инвестиционной привлекательности) российских регионов в 2013-2018 гг.

В 2013-2014 гг. произошли исключительно негативные изменения кластерной структуры (в сфере инвестиционной привлекательности) регионов. Так, сократился удельный вес субъектов, входящих в первый / второй кластеры и, наоборот, возрос удельный вес субъектов, относящихся к третьему / четвёртому кластеру.

Если в 2013 г. наиболее населённым был второй кластер, то в 2014 г. – третий. За указанные два года анализируемого периода увеличился и общий удельный вес российских регионов, входящих в третий / четвёртый кластеры, т.е. субъектов, характеризующихся низким, либо ниже среднего уровнем инвестиционной привлекательности. На наш взгляд, такие изменения кластерной структуры российских регионов в 2013-2014 гг. стали ответной реакцией национальной экономики на санкционное давление со стороны США и стран ЕС. За 2014-2017 гг. кластерная структура субъектов Российской Федерации также претерпела существенные изменения.

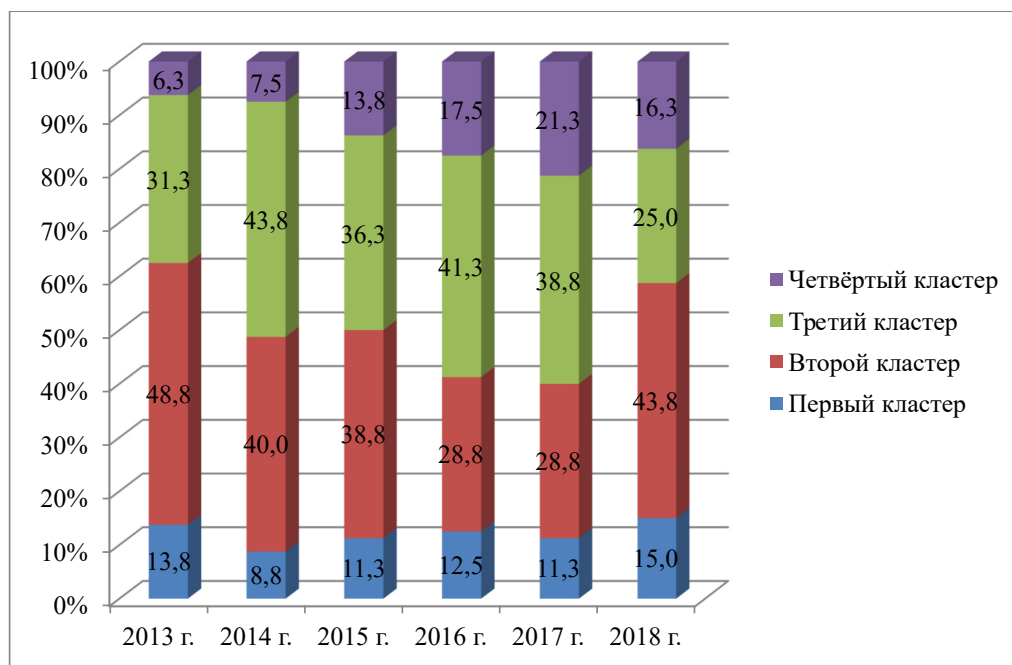

Рисунок 2. Кластерная структура (в сфере инвестиционной привлекательности) регионов России в 2013-2018 гг.

Figure 2. Cluster structure (in the field of investment attractiveness) of Russian regions in 2013-2018

Источник: составлено авторами

Однако происходили не только негативные, но и позитивные изменения.

С одной стороны, за указанный период на 2,5 пункта увеличился удельный вес регионов, имеющих уровень инвестиционной привлекательности выше среднего, но, с другой стороны, возрос и удельный вес регионов, входящих в третий и четвёртый кластеры с 51,3 до 60%.

За 2017-2018 гг. произошли исключительно позитивные изменения в кластерной структуре регионов России: в результате в 2018 г. кластерная структура субъектов Федерации (в сфере инвестиционной привлекательности) приобрела подобный вид по сравнению со структурой в 2013 г. Подтверждается и вторая гипотеза о возможном негативном влиянии внешних новых факторов, в том числе санкций, на национальную экономику и, прежде всего, инвестиционную привлекательность регионов в анализируемом периоде. При этом нельзя не отметить улучшение ситуации в 2018 г. На наш взгляд, это стало следствием адаптации национальной экономики к негативному влиянию новых внешних факторов, включая санкционное давление. Полученные в данной работе результаты коррелируют с ранее проведёнными эмпирическими исследованиями. Аргументируем такую точку зрения. Достаточно подробно оценка негативного влияния санкций на деятельность российских предприятий представлена в работе Р.М. Нуреева и Е.Г. Бусыгина (Нуреев, Бусыгин 2016). При этом ряд авторов, признавая негативное влияние санкций США и стран ЕС на национальную экономику в настоящее время, считают их фактором-драйвером для средне- и долгосрочной перспективы. В частности, О.С. Сухарев приводит яркие примеры развития отечественной техники и технологий (военных и гражданских) в качестве ответа на такой вызов (Сухарев 2019). Значительные изменения в кластерной структуре российских регионов также связаны и с тем, что большая их часть занимала граничное (хребтовое) положение между соответствующими группами субъектов России. Формирование среднесрочного (трёхлетнего) прогноза также осуществляется с помощью искусственного интеллекта. В ходе вычислительных экспериментов был сформирован адекватный байесовский ансамбль из пяти динамических НСМ (таблицы 5 и 6), позволяющий реализовать прогностическую функцию с высокой степенью точности (таблица 7).

Таблица 5. Конфигурация байесовского ансамбля из динамических НСМ
Table 5. Configuration of the Bayesian ensemble from dynamic NNM

НСМ	Количество скрытых слоев	Оптимальное (фиксированное) количество нейронов		Варьируемое количество нейронов с единичным шагом	
		в первом скрытом слое	во втором скрытом слое	в первом скрытом слое	во втором скрытом слое
Первая	1	8	х	1-9	х
Вторая	1	9	х	1-10	х
Третья	1	10	х	1-18	х
Четвертая	2	(9)	10	х	1-10
Пятая	2	(9)	18	х	1-20

Источник: составлено авторами

Кратко охарактеризуем эксперименты. В нашем случае варьировалось не только число скрытых слоев, но и количество нейронов в них. Специальные возможности программного продукта позволяют определять оптимальное число нейронов в одном скрытом слое при фиксированном их количестве в другом скрытом слое. При этом вид активационной функции как в скрытых слоях (гиперболический тангенс), так и в выходном слое (линейная) оставался неизменным.

Расчёт и анализ значений показателей адекватности байесовского ансамбля позволяет сделать вывод о высокой точности аппроксимации значений индекса инвестиционной привлекательности российских регионов. В частности, при 8% погрешности свыше 98% наблюдений являются «хорошими», что указывает на возможность практического применения результатов нейромоделирования – прогнозирования изучаемого явления.

Таблица 6. Результаты оценки адекватности байесовского ансамбля из динамических HCM

Table 6. Results of assessing the adequacy of the Bayesian ensemble from dynamic NNM

HCM	r	NMSE	N'		P'	
			$\xi=5\%$	$\xi=8\%$	$\xi=5\%$	$\xi=8\%$
Первая	0,984	0,031	72	79	90,0	98,8
Вторая	0,984	0,037	70	79	87,5	98,8
Третья	0,984	0,034	74	78	92,5	97,5
Четвертая	0,983	0,044	71	78	88,8	97,5
Пятая	0,984	0,035	74	79	92,5	98,8
Байесовский ансамбль нейросетевых моделей	0,984	0,036	72	79	90,3	98,3

Источник: составлено авторами

Из-за наличия нетипичных наблюдений (во временных рядах) среди значений субиндекса инвестиционный потенциал регионов-лидеров России построение адекватных трендов не представляется возможным, поэтому прогнозные значения указанного показателя рассчитываются на основе среднегодовых темпов роста за 2011-2018 гг. при условии их неизменности в прогнозном периоде.

Таблица 7. Результаты среднесрочного прогнозирования инвестиционной привлекательности регионов России

Table 7. Results of mid-term forecasting of investment attractiveness of Russian regions

Субъект РФ	2019 г. (оценка)			2020 г. (оценка)			2021 г. (оценка)		
	Y	X	Xt	Y	X	Xt	Y	X	Xt
Белгородская область	0,455	0,391	0,818	0,461	0,401	0,909	0,467	0,412	1
Брянская область	0,352	0,277	0,818	0,353	0,278	0,909	0,354	0,278	1
Владимирская область	0,367	0,294	0,818	0,368	0,294	0,909	0,368	0,295	1
Воронежская область	0,434	0,368	0,818	0,438	0,375	0,909	0,442	0,381	1
Ивановская область	0,357	0,283	0,818	0,357	0,283	0,909	0,358	0,283	1

Субъект РФ	2019 г. (оценка)			2020 г. (оценка)			2021 г. (оценка)		
	Y	X	Xt	Y	X	Xt	Y	X	Xt
Калужская область	0,414	0,345	0,818	0,415	0,348	0,909	0,416	0,350	1
Костромская область	0,340	0,264	0,818	0,339	0,262	0,909	0,338	0,259	1
Курская область	0,389	0,319	0,818	0,394	0,324	0,909	0,398	0,329	1
Липецкая область	0,440	0,375	0,818	0,442	0,378	0,909	0,443	0,382	1
Московская область	0,502	0,448	0,818	0,505	0,456	0,909	0,508	0,464	1
Орловская область	0,360	0,286	0,818	0,361	0,286	0,909	0,361	0,286	1
Рязанская область	0,400	0,330	0,818	0,404	0,335	0,909	0,407	0,340	1
Смоленская область	0,377	0,305	0,818	0,379	0,307	0,909	0,380	0,309	1
Тамбовская область	0,389	0,318	0,818	0,395	0,325	0,909	0,400	0,332	1
Тверская область	0,369	0,296	0,818	0,371	0,298	0,909	0,373	0,300	1
Тульская область	0,406	0,337	0,818	0,412	0,344	0,909	0,417	0,351	1
Ярославская область	0,401	0,331	0,818	0,401	0,332	0,909	0,401	0,333	1
г. Москва	0,588	0,564	0,818	0,585	0,567	0,909	0,582	0,569	1
Республика Карелия	0,359	0,286	0,818	0,359	0,284	0,909	0,359	0,283	1
Республика Коми	0,374	0,302	0,818	0,372	0,300	0,909	0,371	0,298	1
Архангельская область	0,353	0,278	0,818	0,353	0,278	0,909	0,354	0,278	1
Вологодская область	0,373	0,301	0,818	0,375	0,303	0,909	0,377	0,305	1
Калининградская область	0,416	0,348	0,818	0,419	0,353	0,909	0,422	0,357	1
Ленинградская область	0,432	0,366	0,818	0,440	0,376	0,909	0,447	0,387	1
Мурманская область	0,382	0,311	0,818	0,385	0,315	0,909	0,388	0,318	1
Новгородская область	0,365	0,291	0,818	0,364	0,291	0,909	0,364	0,290	1
Псковская область	0,361	0,288	0,818	0,362	0,289	0,909	0,364	0,289	1
г. Санкт-Петербург	0,586	0,562	0,818	0,585	0,566	0,909	0,583	0,570	1
Республика Адыгея	0,363	0,290	0,818	0,366	0,293	0,909	0,369	0,296	1
Республика Калмыкия	0,297	0,213	0,818	0,301	0,216	0,909	0,306	0,219	1
Краснодарский край	0,395	0,324	0,818	0,399	0,330	0,909	0,403	0,335	1
Астраханская область	0,344	0,268	0,818	0,345	0,269	0,909	0,346	0,269	1
Волгоградская область	0,325	0,247	0,818	0,325	0,245	0,909	0,325	0,243	1
Ростовская область	0,380	0,309	0,818	0,383	0,312	0,909	0,386	0,316	1
Республика Дагестан	0,295	0,211	0,818	0,296	0,210	0,909	0,298	0,209	1
Республика Ингушетия	0,298	0,214	0,818	0,303	0,218	0,909	0,309	0,223	1
Кабардино-Балкарская Республика	0,317	0,237	0,818	0,319	0,238	0,909	0,322	0,240	1
Карачаево-Черкесская Республика	0,288	0,202	0,818	0,287	0,198	0,909	0,287	0,194	1
Республика Северная Осетия-Алания	0,330	0,252	0,818	0,333	0,254	0,909	0,336	0,257	1
Чеченская Республика	0,278	0,189	0,818	0,283	0,193	0,909	0,288	0,196	1
Ставропольский край	0,340	0,264	0,818	0,341	0,263	0,909	0,341	0,263	1
Республика Башкортостан	0,380	0,308	0,818	0,379	0,308	0,909	0,379	0,308	1
Республика Марий Эл	0,341	0,265	0,818	0,343	0,266	0,909	0,345	0,268	1
Республика Мордовия	0,369	0,296	0,818	0,364	0,290	0,909	0,360	0,285	1
Республика Татарстан	0,478	0,419	0,818	0,479	0,424	0,909	0,480	0,430	1
Удмуртская Республика	0,375	0,303	0,818	0,377	0,305	0,909	0,378	0,306	1
Чувашская Республика	0,404	0,335	0,818	0,407	0,339	0,909	0,409	0,342	1
Пермский край	0,391	0,321	0,818	0,392	0,322	0,909	0,393	0,323	1
Кировская область	0,363	0,289	0,818	0,363	0,289	0,909	0,363	0,288	1
Нижегородская область	0,433	0,367	0,818	0,434	0,370	0,909	0,436	0,374	1
Оренбургская область	0,346	0,271	0,818	0,347	0,271	0,909	0,348	0,270	1
Пензенская область	0,390	0,320	0,818	0,393	0,323	0,909	0,395	0,326	1
Самарская область	0,415	0,347	0,818	0,415	0,348	0,909	0,415	0,349	1

Субъект РФ	2019 г. (оценка)			2020 г. (оценка)			2021 г. (оценка)		
	Y	X	Xt	Y	X	Xt	Y	X	Xt
Саратовская область	0,358	0,284	0,818	0,361	0,287	0,909	0,365	0,290	1
Ульяновская область	0,384	0,313	0,818	0,386	0,315	0,909	0,388	0,317	1
Курганская область	0,317	0,237	0,818	0,315	0,233	0,909	0,314	0,229	1
Свердловская область	0,414	0,346	0,818	0,414	0,347	0,909	0,413	0,347	1
Тюменская область	0,469	0,408	0,818	0,469	0,411	0,909	0,468	0,413	1
Челябинская область	0,378	0,306	0,818	0,378	0,306	0,909	0,378	0,306	1
Республика Алтай	0,303	0,221	0,818	0,301	0,216	0,909	0,300	0,212	1
Республика Бурятия	0,318	0,239	0,818	0,319	0,237	0,909	0,319	0,236	1
Республика Тыва	0,268	0,175	0,818	0,269	0,174	0,909	0,270	0,172	1
Республика Хакасия	0,317	0,237	0,818	0,319	0,238	0,909	0,322	0,239	1
Алтайский край	0,362	0,288	0,818	0,364	0,291	0,909	0,367	0,294	1
Забайкальский край	0,354	0,280	0,818	0,354	0,279	0,909	0,355	0,279	1
Красноярский край	0,371	0,299	0,818	0,372	0,299	0,909	0,373	0,300	1
Иркутская область	0,358	0,284	0,818	0,360	0,286	0,909	0,363	0,288	1
Кемеровская область	0,324	0,245	0,818	0,323	0,243	0,909	0,324	0,241	1
Новосибирская область	0,398	0,328	0,818	0,397	0,328	0,909	0,397	0,328	1
Омская область	0,356	0,282	0,818	0,355	0,280	0,909	0,353	0,277	1
Томская область	0,386	0,316	0,818	0,387	0,317	0,909	0,389	0,318	1
Республика Саха (Якутия)	0,369	0,296	0,818	0,372	0,300	0,909	0,376	0,303	1
Камчатский край	0,362	0,288	0,818	0,359	0,285	0,909	0,357	0,281	1
Приморский край	0,373	0,301	0,818	0,375	0,303	0,909	0,377	0,304	1
Хабаровский край	0,442	0,377	0,818	0,448	0,386	0,909	0,454	0,396	1
Амурская область	0,335	0,258	0,818	0,335	0,257	0,909	0,336	0,256	1
Магаданская область	0,376	0,304	0,818	0,372	0,300	0,909	0,369	0,295	1
Сахалинская область	0,485	0,427	0,818	0,480	0,424	0,909	0,474	0,421	1
Еврейская автономная область	0,296	0,211	0,818	0,293	0,206	0,909	0,291	0,200	1
Чукотский автономный округ	0,370	0,298	0,818	0,371	0,298	0,909	0,372	0,299	1

Источник: составлено авторами

В среднесрочной перспективе ожидается ослабление конкурентных позиций (снижение значений индекса) гг. Москвы и Санкт-Петербурга; однако они по-прежнему сохраняют лидирующие позиции, попеременно занимая 1-е / 2-е место в соответствующем рейтинге. При этом ожидается рост «выходного» показателя как у Московской области, так и Республики Татарстан. За счёт более высоких темпов роста индекса в 2019-2021 гг. ожидается увеличение межрегионального разрыва в сфере инвестиционной привлекательности у второй пары регионов-лидеров России. Прогнозируется сохранение достаточно значительного межрегионального разрыва между субъектами, занимающими 2-е и 3-е места в соответствующем рейтинге. В связи с этим, и третью, ранее выдвинутую гипотезу можно считать подтверждённой. Согласно результатам прогнозирования, ожидается рост значений индекса за 2018-2019 гг. у 47 российских регионов или 58,8% от общего числа субъектов. В среднесрочной перспективе (за 2019-2021 гг.) прогнозируется увеличение аналогичного показателя у 57 российских регионов или 71,3% от общего числа субъектов России. Отсюда можно сделать

вывод об ожидаемом позитивном изменении конкурентной позиции в сфере инвестиционной привлекательности у большинства российских регионов.

* * *

В результате исследования, опираясь на критический анализ научной литературы и существующих индексов, авторы разработали собственный индекс для оценки инвестиционной привлекательности регионов России, имеющий ряд методологических особенностей: включены только 20 наиболее важных индикаторов, объединённых в две группы – «инвестиционный потенциал» (первые 15 показателей) и «инвестиционные риски» (остальные пять показателей); нормализация значений частных показателей производится по методу Паттерн; расчёт индекса и двух субиндексов осуществляется при условии равнозначности всех индикаторов по формуле средней арифметической. Ограниченная 20 показателями система индикаторов позволяет обеспечить низкую трудоёмкость вспомогательных расчётов. Источником информации являются исключительно официальные статистические данные, что в совокупности с равнозначностью всех индикаторов позволяет обеспечить объективную оценку изучаемого явления. Выбранный метод нормализации значений частных показателей способствует корректному определению «глубины» межрегиональных разрывов в инвестиционной сфере экономики. Наконец, применение высокоточных нейросетевых технологий позволяет путём кластеризации углубить результаты ретроспективной оценки и сформировать среднесрочный прогноз инвестиционной привлекательности субъектов Российской Федерации. Представленный в рамках работы авторский подход носит универсальный характер, т.е. может быть применён и для исследования других страновых кейсов, предпочтительно крупных по площади с достаточно большим количеством регионов. К таким странам можно отнести, в частности, США, Китай и Индию.

В результате проведённого эмпирического анализа были подтверждены выдвинутые гипотезы о наличии значительных межрегиональных разрывов в сфере инвестиционной привлекательности; о негативном изменении кластерной структуры (в сфере инвестиционной привлекательности) российских регионов в 2013-2018 гг. по причине отрицательного влияния новых внешних факторов, включая санкционное давление, на национальную экономику со стороны США и стран ЕС и о сохранении существенных межрегиональных разрывов (в инвестиционной сфере) в среднесрочной перспективе (на примере регионов-лидеров).

Результаты проведённого исследования позволяют сделать однозначный вывод об актуальности для большинства российских регионов (включая лидирующих в рейтинге) на современном этапе развития национальной экономики разработки дифференцированных мер (в разрезе отдельных субъектов России и / или их групп в определённом кластере) господдержки направленных на повышение инвестиционной привлекательности регионов в перспективе.

Об авторах:

Алексей Николаевич Борисов – кандидат политических наук, первый заместитель председателя Российской ассоциации содействия ООН, заведующий кафедрой ЮНЕСКО, МГИМО МИД России, 119454, Москва, Проспект Вернадского, 76. E-mail: una@una.ru

Александр Иванович Бородин – доктор экономических наук, профессор кафедры финансового менеджмента, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный переулок, 36. E-mail: aib-2004@yandex.ru

Роман Владимирович Губарев – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, 117997, Москва, Стремянный переулок, 36. E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Евгений Иванович Дзюба – эксперт, Отделение Общероссийского народного фронта в Республике Башкортостан, 450077, Уфа, ул. Кирова, 1. E-mail: intellectrus@yandex.ru

Эдуард Рафикович Сагатгареев – старший преподаватель, Башкирский институт физической культуры, Уфа, 450077, ул. Коммунистическая, 67. E-mail: sagatgareev@yandex.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-010-00578 А «Моделирование оценки эффективности управления социально-экономическим развитием регионов России на основе искусственных нейронных сетей».

UDC: 330.34, 332.14
Received: December 16, 2021
Accepted: May 3, 2022

Managing the Investment Attractiveness of the Federal Subjects of Russia in the Context of the UN Sustainable Development Goals

A.N. Borisov¹, A.I. Borodin², R.V. Gubarev³, E.I. Dzyuba⁴, E.R. Sagatgareev⁵
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-202-230](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-202-230)

¹ United Nations Association of Russia, MGIMO University

^{2,3} Plekhanov Russian University of Economics

⁴ Branch of the All-Russian Popular Front in the Republic of Bashkortostan

⁵ Bashkir Institute of Physical Culture

Abstract: Inter-regional gaps in the investment sphere and sanction pressure on the national economy have actualized the issue of improving the efficiency of managing investment attractiveness at the mesoscale using modern high-precision methods of economic

and mathematical modeling. A number of well-known thematic ratings are used to assess the investment attractiveness of the Russian regions, whose critical analysis made it possible to identify their main shortcomings. Therefore, in the course of the study, the authors make an attempt to build an adequate rating of the investment attractiveness of the constituent entities of the Russian Federation using artificial intelligence. The results of the retrospective assessment are deepened by clustering the Russian regions based on the achieved level of investment attractiveness by the method of Kohonen self-organizing cards. To implement the prognostic function, a Bayesian ensemble of dynamic neural network models was formed. As a result of the empirical study three hypotheses have been confirmed: on significant inter-regional gaps in the sphere of investment attractiveness; on a negative change in the cluster structure (in the field of investment attractiveness) of the Russian regions in 2013-2018 due to sanctions pressure on the national economy; and on the persistence of significant inter-regional gaps (in the investment sphere) in the medium term (on the example of the leading regions). The results can be used to update the provisions of the economic policy of a number of constituent entities of the Russian Federation. Moreover, the authors' approach might be applied for analyzing other countries in the context of the UN Sustainable Development Goals at the meso-level.

Keywords: investment attractiveness, investment potential, investment risks, regions of Russia, artificial intelligence, clustering Kohonen map, Bayesian ensemble, dynamic neural network models

About the authors:

Aleksey N. Borisov – Candidate of Political Sciences, First Deputy Chairman, United Nations Association of Russia, Head of the UNESCO Department, MGIMO University, 76, Vernadsky prospect, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: una@una.ru

Aleksandr I. Borodin – Doctor of Economics, Professor at the Department of Financial Management, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: aib-2004@yandex.ru

Roman V. Gubarev – Ph.D. (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics, 36, Stremyanny Lane, Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: gubarev.roma@yandex.ru

Evgeniy I. Dzyuba – Expert, Branch of the All-Russian Popular Front in the Republic of Bashkortostan, 1, Kirov Street, Ufa, Russian Federation, 450077. E-mail: intellectRus@yandex.ru

Eduard R. Sagatgareev – Senior Lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences, Bashkir Institute of Physical Culture, 67, Kommunisticheskaya Street, Ufa, Russian Federation, 450077. E-mail: eduard-sagatgareev@yandex.ru

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests

Acknowledgements:

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-010-00578 A "Modeling the assessment of the effectiveness of managing the socio-economic development of Russian regions on the basis of artificial neural networks".

References:

- Akerlof G.A., Snower D.J. 2015. Bread and Bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*. №126. P. 58-71. DOI: 10.1016/j.jebo.2015.10.021
- Bondarenko T., Borodin A., Zholamanova M., Panaedova G., Belyanchikova T., Gurieva L. 2020. Investments to the Petrochemical Sector: the Value of the Competitiveness of Petrochemical Companies. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. №7. P. 2510-2525. DOI: 10.977/jesi.2020.7.3(70)
- Collier P. 2016. The Cultural Foundations of Economic Failure: A Conceptual Toolkit. *Journal of Economic Behavior & Organization*. №126. P. 5-24. DOI: 10.1016/J.JEBO.2015.10.017
- Damodaran A. 2017. *Narrative and Numbers: The Value of Stories in Business*. New York; Chichester, West Sussex: Columbia Business School Publishing.
- Gagarina G.Y., Moiseev N.A., Ryzhakova A.V., Ryzhakov G.V. 2016. Estimation and Forecast of Regional Competitiveness Level. *Economy of Region*. №4. P. 1040-1049. DOI: 10.17059/2016-4-6
- Grinberg R.S., Akhunov R.R., Volodin A.I., Gubarev R.V., Dzyuba E.I. 2018. Performance-based Pay – a New (mixed) Payment Scheme for Russian Civil Servants. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. №6. P. 163-183. DOI: 10.15838/ESC.2018.6.60.10
- Gubarev R.V., Dzyuba E.I. 2019. Neuromathematics as an Effective Tool for Forecasting Social Development of Russian Regions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Fiziko-Matematicheskie Nauki*. 161(2). P. 315-321. DOI: 10.26907/2541-7746.2019.2.315-321
- Izotov D.A. 2019. Inflow of Foreign Direct Investments in Russia's Regions: Potential and Risk Factors. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. №2. P. 56-72. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.3
- Mordhorst M., Schwarzkopf S. 2017. Theorising Narrative in Business History. *Business History*. №8. P. 1155-1175. DOI: 10.1080/0076791.2017.1357697
- Shiller R.J. 2017. Narrative Economics. *American Economic Review*. 107(4). P. 967-1004. DOI: 10.1257/aer.107.4.967
- Bakhtizin A.R., Bukhvald Ye.M., Kolchugina A.V. 2016. Ranzhirovanie subyektov Rossiyskoy Federatsii po potentsialu i tempam sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [Ranking the Subjects of the Russian Federation Based on Their Potential and Rates of Socio-Economic Development]. *Region: Economics & Sociology*. №2. P. 3-22. (In Russian)
- Borisov V., Pochukaeva O. 2017. Effektivnost' investitsionnoy i innovatsionno-tekhnologicheskoy deyatel'nosti (na primere Arkticheskogo proekta) [Investment And Innovative Technological Efficiency: Case Study Of The Arctic Project]. *Studies on Russian Economic Development*. №2. P. 65-77. (In Russian)
- Borshchevskiy G.A. 2018. Otsenka deyatel'nosti regional'nyh pravitel'stv po privilecheniyu vnebyudzhethnyh investitsiy v razvitiye infrastruktury [Regional Governments' Policy Evaluation for Extra-Budgetary Investments in Public Infrastructure]. *Public Administration Issues*. №4. P. 7-41. (In Russian)
- Chernov V.A. 2020. Realizatsiya tsifrovyykh tekhnologiy v finansovom upravlenii hozyaystvennoy deyatel'nost'yu [Implementation of Digital Technologies in Financial Management]. *Economy of region*. 16(1). P. 283-297. (In Russian) DOI: 10.17059/2020-1-21
- Dobrolyubova E.I. 2018. Gosudarstvennoe upravlenie po rezul'tatam v epohu tsifrovoy transformatsii: obzor zarubezhnogo opyta i perspektivy dlya Rossii [Performance Management in Public Administration in the Digital Era: Review of International Practices and Prospects for Russia]. *Public Administration Issues*. № 4.P. 70-93. (In Russian)

Dynkin A.A. 2020. Mezhdunarodnaya turbulentnost' i Rossiya [International Turbulence and Russia]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 90(3). P. 208-219. (In Russian) DOI: 10.31857/S0869587320030032

Eskindarov M.A., Maslennikov V.V., Maslennikov O.V. 2019. Riski i shansy tsifrovoy ekonomiki v Rossii [Risks and Chances of the Digital Economy in Russia]. *Finance: Theory and Practice*. 29(5). P. 6-17. (In Russian) DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17

Hines A. 2019. Kak podgotovit'sya k «bezrobotnomu» budushchemu [Getting Ready for a Post-Work Future]. *Foresight and STI Governance*. 13(1). P. 19-30. (In Russian) DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.19.30

Ignatyeva Ye.D., Mariev O.S. 2013. Metodologiya i instrumentariy strukturno-funktional'nogo analiza regional'nogo razvitiya [Methodology Attitude and Instruments for Structural and Functional Analysis of the Regional Development]. *Economy of Region*. №1. P. 226-237. (In Russian)

Kashin V.B. 2017. Kitayskie reformy sistemy upravleniya voennymi innovatsiyami: otvet na amerikanskuyu «tret'yu strategiyu kompensatsii» [Chinese Reforms of Military Innovation Management System: a Response to the U.S. Third Offset Strategy?]. *Moscow University Bulletin of World Politics*. №4. P. 42-66. (In Russian)

Kleiner G.B. 2020. Intellektual'naya ekonomika cifrovogo veka [Intellectual Economy of the Digital Age]. *Economics and Mathematical Methods*. 56(1). P. 18-33. (In Russian) DOI: 10.31857/S04247388008562-7

Klimenko M.S. 2009. Sovremennye metodologicheskie podhody k otsenke potentsiala regional'nogo promyshlennogo razvitiya na primere otdel'nykh subyektov Yuzhnogo federal'nogo okruga [Contemporary Methodological Approaches to the Estimation of the Potential of Regional Industrial Development Based on The Example of the Individual Subjects of the Southern Federal Region]. *Regional Economics: Theory and Practice*. №36. P. 65-70. (In Russian)

Kokovikhin A.Y., Kansafarova T.A., Sharapova N.V. 2018. Novaya industrializatsiya: razryv v kompetentsiyah i instituty rynka truda [New Industrialization: a Competency Gap and Labor Market Institutions]. *Journal of Economic Theory*. 15(2). P. 316-324. (In Russian)

Kramer U., Mitskevich L.A., Vasilyeva A.F. 2019. Elektronnye formy v administrativnom protsesse Rossii i Germanii [Electronic Forms in the Administrative Procedure of Russia and Germany]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Law*. 10(4). P. 756-780. (In Russian) DOI: 10.21638/spbu14.2019.410

Ladykova T., Bersenyov V. 2018. Tipologiya makroekonomicheskikh parametrov dohodov naseleniya [Typology of Macroeconomic Parameters of Population Income]. *Economy of Region*. 14(2). P. 380-394. (In Russian) DOI: 10.17059/2018-2-4

Litvinova V.V. 2014. Investitsionnaya privlekatel'nost' i investitsionnyy klimat regiona: k voprosu o definitsiyah i otsenke [The Investment Attractiveness and Investment Climate of a Region: to the Issue of Definition and Assessment]. *Bulletin of The Financial University*. №1. P. 139-152. (In Russian)

Litvintseva G., Shchekoldin V., Schits E. 2017. Prognozirovanie rezul'tatov innovatsionnoy deyatel'nosti s uchetom znachimykh faktorov v rossiyskikh regionah [Forecasting the Results of Innovative Activity Taking into Account Significant Factors in the Regions of Russia]. *Studies on Russian Economic Development*. №5. P. 88-98. (In Russian)

Loseva O.V. 2016. Intellektual'nyy potentsial regiona: otsenka i mekhanizm upravleniya v innovatsionnoy deyatel'nosti [Intellectual Potential of a Region: Appraisal and Control Tool in Innovative Activity]. *Management Sciences in Russia*. №2. P. 38-47. (In Russian)

Matskulyak I.D., Sapozhnikova N.T., Kharchilava G.P. 2019. Proryvnaya ekonomika: k teorii upravleniya izmeneniyami ekonomicheskikh system [A Breakthrough Economy: On the Theory of Economic Systems Change Management]. *The Manager*. 10(4). P. 75-84. (In Russian) DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-4-7

Naiden S., Belousova A. 2018. Metodicheskiy instrumentariy otsenki blagosostoyaniya naseleniya: mezhregional'noe sopostavlenie [Methodological Tools to Assess of the Population Welfare: Interregional Comparison]. *Economy of Region*. 14(1). P. 53-68. (In Russian) DOI: 10.17059/2018-1-5

Nikitin A.S. 2016. Investitsionnyy reyting kak instrument stimulirovaniya effektivnosti upravleniya razvitiem regionov Rossii [Investment Rating as an Instrument of Effective Govern Management Stimulation in Russian Region]. *Economic Policy*. 11(6). P. 192-221. (In Russian) DOI: 10.18288/1994-5124-2016-6-09

Nureev R.M., Busygin E.G. 2016. Ekonomicheskie sanktsii zapada i rossiyskie antisanktsii: uspekhi ili proval? [Economic Sanctions of the West and Russian Anti-Sanctions: Success or a Failure?]. *Journal of Institutional Studies*. 8(4). P. 6-27. (In Russian) DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.006-027

Pavlova I.A., Maliutina A.P. 2017. Reytingi kak model' kompleksnoy otsenki innovatsionno-investitsionnogo razvitiya ekonomicheskikh sistem mezourovnya na primere Tomskoy oblasti [Rankings as a Comprehensive Model to Assess Innovation and Investment Development of Mesolevel Economic Systems (Case of Tomsk Region)]. *Siberian Journal of Science*. №2. P. 17-35. (In Russian)

Romanova O.A., Ponomareva A.O. 2020. Promyshlennaya politika: novye realii, problemy formirovaniya i realizatsii [Industrial Policy: New Realities, Formation and Implementation Issues]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 13(2). P. 25-40. (In Russian) DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.2

Rücker Schaeffer P., Fischer B., Queiroz S. 2018. Ne tol'ko obrazovanie: rol' issledovatel'skikh universitetov v innovatsionnykh ekosistemah [Beyond Education: The Role of Research Universities in Innovation Ecosystems]. *Foresight and STI Governance*. 12(2). P. 50-61. (In Russian) DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.50.61

Sukharev O.S. 2019. Tekhnologicheskoe razvitie: vliyanie struktury investitsiy [Technological Development: Investment Structure Impact]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 12(2). P. 36-55. (In Russian) DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2

Tret'yakova E., Osipova M. 2018. Otsenka pokazateley ustoychivogo razvitiya regionov Rossii [Evaluation of Sustainable Development Indicators for Regions of Russia]. *Studies on Russian Economic Development*. №2. P. 24-35. (In Russian)

Volchik V.V., Maslyukova E.V. 2018. Narrativy, idei i instituty [Narratives, Ideas and Institutions]. *Terra Economicus*. №2. P. 150-168. (In Russian) DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168

Zemtsov S.P., Smelov Y.A. 2018. Faktory regional'nogo razvitiya v Rossii: geografiya, chelovecheskiy kapital ili politika regionov [Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital and Regional Policies]. *Journal of the New Economic Association*. 4(40). P. 84-108. (In Russian) DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4

Zhukova N.U., Tsykareva E.V. 2017. Regional'naya politika prodvizheniya brenda territoriy: determinanty investitsionnoy privlekatel'nosti. [Regional Policy of Territory Brand Promotion: Investment Attractiveness Determinants]. *Public Administration Issues*. №4. P. 173-206. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. 2016. Ранжирование субъектов Российской Федерации по потенциалу и темпам социально-экономического развития. *Регион: экономика и социология*. №2. С. 3-22.

Борисов В.Н., Почукаева О.В. 2017. Эффективность инвестиционной и инновационно-технологической деятельности (на примере Арктического проекта). *Проблемы прогнозирования*. №2. С. 65-77.

Борщевский Г.А. 2018. Оценка деятельности региональных правительств по привлечению внебюджетных инвестиций в развитие инфраструктуры. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №4. С. 7-41.

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. 2018. Нарративы, идеи и институты. *Terra Economicus*. №2. С. 150-168. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168

Добролюбова Е.И. 2018. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №4. С. 70-93.

Дынкин А.А. 2020. Международная турбулентность и Россия. *Вестник РАН*. 90(3). С. 208-219. DOI: 10.31857/S0869587320030032

Жукова Н.Ю., Цыкарева Е.В. 2017. Региональная политика продвижения бренда территорий: детерминанты инвестиционной привлекательности. *Вопросы государственного и муниципального управления*. №4. С. 173-206.

Земцов С.П., Смелов Ю.А. 2018. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов. *Журнал новой экономической ассоциации*. 4(40). С. 84-108. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-4

Игнатьева Е.Д., Мариев О.С. 2013. Методология и инструментарий структурно-функционального анализа регионального развития. *Экономика региона*. №1. С. 226-237.

Кашин В.Б. 2017. Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую «третью стратегию компенсации». *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. №4. С. 42-66.

Клейнер Г.Б. 2020. Интеллектуальная экономика цифрового века. *Экономика и математические методы*. 56(1). С. 18-33. DOI: 10.31857/S043473880008562-7

Клименко М.С. 2009. Современные методологические подходы к оценке потенциала регионального промышленного развития на примере отдельных субъектов Южного федерального округа. *Региональная экономика: теория и практика*. №36. С. 65-70.

Коковихин А.Ю., Кансафарова Т.А., Шарапова Н.В. 2018. Новая индустриализация: разрыв в компетенциях и институты рынка труда. *Журнал экономической теории*. 15(2). С. 316-324.

Крамер У., Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф. 2019. Электронные формы в административном процессе России и Германии. *Вестник СПбГУ. Право*. 10(4). С. 756-780. DOI: 10.21638/spb414.2019.410

Ладыкова Т.И., Берсенев В.Л. 2018. Типология макроэкономических параметров доходов населения. *Экономика региона*. 14(2). С. 380-394. DOI: 10.17059/2018-2-4

Литвинова В.В. 2014. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке. *Вестник Финансового университета*. №1. С. 139-152.

Литвинцева Г.П., Щеколдин В.Ю., Шиц Е.А. 2017. Прогнозирование результатов инновационной деятельности с учетом значимых факторов в российских регионах. *Проблемы прогнозирования*. №5. Р. 88-98.

Лосева О.В. 2016. Интеллектуальный потенциал региона: оценка и механизм управления в инновационной деятельности. *Управленческие науки*. № 2. С. 38-47.

Мацкуляк И.Д., Сапожникова Н.Т., Харчилава Г.П. 2019. Прорывная экономика: к теории управления изменениями экономических систем. *Управленец*. 10(4). С. 75-84. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-4-7

Найден С.Н., Белоусова А.В. 2018. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление. *Экономика региона*. 14(1). С. 53-68.

Никитин А. 2016. Инвестиционный рейтинг как инструмент стимулирования эффективности управления развитием регионов России. *Экономическая политика*. 11(6). С. 192-221. DOI: 10.18288/1994-5124-2016-6-09

Нуреев Р.М., Бусыгин Е.Г. 2016. Экономические санкции Запада и российские антисанкции: успех или провал? *Журнал институциональных исследований*. 8(4). С. 6-27. DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.4.006-027

Павлова И.А., Малютина А.П. 2017. Рейтинги как модель комплексной оценки инновационно-инвестиционного развития экономических систем мезоуровня на примере Томской области. *Вестник науки Сибири*. 2(25). С. 17-35.

Романова О.А., Пономарева А.О. 2020. Промышленная политика: новые реалии, проблемы формирования и реализации. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 13(2). С. 25-40. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.2

Рюкер-Шеффер П., Фишер Б., Кьероз С. 2018. Не только образование: роль исследовательских университетов в инновационных экосистемах. *Форсайт*. 12(2). С. 50-61. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17

Сухарев О.С. 2019. Технологическое развитие: влияние структуры инвестиций. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 12(2). С. 36-55. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.2

Третьякова Е.А., Осипова М.Ю. 2018. Оценка показателей устойчивого развития регионов России. *Проблемы прогнозирования*. №2. С. 24-35.

Хайнс Э. 2019. Как подготовиться к «безработному» будущему. *Форсайт*. 13(1). С. 19-30. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.1.1.19.30

Чернов В.А. 2020. Реализация цифровых технологий в финансовом управлении хозяйственной деятельностью. *Экономика региона*. 16(1)1. С. 283-297. DOI: 10.17059/2020-1-21

Эскиндаров М.А., Масленников В.В., Масленников О.В. 2019. Риски и шансы цифровой экономики в России. *Финансы: теория и практика*. 23(5). С. 6-17. DOI: 10.26794/2587-5671-2018-23-5-6-17

Проблемы правового регулирования экономических процессов на макроуровне

М.Н. Семякин¹, А.В. Губарева¹, С.П. Степкин²

¹ Уральский государственный юридический университет

² Российский государственный социальный университет

В статье анализируются структурные уровни в системе правового регулирования экономики. Обращено внимание на то, что экономисты обычно игнорируют влияние права на макроэкономические процессы. Основное внимание уделено исследованию правового регулирования экономических отношений на уровне макроэкономики, а также её первичных звеньев – предприятий, организаций и др. В частности, выделено и рассмотрено правовое регулирование нескольких подуровней экономики: воспроизводственный, отраслевой (межотраслевой), региональный (межрегиональный). Сделан вывод о том, что система управления экономикой постоянно претерпевает изменения под воздействием различных факторов объективного и субъективного характера, важное место среди которых занимают правовые средства и способы. Идеи, выдвинутые в своё время Р. Коузом, нуждаются в научном осмыслении с учётом новых, современных экономических реалий. Сделаны рекомендации, направленные на усиление роли договора в управлении экономикой, совершенствование законодательства, устранение излишнего администрирования деятельности хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: структурные уровни, система, правовое регулирование, макроэкономика, совершенствование, законодательство

В данной статье рассматривается проблема правового регулирования макроэкономических процессов. Вполне оправданным представляется выделение структурных уровней: макро- и микроэкономического. Первый предполагает рассмотрение экономики как единой и целой хозяйственной системы, действующей по своим специфическим экономическим закономерностям; а второй – уровень функционирования отдельных предприятий, организаций и других первичных звеньев экономики как её микросистем.

Ключевой характеристикой макроэкономики является внутренняя структура, выражающая её важнейшие экономические особенности, сущность. Осно-

УДК: 332.02, 338.2, 334.02, 334.7

Поступила в редакцию: 15.11.2021 г.

Принята к публикации: 16.02.2022 г.

ву макроэкономики составляют экономические отношения, опосредствующие распределение экономических ресурсов в определённых пропорциях между различными секторами экономики, фазами воспроизводственного процесса, его подразделениями, отраслями и регионами в соответствии с общественно необходимыми потребностями.

Регулирование рынков и факторов производства осуществляется для достижения конкретных социальных целей. Необходимость такого регулирования объясняется обычно так называемыми «провалами рынка», возникающими из-за информационной асимметрии, эффекта масштаба производства, внешних эффектов и т. д. В таких обстоятельствах экономические агенты могут не полностью учитывать социальные последствия (экстерналии) своих действий и соответствующее рыночное регулирование в этом случае может повысить общественное благосостояние.

Однако в этом случае действия регулятора должны быть мотивированы исключительно общественными интересами. В действительности регулирование подчиняется более сложному политико-экономическому процессу, в котором законные социальные цели могут переплетаться с целями определённых групп интересов в отношении уровня и распределения ренты. Регулирование может быть смещено от общественного благосостояния в пользу отдельных групп интересов, что подчёркивается в научной литературе по «регуляторному захвату» (Dal Bó 2006).

Влияние регулирования на совокупные экономические показатели привлекает в последние годы всё большее внимание исследователей как в промышленно развитых, так и в развивающихся странах. Согласно широко распространённому мнению, чрезмерное регулирование является главной причиной отставания Европы по макроэкономическим показателям по сравнению с США (Blanchard 2004; Mody 2018; Ketels, Porter 2021). Эксперты Всемирного банка отмечают противоречивое регулирование среди основных препятствий для экономического роста во многих развивающихся странах. Так, в докладе от 2020 г. отмечается, что «предприниматель в стране с низким доходом обычно тратит около 50,0% дохода на душу населения на создание компании, по сравнению с 4,2% в стране с высоким доходом»¹.

Макроэкономическое регулирование влияет на эффективность распределения ресурсов между компаниями и отраслями, что приводит, как показывают на примере Китая и Индии Ч. Хсие и П. Кленов (Hsieh, Klenow 2007), к значительным последствиям для совокупной производительности. Существует обширная эмпирическая литература, в которой утверждается преимущественно негативное влияние различных видов регулирования на рост ВВП в целом, и на отдель-

¹ Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. *World Bank*. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (accessed 14.06.2022)

ные его детерминанты – общую факторную производительность, инвестиции и занятость. Так, Дж. Николетти и А. Скарпетта (Nicoletti, Scarpetta 2003) считают, что регулирование товарного рынка снижает многофакторный рост производительности в странах ОЭСР, а А. Бассанини и Е. Эрнст (Bassanini, Ernst 2002) обнаруживают негативное влияние регулирования на инновации, измеряемое расходами на НИОКР. Недавний систематический кросстрановой обзор исследований о соотношении экономического роста и регулирования показывает, что «экономическое регулирование имеет тенденцию снижать благосостояние на конкурентных рынках» (Broughel, Hahn 2022). Анализ регулирования на федеральном уровне 22 отраслей промышленности в США на протяжении 35 лет (1977–2012) показывает, что регулятивные ограничения привели к замедлению экономического роста примерно на 0,8% в год с 1980 г. «Если бы регулирование оставалось неизменным на уровне 1980 г., наша модель, – заявляют авторы исследования, – показывает, что к 2012 г. экономика выросла бы почти на 25%» (Coffey, McLaughlin, Peretto 2020).

В связи с этим возникает интересный методологический вопрос: может ли правовое регулирование оказывать влияние на макроэкономические характеристики, обеспечение необходимых пропорций между ними и т. д., либо на этом уровне действуют объективные экономические законы, исключающие какое-либо влияние права на эти процессы, в частности на распределение экономических ресурсов в общественном масштабе, максимизацию их полезности?

Уточняя Коуза

Экономисты, как правило, исследуя макроэкономические процессы, игнорируют при этом влияние на них права (Экономическая концентрация 2016: 17), либо вообще не обращая на это внимание, либо недооценивая его роль. Так, известный британский экономист Рональд Коуз, уделивший немало внимания соотношению экономики и права, в своей знаменитой работе «Фирма, рынок и право», на наш взгляд, несколько недооценивает роль и значение прав в обеспечении максимизации полезности экономических ресурсов, их размещении (Coase 1937; 1960; 1972; 1992; 1996). Признавая и уделяя внимание влиянию правовой системы на функционирование экономики, Р. Коуз вместе с тем пришёл к выводу, что максимизация производства, размещение ресурсов не зависят от тех или иных правовых регуляторов: «...конечный результат (максимизирующий ценность производства) не зависит от системы правовых норм, если ценовая система работает без издержек» (Коуз 1993: 15–16).

В других местах автор неоднократно подчёркивает, что процессы размещения ресурсов подчиняются экономическим закономерностям и не подвержены влиянию со стороны права (Коуз 1993: 93–94, 96).

В обоснование своей позиции Р. Коуз приводит ряд любопытных примеров, остановимся на двух из них. Один касается взаимоотношений фермера и ско-

товода, когда фермер страдает от растущего ущерба, причиняемого его посевам растущим поголовьем скота.

Исходная позиция – в стаде три бычка. «Тогда, – рассуждает Р. Коуз, – фермер будет готов заплатить до 3 долл., если скотовод уменьшит стадо до двух бычков, до 5 долл. – в случае уменьшения стада до одного бычка и до 6 долл. – за отказ от скотоводства. Таким образом, скотовод получит 3 долл. от фермера, если он сократит стадо от трёх бычков до двух. Эти 3 долл. являются, таким образом, частью издержек на содержание третьего бычка. Являются ли 3 долл. платой скотовода за прибавление третьего бычка к стаду (в случае, если скотовод обязан платить фермеру за потраву посевов) либо это деньги, которые он получит за отказ от третьего бычка (если скотовод не обязан возмещать фермеру ущерб от потравы), конечный результат остаётся тем же. В обоих случаях 3 долл. остаются издержками прибавления третьего бычка к стаду, которые должны быть приплюсованы к другим издержкам. Если рост ценности производства в скотоводстве при увеличении стада от двух бычков до трёх больше, чем величина дополнительных издержек (включая 3 долл. за потраву), размер стада возрастет. В противном случае – нет. Поголовье останется тем же независимо от того, должен ли скотовод возмещать ущерб от потравы или нет» (Коуз 1993: 93).

Во-первых, рассуждения автора в этом хрестоматийном примере носят абстрактно-стоимостной характер, не учитывающий многие жизненные, в том числе правовые, реальности (Калабрези 2016: 14–15). Прежде всего, согласится ли фермер платить скотоводу за сокращение поголовья скота или нет зависит не только от того, обязан ли скотовод возмещать фермеру ущерб за потраву или нет, что само по себе как исходная правовая позиция очень важно, но и от многих других юридических «тонкостей» и «деталей» – объёма и характера возмещаемого вреда, правовых оснований для такого возмещения, правовых положений страхового законодательства, правовых позиций государства по отношению к сельскохозяйственным производителям (предоставление субвенций, субсидий и т.д.) и т.п., которых, к сожалению, не учитывает Р. Коуз. А между тем для определения конкретных жизненных позиций (ситуаций) и формулируемых на этой основе теоретических выводов как раз очень важны указанные и другие юридические нюансы.

В самом деле, возьмем вариант, когда скотовод обязан возмещать ущерб за потраву, то в случае причинения такого ущерба он в силу закона должен его, как правило, в полном объёме возместить потерпевшему (фермеру), и заставит ли этот факт скотовода уменьшить поголовье (и на сколько) либо вообще отказаться от скотоводства – будет зависеть на практике от многих указанных выше факторов. В частности, не исключена и такая ситуация, когда скотовод даже и при условии возмещения им вреда от потравы не пойдёт на уменьшение поголовья скота и тем более не откажется от занятия скотоводством, если эта деятельность окажется тем не менее прибыльной для него, чтобы продолжать заниматься ею, что не исключает и Р. Коуз. А это будет зависеть от многих и

многих особенностей действующего законодательства, экономических, национальных и других факторов и делать отсюда какой-либо однозначный вывод представляется вряд ли возможным.

Анализировать ситуацию с «обратной» стороны, когда скотовод не обязан возмещать ущерб за потраву, можно лишь сугубо экономически, поскольку с юридической точки зрения это занятие потребует глубокого обоснования, поскольку на практике правопорядки всех стран содержат соответствующие правовые положения, обязывающие причинителя вреда возместить его, причём, как правило, в полном объёме.

Следовательно, вывод автора, что право никоим образом не влияет на перераспределение экономических ресурсов, максимизацию их полезности, нуждается, на наш взгляд, в уточнении с учётом соответствующих правовых позиций.

Как представляется, высказанные соображения, на наш взгляд, касаются и другого примера, приводимого Р. Коузом в подтверждение указанного выше его вывода и относящегося к рассмотрению судебного дела Стуржес против Бриджмена.

Суть спора сводится к тому, что доктор обратился в суд с иском к кондитеру, чтобы тот воздержался от использования в производстве оборудования, шум и вибрация которого мешали работе приёмной доктора, расположенной напротив кухни кондитера. Суд удовлетворил требования доктора, постановив, что он имеет право запретить кондитеру пользоваться своим оборудованием.

По мысли Р. Коуза, «можно было, конечно, изменить форму выхода их конфликта, добившись заключения сделки между сторонами. Доктор мог бы отказаться от своего требования и позволить дальнейшее использование оборудования, если бы кондитер выплатил ему денежную компенсацию, превышающую потерю дохода от переезда в более дорогое или менее удобное место... Кондитер заплатил бы требуемое, если бы сумма была меньше, чем сокращение дохода от изменения технологии на прежнем месте, от полного прекращения деятельности или переноса кондитерского дела в другое место. Обстоятельства, при которых кондитеру будет невыгодно продолжать использование своих машин и компенсировать доктору его ущерб от шума и вибрации (если у доктора есть право запретить кондитеру использование его машин), будут как раз теми самыми, когда доктору будет выгодно заплатить кондитеру, чтобы он отказался от своих машин (если у кондитера есть право их эксплуатировать)» (Коуз 1993: 96).

И далее: «Основные условия в этом случае в сущности те же самые, что и в рассмотренном примере, где скот стравливал посевы. Если рыночные трансакции осуществляются без издержек, решение суда об ответственности за ущерб не изменило бы размещение ресурсов. Точка зрения судей, конечно же, состояла в том, что они воздействуют на работу экономической системы, причём в правильном направлении... Представление судей, что они своим решением установили правило использования земли, было бы верным только в случае, когда издержки осуществления необходимых рыночных трансакций превосходят выгоду, кото-

рая может быть получена при любом распределении прав. Было бы желательным сохранить местность... для строительства жилищ или для профессиональных целей (наделив непромышленных пользователей правом предписывать прекращение шума, вибрации... и т. д.), только если бы ценность возможных дополнительных жилых домов была больше, чем ценность ущерба от неизготовленных кексов... Но этого, кажется, судьи не осознавали» (Коуз 1993: 96–97).

Представляется необходимым обратить внимание, по меньшей мере, на три момента. Во-первых, решение суда об ответственности за ущерб, как полагает Р. Коуз, не изменило бы размещение ресурсов, если рыночные транзакции осуществляются без издержки. Однако, представить себе возможность совершения рыночных транзакций, под которыми понимаются не что иное как рыночные сделки без издержек, это то же самое, как жить в земных условиях и при этом не испытывать на себе действия сил трения, о чём говорит и сам автор. Такое представление может быть допущено как исключительно теоретическое построение, лишённое какого-либо практического смысла.

Во-вторых, из вышеприведённых рассуждений Р. Коуза следует, что если издержки рыночных транзакций будут меньше той выгоды, которая может быть получена при любом распределении прав, то тогда лишается всякого смысла использование правовых регуляторов, ибо они в таких ситуациях «парализуются» конечной экономической выгодой (целесообразностью), с чем трудно полностью согласиться.

В-третьих, правильность судебных постановлений Р. Коуз сопрягает с экономической целесообразностью, что далеко не всегда совпадает. Конечно, экономическая разумность (целесообразность) имеет большое значение в регулировании экономики, о чём ниже ещё будет сказано. Вместе с тем неправильно было бы возводить этот критерий в ранг единственного принципа, на котором, должен строиться весь правовой механизм регулирования экономики, имея в виду, что существуют и другие важные социальные ценности (права человека на жизнь, здоровье и т. д.), которые также должны при этом учитываться.

Таким образом, представляется излишне однозначным утверждение, согласно которому правовое регулирование лишено какой-либо возможности влиять на экономические процессы, опосредствующие распределение ресурсов в масштабах экономики страны.

Макроэкономическое регулирование

На макроэкономическом уровне регулирования экономики можно выделить несколько подуровней, в частности, воспроизводственный; отраслевой (межотраслевой); региональный (межрегиональный)².

² Ср. Жилинский С.Э. 2006. *Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности)*. Учебник для вузов. Москва: Издательство Норма. С. 16-17.

На воспроизводственном подуровне функционируют такие экономические отношения, которые выражают глобальные процессы соотношения между производством, распределением и использованием внутреннего валового продукта (ВВП), а также национального дохода. Процессы воспроизводства обуславливают пропорции произведённого национального продукта, связанные с простым возмещением потреблённых средств производства, расширенным воспроизводством, т. е. накоплением, а также долей продукта, которая пойдёт на удовлетворение спроса (потребление).

По мнению С. Э. Жилинского, общеэкономические или воспроизводственные пропорции отражают глобальные соотношения в производстве и использовании общественного продукта и национального дохода на макроуровне и их динамика детерминирована закономерностями расширенного воспроизводства³.

Значит ли это, что экономические отношения, опосредствующие указанные пропорции и соотношения на макроуровне, вообще не могут подвергаться правовому регулированию и, следовательно, могут только учитываться правом в тех или иных конкретных (индивидуальных) ситуациях, на которые способно реагировать право? На первый взгляд, отрицательный ответ на данный вопрос очевиден. Однако, на наш взгляд, такой ответ был бы слишком прост и не отражал бы в необходимой мере весьма сложный и неоднозначный характер экономических процессов и отношений, функционирующих на макроэкономическом уровне.

Экономические отношения и процессы рассматриваемого уровня многогранны, сложны по своей организационной структуре (имеют ряд подуровней) и в целом развиваются, подчиняясь экономическим закономерностям. Вот почему проблемы макроэкономического характера не могут быть решены в «одноразовье» и требует, как правило, более или менее продолжительного периода времени для их решения.

В рамках макроэкономических отношений присутствуют параметры, которые в известных границах связаны с проявлением воли человека, что даёт возможность использовать в этом процессе различные регуляторы, в том числе и правовые. Так, например, определяются государством конкретные размеры средств, которые пойдут на накопление, потребление, обеспечение других макроэкономических показателей и пропорций, разумеется, в рамках имеющих объективных экономических возможностей.

Эти показатели и пропорции, другие макроэкономические характеристики получают законодательное (например, закон о бюджете страны на соответствующий год) и иное закрепление и, таким образом, приобретают правовую форму своего выражения.

³ Там же. С. 16.

Ряд макроэкономических показателей получает отражение в различного вида программах социально-экономического развития (Трансформация моделей 2021: 16), которые представляют собой документы не только экономического, но и юридического характера. Правовой формой выражения валового внутреннего продукта (ВВП) является также система национальных счетов – специальные балансы, в которых отражены, с одной стороны, расходы, связанные с производством ВВП, а с другой – доходы, полученные в результате его производства. Кроме ВВП по системе национальных счетов определяется чистый национальный продукт, национальный доход и личный доход.

Таким образом, общеэкономическая структура, отражающая функциональное назначение различных частей ВВП в воспроизводственном процессе, получает правовое опосредствование, которое, подчеркнём ещё раз, осуществляется только в общих рамках, заданных функционированием объективных экономических закономерностей макроуровневого характера.

Второй подуровень макроэкономики – отраслевая (межотраслевая) структура – представляет собой количественное соотношение отраслей и связи между ними. Межотраслевая структура определяется как доля отрасли в ВВП, в основных производственных фондах, в трудовых ресурсах и т.д.⁴.

Экономико-правовыми документами, закрепляющими межотраслевую структуру и обеспечивающими её развитие, являются межотраслевые балансы, которые впервые были разработаны ещё в советский период, позволяющие осуществлять вариантные, прогнозные расчёты, вести поиск того или иного оптимального варианта хозяйствования и т.д. Важнейшим достоинством использования инструментов межотраслевого баланса является также то, что с их помощью можно осуществлять индикативное планирование экономики, которое успешно применяется в странах с высокоразвитой рыночной экономикой и, к сожалению, предано забвению у нас.

В зависимости от того, удастся ли создать оптимальное количественное соотношение отраслей, устойчивые связи между ними и т.д., межотраслевая структура может быть либо прогрессивной, обеспечивающей поступательное развитие экономики, либо носить стагнационный характер, влекущий застой и спад производства.

В последнее время в России предпринимаются усилия к тому, чтобы восстановить и укрепить нарушенные ранее межотраслевые связи; обеспечить оптимальную структуру, значительный рост ВВП и повышение эффективности экономики; определить приоритетные отрасли, развитие которых позволило бы осуществить в целом значительный подъём не только в количественном, но и в качественном отношении всей российской экономики. С этой целью должен быть задействован весь имеющийся арсенал различных инструментов – поли-

⁴ Более подробно см.: Жилинский С.Э. Указ.соч. С. 16.

тических, экономических, организационных и, конечно, правовых, использование которых в комплексе способствовало бы достижению указанных целей.

Третьим подуровнем в системе макроэкономического регулирования является межрегиональная структура экономики. В экономической литературе выделяют два основных направления региональной политики:

1) сугубо экономическое, сформировавшееся ещё в 20-30-е гг. XX в., предполагающее развитие в регионе отраслей производства с целью получения экономического эффекта в масштабах всего народного хозяйства страны, причём без учёта уровня развития в самом регионе социальной сферы и безопасности производства;

2) социально-экономический подход, появившийся в 70-х гг. прошлого века, к сожалению, так и не реализованный на практике (Гутман, Мироедов, Федин 2001: 13–14).

Региональные пропорции и соотношения в целом основываются на территориальном разделении труда, использовании природных, трудовых ресурсов, научно-технического потенциала и других региональных факторов.

Вместе с тем важная роль в установлении оптимальной межрегиональной структуры принадлежит законодательству и другим правовым инструментам. В частности, большую роль здесь играет налоговое законодательство, устанавливающее различные виды налогов, в том числе так называемые регулируемые налоги, предусматривающие, какая часть источников налоговых поступлений будет направлена на формирование федерального бюджета, а какая останется в региональном бюджете.

Не менее важной является и другая правовая проблема – эффективное перераспределение прав и полномочий между центром и регионами, недостаточное разрешение которой не позволяет чётко разграничить функции между ними, выработать оптимальный механизм их экономического и правового взаимодействия, сформировать региональные системы законодательства, эффективно сочетающиеся с федеральными законами.

Важная роль в управлении экономикой принадлежит также правовому регулированию, осуществляемому на уровне её низовых, первичных звеньев – предприятий, организаций и других социальных образований (микроуровень). В зависимости от того, как будет осуществляться реформирование экономики именно на этом уровне, во многом будет определяться успех экономической реформы в целом.

Существование указанных первичных звеньев экономики объективно обусловлено товарно-денежным характером производства, предполагающим наличие организационно и имущественно обособленных социальных образований – самостоятельных субъектов (участников) экономических отношений, что предполагает широкое использование такой правовой формы регулирования экономики, как гражданско-правовой договор, о чём ниже будет сказано отдельно.

Система управления экономикой – категория, постоянно претерпевающая те или иные изменения, и зависит, прежде всего, от типа социально-экономического строя. Так, в советский период использовалась так называемая административно-командная система управления, основывающаяся на подчинении хозяйствующих субъектов вышестоящим организациям и включавшая в себя двух- (государственное предприятие – министерство) либо трёхзвенную (государственное предприятие – промышленное (производственное) объединение – министерство) структуру управления.

С изменением социально-экономического строя коренному изменению закономерно подвергалась и система управления экономикой. Двухзвенная структура управления сохранилась лишь во взаимоотношениях государственных унитарных предприятий с соответствующими министерствами (ведомствами). Что же касается основной массы хозяйствующих субъектов – акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и других первичных звеньев, то организация и осуществление их деятельности в настоящее время основывается на использовании рыночных механизмов управления.

Государственные министерства и ведомства в отношении указанных звеньев больше не являются теми вышестоящими органами, которые в административном порядке могли бы им предписывать тот или иной вариант экономического поведения на рынке, и выполняют сегодня иные функции.

Управление указанными первичными звеньями осуществляется, прежде всего, сформированными внутри них в соответствии с корпоративными правилами компетентными органами. Однако по мере дальнейшего формирования рыночных отношений всё отчетливее стала проявляться тенденция к формированию хозяйствующими субъектами различного вида корпоративных объединений – холдингов, финансово-промышленных групп, концернов, корпораций и других интегрированных структур.

Сами по себе указанные формы интеграции – явление вполне закономерное не только для российской, но и экономики западных стран, и более того – мировой экономики в целом (Синицын 2021: XIV).

Указанные тенденции хорошо известны, и в литературе имеется немало трудов как экономического, так и юридического характера, посвящённых прямо либо опосредствованно их анализу (Белоусов 1998; Паппэ 2000). Так, например, известный дореволюционный правовед М.И. Кулагин в своё время отмечал, что «в процессе поиска путей наиболее эффективного управления капиталами решение зачастую содержится в идее использования разнообразных форм зависимости и контроля между участниками хозяйственного оборота. В результате чего образуются различного рода совокупности (группы) юридически самостоятельных хозяйствующих субъектов, связанных отношениями экономической зависимости и контроля» (Кулагин 1992: 49).

Создание подобного типа корпоративных структур преследует достижение ряда целей, в том числе снижения финансовых и налоговых потерь, оптималь-

ное маневрирование материальными и финансовыми ресурсами, создание замкнутого цикла производства, объединяя в одну цепочку совокупность процессов от добычи сырья и до выпуска готовой продукции и т.д.

В Германии, Франции и других европейских странах среди юридических лиц частного права наиболее широко используемой организационно-правовой формой являются торговые товарищества, подразделяемые на «уставные» и «договорные», «персональные» и «коллективные» либо – с известной долей условности – на «объединения лиц» и «объединения капиталов».

В англо-саксонской системе права основными юридическими фигурами выступают компании (в Великобритании) и корпорации (в США), среди которых выделяют так называемые публичные общества с большим кругом участников – аналог наших акционерных обществ – и общества с закрытым кругом участников и иными задачами – в нашем понимании, как общества с ограниченной ответственностью.

Для стран с высокоразвитой рыночной экономикой характерным является высокая степень совершенства их корпоративного законодательства, детальность и «отточенность» его юридического инструментария, нередко достаточно жёсткое правовое регулирование в этой сфере. Так, например, в Великобритании согласно ст. 23 Закона о компаниях юридическое лицо не может быть членом компании, которая является его холдинговой компанией, и любое отчуждение или уступка паёв компании своей дочерней компании являются недействительными и т.д.

Что же касается аналогичного корпоративного законодательства России, то оно в сравнении с западным, можно сказать, пока находится в зачаточном состоянии, что порождает как в теории, так и особенно на практике немало проблем.

Прежде всего, необходимо разобраться в том, как правильно следует именовать фактически сложившиеся в экономике различного вида корпоративные структуры. В литературе по этому поводу высказаны разные, не совпадающие мнения исследователей. Так, академик В.В. Лаптев полагает, что любая группа, например, холдинг или финансово-промышленная группа представляет собой неправосубъектную хозяйственную систему, участвующую в правовых отношениях через свой центр – холдинговую компанию или центральную компанию финансово-промышленной группы⁵.

По мнению Т.В. Кашаниной, для обозначения совокупности экономически взаимосвязанных юридических лиц могут быть использованы словосочетания «объединение корпораций» или «корпоративное объединение»⁶. Как полагает данный автор, «в целом ГК РФ охраняет отрицательное отношение к объедине-

⁵ Лаптев В.В. 1999. *Акционерное право*. Учебник. Москва: Контракт. С. 126, 246 с.

⁶ Кашанина Т.В. 1999. *Корпоративное право*. Учебник. Москва: Норма. 802 с. С. 205

ниям предприятий, которые в условиях административно-командной экономики были разновидностью органов управления, стесняющих свободу предприятий... Хозяйственная практика выявит потребности в существовании новых для России форм объединений корпораций. Законодателю же важно не отстать от практической жизни»⁷.

Некоторые авторы во избежание расширения понимания значения законодательно установленных терминов предлагают называть отечественные экономически связанные группы юридических лиц «многосубъектными предпринимательскими образованиями» (Рузакова 2002: 211), «предпринимательскими объединениями» (Белоусов 1998: 15) и т.д.

Подобная теоретическая неопределённость ещё более усугубляется на практике, а также в действующем законодательстве. Гражданский кодекс РФ и законы о хозяйственных обществах содержат лишь исходные правовые положения, касающиеся дочерних, зависимых обществ, но не дают определения, которое бы адекватно отражало сущность такого явления как совокупность экономически взаимосвязанных юридических лиц.

Ситуация ещё более осложняется, когда указанное экономическое явление получает в той или иной форме отражение в других законах специальной направленности: Закон о конкуренции оперирует категориями «группа лиц» и «аффилированные лица», Налоговый кодекс использует понятие «взаимозависимые лица», Закон о банках и банковской деятельности – «банковская группа» и «банковский холдинг»⁸ и т. д.

А между тем анализируемая категория давно перешла из сферы теории в сугубо практическую плоскость, ибо наличие значимой для закона экономической взаимосвязанности хозяйствующих субъектов должно влечь для них и соответствующие правовые последствия.

Поэтому, как представляется, имеется необходимость в принятии обобщающего закона о корпоративных объединениях (или о предпринимательских объединениях (Звездина 2003: 150)) – здесь не столько важны некоторые терминологические различия, – в котором было бы сформулировано исходное понятие такого объединения хозяйствующих субъектов, закреплён его правовой статус, а также правовое положение входящих в него субъектов, порядок управления в таком образовании и т.д. (Звездина 2003: 150). Указанный законодательный акт, безусловно, должен быть взаимно увязан с законами специальной направленности, в которых в той или иной форме используется юридическая конструкция корпоративного объединения хозяйствующих субъектов.

Интересно, за рубежом правовые предписания, регулирующие отношения с участием зависимых и господствующих обществ, законодательства одних стран

⁷ Там же. С. 207.

⁸ СЗ РФ. 2001. №26. Ст. 2586.

адресуют материнским, дочерним, контролирующим компаниям, а в других (например, в Германии) имеется обобщающее правовое регулирование внутренних отношений в группе экономически связанных между собой обществ или «связанных предприятий» (книга 3 Закона об акционерных обществах Германии 1965 г.) (Звездина 2003: 115).

Создаваемые у нас корпоративные объединения хозяйствующих субъектов не являются юридическими лицами и, следовательно, не выступают в качестве субъектов права, каковыми являются входящие в них конкретные участники (члены) – акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью и т. д. С этих позиций не совсем ясны утверждения отдельных экономистов о том, что если корпоративные отношения с привлечением конструкции юридического лица не функционируют, то следует их законодательно «убрать» до «лучших» времён⁹.

Думается, главное здесь вот что: смысл создания корпораций заключается в том, чтобы более чётко разграничить сферы управления различными имущественными массами. С этих позиций корпорация есть определённая модель управления капиталом (Яковлев 2000: 16), которая «выводит корпорацию на уровень экономических отношений с третьими лицами (Дементьев 1999а: 77).

Корпоративные отношения направлены на взаимное перераспределение властных экономических возможностей между хозяйствующими субъектами над их экономическими ресурсами. Если рассматривать экономику в целом, то, в известном смысле, можно сказать, что экономическая власть одних субъектов возможна и в той мере лишь тогда, когда и в такой же мере она ограничена у других экономических агентов и, таким образом, создаётся определённый «баланс» экономической власти в сфере управления материальными благами.

Однако, по справедливому замечанию В.Ф. Яковлева, корпоративные отношения – лишь часть общественных связей в сфере экономики. Главным же содержанием экономической жизни служат отношения собственности и товарного обмена. Корпоративные отношения всегда так или иначе связаны с отношениями собственности.

Хозяйствующий субъект, вступая в корпоративное образование, с одной стороны, сохраняет в целом свою экономическую власть, а с другой – соглашается поступиться её частью в пользу других участников этого интегрированного образования и, таким образом, отношения собственности здесь приобретают «осложнённый» характер.

Централизация капитала обуславливает необходимость в определённой степени имущественного обособления корпоративных образований, которая преломляется здесь через особенности структуры организационных связей их

⁹ Атkinson Э.Б., Стиглиц Дж. Э. 1995. *Лекции по экономической теории государственного сектора*. Учебник. Пер. с англ. под ред. Л.Л. Любимова. Москва. С. 16.

участников. Указанное имущественное обособление корпораций предполагает и создаёт возможность для «отделения» функции управления от собственности. Степень такого отделения зависит от «модели» организации (построения) корпоративного образования.

С этих позиций в литературе обычно выделяют горизонтально интегрированные структуры, где координация происходит через перекрёстные функции, и вертикально интегрированные образования, в которых формируется многоярусная структура прав собственности, где главенствующие материнские компании связаны с множеством родственных через обладание их акциями (Дементьев 1999б: 81-82).

Кроме того, различают также американскую модель, в основе которой лежит административная координация деятельности хозяйствующих субъектов, и японскую, главным образом, нацеленную на укрепление межкорпоративных связей.

Имеются и другие подходы к классификации интегрированных корпоративных структур, в частности с позиции применяемых механизмов регулирования совместной деятельности, когда выделяются бизнес-группы, основанные на участии в капитале; бизнес-группы, основывающиеся на концентрации контроля над ресурсами и услугами; бизнес-группы, строящиеся на системе добровольной централизации участниками некоторых властных полномочий (Авдашева, Дементьев 2000: 14).

В связи с этим необходимо обратить внимание также и на то, что интегрированные корпоративные структуры на практике нередко создаются с использованием смешанных форм, когда между участниками заключается соответствующий договор, и кроме этого, они консолидируют часть своих активов на базе центральной компании – специально формируемого юридического лица, имущество которого создаётся по принципу участия в капитале (финансово-промышленные группы, холдинги).

В настоящее время научное осмысление указанных и многих других подобных проблем и адекватная реакция на них законодателя крайне актуальны, ибо на практике уже возникают ситуации, когда осуществляются «покупки юридического лица без денег», что фактически оформляется так называемым «соглашением о совместном контроле», в силу которого наиболее влиятельные акционеры по существу осуществляют раздел сфер влияния в рамках корпоративного образования, а иногда и за его пределами.

Не менее важно, чтобы процессы интегрирования хозяйствующих субъектов в рамках тех или иных корпоративных образований, что само по себе явление закономерное для рыночной экономики, не превращались в скрытую форму монополизации экономической деятельности и т.д., что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования антимонопольного законодательства.

Представляется вполне оправданным принятие специального Закона о холдингах (Парфенов 1999: 123); законоположений, уточняющих перекрёстное участие хозяйствующих субъектов в капиталах друг друга, и других законодательных усовершенствований, регулирующих деятельность первичных (основных) звеньев экономики.

* * *

В заключение необходимо отметить, что такие категории как «рыночная экономика» и её «государственно-правовое регулирование» тесным образом взаимосвязаны. Более того, рыночная экономика не может быть нерегулируемой со стороны государства. «Есть мало оснований считать, – совершенно справедливо замечают американские учёные Э. Аткинсон и Дж. Стиглиц, – что рынок мог бы функционировать в ситуации, предполагающей негосударственную экономику»¹⁰.

Иначе говоря, рыночная экономика должна основываться на законе, функционировать в правовом поле и в этом смысле быть правовой экономикой. В противном случае такая сфера деятельности вряд ли вообще может называться экономикой.

При этом необходимо стремиться к уменьшению транзакционных издержек в обществе с тем, чтобы обеспечивалась возможность распределения и перехода экономических ресурсов к тем субъектам хозяйствования, которые смогут их использовать наиболее эффективно, сочетая частные и публичные интересы.

Выбор правового инструментария, форм и методов государственно-правового регулирования зависит как от уровня функционирования экономических отношений (макро-, микроэкономический), так и от характера самих этих отношений и других факторов, в том числе экономической политики государства.

Об авторах:

Михаил Николаевич Семякин – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Управления научных исследований Уральского государственного юридического университета, 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: 9193705538@mail.ru

Анна Викторовна Губарева – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21. E-mail: ashipova@mail.ru

Степкин Станислав Павлович – кандидат юридических наук, доцент, доцент Юридического факультета Российского государственного социального университета, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 8. E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

¹⁰ Аткинсон Э.Б., Стиглиц Дж. Э. 1995. *Лекции по экономической теории государственного сектора*. Учебник. Пер. с англ. под ред. Л.Л. Любимова. Москва. С. 18.

UDC: 332.02, 338.2, 334.02, 334.7

Received: November 15, 2021

Accepted: February 16, 2022

Legal Regulation of Economic Processes at the Macro Level

M.N. Semyakin¹, A.V. Gubareva¹, S.P. Stepkin²[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-231-249](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-231-249)¹ Ural State Law University² Russian State Social University

Abstract: The article analyzes the legal regulation of the economy at the structural level. Economists usually ignore the impact of law on macroeconomic processes. The main attention is paid to the study of the legal regulation of economic relations at the level of macroeconomics, as well as its primary links - enterprises, organizations, etc. In particular, the legal regulation of several sublevels of the economy is singled out and considered: reproductive, sectoral (intersectoral), regional (interregional). It is concluded that the system of economic management is constantly undergoing changes under the influence of various factors of an objective and subjective nature, an important place among which is occupied by legal means and methods. The ideas put forward by R. Coase need to be reconsidered, considering new economic realities. Recommendations are made aimed at strengthening the role of the contract in economic management, improving legislation, and eliminating excessive administration of the activities of economic entities.

Keywords: structural levels, system, legal regulation, macroeconomics, improvement, legislation

About the authors:

Mikhail N. Semyakin – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Department of Scientific Research of the Ural State University of Law, 620137, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21. E-mail: 9193705538@mail.ru

Anna V. Gubareva – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business Law of the Ural State Law University, 620137, Russia, Yekaterinburg, Komsomolskaya str., 21. E-mail: ashipova@mail.ru

Stanislav P. Stepkin – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Faculty of Law of the Russian State Social University, 4 Wilhelm Peak str., p. 8, Moscow, 129226. E-mail: stepkin.sciences@mail.ru

Conflict of interests:

The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

- Bassanini A., Ernst E. 2002. *Labor Market Institutions, Product Market Regulations, and Innovation: Cross-Country Evidence*. Economics Department Working Paper 316, OECD, Paris.
- Blanchard O. 2004. The Economic Future of Europe. *Journal of Economic Perspectives* 18(4). P. 3–26.

- Broughel J., Hahn R. W. 2022. The Impact of Economic Regulation on Growth: Survey and Synthesis. *Regulation and Governance*, 16(2). P. 448-469. DOI:10.1111/rego.12376
- Coase R. 1937. The Nature of the Firm. *Economica*. 4(16). P. 386-405. DOI: 10.1111/J.1468-0335.1937.TB00002.X
- Coase R. 1960. The Problem of Social Cost. *Journal of Law and Economics*. 3(1). P. 1-44.
- Coase R. 1972. Durability and Monopoly. *Journal of Law and Economics*. 15(1). P. 143-149. DOI: 10.1086/466731
- Coase R. 1992. The Institutional Structure of Production. *The American Economic Review*. 82(4). P. 713-719. DOI: 10.1007/978-3-540-69305-5_3
- Coase R. 1996. Law and Economics and A.W. Brian Simpson. *Journal of Legal Studies*. Vol. 25. P. 103-104. DOI: 10.1086/467973
- Coffey B., McLaughli P. A., Peretto P. 2020. The Cumulative Cost of Regulations. *Review of Economic Dynamics*, 38. P. 1-21. DOI: 10.1016/j.red.2020.03.004
- Dal Bó, E. 2006. Regulatory Capture: A review. *Oxford review of economic policy*. 22(2). P. 203-225.
- Ketels C., Porter M.E. 2021. Rethinking the Role of the EU in Enhancing European Competitiveness. *Competitiveness Review*. 31(2). P. 189-207. DOI: 10.1108/CR-08-2020-0100
- Mody A. 2018. *Euro Tragedy: A drama in Nine Acts*. Oxford University Press.
- Nicoletti G., Scarpetta S. 2003. Regulation, Productivity and Growth: OECD Evidence. *Economic Policy* 18(36). P. 11-72.
- Avdasheva S., Dementiev V. 2000. Akcionernye i neimushchestvennye mekhanizmy integratsii v rossijskikh biznes-gruppah [Joint-stock and Non-Property Mechanisms of Integration in Russian Business Groups]. *Russian Economic Journal*. №1. (In Russian)
- Belousov O.V. 1998. *Pravovye formy predprinimatel'skikh ob"edinenij po zakonodatel'stvu FRG i Rossii [Legal Forms of Business Associations under the Legislation of Germany and Russia]*. Diss. ...Candidate of Legal Sciences. Moscow. (In Russian)
- Calabresi G. 2016. *Budushchee prava i ekonomiki [The Future of Law and Economics]*. Essays on reform and reflections. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian)
- Coase R. 1993. *Firma, rynek i pravo [Firm, Market and Law]*. Trans. from English. Moscow: Delo. 192 p.
- Dementiev V. 1999a. Finansovo-promyshlennye gruppy v rossijskoj ekonomike [Financial and Industrial Groups in the Russian Economy]. *Russian Economic Journal*. Topic 10. (In Russian)
- Dementiev V. 1999b. Finansovo-promyshlennye gruppy v rossijskoj ekonomike [Financial and Industrial Groups in the Russian Economy]. *Russian Economic Journal*. №2. Topic 7. (In Russian)
- Ekonomicheskaya koncentraciya: opyt ekonomiko-pravovogo issledovaniya rynochnyh i yuridicheskikh konstrukcij [Economic Concentration: the Experience of Economic and Legal Research of Market and legal Structures]*. 2016. Ed. Egorova M.A. Moscow: Justicinform. 552 p. (In Russian)
- Gutman G.V., Miroedov A.A., Fedin S.V. 2001. *Upravlenie regional'noj ekonomikoj [Management of the Regional Economy]*. Edited by G.V. Gutman. Moscow: Finance and Statistics. 173 p. (In Russian)
- Kulagin M.I. 1992. *Predprinimatel'stvo i pravo: opyt Zapada [Entrepreneurship and Law: the Experience of the West]*. Moscow: Delo. 142 p. (In Russian)

Merkuro N., Medema S. 2019. *Ekonomicheskaya teoriya i pravo: ot Poznera k postmodernizmu i dalee* [Economic Theory and Law: from Posner to Postmodernism and beyond]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian)

Pappe Ya.Sh. 2000. «Oligarhi»: *ekonomicheskaya hronika* ["Oligarchs": Economic Chronicle, 1920-2000]. Moscow: State University. Higher school of Economy. 230 p. (In Russian)

Parfenov I.A. 1999. *Upravlenie holdingom v neftegazovom komplekse (pravovye aspekty)* [Management of the Holding in the Oil and Gas Complex (Legal Aspects)]. Diss. ...candidate of Legal Sciences. Tyumen. P. 123. (In Russian)

Ruzakova E.V. 2002. *Predprinimatel'skie mnogosub'ektnye obrazovaniya: pravovaya model' i dejstvitel'nost'* [Entrepreneurial Multi-subject Formations: Legal Model and Reality]. *Legal Status of Business Entities*. Collection of scientific papers. Ekaterinburg. (In Russian)

Sinitsyn S. A. 2021. *Rossiyskoe i zarubezhnoe grazhdanskoe pravo v usloviyah robotizatsii i cifrovizatsii. Opyt mezhdisciplinarnogo i otraslevogo issledovaniya* [Russian and Foreign Civil Law in the Context of Robotization and Digitalization. Experience in Interdisciplinary and Industry Research]. Moscow: Infotropik Media. 212 p. (In Russian)

Transformatsiya modelej pravovogo regulirovaniya ob'ektov innovatsionnoy infrastruktury v sovremennom prave: rossiyskij i zarubezhnyj opyt [Transformation of Models of Legal Regulation of Innovation Infrastructure Objects in Modern Law: Russian and Foreign Experience]. 2021. Monograph. Under the general ed. by Blazheeva V.V., Egorova M.A. Moscow: Prospekt. 592 p. (In Russian).

Yakovlev V.F. 2000. *Rossiya: ekonomika, grazhdanskoe pravo* [Russia: Economics, Civil Law]. Moscow: RIC ISPI RAS. 224 p. (In Russian).

Zvezdina T.M. 2003. *Pravovoe polozhenie dochernih i zavisimyh hozyajstvennyh obshchestv* [Legal Status of Subsidiaries and Dependent Business Entities]. Diss. ...Candidate of Legal Sciences, Yekaterinburg. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Авдашева С., Дементьев В. 2000. «Акционерные и неимущественные механизмы интеграции в российских бизнес-группах». *Российский экономический журнал*. №1.

Белоусов О.В. 1998. *Правовые формы предпринимательских объединений по законодательству ФРГ и России*. Дисс. ...канд. юр. наук. Москва.

Гутман Г. В., Мироедов А.А., Федин С. В. 2001. *Управление региональной экономикой*. Под ред. Г.В. Гутмана. Москва: Финансы и статистика. 173 с.

Дементьев В. 1999а. Финансово-промышленные группы в российской экономике. *Российский экономический журнал*. Тема 10.

Дементьев В. 1999б. Финансово-промышленные группы в российской экономике. *Российский экономический журнал*. №2. Тема 7.

Зvezdina T.M. 2003. *Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ*. Дисс. ...канд. юр. наук, Екатеринбург.

Калабреззи Г. 2016. *Будущее права и экономики. Очерки о реформе и размышления*. Москва: Изд-во Института Гайдара.

Коуз Р. 1993. *Фирма, рынок и право*. Пер. с англ. Москва: Дело. 192 с.

Кулагин М.И. 1992. *Предпринимательство и право: опыт Запада*. Москва: Дело. 142 с.

Меркуро Н., Медема С. 2019. *Экономическая теория и право: от Познера к постмодернизму и далее*. Москва: Изд-во Института Гайдара.

Паппэ Я.Ш. 2000. *«Олигархи»: экономическая хроника, 1920-2000*. Москва: Гос. ун-т. Высш. шк. Экономики. 230 с.

Парфенов И.А. 1999. *Управление холдингом в нефтегазовом комплексе (правовые аспекты)*. Дисс. ...канд. юр. наук. Тюмень. С. 123.

Рузакова Е.В. 2002. *«Предпринимательские многосубъектные образования: правовая модель и действительность»*. *Правовое положение субъектов предпринимательской деятельности*. Сб. научных трудов. Екатеринбург.

Синицын С. А. 2021. *Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования*. Москва: Инфотропик Медиа. 212 с.

Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт. 2021. Монография. Под общ. ред. Блажеева В. В., Егоровой М. А. Москва: Проспект. 592 с.

Экономическая концентрация: опыт экономико-правового исследования рыночных и юридических конструкций. 2016. Отв. ред. Егорова М.А. Москва: Юстицинформ. 552 с.

Яковлев В.Ф. 2000. *Россия: экономика, гражданское право*. Москва: РИЦ ИСПИ РАН. 224 с.

Будущее России глазами политолога

Т.А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Мигранян А. 2022. *Имеет ли будущее Россия?* Москва: Аспект пресс. 678 стр.

Ключевые слова: Россия, демократический транзит, Советский Союз, США, «перестройка», теория демократии

Сборники статей учёных и публицистов, опубликованные в связи с юбилеями и как бы подводящие итог научной деятельности, сегодня вошли в моду. Но довольно часто они отражают только важные вехи в творчестве авторов, значимые для них самих и ближайшего окружения или части коллег. Но есть книги, которые как в зеркале отражают эпоху, со всей её противоречивостью, неоднозначностью и динамизмом, когда автор не только интерпретатор происходящего, но его непосредственный участник, самостоятельно, а не в пересказе повлиявший на настроения и взгляды политиков, учёных и рядовых читателей. Он как бы пропустил историю через себя. Именно к этой категории относится недавно опубликованная книга известного российского политолога, историка, общественного деятеля Андраника Миграняна под знаменательным названием «Имеет ли будущее Россия?»

Книга большая, в неё включено много работ, которые охватывают целый ряд разделов общественных наук и особенно политической науки: представлены статьи, посвящённые теории демократии, транзитологии, тексты, связанные с альтернативной моделью социализма и т.д. Иными словами, книга посвящена тем проблемам, которые были в центре общественного и научного обсуждения начиная с 1980-х гг. Есть работы чуть ли не по каждой из основных проблем теории демократии, например, о роли государства, проблеме свободы, равенства, справедливости и т.д.

УДК: 32

Поступила в редакцию: 10.04.2022 г.

Принята к публикации: 16.06.2022 г.

Собранные в этой книге начиная с 1982 г. и в особенности с 1985 г., т.е. начала «перестройки», статьи стали основой дальнейших теоретических рассуждений. Как говорил сам А. Мигранян, выпускник МГИМО, жизнь человека похожа на шахматы, причём можно выступить и в качестве наблюдателя за игрой, а можно и в качестве шахматиста, разыгрывающего партию. Но так как он воспринимал политику как свою профессию, он в шутку всегда говорил, что «я следил за игрой, думая, а вдруг представится возможность, и я сяду и буду готов для продолжения игры». Правда, он не стал практикующим политиком, но в политической науке он фактически был готов к тому, чтобы на большое количество вызовов, встававших в годы «перестройки», попытаться ответить как теоретически, так и по возможности предложить практические решения тех или иных узловых проблем, которые возникали в годы трансформаций с 1985-го по 1991-й, хотя и не только в рамках этого периода.

Надо сказать, что хотя в книге собраны самые разные работы, они не сведены воедино механически. Книга внутренне структурирована и выстроена логично. Дело в том, что, как Мигранян признаётся, ему хотелось подготовить себя для того, чтобы в решающий момент он мог бы лучше понимать и анализировать природу политического режима, в котором жила наша страна до 1985 г., до прихода к власти Горбачёва, чтобы потом, по ходу процесса трансформации политического режима, иметь возможности предлагать варианты для развития, поскольку то, что произошло с нашей страной, было беспрецедентным в человеческой истории. Никогда до распада СССР не было в истории человечества мирной, постепенной трансформации тоталитарного режима. Были переходы от авторитарных режимов к демократии в Южной Европе, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, во многих других странах, но даже теоретически никогда не ставился вопрос: можно ли – и если да, то как – осуществить переход от тоталитаризма к демократии, потому что классический тоталитаризм не предполагает наличие внесистемных сил, которые должны ломать эту систему – за этим следили партийные структуры, государственный аппарат, спецслужбы. Мигранян сравнивал тоталитарный режим с бочкой, которая скрепляется обручами, и если их попытаться снять, есть угроза, что бочка развалится.

Проблема требовала не только практических действий «сверху» и «снизу», но и подготовительной, прежде всего, теоретической работы. А. Мигранян, освоив последние достижения западной политической науки как по переходам от авторитаризма к демократии, так и по самым разным теориям демократии, включая плебисцитарную Макса Вебера, партисипаторную, плюралистическую, элитарную и т.д., погрузившись в разные направления социализма, особенно немарксистского социализма, а также фабианского социализма, подготовил себя к тому, чтобы предложить своё видение того, как мы должны двигаться и куда идти в процессе трансформации советской политической системы, а также в идеологической сфере.

Уже первая работа, которая в форме статьи была опубликована в «Вопросах философии» в 1987 г., произвела впечатление революционной. Автор отмечал, что всё, что произошло с советской политической и идеологической системой, оказалось *в принципе* не соответствующим политической теории марксизма. По Марксу, государство должно было отмирать, а это означает, что свободные индивиды со своими правами и возможностями должны были формировать институты гражданского общества. В этом утверждении Мигранян лукавил, потому что даже на редколлегии журнала «Вопросы философии» ему говорили: «как Вы можете писать о гражданском обществе, если К. Маркс в немецкой идеологии говорит, что гражданское общество – это буржуазное общество». Для него было важно реабилитировать само понятие «гражданское общество», на многие годы исчезнувшее из официальной идеологии и политических текстов. Развитый индивид, развитые институты гражданского общества, самоуправление институтов гражданского общества должны были, по мысли А. Миграняна, реализовать идею Маркса и Ленина об отмирании государства. И это на фоне шуток, популярной в советское время, что советское государство отмирает через бесконечное усиление, но в реальности, наконец, пришло время, когда можно было бы сказать об отмирании государства, как действительно предполагали основоположники марксизма, в интерпретации Миграняна.

В этой работе он уже смог позволить себе написать, что индивид оказался в процессе развития советской системы поглощён обществом, индивид и общество оказались поглощёнными государством, а индивид, общество и государство оказались поглощёнными партией. А. Мигранян предложил рассматривать эту схему в обратном порядке: индивида вычленив из общества, индивида и общество вычленив из государства, индивида, общество и государство вычленив из партии. Только так появляется возможность формировать и свободного индивида с его неотчуждаемыми правами, и институты гражданского общества, которые могут формировать свободные, не регламентируемые со стороны государства группы людей по интересам, и, наконец, государство, которое имеет свои специфические функции. Ну и, конечно, вместо всеобъемлющей партии – одной, единой и господствующей – формировать множество партий, создавать плюрализм в политической сфере. А это предполагает необходимость покончить с монополией одной, единственной идеологии, а наоборот, обогатить марксизм новыми идеями, в том числе из разных идеологических течений. Без такого преодоления догматизма нельзя было разрушить железобетонную конструкцию советского тоталитарного режима. Мне кажется, что эта работа А. Миграняна далеко опередила своё время, потому что в 1986–1987 гг. даже самые так называемые продвинутые прорабы перестройки всё ещё в своих выступлениях и работах делали акцент на ошибках и злоупотреблениях сталинского режима, обычно сталинской диктатуры. Но не более того.

В большей части работы Миграняна этого периода были посвящены одной и той же проблеме: постижению природы советского режима и попыткам дать

рекомендации, как изменить этот режим. Например, примерно в это время издаётся первая бесцензурная книга «Иного не дано», и А. Мигранян пишет для этой книги главу «Механизм торможения в политической системе и пути его преодоления» – проблема, не утратившая своей актуальности и сегодня.

По его логике, есть три группы конфликтов, которые динамизируют политическую систему и не позволяют, чтобы сложился механизм торможения. Это конфликт между политикой и бюрократией, между законодательной властью, публичной сферой власти и административной властью. Третья группа конфликтов – это конфликт между харизматическим лидером и политической системой в целом. В процессе эволюции советской политической системы и государства два конфликта были ликвидированы немедленно: конфликт между политиком и бюрократией, потому что политик просто исчез из политической системы, и бюрократ стал возглавлять органы исполнительной власти. Исчез конфликт между публичной сферой, т.е. законодательной властью и исполнительной, потому что просто исчезла сфера публичной власти, ибо Советы превратились в квазиплебисцитарный рудимент политической системы, как он пишет в этой же работе для сборника «Иного не дано». И фактически политическая система имела только единственную динамизирующую силу внутри себя – это наличие харизматического лидера И. Сталина над политической системой, справлявшегося с этой политической системой с помощью спецслужб, пропагандистского аппарата, и, конечно, эта система работала только тогда, когда он «пинками гнал» её вперед, время от времени осуществлял «кровопускание», тотальные чистки. Принимаемые решения в значительной степени реализовывались потому, что наличествовал страх перед бдительными спецслужбами, которые следили за тем, чтобы приказы, пожелания и рекомендации вождя были реализованы. Они создавали видимость более или менее эффективной работы этой системы. Но при всём при этом дело в том, что, как отмечает А. Мигранян, единственный период, когда система более или менее работала и давала результаты – это сталинский период. После ухода Сталина фактически исчез и третий элемент, динамизирующий политическую систему. Пришедший на смену Н. Хрущёв уже не имел ни того авторитета, ни той харизмы. Разоблачением культа личности он десакрализировал должность и институт генерального секретаря или лидера партии. После снятия Хрущёва фактически политическая система перестала вообще динамично функционировать и эффективно решать хоть какие-то вопросы, потому что практически сформировалась тотальная бюрократическая система. Бюрократия не была заинтересована ни в каком динамизме, ни в каких серьёзных изменениях и поэтому любые попытки изменения, трансформации, реформ и т.д. заканчивались безрезультатно на разных этапах властной вертикали. Сложилась политическая система, которая воспроизводила себя, причем во всё более ухудшающихся формах.

Этот режим А. Мигранян назвал режимом бюрократического тоталитаризма. Прежде чем реформировать ту или иную политическую систему, необхо-

димо правильно понимать природу политического режима. От этого зависит выбор стратегии реформ. К сожалению, наверное, политической науке и советологии не очень повезло, потому что ни на Западе, ни внутри нашей страны не было ясного и чёткого понимания, какой режим сложился к моменту прихода к власти М. Горбачёва, и какой режим он должен был трансформировать. На Западе считали, что у нас режим посттоталитарный, некоторые считали, что он авторитарный, и так как уже не было массовых репрессий, была определённая оттепель и в сфере духовной жизни, люди уже не были отчуждены от самих себя, даже была возможность «двоемыслия», можно было публично, конечно, поддерживать существующие лозунги, идеологические доктрины, требования и т.д., но внутри, в семье, в дружеском кругу уже можно было иметь другое мнение, можно говорить более или менее свободно о других вещах и быть искренним и, в общем-то, адекватным тому, что на самом деле происходит, не боясь, что могут посадить, сослать, расстрелять и т.д. Это важно помнить, потому что, мне кажется, это выводит нас на другую работу А. Миграняна, посвященную транзитологии.

Надо сказать, что именно в этой сфере он сделал серьёзный вклад в политическую науку, потому что до него никто этого не делал. Собственно, и до сих пор то, что он сделал, не до конца воспринимается, признаётся многими учёными как на Западе, так и у нас в стране.

А. Мигранян был первым, кто в 1988 г. сказал, что от тоталитаризма нельзя непосредственно перейти к демократии, должен пройти довольно длительный авторитарный период развития, при котором будут формироваться институты гражданского общества, рыночные механизмы, и только когда каким-то образом общество будет более или менее сцеплено, сформируются устойчивые институты и новые идеологические установки, станет возможным переход от авторитаризма к демократии, тем более, что в политологии он уже был довольно хорошо разработан в разных странах. Этот вывод Мигранян сделал, ибо, в отличие от многих исследователей как на Западе, так и у нас, не считал, что природа режима после И. Сталина и даже после разоблачения культа личности и т.д. в Советском Союзе, действительно изменилась. Труднопреодолимыми оставались такие факторы, как тотальное отчуждение общества от власти, а также от собственности. Эти проблемы надо было решать фактически с нуля: формировать индивида с его правами, институты гражданского общества, основы новой идеологии, создавать новую партийно-политическую систему, а в этом контексте новую культуру взаимоотношений между разными социальными группами и интересами, которые возникнут в результате крушения тоталитарного монолита. Вот только после этого можно было бы подумать о радикальной политической реформе и переходе к демократии.

Автор пишет об этом во многих работах, представленных в этой книге. Но, к сожалению, эти идеи и предложения, которые были сделаны ещё в 1988–1989 гг., особенно так громко прозвучавшие призывы: «нужна железная рука», «нужна

диктатура», «нужен авторитаризм», не были услышаны ни Горбачёвым, ни его окружением, которое своими необдуманно принятыми решениями по политической реформе вели страну к гибели. Дело в том, что в процессе реформ, особенно в сфере риторики, они дискредитировали единственный институт, на котором всё держалось, — партию — и в итоге, конечно, этот институт через пару-тройку лет, особенно после отмены шестой статьи Конституции, оказался немогущим. Ибо вся политическая система, экономическая система, идеологическая система, культура были замкнуты именно на этом институте — на партии, поглотившей всё.

Помимо этого, были дискредитированы силовые структуры — спецслужбы, МВД, армия. Потом уже была дискредитирована идеология марксизма как таковая, т.е. она была не ревизована, она была именно дискредитирована. Некоторые друзья, которые занимались этим, только сейчас поняли, что натворили, в частности, особенно это относится к Александру Цыпко, который в работе, написанной в те годы, «Истоки сталинизма» показывал, что никакого различия между Марксом, Лениным и Сталиным нет, что вся идеология марксизма была членовоенно-авторитарная и должна была быть отвергнута.

Политическая наука утверждает, что государство держится на нескольких вещах: на общих духовных ценностях, условно можно сказать идеологических ценностях (на правах и свободах человека); на административной системе, на рыночных механизмах, которые играют ключевую роль в стягивании и единстве страны. Наконец, силовые структуры в целом держат государство, собирают воедино. Но получилась у нас такая интересная ситуация: рынка не было, общей новой культуры на основе новых рыночных ценностей не было, либеральной культуры не было, но мы уже успели в течение трёх лет до 1989 г. дискредитировать партию — единственный институт, с помощью которого можно было осуществить трансформацию. Вот почему нельзя было осуществить, с одной стороны, эту тотальную дискредитацию, с другой стороны, нельзя было осуществить радикальную политическую реформу и, кроме того, власти оказались в ловушке демократии. Много раз А. Мигранян рассказывал, что М. Горбачёв говорил ему в ответ на его вопрос: «почему вы не применяете силу, закон же на вашей стороне. У вас есть конституционное право», а Горбачёв отвечал: «ну как я могу, я выступаю против сталинизма, против репрессий и т.д., а как я могу применить силу, если прольётся кровь». Люди, которые руководили страной, не понимали, что просто разговорами о реформах нельзя управлять государством. Мигранян рассказывал, что однажды Карл Поппер в 1990 г. у себя дома в Лондоне говорил ему, что в России руководители думают, что они говорят, и этими разговорами меняется страна, решаются вопросы. Но ничего не меняется, ибо нет механизма координации.

Во многих своих работах к разным датам «перестройки» А. Мигранян сокрушается по поводу того, что можно было осуществить рыночные преобразования и формировать основы плюралистической политической системы,

интегрировать основные идеи либерализма, связанные с правами, свободами человека, но при этом сохранить страну Советский Союз. Но, увы, этого не было сделано, а потом уже невозможно было ничего исправить. Он много раз цитирует известного французского мыслителя Алексиса де Токвиля, писавшего, что нет ничего опаснее, чем провести радикальные политические реформы в стране, где нет демократической традиции и культуры демократического взаимодействия между разными интересами, разными классами, социальными группами. Очень возможно, что во многих случаях процесс выходит из-под контроля. Процесс приобретает собственную логику, всё это заканчивается хаосом и неуправляемостью, после которых никогда не возникает никакая демократия, а может возникнуть форма самодержавной власти хуже, чем это было до начала политических реформ. По мнению Миграняна, нечто подобное произошло с нами, если говорить о том, почему нам не удалось удержать процесс в жёстких руках и придать ему управляемый характер.

Ещё одно очень важное обстоятельство, на которое обращает внимание А. Мигранян, это то, что такие многонациональные и федеративные, даже квазифедеративные образования, должны быть особенно аккуратны в осуществлении политических реформ, потому что существует угроза консолидации на этнической основе. Она всегда опережает социальную и политическую консолидацию и поэтому, если в начале во всех союзных республиках все были сторонниками «перестройки», то силы, ориентированные на реформы, быстро превращались в национальные и этнические движения. На каком-то этапе центр потерял контроль над республиками, и они разорвали фактически единое «тело» государства.

Кстати, когда во франкистской Испании осуществлялся переход к демократии (Пакт Монклоа), национальные элиты, прежде всего, между собой договорились, что сначала пройдут выборы в высшие органы государственной власти Испании, а потом уже Каталония, Галисия и другие автономные сообщества у себя проведут свободные альтернативные выборы. Договорились на берегу, что нельзя поставить под сомнение единство государства. А у нас не только этого не было сделано, даже понимания этого не было. С формальной точки зрения М. Горбачёв не был легитимным президентом, его народ не избрал, а только Верховный совет. А когда республики отозвали своих депутатов Верховного совета и Съезда народных депутатов, Горбачёв оказался практически в невесомости. И, конечно же, неудивительно, что если до этого лидеры национальных движений, которые «подкрашивались» под либералов и демократов, клялись в верности и любви и к Москве, и к Горбачёву, после того как прошли через альтернативные выборы и стали у себя президентами в своих республиках, то сказали: «До свидания. Мы уже ничего общего не хотим иметь с Москвой, с Россией». Лидер России/РСФСР Б. Ельцин оказался в передних рядах тех же людей, которые работали на разрыв целого, единого государства. Вот к чему это приводит, когда этими делами занимаются люди, которые понятия не имеют, какой ре-

жим они хотят реформировать, и чего они хотят добиться, в какой очерёдности должны действовать. И, конечно, не имели ни воли, ни решимости собственно в нужный момент принимать болезненные и очень тяжёлые решения, как это сделал, например, в 1989 г. Дэн Сяопин.

А. Мигранян – выпускник Факультета международных отношений МГИМО, поэтому я не могу не отметить целый ряд его работ по внешней политике, представленных в этой книге. Считаю важным подчеркнуть, что его работы по внешней политике всегда находились в неразрывной связи с работами по внутренней политике.

Приведу лишь два наиболее ярких примера. После распада СССР министр иностранных дел А. Козырев стал говорить о том, что у нас нет своих особых национальных интересов, они совпадают с интересами наших партнёров, таких как США, европейские государства и т.д. А. Мигранян рассказывал, что в 1992 г. в Москве проходила конференция, на которой Генри Киссинджер сказал: «Вы знаете, России не следует иметь интересы за пределами границ Российской Социалистической Федеративной Республики, т.е. того, что осталось после распада Советского Союза». Реакция А. Миграняна последовала незамедлительно: в августе 1992 г. в «Российской газете» на целую полосу была опубликована статья, где фактически объявлялось, что всё постсоветское пространство является сферой жизненных интересов России, и она не допустит, чтобы какие-либо третьи страны могли утвердиться в какой-то части постсоветского пространства. На Западе эти рассуждения А. Миграняна окрестили «доктриной Монро-Миграняна для России». Увы, через два года стала реализовываться другая концепция, предложенная в пику подходу Миграняна Збигневом Бжезинским в журнале *Foreign Affairs*, о создании геополитического плюрализма на постсоветском пространстве. Одним из элементов реализации этой концепции были шаги по формированию ГУАМ, которая включала сначала Украину, Грузию, Молдову, Узбекистан. В концепции Бжезинского центральной была идея создания противовеса России на постсоветском пространстве, чтобы не допустить единоличного доминирования России.

Приведу ещё один пример связи внутренней и внешней политики, о которой пишет автор. В один и тот же день в августе 1989 г. появились две статьи. Одна в «Московских новостях» под названием «Эпитафия доктрине Брежнева», приведённая в рецензируемой книге. Другая – в «Литературной газете» «Нужна железная рука», где совместно с И. Клямкиным и Г. Целмсом он обсуждал концепцию перехода от тоталитаризма к демократии. Статьи неразрывно связаны между собой – одно без другого не может происходить. А. Мигранян пишет в «Эпитафии доктрине Брежнева»: да, действительно доктрина ограниченного суверенитета, доктрина Брежнева, она уже не адекватна к нынешним условиям. Если мы двигаемся в сторону рынка, плюрализма и т.д., мы не можем не допустить, чтобы страны Восточной Европы внутри себя тоже не были свободными. Хотите иметь десять партий – десять партий, хотите иметь десять разных

идеологий – десять разных идеологий, хотите иметь свободу выезда, приезда и так далее и так далее – ради Бога. Важным видится то, что это не означает, что эти страны должны выйти из сферы преимущественного интереса и, возможно, влияния Советского Союза. И тогда А. Мигранян сформулировал мысль о том, что надо «финляндизировать» Восточную Европу. Если бы не были дискредитированы партийные, силовые и прочие структуры, не разрушили бы мы своё государство и не дискредитировали государственные институты, имели бы сильную авторитарную власть, мы могли бы реализовать внешнеполитическую идею о «финляндизации» Восточной Европы.

А о том, какая должна быть власть внутри России, говорилось в статье в «Литературной газете». Там говорилось, что нужна диктатура, должен быть авторитарный лидер, надо сохранить процесс управляемости в стране, иначе мы ввергнемся в хаос. И только при сильной центральной власти мы могли бы последовательно вести линию на сохранение Восточной Европы в сфере интересов СССР и также сохранить Советский Союз от распада.

Я хотела бы остановиться еще на нескольких работах А. Миграняна о внешней политике, которые и сегодня являются весьма актуальными, так как относятся к процессу расширения НАТО на Восток.

В 1994 г. Запад выдвигает концепцию «Партнёрство во имя мира», пытаясь одурачить, как пишет А. Мигранян, Россию: «Примите эту концепцию “Партнёрство во имя мира”, давайте, реализуйте какие-то программы с НАТО, и в таком случае США и Запад не пойдут на расширение НАТО». В прошлом году в журнале *Foreign Affairs* люди, которые создавали эту концепцию, признались, что с самого начала они, конечно же, хотели расширения НАТО и просто пытались «убаюкать» Москву, мол, не будет никакого расширения. Уже в 1994 г. в «Независимой газете» у А. Миграняна появилась статья «Зачем вступать, если лучше не вступать» (это вы можете прочесть в этой книге), где говорится о том, что вступление в эту программу откроет дорогу и включит зелёный свет для дальнейшего расширения НАТО. Собственно говоря, так и произошло. И сейчас уже эти же люди, стоявшие у истоков программы, признают, что изначально они именно на это и были сориентированы.

Не могу не остановиться на одной из работ, имеющей особую актуальность. Это статья «Почему Китай не даст США сломать Россию», которую А. Мигранян написал в 2018 г., реагируя на работу Г. Аллисона «Предназначенные для войны, удастся ли США и Китаю избежать ловушки Фукидида». По мнению автора, у Вашингтона впереди решающая схватка с Китаем за мировое лидерство. Китай уже по всем параметрам опережает или почти опережает США, поэтому важно понять, какое место в этой схватке занимает Россия. Конечно, пока Россия не может претендовать на мировое лидерство, уж слишком незначителен российский экономический потенциал, но её военно-политический очень весомый. На чью сторону встанет Россия, на сторону Китая или США, та сторона и победит в этой решающей схватке. Ещё в 2018 г. Мигранян констатирует, США,

по-видимому, взяли курс на слом России, чтобы в случае решающей схватки она не имела шанса и возможности самостоятельно принимать решение, на чью сторону встать. И впервые эту мысль он сформулировал ещё в работе 2014 г. «На Украине решается судьба мировой геополитики». Там объяснялось, почему Соединённые Штаты Америки не соглашались на буферный статус Украины, поскольку она должна быть страной, с помощью которой можно вести прокси-войну с Россией и потом способствовать изменению режима в России и т.д.

Такое впечатление, что эти работы написаны как будто сегодня, даётся характеристика и предсказывается ход событий, в каком направлении будет развиваться мировой политический процесс.

И последнее: книга называется «Имеет ли будущее Россия?» А. Мигранян в полемике или в диалоге с великим русским мыслителем П. Чаадаевым обсуждает именно этот вопрос. Мигранян определяет целый ряд факторов, которых не было в России первой половины XIX в., и, видимо, именно по этой причине Чаадаев отказал своей стране в будущем. Мигранян перечисляет эти факторы: отсутствие независимого индивида со своими свободами и правами; отсутствие гражданского общества; наличие в тот период крепостничества и т.д.; тотальная государственность и отсутствие органической связи между разными слоями общества, в частности, между аристократией и крепостным крестьянством. В одном народе фактически были два народа, которые друг друга не понимали, говорили на разных языках и исповедовали разные культурные ценности. Указывает он и на антигосударственную направленность части образованного класса, разрыв в культуре между Европой и Россией, хотя начавшаяся ещё со времён Петра Первого европеизация России всё ещё не доходила до глубин, до гущи народа. И вот на всех этих направлениях П. Чаадаеву казалось, что вряд ли что-то существенное может измениться и поэтому, по мысли А. Миграняна, он считал, что Россия не имеет будущего. Но почти за 200 лет развития России имели место серьёзные продвижения по всем этим направлениям, хотя затем следовали «откаты».

Заканчивая свои рассуждения по поводу будущего России, А. Мигранян делает неожиданный вывод. С ним можно как соглашаться, так и поспорить. Он пишет, что если раньше для России всегда впереди были как бы маяки, на которые надо было ориентироваться, или, как говорил К. Маркс, страны догоняющего развития всегда смотрят на передовую страну как в зеркало, чтобы увидеть свой завтрашний день. И, собственно, так и было в течение многих лет начиная с Петра, когда надо было перенимать многое в сфере науки, образования, образе жизни и т.д., у опережавшей в то время Европы. И многое было перенято. Мы, действительно, стали не просто другой страной и в общем-то весьма продвинутой, развитой, европейской страной. Но в нынешней ситуации в мире происходит как бы ломка старой парадигмы. Те страны, которые, как казалось, шли впереди и могли чему-то научить, во многом утратили эту свою роль.

Например, Конституция США образца XVIII в., которая некогда была образцом для подражания многим европейцам, перестала ею быть с течением времени из-за громоздких механизмов сдержек и противовесов, политической системы, которая не справляется с валом проблем. Многие учёные даже называют её дисфункциональной. Я уже не говорю о некоторых социальных процессах, в частности, вялотекущей гражданской войне между представителями разных рас, в целом, гоббсовская «война всех против всех».

В Европе происходят аналогичные процессы. Если когда-то О. Шпенглер говорил, что только два народа – греки и англичане – создали институты и ценности, причём и материальные, и духовные, на основе духа своего народа, то сейчас впервые Россия оказалась в ситуации, что брать не от кого и нечего. И вот перед Россией сейчас стоит новая, более серьёзная задача и больший «вызов»: сегодня, может быть впервые, России предоставляется возможность реализовать дух собственного народа в адекватных этому духу материальных и духовных ценностях, а также политических институтах. Удастся ли это реализовать? Трудно сказать. Поэтому чаадаевский вопрос, имеет ли будущее Россия, по мнению Миграняна, до сих пор однозначного ответа не имеет. Процесс обретения Россией собственной идентичности до сих пор продолжается. Как известно из истории, решающим моментом в определении этой идентичности были моменты перехода.

Мигранян много раз писал и говорил, что Россия – это не Европа, не Азия и не самостоятельная цивилизация, но Россия приняла и восприняла ценности и институты Европы и в значительной степени уже овладела ими, и, может быть, на этом пути Россия может обрести свою идентичность и реализовать себя, если ориентируется на европейские ценности и институты, но только не сегодняшнего дня, а традиционной Европы. Это спорный тезис, но именно поэтому он интересен и заслуживает внимательного осмысления – Мигранян как всегда парадоксален, неординарен и талантлив. А его книга, безусловно, привлечёт внимание всех думающих читателей.

Об авторе:

Татьяна Александровна Алексеева – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России, Заслуженный деятель науки РФ.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 32

Received: April 10, 2022

Accepted: June 16, 2022

The Future of Russia through the Eyes of Political Scientist

T.A. Alekseeva

[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-250-261](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-250-261)

MGIMO-University

Book review: Migranyan A. 2022. *Does Russia have a future?* Moscow: Aspect Press. 678 p.

Keywords: Russia, democratic transit, Soviet Union, USA, "perestroika", theory of democracy

About the author:

Tatiana A. Alekseeva – Doctor of Science (Philosophy), Head of Political Theory Department at MGIMO-University, Honored scholar of the Russian Federation.

E-mail: polittheory@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

До Вестфаля: история международных отношений ante litteram

Н.Н. Гудалов

Санкт-Петербургский государственный университет

Рецензия на книгу: Фененко А.В. 2022. *История международных отношений в довестфальскую эпоху*. Москва: Издательство «Аспект Пресс». 752 с.

Ключевые слова: история международных отношений, «исторический поворот», довестфальская эпоха, Вестфальский мир, системный подход, имперская политика, суверенное государство, национальное государство

Выход в свет учебника доцента МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора политических наук, известного специалиста по историческим и политическим аспектам международных отношений Алексея Валериевича Фененко «История международных отношений в довестфальскую эпоху» – событие, значимость которого выходит далеко за пределы педагогики. Книга вносит вклад в мировую науку о международных отношениях и будет полезна практикам. Напоминания о важности истории до Вестфальских договоров могли бы быть лишними, особенно для профессиональных историков; однако наука о международных отношениях в основном ограничена изучением периода после 1648 г. Между тем международникам требуется не просто большее внимание к истории, но и её собственное осмысление. Конечно, довестфальский период освещался либо частично, либо наряду с другими эпохами в ряде работ (Потемкин 1941–1945; Сиротенко 1975; Жигунин 1980; Жигунин, Габелко 2000; Cohen, Westbrook 2000)¹. Однако необходимость подготовки отдельной фундаментальной книги именно по той эпохе, которая бы соответствовала сегодняшнему уровню развития науки, ощущалась всё сильнее. В последние примерно двадцать лет наметился даже «исторический» («темпоральный») поворот в мировой

¹ Каменская Г.В., Колобов О.А., Соловьёв Э.Г. (ред.). 2007. *История международных отношений*. Учебное пособие. Москва: Логос. 712 с.

УДК: 94, 327

Поступила в редакцию: 23.04.2022 г.

Принята к публикации: 01.06.2022 г.

науке о международных отношениях, но работы в этом русле остаются мало-численными, зачастую краткими и в большой степени теоретическими (см., например, обзор в (Baele, Bettiza 2021: 317-318); также, (Lopez 2020)). Рецензируемая книга есть попытка заполнить обозначенную лауну.

Из авторского обоснования важности исследования довестфальской эпохи самого А.В. Фененко можно выделить три фактора. Во-первых, именно тогда возникли многие современные государства и противоречия между ними, некоторые типы государств (например, континентальные и морские) и их взаимодействий («принципы торгового и геополитического соперничества»), мировые религии и соответствующие цивилизации (с. 11²). Во-вторых, ряд довестфальских моделей взаимодействия государств отличались от вестфальских, причём в настоящее время первые могут приобрести новую актуальность. В-третьих, в продолжение предыдущего комментария, сегодня международники часто обращаются именно к довестфальским сюжетам: опыт древнегреческих полисов и эпоха эллинизма значимы для реалистов; имперская политика Древнего Рима или понимание того, что «новые акторы» на деле напоминают Средневековье, – для либералов; история цивилизаций – для теоретиков их «столкновения» или их важности как основы интеграции; параллели между античными полисами, высоким Средневековьем XI-XIII вв. и нынешней международно-политической средой – для теоретиков мировой политики (с. 11-14).

Иными словами, история, безусловно, делает нас более внимательными и к сходствам разных эпох, и к их различиям. Последние высвечивают историческую «инаковость» прошлого – и, более того, то, как люди ещё, возможно, смогут или будут жить (Grimm 2017). Уместно добавить и три других фактора, определяющих значимость довестфальской эпохи. Анализ сходств и различий между периодами до и после 1648 г. позволяет лучше понять, изменилось ли именно в Вестфалии столь многое – и в какой степени это лишь «миф» (Teschke 2003). Далее, дело не только в диахронной «инаковости» разных эпох, но и в лучшем познании того, каким образом различные субъекты взаимодействовали в прошлом. Например, знакомство с перипетиями отношений христиан и мусульман – одно из лучших лекарств против упрощений Самюэля Хантингтона (Huntington 1997) и других подобных картин почти неизменных, замкнутых на себе и «осуждённых» лишь на один тип взаимодействия культурных существ. Наконец, последний и связанный с остальными фактор: история повышает нашу мудрость. Это хотя и прозвучит «старомодно» для ряда теоретиков (Grimm 2017: 399), но за счёт акцента на сложности, богатстве исторической фактуры развеивает претензии чересчур абстрактных математических или естественнонаучных теорий в науке о международных отношениях (см. также: (Baele, Bettiza 2021: 317-318)).

² Здесь и далее указаны страницы рецензируемой монографии.

Всё это подтверждает значимость книги для преподавания, науки и практики. Студенты, конечно, разовьют свои знания по истории, историческую «составляющую» других учебных курсов, критическое мышление и общую культуру, но и многим исследователям-международникам, по авторитетному замечанию Т.А. Алексеевой (с. 5), довестфальская эпоха известна недостаточно. Как минимум книга ещё раз привлекает внимание учёных к огромному дополнительному эмпирическому материалу для тестирования и развития теорий. Наконец, без учёта исторического опыта дипломат или бизнесмен едва ли смогут принимать максимально мудрые решения и даже уверенно общаться с образованными иностранными партнёрами, особенно из тех государств, история которых уходит далеко в довестфальскую эпоху.

В пособии ставятся «две взаимосвязанные задачи»: «сформировать структуру курса о системе межгосударственных отношений» довестфальского периода и «дать представление о логике развития» этих отношений (с. 10). А.В. Фененко останавливается на таких ключевых проблемах, как упомянутая уже важность изучения довестфальской эпохи, трудности, сопряжённые с этим, а также специфика эпохи. Хронологическими рамками служат появление первых государств на Древнем Востоке на рубеже IV-III тысячелетий до н.э. и 1668 г. (признание Испанией независимости Португалии, что автор считает окончательным завершением Тридцатилетней войны) (с. 19, 717). К истории А.В. Фененко подходит именно как политолог-международник – в значительной мере абстрагируется от (условно) «неполитических» сфер общественной жизни, а также от внутренней политики (с. 10). При этом одна из сильных сторон книги как раз в том, что это абстрагирование не абсолютно: автор достаточно много пишет о релевантных экономических, торговых, культурных, религиозных проблемах. Международная политика и география связываются в анализе геополитических проблем, причём без крайностей географического детерминизма. Особенно часто используется понятие талассократии: от финикийцев и греков в Средиземноморье соответственно в XII-VIII и VIII-VI вв. до н.э. и до Арагона в XIV – середине XV вв. н.э. (с. 135-137, 615-616). Иногда затрагивается и история идей – стратегических культур – например, китайской VI-IV вв. до н.э. и древнегреческой (с. 113-114, 150-153) – и возникновения концепции государственного суверенитета в XVI – первой половине XVII вв. (с. 696-697). Отмечаются также связи условно внутренней и межгосударственной политики (чёткого разделения которых до 1648 г. не было).

Справедливо широк географический охват издания. Освещены все регионы Евразии, не упущена и Африка, особенно побережье – от Древнего Египта до времён Великих географических открытий. Большое внимание уделено Великому шёлковому пути в его широком понимании, включающем не только две сухопутных составляющих, но и океанскую. Рассмотрены отдельные участки пути, то, как он связывал акторов в единые системы вдоль него. Учтены и все другие регионы, затронутые Великими географическими открытиями, включая доко-

лумбовую Америку (с. 644-664). Детальный анализ отношений различных субъектов покажет читателю, что калейдоскоп исторических событий не вмещается в расхожие схемы взаимодействия культур – например, «Запада» и «Востока». Напомним лишь несколько эпизодов конца XV–XVI вв. из истории экспансии Португалии. Поддержку Васко да Гаме против султаната Мозамбик оказал другой султанат – Малинди; последний и помог да Гаме приплыть к Индостану. В ответ на успехи Португалии Венеция, поставлявшая в Европу пряности через Египет, отправила к мамлюкам посольство с антипортугальскими предложениями, снабжала египетский флот оружием и мастерами. Египту стали помогать и Османы, в ответ Португалия сблизилась с Персией. Позже в противовес туркам португальцы оказали военную помощь свергнутому султану Марокко аль-Мутаваккилю (с. 653-661).

Хотя книга и задумана как учебник, аргументация А.В. Фененко зачастую находится на уровне глубокой монографии. Мы уже приводили его аргументы о том, почему изучать довестфальскую эпоху важно. Аргументируются и трудности её изучения: недостатки фактологической базы, исчезновение многих изучаемых народов, условность нынешних названий многих довестфальских государств (например, «Шумеро-Аккадского» или «державы гуннов»), отсутствие у государств той эпохи национальной идентичности (с. 14-16). Основным аргумент о специфике довестфальских межгосударственных отношений состоит в том, что их сутью было взаимодействие империй. «Системными регуляторами» выступали войны, политические соглашения и межличностные отношения (с. 19). А.В. Фененко выделяет три типа межгосударственных конфликтов от появления государств и «протогосударственных объединений» до начала промышленной революции XVIII в.: между земледельческими цивилизациями, земледельческими и кочевыми цивилизациями, а также торговые (с. 27).

По итогам детального анализа А.В. Фененко подтверждает аргумент о том, что довестфальская эпоха была эпохой «империй, которые строились на сакральной космополитической идентичности» (с. 719) и не были достоянием какой-то одной нации. Спецификой довестфальских межгосударственных отношений являлось и то, что они были большей частью иерархическими (имперский центр – периферия), равноправными же – лишь между имперскими центрами; имперские «центр» и «периферия» взаимодействовали постоянно, посольства же были ситуативными; иерархия подкреплялась «династической дипломатией»; иерархичность проявлялась и в том, что военно-политические союзы возникали прежде всего между имперским центром и новыми субъектами или между субъектами внутри одного такого центра. Отсюда выводится «главный принцип довестфальской системы: отсутствие грани между внутренней и внешней политикой государств» (с. 721). Вопреки многим историкам XIX в., писавшим на подъёме национальных идей и строившим длительную и непрерывную историю наций, А.В. Фененко считает, что национальные и суверенные государства в Европе возникли в результате распада империй, за-

крепленного лишь в Вестфалии в 1648 г. На Востоке начало Нового времени не было связано с появлением национального государства. Распространение Вестфальской системы на весь мир завершилось лишь с распадом колониальных империй в 1960-е гг. (с. 722).

Среди методов (сам А.В. Фененко этот термин не обсуждает) основным является системный – в понимании системного подхода именно как метода. Книга написана не для «классических историков, а политологов-международников и рассматривает исторический процесс сквозь международно-политическую призму» (с. 10). Это соответствует системному подходу, предложенному Э. Карром, Д. Сингером, М. Капланом и развитому А.Д. Богатуровым, Н.А. Косолаповым и М.А. Хрусталёвым. Изучается не столько история отдельных субъектов, совокупности их внешних политик или даже отношений между ними, сколько логика и ключевые аспекты взаимодействия субъектов в сменявшихся международно-политических системах. В центре внимания – не факт сам по себе, а функциональный подход к нему – его значимость в рамках определённой системы. При этом А.В. Фененко выдерживает тонкий баланс в «извечном», на первый взгляд, разделении политологов-международников и историков (см. также: Baele, Bettiza 2021: 318). Его книга – не «размышления об истории», которые бы выхватывали отдельные факты и укладывали их в прокрустово ложе абстрактных схем. Текст демонстрирует ярко выраженное историческое наполнение, применение исторических методов. Автор детально изучает причины, зарождение, развитие множества процессов (историко-генетический метод), отдельные проблемы в хронологическом ключе (проблемно-хронологический), проводит сравнения этапов и регионов (сравнительно-исторический). О балансе между обобщениями и конкретно-историческим взглядом свидетельствует то, через какие понятия рассматривается материал. С одной стороны, автор не боится применять весьма широкие термины, в том числе относительно новые, к отдалённой истории. Так, термин «антигегемонистская коалиция» применён к противникам древнего Лагаша (XXV в. до н.э.) (с. 38); «буферные государства» – к Митанни и сирийским княжествам (борьбу за которые в XIII в. до н.э. Ассирия выиграла у Хеттской державы) (с. 67), «протоглобализация» – к эпохе эллинизма (с. 168), «Мировая война VII века» – к войне между Византией, Персией и их союзниками 603-628 гг. Мы уже отмечали термин «стратегическая культура». Часто применяется и понятие «мягкой силы» – к политике Перикла (с. 130), династии Птолемеев (с. 173), пергамского царя Эвмена (с. 181), «империи Маурьев» (с. 209). Таким образом, А.В. Фененко избегает крайнего контекстуализма как попытки изучать отдельные эпохи лишь в их собственных терминах. Наоборот, современные концепции нужно соотносить с широчайшим возможным материалом – и история даёт такой материал. История не только политических практик, но и мысли демонстрирует ряд общих тем и проблем, объединяющих мыслителей тысячелетиями, вопреки, например, контекстуализму Кембриджской школы (Haddock 2011). По крайней мере, чтобы осмыслить историче-

ские события, политологу-международнику необходимо обобщать. С другой стороны, тогда, когда нужно учитывать историческую изменчивость знания и практики, А.В. Фененко делает это, избавляя нас от анахронизмов. Так, термин «Столетняя война» был предложен лишь в XIX в.: тогда она считалась конфликтом двух отдельных королевств. Вместе с тем нужно учитывать взгляды современников тех событий, которые видели в них три отдельных последовательных войны, причём не межгосударственные, а между двумя ветвями династии Капетингов в рамках одной политической системы (с. 584). Другой пример – термин «ацтек», введённый лишь Александром фон Гумбольдтом для обозначения народов «Ацтекской империи» (с. 650).

Для анализа понятия империи как центрального используются четыре теоретических подхода. Это экономико-политический подход (марксизм), геополитический, идеологический (с акцентом на мессианстве) и социологический (с акцентом на имперских элитах – их централизаторской или сепаратистской политике, а также их взаимодействиях). При этом данные подходы, скорее, не противоречат друг другу, а сосредоточены на различных аспектах: первый и последний – на структуре империй, а второй и третий – на результатах их построения (с. 16-17). Ясно, что международник делает упор не на описании отдельных империй, а на взаимосвязанных результатах их политики. Основной теорией, с помощью которой автор осмысливает довестфальскую имперскую политику, стала знаменитая теория международных систем М. Каплана о шести их типах. Вслед за М. Капланом и А.Д. Богатуровым автор разделяет статическую и динамическую стабильность, а вслед за Н.А. Косолаповым считает понятие конфликта более широким, чем понятие войны (с. 18-19).

Текст книги богат фактическими данными. Приводятся и часто критикуются разные версии в спорных случаях, что способствует развитию кругозора и критических способностей студентов. Каждая глава завершается краткими выводами, контрольными вопросами, списками рекомендованной и дополнительной литературы. Сделано множество врезок в основной текст: дополнения, к которым автор привлекает внимание, определения, рубрики «важно» и «интересно». Завершается пособие внушительной таблицей с ключевыми датами (с. 723-752). Всё это облегчает восприятие всего значительного массива материала.

Стиль книги отражает её методы и теоретическую перспективу, сочетая в себе обобщения и историческую конкретность. Доходчивость не вредит научности стиля. Текст также ёмок: изложить и осмыслить в одном томе столь обширный и разнородный материал – немалое достижение.

Оценивая возможные источники необъективности, отметим, что в злонамеренных искажениях автора заподозрить трудно. Исследование действительно очень широко в плане проблем, методов, теорий, эмпирического материала, исторических версий отдельных событий. Вместе с тем ни одна книга не может охватить «всё». Тем более это применимо к учебникам по малоизученным темам.

Именно с этими факторами, как мы предполагаем, связаны и четыре ограничения рецензируемой книги: не вполне чётко продумана концептуальная характеристика взаимодействующих акторов; спорны или неполны трактовки ряда сюжетов; присутствуют изъяны в списках источников и литературы; в тексте обнаруживаются отдельные неточности. Далее подробнее остановимся на данной критике, но, подчеркнём, что книга не только необходима той целевой аудитории, ради которой она задумана, студентам-международникам, а также политологам и конфликтологам; её смогут плодотворно использовать многие учёные и практики. Хотя вероятные причины изъянов книги вполне объяснимы, мы, вместе с тем, считаем, что даже учебник по такому нелёгкому материалу можно было бы усовершенствовать, отчего он не стал бы ни намного больше, ни намного сложнее. Наоборот, ряд коррективов лишь повысили бы его ясность.

В плане, прежде всего, внутренней критики встают вопросы о продуманности концептуальных аргументов и ходе рассуждения о взаимодействующих акторах. Напомним, что задачи книги связаны с тем, что А.В. Фененко называет «межгосударственными» отношениями. При этом он практически сразу и неожиданно отмечает, что в довестфальский период было «много негосударственных игроков» (с. 17). Далее в книге систематического анализа в терминах именно негосударственных акторов не проведено. Автор сразу оговаривает и то, что довестфальское «государство ... ещё не обладало устойчивой территорией и институтами» (с. 17). Однако в одной главе – и вновь несколько неожиданно – он выбирает своеобразный термин «межсубъектные отношения». Объяснение этому даётся фактически такое же, как и оговорка о довестфальском периоде в целом: тогда «ещё не существовало устойчивых государственных образований» (с. 468). Такое объяснение логически озадачивает: почему во всём тексте это отсутствие «устойчивости» у довестфальских государств не мешало употреблять термин «государство», а помешало только в одной главе? В чём причинно-следственная связь? Глава эта посвящена противостоянию Святого Престола и императоров Священной Римской империи в XI–XIII вв. Сомнительным было бы допущение, что именно эти два субъекта были гораздо менее устойчивыми, чем многие другие примеры, о которых пишет автор. Неясно и то, почему не следовало бы применять термин «империя» и, соответственно, например, «межимперские отношения» (как альтернативы «межсубъектным») и к Священной Римской империи – именно как империи, пусть и весьма рыхлой, – и к Святому престолу, который тогда был весьма иерархичным и амбициозным образованием.

Довестфальские империи А.В. Фененко иногда называет «наднациональными» и «транснациональными» (с. 719). Это сравнение озадачивает: если он сам считает, что до 1648 г. нации ещё не сложились, как логически могло существовать что-то «над» нациями или «пересекающее» («транс-») нации? Едва ли здесь полностью оправдано применение этих современных теоретических концептов.

Не вполне понятен из аргументов автора и переход к более современной государственности. Так, он пишет об «Анжу-Сицилийской империи», проекте Младшего Анжуйского дома (ветви Капетингов от Карла I Анжуйского, младшего брата короля Людовика IX). А.В. Фененко спешит сделать вывод, что крах этой империи во второй половине XV в. стал концом «династической» логики в Европе: интересы элит стали жёстче увязываться с конкретными территориями (с. 575). Но почти сразу же сам автор показывает, что Анжу-Сицилийскую империю в Средиземном море сменило соперничество вовсе не государств с устойчивой территориальной логикой, а городов-республик Апеннинского полуострова, которые занимались строительством факторий, конкурируя в морской торговле (с. 602). Ещё более очевидный пример сохранения нежёстких принципов территориальности – империя Габсбургов «долгого шестнадцатого века», которую сам автор характеризует как «наднациональную», «универсальную», «католическую», возникшую через династический брак (с. 665). Окончательный крах подобного проекта Габсбургов А.В. Фененко связывает лишь с Тридцатилетней войной (с. 696, 717), но и после 1648 г. элементы династической политики не исчезли, о чём свидетельствовал целый ряд войн за «наследства» (см. также: (Teschke 2003)).

Противоречие иного рода также связано с чертами акторов. Как отмечалось, А.В. Фененко много пишет о талассократиях. Однако парный термин «теллутократия» он лишь упоминает (с. 16), почти не применяя затем к релевантным примерам. Это тем более странно, что большое внимание уделяется крупным сухопутным государствам, в т.ч. вдоль Великого шёлкового пути.

Последнее противоречие касательно характеристики акторов заключается в слишком категоричном допущении, что довестфальские империи «всегда уравнивали всех подданных» вне зависимости от этноса (с. 719). Не ясно, как это сочетается с акцентом самого А.В. Фененко на иерархичности империй. Вряд ли убедителен был бы тезис о равноправии в таких довестфальских случаях, как, например, ранние христиане в Риме, балканские народы в Османской империи или евреи и мусульмане в Кастилии и Арагоне (о последнем кейсе пишет сам автор (с. 618)).

Другие противоречия прямо касаются уже отношений акторов. Так, сначала автор делает общее замечание, что термин «баланс сил», в отличие от термина «силовое равновесие», применим, во-первых, только к национальным государствам Вестфальской системы и, во-вторых, не просто к равновесию, но и к способности достичь влияния (с. 18-19). Однако затем мы читаем: «Эпоха эллинизма стала первой в истории моделью баланса сил» (с. 167). Разумеется, говорить ни о вестфальских, ни о национальных государствах в ту эпоху нельзя (особенно учитывая объединявшие их эллинистические элементы). Аргумент же о том, что эллинистические государства боролись именно за влияние в одном регионе (с. 167), едва ли работает, поскольку и ранее многие государства конкурировали за влияние – и, в терминах самого автора, тоже должны были бы считаться сторонами баланса сил.

Едва ли полностью логична и приведённая выше типология конфликтов. Во-первых, сомнительно, что не было конфликтов между кочевыми цивилизациями. Например, едва ли обошлось без них Великое переселение народов (с. 226-248). Во-вторых, выделяя в отдельный тип именно торговые конфликты, автор тем самым ограничивает все многообразие факторов в экономической сфере: он и сам пишет о борьбе за ресурсы – скажем, железорудные районы в раннем «железном веке» (с. 81). Кроме экономики, однако, были и другие факторы: например, крестовые походы начались из-за переплетения экономических, религиозных и политических соображений (с. 450).

Переходя к контекстуальной критике, соотнесению книги с внешней релевантной информацией, отметим ещё три группы проблем. Первая – дискуссионные или неполные трактовки ряда сюжетов (ясно, что речь не об «абсолютной» полноте, а об упущениях, порождающих значимые проблемы). Не учтён классический труд Д. Госбона – один из первых, специально посвящённых феномену империализма (Hobson 1902). Его критический анализ мог бы стать полезным дополнением к обзору экономико-политического подхода, который сведён лишь к марксизму.

Результатом османской экспансии А.В. Фененко считает «редкий тип системы ... – систему единичного вето» (с. 642). Однако сам М. Каплан писал, что данной и трёх других моделей систем никогда не существовало в истории (Kaplan 2005: 34). А.В. Фененко обосновывает свою позицию тем, что Османская империя минимум до середины XVI в. могла блокировать важные торговые пути (с. 642), но поправка к классической теории Каплана должна быть гораздо детальнее аргументирована. Логика единичного вето предполагает, что у каждого актора есть средство для шантажа и сопротивления шантажу. Пока же А.В. Фененко указал лишь на средство шантажа у одного актора – Османской империи и на то, что другие её уравнивали. Неясно, как именно Османы сопротивлялись шантажу и какие рычаги шантажа были у других игроков.

Автор фактически использует как взаимозаменяемые термины «суверенные» и «национальные государства», которые, по его мнению, появились в рамках Вестфальской системы (с. 15, 720-721), но такое сближение требует объяснений. Если суверенитет – независимость государства во внешних делах и верховенство во внутренних (причём 1648 г. – как минимум очень важная веха в этом плане), то национализм – более проблематичное понятие. Конечно, национальное самосознание тесно связано с территориальным суверенитетом – но нельзя упускать и другие факторы. Отдельные вехи и исторические варианты национализма, в частности, в различных регионах Европы, связаны, например, и с распространением национальных языков в ущерб латыни, книгопечатанием, Реформацией, промышленной революцией (которую упоминает и сам автор в другом контексте), Великой французской революцией, «Весной народов» 1848-1849 гг. Нации конструировались и «сверху», и «снизу». Здесь мы имеем период минимум с XV по XIX вв. Более детально стоило бы обсудить и соот-

ношение между терминами «нация», «nation», «nation-state» и им подобными в разных языках.

Недостаточно внимания уделено институтам и нормам дипломатических и консульских сношений, ряду других аспектов международного права. Дипломатические представительства отдельно обсуждаются только в Заключении (с. 721); автор, конечно, объясняет, что постоянные институты такого рода возникли лишь незадолго до создания Вестфальской системы и распространились лишь в её логике. При этом не стоит и преуменьшать количество посольств, например, ещё в Северной Месопотамии и Сирии первой половины II тыс. до н.э.: уже тогда видны и зачатки постоянных представительств. К царю Мари Зимри-Лиму постоянно привозили отчёты, в том числе очень подробные, от его посланников при других дворах (значит, сами посланники оставались при этих иноземных дворах); посланники Мари при вавилонском царе Хаммурапи следили за его политикой; послы Зимри-Лима и Хаммурапи при дворах друг друга пользовались официальным статусом и свободой в передаче информации своему государю, хорошо знали принимающего их государя (последнее ещё раз указывает на то, что они жили при дворе долгое время) (Кембриджская история... 2007-2020: II.2: 21, 200-201). Не упоминается также давний институт дипломатической неприкосновенности, распространённый уже минимум к временам Ксеркса³. Не разобраны и институт проксении, история консульских сношений, эволюция правил объявления и ведения войн.

Ряд вопросов возникает по сюжетам о Древней Греции. А.В. Фененко пишет, что приоритетами её стратегической культуры были сила, «представления о войне как о естественном состоянии межгосударственных отношений» (с. 150). По мнению автора, Геродот и другие «греки были уверены в превосходстве своих политических форм и культуры над Востоком», хотя и признавали лидерство Египта и Вавилона в ряде других сфер (с. 151). Фукидида автор обсуждает в терминах «силового равновесия» (с. 151). Тем не менее подобные трактовки несколько стереотипны. Так, у Геродота, конечно, есть контрасты между греками и персами, и его иногда даже считают одним из первых «ориенталистов» (Stewart 2020: 115-116), но напомним и другие места у «отца истории», в которых греки отнюдь не превосходят «варваров» в аспектах, важных именно для политики – и внутренней, и межгосударственной. Подчеркнём: здесь для нас важна не историческая достоверность Геродотовых сообщений, а только его идеи. Он же был уверен в том, что именно среди персов состоялась проницательная дискуссия о формах государственного устройства, причём Отан был защитником демократии и верховенства закона⁴, Артабан часто обнаруживал политическую мудрость и умеренность⁵. Персы бывали отважны⁶, причём не всегда из боязни

³ Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Пер. Г.А. Стратановского. Ленинград: Наука. VII 136.

⁴ Там же. III 80-83.

⁵ Там же. VII 10, VII 16.

⁶ Там же. Напр., IX 62.

«восточного деспота», но иногда – ради чести⁷: они были способны простить агрессию⁸ и зачастую мягко вели себя с побеждёнными⁹. Ксеркс помиловал спартанских глашатаев, не в пример поведению Лакедемона¹⁰; уважал он и женщину, ведущую себя весьма независимо, – Артемисию¹¹. Сами греки для Геродота, конечно, были умнее «варваров», а афиняне – остальных греков; и всё же он отмечает, насколько политически наивным бывал афинский демос. Народ дважды поддался на уловки Писистрата, установившего, а затем вернувшего тиранию¹²; позже поддался он и на внешнеполитическую авантюру, в которую его втянул Аристагор¹³. Недостатки межполисных отношений у Геродота – конкуренция главных городов – одно из несчастий Греции, наряду с собственно персидской угрозой¹⁴. Разумеется, многие греки и сотрудничали с персами во время воин, иногда добровольно и ради наживы¹⁵. Не все греки, включая афинян, были храбры¹⁶, некоторые, в том числе влиятельные, были алчны¹⁷, так что и здесь нет большого отличия от якобы «восточной» тяги к роскоши.

Фукидид, конечно, рассуждает о соотношении сил; и всё же слишком упрощённой была бы его трактовка, связывающая конфликты лишь с силовыми позывами «человеческой природы», делающими войну «естественной», и тем более делающая из историка апологета силы. Нельзя путать тех, кого Фукидид описывает (например, афинян в Мелосском диалоге), с его собственной позицией. Иногда он действительно старается лишь объективно изобразить (не значит «одобрить»!) картины конфликтов, но иногда и явно показывает своё негативное отношение к ним¹⁸. Природа человека у Фукидида то неизменна, то изменчива¹⁹, имеет и «благородную» форму²⁰. Это весьма размытое понимание человеческой природы не может «автоматически» вести к конфликтам, которые связаны не только с природой, но и с проблемами в общении, дискурсе. В какой-то мере Фукидид даже наметил «лингвистический поворот» (Ball 1985; см. также: Kokaz 2001). Говоря о междоусобных конфликтах в полисах, он порицает то, как «[и]зменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий»²¹ (вновь, как и у Геродота, здесь далеко до восхищения греческой политикой). Речи афинян в Мелосском диалоге, вероятно, были для историка как раз

⁷ Там же. VIII 16.

⁸ Там же. VI 119.

⁹ Там же. VI 42, VII 238.

¹⁰ Там же. VII 136.

¹¹ Там же. VIII 68-69, VIII 88, VIII 101-102.

¹² Там же. II 59-60.

¹³ Там же. V 97.

¹⁴ Там же. VI 98.

¹⁵ Там же. VII 174, VII 213-214, VIII 30, VIII 85, IX 2, IX 17-18, IX 32, IX 37-38.

¹⁶ Там же. VII 179-182.

¹⁷ Там же. VI 72, VIII 4-5.

¹⁸ Фукидид. 2021. *История*. Пер. Г.А. Стратановского. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. III 82-83.

¹⁹ Там же. I 22, 4, III 82, 2.

²⁰ Там же. III 83, 1.

²¹ Там же. III 82, 4.

негативным примером словесной апологии силы²² (Ball 1985: 745-746). Фукидид, как и ряд других греческих авторов, отделял убеждение, исходящее из взаимоуважения и дружбы, от устрашения и обмана. При этом именно более моральное убеждение ещё и более плодотворно, тогда как устрашение и обман – спутники излишних претензий и итогового краха Афин (Lebow 2008).

Несколько упрощённо в книге рассмотрена Пелопоннесская война. Во-первых, упомянута персидская поддержка на её последнем этапе лишь спартанцев: персы предпочитали победу Спарты, поскольку она без флота не смогла бы в дальнейшем грозить самим персам в Малой Азии (с. 132-133). Стоило бы учесть и попытки сближения персов с Афинами. Напомним, Алкивиад убеждал сатрапа Тиссаферна, что Персии была бы выгоднее не скорая победа пелопоннесцев, а то, чтобы те и афиняне взаимно сбалансировали и истощали друг друга, более того, что сотрудничество с афинянами даже выгоднее, поскольку они, завоёвывая острова, смогут и подчинять Персии греков на азиатском побережье, тогда как спартанцы могут этих греков освободить. Тиссаферн во многом внял Алкивиаду, затягивая действия пелопоннесцев и выплату им жалованья и, по крайней мере, поддерживая баланс между ними и афинянами²³. Во-вторых, одним из объяснений победы Спарты объявляется то, что в Афинах присутствовала проспартанская партия, а в Спарте сторонников Афин не существовало (с. 133). Вспомним, что во многих других городах были приверженцы и Афин, и Спарты – соответственно, народная и олигархическая партии²⁴. Кроме того, в самом Лакедемонне некоторые илоты переходили на сторону врага или внушали опасения о восстании²⁵.

Наконец, в книге не уделено внимания таким важным терминам, как «амфикистия» и «синойкизм» – последний можно было бы сравнить с современной интеграцией.

Несколько странно, что при анализе Древнего Рима А.В. Фененко не останавливается на его «мягкой силе». Тит Ливий, например, вкладывает в уста Сципиона такие слова: римский народ «предпочитает не устрашать, а благодетельствовать и привязывать к себе чужие народы доверием и союзами, а не держать их в прискорбном рабстве»²⁶. Тогда же Сципион возвращает одному юноше его невесту и даёт приданое: «мягкая сила» оказывается эффективной, поскольку затем из благодарности юноша со своей конницей присоединяется к Сципиону²⁷. Конечно, анализировать Ливия стоит критически, и сам Сципион был склонен к показным жестам, но очень вероятно, что «мягкая сила» Рима была действительно велика.

²² Там же. V 85-113.

²³ Там же. VIII 46, VIII 57.

²⁴ Там же. Напр., III 82, 1.

²⁵ Там же. IV 41, 3, V 14, 3.

²⁶ Тит Ливий. 2002. *История Рима от основания города*. Том II. Пер. М.Е. Сергеенко. Москва: изд-во «Ладомир». XXVI 49, 8.

²⁷ Там же. XXVI 50.

Вторая группа проблем связана с источниками и литературой в списках в конце глав. Вновь ясно, что включить «всё» невозможно, но проблематичные лакуны остаются. Источники весьма малочисленны, в сравнении с литературой. Не представлен ряд классиков исторической мысли, причём именно довестфальского периода. Конечно, труды античных и средневековых авторов (как, впрочем, и более поздних) не всегда достоверны исторически, зачастую сложны и объёмисты. Но знакомство с классиками имеет очевидные преимущества: представляет взгляды современников событий, является сокровищницей политической мудрости (очень нужной политологу при взгляде на историю), повышает общую культуру студентов. Если автор рекомендует прочесть классиков XVIII – XIX вв., тоже очень «массивных» и несколько устаревших – например, Э. Гиббона или И. Дройзена (с. 183, 248), то не ясно, почему «блистательно» отсутствуют, скажем, Геродот и Фукидид. Тит Ливий предложен лишь в очень сокращённом издании (с. 207). Из римлян нет, среди прочих, Цезаря, хотя его тексты имеют античную ясность и бесценны как взгляд практика²⁸. Есть «Деяния саксов» Видукинда Корвейского (с. 356), но нет многих других, как минимум столь же известных средневековых текстов (например, «Повести временных лет», хотя она и упоминается в тексте). Отсутствует Н. Макиавелли²⁹. Можно, безусловно, в который раз обсуждать «Государя» (с. 696), но студентам стоило бы познакомиться и с «другим» Макиавелли, менее растиражированным, но релевантным исторической теме. Наконец, ярким событием стал недавний перевод (с современными комментариями) большей части «Кембриджской истории древнего мира» (Кембриджская история... 2007-2020), что сделало её доступней. Конечно, её объём и сложность способны подавить не только студента, но отдельные главы следовало бы рекомендовать.

Наконец, третья группа проблем – частные изъяны. Их особо стоило бы избегать именно в сложных учебниках: они призваны быть образцом для читателей, которые просто не могут сами всё перепроверять. Британский автор Э. Карр записан в «американские» (с. 10). Основателем XVIII египетской династии назван не Яхмос – или хотя бы Камос, с оговорками (Кембриджская история... 2007-2020: II.1: 314-330, 750), а лишь третий правитель династии Тутмос I (с. 60). Одна из фраз парадоксально называет Садиятта «преемником» милетянина Фрасибула, причём здесь же говорится, что Садиятт воевал против милетян (с. 97): конечно, Садиятт был царём Лидии. «Афинская полития» однозначно приписана Аристотелю (с. 125), но стоило оговорить, что её автором или соавтором, по мнению многих современных учёных, мог быть и ученик Аристотеля³⁰. Керки-

²⁸ Особенно специалиста-международника интересует: Цезарь Гай Юлий. 2021. *Записки о Галльской войне*. Пер. М. Покровского. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. 288 с.

²⁹ Макиавелли Н. 2015. *История Флоренции*. Пер. Н. Рыковой. Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус. 506 с.

³⁰ Miller F. 2017. Aristotle's Political Theory. Zalta E.N. (ed). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Winter Edition. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2017/entries/aristotle-politics/> (accessed 16.04.2022)

ра названа «метрополией» Коринфа (с. 130), хотя была его (и, возможно, эретрийской) колонией (Кембриджская история... 2007-2020: III.3: 194). Симмахия в одном месте описана как оборонительный союз (с. 145), хотя это, скорее, более наступательный, активный союз, с чем и сам автор мог бы согласиться (с. 127) (Кембриджская история... 2007-2020: V: 467). В индийском «кастовом делении» (скорее, нужно говорить о варнах) не упомянуты вайшии (с. 208). Рождение пророка Мухаммада отнесено к 571 г. или около этого года (с. 287), но более традиционная дата – 570 г. В контексте одной из арабо-хазарских войн, не позже 732 г., читаем, что «Аббасиды перешли в контрнаступление» (с. 329), но, как известно, те правили в Халифате с 749-750 гг. (Родионов 2008: 12, 57, 64).

Нередки случаи неверного или сомнительного написания. Например, самосский тиран Поликрат³¹ назван «Поликретом» (дважды на с. 106), спартанский царь Агесилай II³² – «Агиселаем» (несколько раз на с. 154, 156-158), «знаменитый» Лисандр³³ – «Лиссандром» (с. 154), «Лакедемонская полития» Ксенофонта³⁴ – «политикой» (с. 152), Каталаунские поля – «Каталунскими» (дважды на с. 245), Амр ибн аль-Ас (Родионов 2008: 50) – «Амиром» (дважды на с. 290). Имя царя Урарту Минуа (Рыбаков, Якобсон 2002: 319-321) трижды написано по-разному на двух страницах (с. 86-87).

Подчеркнём, однако, что книга А.В. Фененко в целом отличается большой новизной и значимостью – как специальное издание по всему довестфальскому периоду, которое предлагает студентам, учёным и практикам свежие, достойные внимания выводы об имперской сути довестфальских межгосударственных отношений. Отдельные упущения не отменяют того, что у книги сейчас фактически нет конкурентов. Другие упомянутые труды по довестфальскому периоду были немногочисленны, посвящались либо его отдельным аспектам, либо его рассмотрению вместе с другими периодами, а также устарели по причинам концептуальным и фактическим. Наука о международных отношениях очень динамична, в том числе в плане новых концепций, но очень динамично и изучение, в особенности, древней истории – во многом из-за активных археологических открытий. «Исторический поворот» во всей науке о международных отношениях не породил сравнимой по эмпирической фундаментальности книги.

А.В. Фененко сделал, без преувеличения, шаг, без которого наука о международных отношениях вряд ли смогла бы полноценно развиваться. Его труд оригинален и полезен всем международникам, сочетает высокий уровень аргументации и обобщений с конкретно-историческим освещением богатого

³¹ Напр.: Геродот 1972. III 40.

³² Напр.: Ксенофонт. 2021. *Анабасис*. Пер., статья, ком. М. Максимовой. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус. V III, 6.

³³ Напр.: Ксенофонт. 1935. *Греческая история*. Пер. С. Лурье. Ленинград: ОГИЗ Соцэкгиз — Ленинградское отделение. I 5, 1.

³⁴ Ксенофонт. 2014. *Лакедемонская полития*. Пер., вступ. ст. и комент. Л.Г. Печатновой. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия. 223 с.

материала. Вместе с тем понадобятся дальнейшие шаги, среди которых – более чёткая характеристика взаимодействующих акторов, учёт многообразия трактовок, источников и литературы в отмеченных случаях. Это позволяет надеяться, что книга выдержит ещё не одно издание и будет стимулировать других учёных чаще обращаться к довестфальским истокам.

Об авторе:

Николай Николаевич Гудалов – кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд. E-mail: n.gudalov@spbu.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: April 23, 2022
Accepted: June 1, 2022

Before Westphalia: a History of International Relations ante litteram

N.N. Gudalov
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-262-278](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-262-278)

Saint Petersburg State University

Book review: Fenenko A.V. 2022. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v dovetsfal'skuyu epokhu* [History of International Relations in the Pre-Westphalian Epoch]. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press". 752 p. (in Russian)

Keywords: international relations history, historical turn, pre-Westphalian epoch, the Peace of Westphalia, systemic approach, imperial policy, sovereign state, nation-state

About the author:

Nikolay N. Gudalov – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of European Studies, St. Petersburg State University, st. Smolny 1/3, entr. 8, St. Petersburg, Russia, 191060. E-mail: n.gudalov@spbu.ru

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Baele S., Bettiza G. 2021. 'Turning' Everywhere in IR: On the Sociological Underpinnings of the Field's Proliferating Turns. *International Theory*. 13(2). P. 314-340. DOI: 10.1017/S1752971920000172

Ball T. 1985. Hobbes' Linguistic Turn. *Polity*. 17(4). P. 739-760. DOI: 10.2307/3234572

Cohen R., Westbrook R. (eds). 2000. *Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 312 p.

Costa Lopez J. 2020. Political Authority in International Relations: Revisiting the Medieval Debate. *International Organization*. 74(2). P. 222-252. DOI: 10.1017/S0020818319000390

Grimm S. R. 2017. Why Study History? On Its Epistemic Benefits and Its Relation to the Sciences. *Philosophy*. 92(3). P. 399-420. DOI: 10.1017/S003181911700002X

Haddock B. 2011. Contingency and Judgement in History of Political Philosophy: A Phenomenological Approach. Floyd J., Stears M. (eds) *Political Philosophy versus History? Contextualism and Real Politics in Contemporary Political Thought*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 65-83.

Hobson J.A. 1902. *Imperialism: A Study*. New York: James Pott & Company. 400 p.

Huntington S.P. 1997. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster. 367 p.

Kaplan M.A. 2005. *System and Process in International Politics*. Colchester: ECPR Press. 253 p.

Kokaz N. 2001. Moderating Power: A Thucydidean Perspective. *Review of International Studies*. 27(1). P. 27-49. DOI: 10.1017/S0260210500010275

Lebow R.N. 2008. The Ancient Greeks and Modern Realism: Ethics, Persuasion, and Power. Bell D. (ed) *Political Thought and International Relations: Variations on a Realist Theme*. Oxford: Oxford University Press. P. 26-40.

Stewart J. 2020. *The Emergence of Subjectivity in the Ancient and Medieval World: An Interpretation of Western Civilization*. Oxford: Oxford University Press. 416 p.

Teschke B. 2003. *The Myth of 1648: Class, Geopolitics, and the Making of Modern International Relations*. London and New York: Verso. xii, 308 p.

Kembridjskaya istoriya drevnego mira [The Cambridge Ancient History]. 2007-2020. Vols. II.1 – XII. Trans. from Eng. Moscow: Nauchno-izdatelskij tsentr "Ladomir". (In Russian)

Potemkin V.P. (ed). 1941-1945. *Istoriya diplomatii* [A History of Diplomacy]. 3 vols. Moscow: Sotsekgiz. (In Russian)

Rodionov M.A. 2008. *Islam klassicheskij* [Classical Islam]. Saint Petersburg: "Azbukaklassika"; "Peterburgskoye Vostokovedeniye". 224 p. (In Russian)

Rybakov R.B., Yakobson V.A. (eds). 2002. *Vostok v drevnosti* [The Ancient Orient]. *Istoriya Vostoka* [A History of the Orient]. 6 vols. Vol. 1. Moscow: Vost. lit. 688 p. (In Russian)

Sirotenko V.T. 1975. *Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenij v Evrope vo vtoroj polovine IV – nachale VI v* [A History of International Relations in Europe in the Second Half of the 4th – Early 6th c.]. Perm: [Perm un-t]. 281 p. (In Russian)

Zhigunin V.D. 1980. *Mezhdunarodniye otnosheniya ellinisticheskikh gosudarstv v 280-220 gg. do n. e.* [The International Relations of the Hellenistic States in 280-220 B.C.]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta. 192 p. (In Russian)

Zhigunin V.D., Gabelko O.L. (eds). 2000. *Mezhgosudarstvennye otnosheniya i diplomatiya v antichnosti* [Interstate Relations and Diplomacy in Antiquity]. Kazan. 352 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Жигунин В.Д. 1980. *Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э.* Казань: Изд-во Казан. ун-та. 192 с.

Жигунин В.Д., Габелко О.Л. (ред.). 2000. *Межгосударственные отношения и дипломатия в античности.* Казань: Б.и. 352 с.

Кембриджская история древнего мира. 2007-2020. Т. II.2 – XII. Пер. с англ. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир».

Потемкин В.П. (ред.). 1941-1945. *История дипломатии.* 3 т. Москва: Соцэкгиз.

Родионов М.А. 2008. *Ислам классический.* Санкт-Петербург: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение». 224 с.

Рыбаков Р.Б., Якобсон В.А. (ред.). 2002. *Восток в древности. История Востока.* 6 т. Т. 1. Москва: Вост. лит. 688 с.

Сиротенко В.Т. 1975. *История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI в.* Пермь: [Перм. ун-т]. 281 с.

Политика постправды: евроскептицизм в политическом дискурсе итальянской и британской прессы

О.А. Ксензенко

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Рецензия на книгу: Paul Rowinski. 2021. *Post-Truth, Post-Press, Post-Europe. Euroscepticism and the Crisis of Political Communication*. Palgrave Macmillan. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-030-55571-9.

Ключевые слова: анализ дискурса, евроскептицизм, постправда, дезинформация, популизм, эмоциональная риторика, средства массовой информации, политика и социальные сети, политические события в Италии, выход Великобритании из Европейского союза

Термины, вынесенные в заголовок данной публикации и в название рецензируемой книги, используются для обозначения понятий, которые неоднократно становились предметом исследования специалистов в сферах политологии, коммуникативистики, журналистики и дискурсологии. Одной из попыток рассмотреть феномен постправды в контексте функционирования современных медиа и в свете тенденций развития политической коммуникации является книга «Постправда, постпресса, пост-Европа. Евроскептицизм и кризис политической коммуникации» (*Post-Truth, Post-Press, Post-Europe. Euroscepticism and the Crisis of Political Communication*), опубликованная в 2021 г. издательством Palgrave Macmillan. Автор рецензируемого исследования пытается выявить связь между эмоциональной риторикой и ростом популизма в современном медиадискурсе, анализируя, как политика постправды ведущих общественно-политических деятелей, отражённая в авторитетных медиа и в социальных сетях, повлияла на политические процессы в Италии и Великобритании в период электоральных циклов 2016–2019 гг.

УДК: 32.019.5, 327.8

Поступила в редакцию: 23.03.2022

Принята к публикации: 17.06.2022

Опираясь на исследования в сфере политического дискурса и политической коммуникации (например, (Wodak and Reisigl 2001; Toye 2013)) и результаты изучения средств массовой информации и социальных сетей Италии и Великобритании, П. Ровински анализирует коммуникативное поведение политиков-евроскептиков, использующих политический медиадискурс постправды. Автор рецензируемого исследования утверждает, что под евроскептицизмом популистских итальянских и британских политиков маскируются их националистические установки, которые подпитываются средствами массовой информации (с. 4). П. Ровински критикует политическую и журналистскую риторику современного европейского национализма за то, что СМИ не противостоят постправде и не призывают политиков к ответственности. Выдвигаемый П. Ровински тезис заключается в том, что отдельные СМИ не только выступают в качестве проводников политики постправды, но и сами используют ее риторику. Автор рецензируемого издания полагает, что в перспективе такая стратегия медиа может спровоцировать рост насилия в обществе, а также поставить под угрозу их роль как института демократии.

В фокусе исследовательского внимания находятся электронные медиа и социальные сети («Цель этой книги – проанализировать дискурс онлайн-газет, установить, подпитывают ли они постправдивую евроскептическую риторику, не просто предоставляя платформу таким, как Джонсон и Сальвини, но усиливая её своим собственным постправдивым дискурсом» (с. 2)). Таким образом, в центре внимания в исследовании П. Ровински находится проявление феномена постправды в языке современных медиа, на котором говорят политики.

Материалом исследования послужили медиа, в частности, кейсы Италии и Великобритании, интерес к которым объясняется автором тем, что именно в этих странах использующие провокационный язык постправды общественно-политические деятели прочно закрепились на политическом Олимпе. Необходимость перенести фокус внимания учёных, изучающих постправду, с феномена Трампа на европейских политиков, П.Ровински подчёркивает на первых страницах исследования (с. 7–8).

Книга представляет собой сборник материалов, написанных автором в 2016–2020 гг. Она состоит из восьми глав, первая из которых является вводной, а восьмая выступает в качестве заключения.

Во Введении автор обосновывает актуальность исследуемой проблематики, полагая, что в современном политическом дискурсе сложно верифицировать артикулируемую политиками информацию.

Ключевым понятием книги является «постправда», содержание которого автор анализирует в первой и второй главах книги. В качестве ключевого определения рассматриваемого понятия П. Ровински цитирует определение Оксфордского словаря английского языка: «Постправда обозначает обстоятельства, при которых объективные факты оказывают меньшее влияние на

формирование общественного мнения, чем апелляции к эмоциям и личным убеждениям»¹.

Опираясь на работы теоретиков в сфере политической риторики, П. Ровински обобщает факторы распространения постправды в политическом и медийном дискурсах современного общества. В частности, автор солидарен с теми аналитиками, которые считают, что новый цифровой ландшафт изменил правила игры в политической коммуникации: экспоненциальный рост и скорость, с которой социальные сети передают информацию (Curtis 2016)², а также возможность политиков напрямую общаться с людьми в интернете породили острую конкурентную борьбу за аудиторию.

С точки зрения П. Ровински, пытаясь удержать внимание читателей, пресса предоставляет площадку популярным политикам-евроскептикам для выражения их мнения, что существенно увеличивает востребованность и тиражи изданий. Ссылаясь на исследования Д'Анкона (D'Ancona 2017), автор отмечает парадоксальность ситуации, которая заключается в том, что сама инфраструктура, которая могла бы использоваться для проверки фактов, стала распространителем фальшивых новостей, лженауки и теорий заговора: «Если фальшивые новости – это программное обеспечение постправды, то социальные сети – это аппаратное обеспечение» (с. 36). В условиях новой цифровой реальности, обозначаемой автором терминами «digital landscape, digital age, digital content» (см., например: сс. 27, 165, 180, 224), в которой каждый может публично выразить своё мнение по любому вопросу, формируется главная установка постправды – «Моё мнение стоит больше, чем факты» (Coughlan 2017)³.

Автор использует идею А. Кертиса (Curtis 2016)⁴ о фильтрующем пузыре (the filter bubble) современного опосредованного цифрового контента, влияющем на формирование и укоренение общественного мнения: «призывы к эмоциям могут быть усилены в социальных сетях в течение нескольких секунд» (сс. 9, 36). Вывод П. Ровински о значительной роли цифрового фактора в распространении постправды созвучен позициям российских исследователей. Так, например, С.В. Чугров указывает, что «постправда – это порождение виртуальной среды, в которой ключевую роль сыграли интернет и социальные сети, взятые на вооружение политиками и бизнесом» (Чугров 2017: 45). Изучая роль социальных сетей в распространении постправды, П. Ровински утверждает, что в сетевом обществе, которое характеризуется инфантилизмом и пассивностью, возникает

¹ Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (accessed 05.07.2020)

² Curtis A. 2016. Hypernormalisation. *BBC I Player*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AUiqaFIONPQ> (accessed 05.07.2022)

³ Coughlan S. 2017, January 12. *What Does Post-truth Mean for a Philosopher?* BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/education-38557838> (accessed June 1, 2022)

⁴ Curtis A. 2016. Hypernormalisation. *BBC I Player*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AUiqaFIONPQ> (accessed 05.07.2022)

«ленивая журналистика» (lazy journalism), не нацеленная на выявление реальных фактов (с. 113).

Особого внимания, по мнению автора, заслуживает такой фактор распространения постправды в СМИ, как экономический спад 2008 г., последствиями которого стали рост неравенства доходов, недоверие к правящему классу, всплеск негативных реакций в интернете. В данных условиях, утверждает П. Ровински, сильное авторитетное мнение затмевает доказательства, здравый смысл, и нетрудно «разжечь» эмоции по такому вопросу, как иммиграция. Анализируя культурные контексты, способствующие распространению постправды, автор вслед за исследователями (Ahmed 2014; Nussbaum 2016; Calcutt 2016)⁵ пришёл к выводу, что в её основе лежат постмодернизм и релятивизм. По мнению П. Ровински, учёные допустили релятивизированные истины, а некоторые журналисты последовали примеру учёных, отказавшихся от объективности.

Существенное внимание в рецензируемом исследовании уделяется политической риторике. Опираясь на ряд публикаций, автор придерживается точки зрения, что демократическая легитимность должна быть результатом дискурса, осуществляемого при условии эгалитарной взаимности (Wodak, Reisigl 2001: 265). По мнению П. Ровински, постправда нарушает западную философскую традицию поиска истины, заложенную Аристотелем и Платоном, отказываясь от основанных на логических умозаключениях дискуссиях между отдельными людьми и применяя риторические приёмы, нацеленные на эмоции.

На основе проведённого анализа П. Ровински демонстрирует возможности риторики создавать «веру без знания» (Toye 2013: 12) следующими средствами: через использование метафор, ссылки на авторитеты (аргумент *ad verecundiam*, с. 74), апелляции к здравому смыслу, использование декларативных речевых актов, топоса истории, применение стратегии ложной эквивалентности (*false equivalence*, с. 43). Автор рецензируемого издания подчёркивает, что риторика постправды способна находить положительный отклик со стороны публики, несмотря на недостаточность фактов, подавляя способность к рациональному суждению.

Описывая в третьей главе методологию исследования, автор опирается на методы дискурс-анализа, который, по замечанию О.А. Леонтович, «представляет обширную группу подходов» (Леонтович 2011: 105). В основу методологии П. Ровински кладет дискурсивно-исторический подход (DHA) и метод критического дискурс-анализа (CDA). Рассматривая язык как социальную практику, конструирующую реальность, П. Ровински подчёркивает важность междисциплинарного подхода к изучению дискурса и необходимость рассмотрения исторических, политических, социологических и психологических аспектов

⁵ Calcutt A. 2016. The Surprising Origins of Post-Truth – And How It Was Spawned by the Liberal Left. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/the-surprising-origins-of-post-truth-and-how-it-was-spawned-by-the-liberal-left-68929> (accessed 05.07.2022)

при интерпретации медиадискурса. Автор книги опирается на идею Р. Тойе, что «риторика – это не просто средство выражения идей, это также средство, с помощью которого они генерируются» (Тойе 2013: 5).

Отмечая, что СМИ и политики владеют искусством политической риторики, автор утверждает, что медиа конструируют видение Европы и устанавливают в ней место отдельных государств с определённых идеологических позиций. В данном случае уместно вспомнить тезис А.Ю. Гарбузняк о том, что «технологии фокусирования различаются в зависимости от задач, которые ставит перед собой каждое конкретное СМИ» (Гарбузняк 2015: 349–350).

Концентрируя внимание на проекте «Европейский союз» в понимании итальянских и британских евроскептиков в фокусе экспликации постправды, в главах с четвёртой по седьмую П. Ровински рассматривает опубликованные в Великобритании и Италии новостные сюжеты, редакционные статьи и комментарии по основным вопросам, связанным с Евросоюзом, включая освещение событий в Италии в преддверии европейских выборов 2014 и 2019 гг., всеобщие выборы в Италии в 2018 г., референдум в Великобритании о членстве в ЕС в 2016 г., всеобщие выборы в Великобритании в 2017 г., парламентские дебаты 2019 г. после решения Верховного суда Великобритании о том, что отсрочка британского Парламента была незаконной.

Проводя подробный критический анализ дискурса постправдивых евроскептиков в прессе, автор рецензируемого издания выделяет следующие уровни проявления постправды на языке журналистики: первый уровень, на котором происходит «тиражирование и предоставление платформы политикам, апеллирование к общественным настроениям»; и второй уровень, на котором «средства массовой информации сами апеллируют к этим настроениям» (с. 11). В рамках прикладного исследования, нацеленного на понимание того, в какой момент «газетный дискурс превращается из убеждения в постправду, а затем в разжигание ненависти» (с. 37), автор выявляет в анализируемых статьях эмоциональные, фактически не подтверждённые, грубые, провокационные, дискриминационные высказывания, эскалирующие насилие в обществе.

В четвёртой и пятой главах, посвящённых анализу итальянских медиа, П. Ровински анализирует блоги ключевых евроскептиков Б. Грилло и М. Сальвини, а также реакцию на них ведущих национальных СМИ – *Il Giornale*, *La Repubblica*, *Corriere della Sera* и др. Рассматривая блог сатирика и комика Беппе Грилло, основавшего политическое движение «Пять звёзд», автор приходит к выводу, что владелец блога «использует эту платформу для громких и эмоциональных споров о Европе; зачастую без подтверждающих доказательств» (с. 92). В качестве аргументации в пользу выхода Италии из зоны евро и ограничения миграции евроскептик использует метафоры, карикатуры, а также топос истории. Автор иллюстрирует подобные методы аргументации использованием карикатур на бывших премьер-министров Романо Проди, Сильвио Берлускони, Марио Монти, дискредитирующих этих национальных государственных деятелей. Анали-

зируя публикации бывшего сатирика, посвящённые иммиграционному кризису у острова Лампедуза в сентябре 2014 г., автор рецензируемой книги, приходит к выводу, что они содержат признаки постправды: эмоциональные, заявления о возможности итальянцев заразиться туберкулезом или эболой не были обоснованными и не опирались на необходимые доказательства, но нагнетали страх на граждан Италии.

Рассматривая реакцию ведущих итальянских газет на заявления Б. Грилло в период выборов в Италии в 2018 г., П. Ровински выявляет различную степень насыщенности прессы постправдой: цитируя блог Б. Грилло, газеты *Il Giornale* и *Corriere della Sera* существенно расширили аудиторию политика, а *La Repubblica* выступила в роли «ленивой журналистики». По мнению автора, *Il Giornale* в большей степени содержит элементы постправды, поскольку журналисты газеты используют в комментариях к блогам политика такой приём, как осознанный эпистемологический выбор (*consciously epistemic selection*), лишаящий читателя того контекста, который мог бы способствовать пониманию сути происходящих событий (с. 118). Подчёркивая связь данного СМИ с партийными интересами С. Берлускони, П. Ровински отмечает, что в рамках дискуссии с оппонентами Берлускони сам создаёт постправду: «В дискурсе Берлускони наблюдается настоящая грубость и усиление его нападок на Ренци и Ди Майо, он неоднократно обвинял их в ненадёжности, используя оценочные слова (Mautner 2008), такие как: “хитрые дельцы”; “говорят неправду”; “обманщики”» (с. 119). Согласно мнению автора рецензируемого издания, постправда проявляется в том, что вместо объяснения, почему оппонентам нельзя доверять, газета *Il Giornale* утверждает, что пресса знает о «чувствах» своих читателей к таким людям, как Ренци и Ди Майо. П. Ровински отмечает, что в рамках такой критики оппонентов рациональная дискуссия невозможна, так как политические оппоненты не в состоянии ответить на обвинения газеты, предлагающей эмоции вместо реальных фактов, которые можно было бы опровергнуть.

Анализируя роль «Фейсбука»⁶ на всеобщих выборах в Италии в 2018 г. в распространении постправды, П. Ровински проводит анализ блога политика-евроскептика, одного из лидеров политического движения Лига Севера, на тот момент министра внутренних дел Италии Маттео Сальвини. Отбирая для анализа тексты по ключевым словам «иммиграция» и «Европа», автор приходит к выводу, что блог Сальвини содержит элементы постправды и призывает к насилию. Анализируя освещение в «Фейсбуке» истории, случившейся в августе 2018 г., когда министр запретил 177 мигрантам покинуть судно береговой охраны у Катании на Сицилии, потому что «риск присутствия террористов на борту

⁶ Компания Meta Platforms Inc, владеющая социальной сетью, признана экстремистской организацией и её деятельность на территории РФ запрещена.

некоторых лодок высок», П. Ровински утверждает, что опубликованный текст связывает воедино проблемы иммиграции и терроризма и апеллирует к эмоциям, не опираясь на факты.

Автор рецензируемого издания фиксирует усиление риторики антимиграционного, евроскептического нарратива в преддверии выборов в ЕС в мае 2019 г. П. Ровински показывает, как, комментируя на своей странице в «Твиттере»⁷ поджог офиса местной полиции, в результате которого погибли два человека («Молодой иммигрант из Северной Африки арестован за пожар, уничтоживший офис местной полиции в Мирандоле...»), Сальвини берёт на себя роль судьи ещё до того, как был проведён какой-либо судебный процесс. По мнению П. Ровински, данный пример демонстрирует, каким образом политики могут создавать мнение с помощью социальных сетей (с. 127). Автор утверждает, что, допуская в своих блогах жёсткие высказывания в отношении иммигрантов, Сальвини с эмоциональной грубостью дискурса постправды навешивает на них ярлыки, используя негативные коннотации, тем самым создавая топос угрозы национальной безопасности и разжигая ненависть, которая может спровоцировать насилие в отношении тех, кто ищет убежище в Италии.

Анализируя опубликованную Сальвини на странице в социальной сети «Фейсбук» цитату из французского журнала L'Express с изменением ключевых слов «Популист, ксенофоб, который заставляет Европу трепетать» на «Популист, ксенофоб, новый сильный человек Италии», автор приходит к выводу, что, описывая себя как «сильного человека Италии», политик апеллирует к аргументу *ad populum* (с. 124). Пытаясь найти ответ на вопрос, почему пост Сальвини получил много лайков, П. Ровински заключает, что в рамках постправды ложь говорящего опирается на ложь читающего, а читатели видят в Сальвини с его лозунгом «Италия прежде всего» не ксенофоба, но человека, который поставил Италию на первое место.

Автор подробно останавливается на освещении в прессе конфликта Сальвини и Папы Римского. Анализируя подачу конфликта в *Il Giornale*, автор книги показал, что журналисты газеты погрузились в эмоции, вместо того чтобы анализировать факты, и предпочли цитировать в опубликованных материалах используемые в речи Сальвини декларативы («Мы спасаем жизни»), порождая эффект постправды. Подводя итоги анализа статей в *Il Giornale*, П. Ровински полагает, что данное СМИ не просто предоставляют платформу политикам, придерживающимся постправды, но и создают собственную риторику постправды.

⁷ Компания Meta Platforms Inc, владеющая социальной сетью, признана экстремистской организацией и ее деятельность на территории РФ запрещена.

С точки зрения П. Ровински, *La Repubblica*, напротив, стремилась создать объективный портрет Сальвини, подчеркивая непоследовательность в его высказываниях и действиях, несоответствие между целенаправленным нагнетанием нетерпимости вокруг иммигрантов и его самопозиционированию как истинного христианина, стремящегося спасти жизни людей. Таким образом, автор книги высказывает симпатию к позиции *La Repubblica*, которая противостоит постправде.

Исследуя в шестой и седьмой главах феномен постправды на материале газет *The Sun*, *The Daily Mail*, *The Daily Telegraph*, *Mirror*, *The Guardian*, автор рецензируемого издания утверждает, что Великобритания видит себя через призму евроскептицизма, сформулированного и сконструированного её прессой. По мнению П. Ровински, формирование образа Европы как «другого» достигло апогея в СМИ в связи с темой иммиграции из ЕС, когда некоторые журналисты и политики уничижительно характеризовали иммигрантов для оправдания позиции: «Мы хотим вернуть нашу страну».

В указанных главах монографии автор проводит анализ использования термина «мигрант из ЕС» в средствах массовой информации в преддверии референдума о членстве Великобритании в ЕС в 2016 г. и Брексита с тех же методологических позиций, что и изучение материалов итальянской прессы: его интересует, была ли новость основана на фактах или «перешла ли эта новость на более эмоциональную территорию постправды» (с. 151).

Анализ репортажей *The Daily Mail* позволил автору книги эксплицировать такой приём распространения постправды, как эпистемологический отбор: журналисты внушают читателям, что основная масса мигрантов из ЕС не соответствует требованиям рынка труда Великобритании, при этом они игнорируют контраргументы в виде данных исследований (например, J. Springford)⁸, которые демонстрируют, что мигранты из ЕС более образованы, чем британцы, часто обладают высокой квалификацией и вносят вклад в казну Великобритании.

П. Ровински отмечает, что под термином «мигрант из ЕС» пресса подразумевает не всех прибывших из ЕС, а именно безработных, игнорируя то, что значительная часть иммигрантов интегрируется в британский рынок труда. Цитируя материалы статей, сообщающих о «безумии, которое представляет собой свободное передвижение людей», о «волнах мигрантов, захлестнувших Европу, об «огромной нагрузке на жилищно-коммунальные службы», о «подрыве безопасности» и об «опасениях за свой традиционный образ жизни» (с. 160), автор утверждает, что выводы журналистов базируются на логической ошибке *post hoc ergo propter hoc* – смешения временной хронологической связи с причинно-

⁸ Springford J. 2013. Is Immigration a Reason for Britain to Leave the EU ? *Centre for European Reform*. URL: https://www.cer.eu/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2013/pb_imm_uk_27sept13-7892.pdf (accessed 05.07.2022)

следственной без каких-либо подтверждающих фактов. П. Ровински показывает, что используемый прессой негативный оценочный нарратив об иммигрантах из ЕС, выдаваемых за туристов-выгодоприобретателей, которые истощают государственную казну, приводит к игнорированию рациональных аргументов и актуализации эмоций, а следовательно, к постправде.

Исследователь отмечает, что СМИ навязывают читателю готовый вывод, публикуя статьи под «говорящими» заголовками («Миграционный фактор усиливает Brexit», «Иммиграционная революция Brexit!»), в которых журналисты используют коннотативно маркированные слова, декларативы и тезисы без подтверждающих доказательств. П. Ровински солидарен с теми исследователями (Allen 2016)⁹, которые утверждают, что британские журналисты сами играют роль постановщика проблем в дебатах о миграции, часто заставляя политиков формулировать позицию, которую поддерживает газета, определенным образом проводя отбор авторитетных мнений и цитат.

П. Ровински исследует интенсификацию дискурса постправды. Так, например, он показывает, что пресса заменяет нейтральные термины («мигрант ЕС», «гражданин ЕС», «студент ЕС», «работник ЕС») негативно окрашенными («убийцы ЕС», «осужденные/преступники ЕС», «насильники ЕС»). Анализируя статью в *The Daily Mail* под заголовком «Убийцы и насильники из ЕС, которых мы не смогли депортировать», автор рецензируемой книги демонстрирует, каким образом пресса создаёт оценочную картину, очерняя конкретные группы, связывая их со статусом ЕС, одновременно создавая топос страха, и намекая на выход из ЕС. П. Ровински видит также примеры использования риторики постправды в СМИ в том, что пресса не смогла сформулировать ни одной позитивной причины для пребывания в ЕС, не предприняла ни одной попытки оправдать или предложить читателю альтернативную реальность, кроме топоса угрозы национальным интересам, исходящей от иммиграции.

Анализируя материалы газеты *The Daily Mail* и *The Sun*, автор книги выявляет случаи использования метафор (например, метафорического употребления слова «stream») для гиперболизации угрозы, исходящей от «волн мигрантов, захлестывающих Европу» (с. 158).

Кроме того, с точки зрения П. Ровински, газета *The Sun* формулирует евроскептическую позицию посредством критики тогдашнего премьер-министра Д. Кэмерона и организационных структур Евросоюза, применяя риторику постправды. Автор книги считает, что газета в оценочном декларативном тоне безосновательно заявляет, что Кэмерон не сможет контролировать иммиграцию, находясь в ЕС, не способен реформировать «брюссельскую бюрократию»,

⁹ Allen W. 2016. *A Decade of Migration in the British Press. Migration Observatory report*. COMPAS, University of Oxford. URL: <https://migrationobservatory.ox.ac.uk/resources/reports/decade-immigration-british-press/> (accessed 05.07.2022)

которая описывается в прессе с использованием негативно маркированных прилагательных.

Изучая материалы газеты *The Daily Telegraph*, автор показывает, что газета не только предоставила площадку одному из инициаторов Брексита Б. Джонсону, но и сама является активным и добровольным участником создания эмоциональной евроскептической риторики постправды: СМИ эмоционально апеллирует на популистском уровне к представлению о том, что брюссельская элита помыкает Великобританией в данный исторический момент. П. Ровински приходит к выводу о том, что в новостях, опубликованных в преддверии Брексита, дискурс большинства СМИ вышел за рамки убеждения и перешёл в сферу эмоционального принуждения и постправды.

В монографии утверждается, что единственной британской газетой, которая противостоит постправде, является *The Guardian*. По мнению П. Ровински, данное издание в своих материалах предоставляет читателю возможность рационально сформулировать свою позицию, предлагает объективно взвесить достоинства и недостатки пребывания Великобритании в ЕС. Автор книги позитивно оценивает разоблачение журналистами *The Guardian* ксенофобских высказываний, нагнетание страха по отношению к иммигрантам.

Исследуя роль британских газет в освещении важного в евроскептическом нарративе Великобритании политического события – приостановлении работы Парламента премьер-министром Б. Джонсоном в сентябре 2019 г. и признании Верховным судом этого решения незаконным, автор приходит к выводу, что большинство СМИ участвовало в создании постправды и не привлекло премьер-министра к ответственности. П. Ровински отмечает, что в условиях острой политической борьбы между сторонниками и противниками выхода Великобритании из ЕС со сделкой/без сделки, политическая риторика содержала крайне негативные высказывания в адрес оппонентов.

Согласно исследованию П. Ровински, *The Daily Telegraph* наполнила данную историю горячим национализмом, изображая Джонсона как сильного, противостоящего Парламенту лидера, изображённого в образе Черчилля. Автор книги отмечает, что СМИ использовало такие риторические приёмы постправды, как «метаисторию» черчиллевской Британии, апелляцию к воле народа, проголосовавшего за выход из ЕС, эпистемологический отбор. П. Ровински считает, что газета *The Daily Telegraph* дала платформу для эмоциональной постправды Джонсона, не ставя под сомнение правдивость его слов, и вслед за премьер-министром обвинила депутатов в «капитуляции», «предательстве», «трусости», создала топос угрозы национальным интересам Великобритании со стороны лейбористов.

Автор книги полагает, что аналогичную стратегию выстраивает и «*The Sun*», которая использовала положительные коннотации в описаниях Б. Джонсона, создавая в сознании читателей образ премьер-министра, Джонсона, который говорит с нацией и выступает от её имени.

Анализируя материалы *The Daily Mirror*, П. Ровински резюмирует, что, несмотря на эмоциональную риторику СМИ, в газете отсутствует постправда. Согласно исследователю, *The Daily Mirror* сознательно не предоставляла Б. Джонсону платформу для его позиционирования, включала информацию, объясняющую мотивацию правительства в отношении выборов и опасения оппозиции по поводу Брексита без сделки, подчёркивала подстрекательский характер его высказываний. Близкую позицию, по мнению П. Ровински, заняла и *The Guardian*, критиковавшая грубость риторики Б. Джонсона, стремление премьер-министра осуществить раскол нации. Как указывает автор книги, журналисты различных изданий по-разному интерпретировали цитаты Б. Джонсона, но *The Daily Mirror* и *The Guardian* смогли противостоять постправде.

Анализируя страницу Б. Джонсона в «Фейсбуке», автор рецензируемой книги делает важный вывод о том, что премьер-министр искусно проводит политику постправды, применяя в социальной сети рассудительную и сдержанную риторику, используя провокационный эмоциональный язык для теледебатов в Палате общин. Комментируя обращение в сети Б. Джонсона в последний день пребывания Великобритании в ЕС 31 января 2020 г., П. Ровински утверждает, что в этом сценарии Б. Джонсон не использовал эмоциональную постправдивую риторику. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о том, что Б. Джонсон способен смягчить грубость своей речи, когда захочет. С точки зрения П. Ровински, данный пример иллюстрирует, как язык может быть использован в качестве оружия в политической риторике, «когда такие, как Б. Джонсон и другие, решат это сделать» (с. 203).

Сравнивая итальянскую и британскую прессу, исследователь резюмирует, что национальные СМИ Италии в большей степени проводят политику постправды, чем их британские коллеги. Помимо этого, национальная пресса Великобритании отличается большей самостоятельностью в формировании актуальной повестки дня, а не следует за мнением общественно-политических деятелей.

Среди важных результатов проведённого П. Ровински исследования следует отметить такие как определение роли социальных сетей в тиражировании постправды; экспликацию применяемых СМИ риторических приёмов постправды; выявление преобладания эмоциональной евроскептической риторики постправды при обсуждении темы иммиграции в медиа; установление корреляции между распространением постправды и ростом агрессии и насилия в обществе.

К достоинствам книги относится заинтересованность автора в обсуждаемой проблематике, понимание значения социальной ответственности учёных и журналистов. Кроме того, следует отметить обширность теоретической базы исследования, а также его несомненную актуальность. Автор монографии в течение двух десятилетий работал в региональной, национальной и транснациональной прессе в качестве корреспондента Великобритании по Центральной Европе, а в настоящий момент является преподавателем журналистики

в Университете Бедфордшира (Великобритания). Накопленный опыт позволил П. Ровински с опорой на большой корпус исследовательских работ и на объёмный эмпирический материал не просто «бросить вызов этой риторике постправды» (с. 29) и подтвердить необходимость качественной журналистики, но и предложить читателю пошаговую инструкцию сопротивления постправде.

Недостатком книги являются неоднократные повторы теоретического материала. Архитектоника книги не всегда выглядит целостной и последовательной, порой производя впечатление сборника статей. Данное впечатление подкрепляют неоднократные повторы одних и тех же цитат: например, неоднократная цитация определения постправды из Оксфордского словаря, повторение тезисов из трудов А. Кертиса, Р. Тойе, Водака и Рейзигла и др. Приходится указать также на неоднократные попытки разграничения рассматриваемых понятий (так, например, ставя задачу разграничить понятия «убеждать» и «уверять» («persuade» и «convince») на с. 37, автор возвращается к этому вопросу на с. 97). В ряде случаев наблюдается смешение терминов: например, «исследование/расследование» (investigation (с. 3)/exploring (с. 3–4)/research (с. 71). Наряду с академическим и высоким публицистическим стилями автор использует журнализмы.

Интересно отметить, что в финальном абзаце монографии, посвящённой обсуждению *европейского* политического ландшафта и анализу *европейской* медиасферы, призывая журналистов задуматься о необходимости изменения проводимой политики постправды и подчёркивая важность и своевременность таких изменений, автор цитирует известного китайского мыслителя Лао Цзы. И хотя финальные строки содержат прямую апелляцию к журналистам, очевидно, что книга П. Ровински важна не только для них, но и для практикующих политиков, для исследователей (политологов, социологов, лингвистов) и для всех, кто размышляет о роли информации и медиа в обществе.

Об авторе:

Ксензенко Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова. 119899 г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13 (IV корпус гуманитарных факультетов).
E-mail: kseniaksen@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 32.019.5, 327.8
Received: March 23, 2022
Accepted: June 16, 2022

Post-Truth Politics: Eurocepticism in the Political Discourse of the Italian and British Press

O.A. Ksenzenko
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-3-84-279-292](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-279-292)

Lomonosov Moscow State University

Book review: Paul Rowinski. 2021. *Post-Truth, Post-Press, Post-Europe. Eurocepticism and the Crisis of Political Communication*. Palgrave Macmillan Cham. 252 p. DOI: 10.1007/978-3-030-55571-9.

Keywords: discourse analysis, Eurocepticism, post-truth, misinformation, populism, emotive rhetoric, mass media, politics and social media, political events in Italy and Great Britain, Brexit

About the authors:

Ksenzenko Oksana Alexandrovna – associate professor at the Department of Foreign Languages Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, 1/13, Leninskiye Gory, Moscow, 119899, Russia. E-mail: kseniaksen@mail.ru

Conflict of interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- Ahmed S. 2014. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 256 p.
- D'Ancona M. 2017. *Post-Truth*. London: Penguin Random House. 176 p.
- Musolf A. 2004. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates About Europe*. Basingstoke: Palgrave. 211 p. DOI: 10.1057/9780230504516
- Nussbaum M. 2016. *Anger and Forgiveness. Resentment, Generosity, Justice*. Oxford: Oxford University Press. 336 p. DOI: 10.1057/s41296-017-0097-z
- Toye R. 2013. *Rhetoric. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press. 136 p. DOI: 10.1093/actrade/9780199651368.001.0001
- Wodak R., Reisigl M. 2001. *Discourse and Discrimination. Rhetorics of Racism and Antisemitism*. London: Routledge. 312 p. DOI: 10.4324/9780203993712
- Chugrov S.V. 2017. Post-truth: transformacija politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noj demokratii? [Post-Truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy?] *Polis. Political Studies issledovaniya*. №2. P. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04 (In Russian).

Garbuznjak A. Ju. 2015. Tehnologii fokusirovanija kak otrazhenie redakcionnoj politiki pechatnyh izdanij. [Focusing Technologies as a Reflection of the Print Media Editorial Policy] *Socio-humanitarian Knowledge*. №8. P. 349–356.

Leontovich O.A. 2011. *Metody kommunikativnyh issledovanij [Methods of Communication Studies]*. Moskva: Gnozis. 224 p. (In Russian).

Список литературы на русском языке

Гарбузняк А.Ю. 2015. Технологии фокусирования как отражение редакционной политики печатных изданий. *Социально-гуманитарные знания*. №8. С. 349–356.

Леонтович О.А. 2011. *Методы коммуникативных исследований*. Москва: Гнозис. 224 с.

Чугров С.В. 2017. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? *Полис. Политические исследования*. №2. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04